

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (6)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлегия журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленев Ю.А., Ситдииков А.Г. Шестая международная конференция, посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве»6

Статьи

Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре9

Руденко К.А. Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды: проблемы преемственности34

Беговатов Е.А., Казаков Е.П., Мухаметшин Д.Г., Сингатуллина А.З. Нумизматические комплексы X века Семеновского острова (Республика Татарстан)47

Бугарчев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан)64

Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья)79

Гришаков В.В., Давыдов С.Д. К вопросу о реконструкции социальной структуры населения, оставившего Селикса-Трофимовский (древнемордовский) могильник IV–V вв.96

Гришаков В.В., Седышев О.В. Снаряжение верхового коня (по материалам Чулковского могильника)107

Недашковский Л.Ф. Методические аспекты исследования комплексов археологических памятников округа крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья118

Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения)130

Савельев Н.И. Плотины в системе водоснабжения Царевского городища155

Кравченко С.А. Жилища купцов из Азака (по материалам раскопок 2009–2010 годов)167

Масловский А.Н. Восточные элементы в материальной культуре Азака и проблема миграций городского населения Золотой Орды180

<i>Кдырниязов О.-Ш., Кдырниязов М.-Ш.</i> Мазлумхан-Сулу – уникальный памятник Хорезма эпохи Золотой Орды	192
<i>Петров П.Н., Батраков О.А.</i> О некоторых редких монетах хорезмского клада XIII в.	200
<i>Калменов М.Д.</i> Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык	205
<i>Саинов С.Т.</i> Золотоордынская керамика Пульжая	214
<i>Плеханова Л.Н., Ткачев В.В.</i> Физико-химические свойства почв многослойного поселения эпохи бронзы в окрестностях г. Гай	225
<i>Борисов А.В.</i> Химические и микробиологические свойства диагностических слоев в заполнении котлованов средневековых построек	235

Хроника

<i>Ситдииков А.Г.</i> Международный центр археологических исследований в Болгаре	248
<i>Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.</i> Музей болгарской цивилизации	253
<i>Хузин Ф.Ш.</i> Защита докторских и кандидатских диссертаций по археологии в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ в 2013 году	261
<i>Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В.</i> Виктор Николаевич Шитов (1947–2013)	271
Список сокращений	274
Правила для авторов	276

CONTENTS

Zeleneev Yu.A., Sitdikov A.G. Sixth international conference
in memory of G.A. Fedorov-Davydov «A dialogue of urban
and nomadic cultures in eurasian space»6

Articles

Koval V.Yu. Trade stock from excavation the market
of the middle of the XIV century at Bolgar9

Rudenko K.A. Art metal of the Volga Bulgaria and
Bolgar ulus of Golden Horde: continuity of traditions34

Begovatov E.A., Kazakov E.P., Mukhametshin D.G., Singatullina A.Z.
Numismatic complexes of the X century
from the Semenovo island (Tatarstan Republic)47

Bugarchev A.I., Rudenko K.A. Numismatic finds from
the settlement Chakma (Laishevo, Tatarstan Republic)64

Gribov N.N., Akhmetgalin F.A. Western border of Bolgar ulus
of Golden Horde (according to materials of the settlements
on the left bank of Sura river)79

Grishakov V.V., Davydov S.D. On the issue of reconstruction
a social structure of the population, which left the Selicsa-Trofimovsky
(Ancient Mordovian) burial ground of the IV–V centuries96

Grishakov V.V., Sedyshev O.V. Furniture of the riding horse
(according to the Chulkovsky burial ground)107

Nedashkovsky L.F. Methodical aspects of researches of the complexes
of archaeological sites in the region of the largest Golden Horde cities
of the Lower Volga area118

Kubankin D.A., Maslovsky A.N. Objects of importation
found at the Uvek settlement (accidental finds stored
at the Saratov regional museum of local lore)130

Savelyev N.I. The weirs in the waterwork of the Tsarevskoye settlement155

Kravchenko S.A. Dwellings of the merchants at Azak
(according to excavations in the 2009–2010)167

Maslovsky A.N. Eastern elements in material culture of Azak and problem
concerning migrations of the population of the Golden Horde towns180

<i>Kdyrniyazov O.-Sh., Kdyrniyazov M.-Sh.</i> Mazlumkhan-Sulu – a unique monument of Khorezm epoch of Golden Horde	192
<i>Petrov P.N., Batrakov O.A.</i> Concerning some rare coins of the Khorezm hidden treasure	200
<i>Kalmenov M.D.</i> The furnace for roasting brick from the settlement Zhayik	205
<i>Saipov S.T.</i> Pulzhay's ceramics of Golden Horde	214
<i>Plekhanova L.N., Tkachev V.V.</i> Physical-chemical properties of the soils at the multilayerd bronze age settlement in the surroundings of Guy town	225
<i>Borisov A.V.</i> Chemical and microbiological properties of diagnostic layers within the filling of medieval foundation pits	235

Chronicle

<i>Sitdikov A.G.</i> International Archaeological Research Center at Bolgar	248
<i>Bugrov D.G., Sitdikov A.G.</i> Museum of Bolgar Civilization	253
<i>Khuzin F.Sh.</i> Defence of the Dissertations on archaeology for a Doctor's and Candidate's degrees at Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences in 2013	261
<i>Zeleneev Yu.A., Zelentsova O.V.</i> Victor Nikolaevich Shitov (1947–2013)	271
List of abbreviations	274
Rules for authors	276



Герман Алексеевич
Федоров-Давыдов
17.07.1931 – 23.04.2000

УДК 902/904

**ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Г.А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА
«ДИАЛОГ ГОРОДСКОЙ И СТЕПНОЙ КУЛЬТУР
НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

© 2013 г. Ю.А. Зеленева, А.Г. Ситдиков

Представлен краткий отчет о результатах Шестой Международной конференции «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве», посвященной памяти известного исследователя Золотой Орды Г.А. Фёдорова-Давыдова, представленная во вступительной статье. Конференция проходила в Болгаре (Татарстан, Россия) 27–29 сентября 2013 года. Ее организаторами выступили Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Институт истории Академии наук Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) федеральный университет и Марийский государственный университет. В работе конференции приняли участие 50 ученых из различных научных центров России, а также Узбекистана и Казахстана. Большинство докладов было посвящено исследованиям средневековых памятников Поволжья. Были широко представлены также памятники золотоордынского времени других регионов Восточной Европы, вопросы нумизматики и палеоклиматологии. Материалы докладов представлены в данном номере журнала.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Золотая Орда, Республика Татарстан, город Болгар, международная конференция, археологические исследования.

С 27 по 29 сентября 2013 года на базе Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника проходила Шестая Международная конференция «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Организаторами научного форума выступили Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Институт истории АН РТ, Казанский

(Приволжский) федеральный университет, Марийский государственный университет.

В работе конференции приняли участие 50 ученых из научно-исследовательских центров и высших учебных заведений городов Азова, Болгара, Волгограда, Казани, Москвы, Нижнего Новгорода, Орска, Пущина, Саранска, Саратова. Свои доклады и материалы предложили ученые из Узбекистана и Казахстана.

Тематика докладов, заслушанных на конференции, затрагивала широкий спектр вопросов, которые были связаны с научными проблемами, являвшимися актуальными в творчестве Г.А. Федорова-Давыдова. Доклады участников затрагивали актуальные проблемы археологии степей Евразии в эпоху раннего железного века, средневековой археологии лесостепи и степи Восточной Европы, естественнонаучных методов в археологии, средневековой восточной нумизматики.

Наибольшее количество докладов, представленных участниками конференции, было посвящено вопросам археологии средневековых памятников Поволжья. Особо выделялись выступления по результатам исследований золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (Р.Р. Валиев, И.В. Волков, Ю.А. Зеленев, Э.Д. Зиливинская, Д.А. Кубанкин, А.Н. Масловский, Л.Ф. Недашковский, Е.М. Пигарев, А.Г. Ситдиков, Н.И. Юдин). Авторами докладов были охарактеризованы методические подходы изучения округи крупных городищ Поволжья, своеобразии развития золотоордынской архитектуры, представлен типологический и сравнительный анализ отдельных категорий предметов материальной культуры, а также дана оценка современному состоянию изученности городов Золотой Орды и определены перспективы их дальнейшего исследования.

Самостоятельную группу выступлений по проблемам средневековой археологии составили доклады по материалам работ на Болгарском городище (В.С. Баранов, Д.Ю. Бадеев, И.В. Волков, В.Ю. Коваль, А.В. Худяков, Л.В. Яворская). В них был сделан анализ отдельных монументальных сооружений, уровня развития торговли, ремесла, животноводства и др.

Вопросы по археологии памятников золотоордынского времени были представлены также в выступлениях посвященных отдельным регионам: Азаку, Курмышу, Мурзицам, Уеку, Нижнему Новгороду, Крыму. В докладах (С.Г. Бочаров, Ф.А. Ахметгалин, Н.Н. Грибов, С.А. Кравченко, В.Ю. Коваль, А.Н. Масловский, А.Г. Ситдиков, Я.В. Френкель,

Р.Н. Хамзин) освещались вопросы своеобразия материальной культуры исследуемых памятников, а также методические подходы к реализации программы изучения поливной керамики.

Отдельной темой, представленной в серии докладов, стала проблема археологии древней мордвы (В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов, О.В. Седышев, В.И. Вихляев, И.М. Петербургский). Авторы рассматривали вопросы реконструкции социальной структуры древнемордовского населения, была предложена типология предметов снаряжения верхового коня (удила, стремена, пряжки, украшения уздечек), а также классификация древних и средневековых поселений мордвы.

Доклады, посвященные проблемам палеоклимата, затрагивали вопросы, связанные с изменениями природной среды в эпоху раннего железного века и средневековья в евразийских степях (А.В. Борисов, В.А. Демкин, Т.С. Демкина, Б.Н. Золотарева, Н.Н. Каширская, Б.В. Пампура, Л.Н. Плеханова, В.В. Ткачев, С.Н. Удальцов, Т.Э. Хомутова). В выступлениях охарактеризованы физико-химические свойства культурных напластований различных памятников обширного региона, даны широкие обобщения по результатам многолетних исследований и предложены новые подходы в изучении почв на объектах археологии.

Обширным составом докладчиков была представлена тема средневековой нумизматики (О.А. Баграков, Е.А. Беговатов, А.И. Бугарчев, Е.П. Казаков, Д.Г. Мухаметшин, К.А. Руденко, П.Н. Петров, А.З. Сингатуллина). Они познакомили с результатами исследований нумизматических находок с памятников волжских болгар, в числе которых рассмотрены монеты, чеканенные и в других государствах этого времени.

Проведенная конференция в очередной раз подтвердила актуальность исследований в области археологии и истории кочевых обществ и их взаимодействия с оседлым населением. Следующую конференцию планируется организовать в Крыму. Материалы докладов представлены в настоящем номере нашего журнала.



Информация об авторах:

Зеленеев Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

SIXTH INTERNATIONAL CONFERENCE IN MEMORY OF G.A. FEDOROV-DAVYDOV «A DIALOGUE OF URBAN AND NOMADIC CULTURES IN EURASIAN SPACE»

Yu.A. Zeleneev, A.G. Sitdikov

A brief report on the results of the Sixth International Conference on the “Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde,” dedicated to the memory of G. A. Fedorov-Davydov, a famous researcher of the Golden Horde, is presented in the article. The conference was held in Bolgar (Tatarstan, Russian Federation) on September 27–29, 2013. It was organized by the Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve, the Institute of history, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University and Mari State University. The conference was attended by 50 scholars from various scientific centers of Russia, Uzbekistan and Kazakhstan. Most papers were devoted to the study of the medieval sites located in the Volga river region. Problems of numismatics and paleoclimatology, as well as those related to the Golden Horde period sites in other regions of Eastern Europe were also widely discussed at the forum. The materials based on the papers are represented in this issue of the journal.

Keywords: archaeology, the Volga river region, the Golden Horde, Republic of Tatarstan, Bolgar city, international conference, archaeological research.

About the Authors:

Zeleneev Yuriy A. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square, 1, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences, Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статьи

УДК 658.6(091)

ТОРГОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ИЗ РАСКОПОК БАЗАРА СЕРЕДИНЫ XIV ВЕКА В БОЛГАРЕ

© 2013 г. В.Ю. Коваль

Рассматриваются различные категории находок торгового инвентаря из раскопок здания городского базара в Болгаре золотоордынского периода. По нумизматическим данным, строительство базара произошло в 1340-х или 1350-х гг., а разрушение, сопровождавшееся сильным пожаром, – в 1360-х или 1370-х гг. Торговый инвентарь составляют детали весов, гирьки, пробирные камни, свинцовые пломбы. Гирьки из меди и свинца различаются по весу и происхождению, на некоторых нанесены метки, вероятно, указывающие на вес. Предпринята попытка соотнести их с распространенными на мусульманском Востоке весовыми системами – багдадской и хорезмской. Встречаются гирьки и пломбы западноевропейского происхождения. Выделяется группа бронзовых гирек с рельефными изображениями и свинцовой заливкой внутри, которые раньше атрибутировались в качестве «печатей» или «пломб». Интересна серия свинцовых пломб из городов Фландрии XIV века (Турне, Ипра и других), привешивавшихся к рулонам тканей. Установлено отсутствие связи свинцовых грузиков грибовидной формы (называемых до сих пор «пломбами») с торговлей – они, вероятно, имели бытовое назначение.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, золотоордынский период, город Болгар, базар, торговый инвентарь, детали весов, гирьки, торговые пломбы, «пломбы-печати», весовая система.

Здание городского базара, окруженного кирпичной стеной на белокаменном фундаменте, исследуется в Болгаре на протяжении ряда лет. Впервые эта монументальная постройка была открыта М.Д. Полубояриновой в 1989 г. на раскопе СIV. Части ее северо-восточной стены были раскрыты также в раскопах СVII (М.Д. Полубояринова, 1990 г.), СIX и СXIII (Г.Ф. Полякова, 1990 г. и 1991 г.). Возобновление изучения этого уникального сооружения связано с работами Болгарской экспедиции (нач. экспедиции Р.Ф. Шарифуллин) Института истории АН РТ, а с 2013 г. – Инсти-

тута археологии АН РТ под руководством А.Г. Ситдикова. Внутренний объем здания базара был в значительной степени исследован раскопками CLXII (В.С. Баранов, 2011 г.), CLXXVI (В.С. Баранов, 2012 г.), CLXXIX (В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев, 2012–2013 гг.) и СХСII (В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев, 2013 г.). И хотя раскопки здесь еще далеки от завершения, все же к настоящему времени оказалось полностью изучено около 2/3 площади базара, что позволяет высказать некоторые предварительные соображения о том торговом инвентаре, который был встречен в горизонте раз-

рушения здания. По предварительной оценке массового нумизматического материала, строительство базара произошло не ранее 1340-х годов (скорее всего, в 1350-х гг.), а разрушение – в 1360-х годах (не ранее 1363 г.) или 1370-х годах¹. Разрушение сопровождалось сильным пожаром, после которого стены здания были разобраны до основания.

Торговый инвентарь Болгара уже стал предметом исследований, однако материалы с территории здания базара были введены в научный оборот только частично, причем совместно с находками, обнаруженными за его пределами, на территории стеклообрабатывающей мастерской (Полубояринова, 2013). К числу торгового инвентаря, происходящего из слоя разрушения базара, относятся, прежде всего, детали весов: кроме двух полных комплектов (2 чашки, коромысло, держатель)², в разных местах базара были обнаружены еще 8 чашек весов, изготовленных из медных сплавов (рис. 1: 2, 3). Размеры чашек единообразны – диаметр 7–9 см, высота 1,5–2 см, исключение составляла только 1 частично сохранившаяся чашка диаметром около 15 см. За пределами базара детали весов

встречены только два раза (в раскопах 1992 и 1993 гг.), причем одна чашка от весов была найдена всего в 3 м от стены здания, что позволяет связывать ее также с торговым комплексом (вторая находка, видимо, происходила из мастерской, занимавшейся изготовлением стеклянных бус и перстней из готового стекла-полуфабриката).

Весовые гирьки из раскопок базара представлены разнообразными по форме разновесами из бронзы или свинца в бронзовых кожухах (22 шт.)³, свинца (8 шт.), железа (6 шт.). Причем из 36 подобных находок непосредственно в слоях разрушения базара обнаружено 29 предметов, т.е. подавляющее большинство. Еще 2 гирьки были встречены в пахотном горизонте, а 5 шт. – в подстилающих данную постройку отложениях. Однако связь всех этих предметов именно с базаром не вызывает сомнений: очевидно, что даже те находки, которые обнаружены в нижележащих слоях, попали туда по кротовинам или в результате иной естественной миграции тяжелых предметов вниз. Гирьки различаются также по форме, декору, весу⁴. На некоторых из них имеются специальные метки, указывающие, вероятно, на кратность. Так, на боко-

¹ Датировка нумизматического материала из раскопов CLXII и CLXXIX проведена Д.Г. Мухаметшиным (БГИАМЗ), которому выражаю сердечную благодарность за постоянную помощь в работе.

² Один комплект сохранился частично (CLXXIX-2013-790, здесь и далее указывается шифр находки, включающий номер раскопа, год раскопок и номер находки по полевой описи. К сожалению, из-за пережога в пожаре коромысло весов не сохранилось), второй комплект весов, перегоревший в пожаре, был зафиксирован только в виде окислов.

³ Достоверно медными можно считать только 5 мелких разновесов массой до 20 г, остальные вполне могли иметь свинцовую заливку внутри. Установить это не всегда просто, поскольку при сборке гирек швы тщательно заглаживались. Однако можно утверждать, что все крупные 8-угольные гирьки были сборными, с заливкой свинца внутри, поскольку обнаружены отдельные детали медного кожуха гирьки, аналогичной той, что показана на рис. 1: 1.

⁴ Взвешивание гирек производилось на электронных весах с точностью до 0,01 г.

Рис. 1. Пробирный камень со следами золота (1), чашка от весов (2) и части весов – держатель и 2 чашки (3)

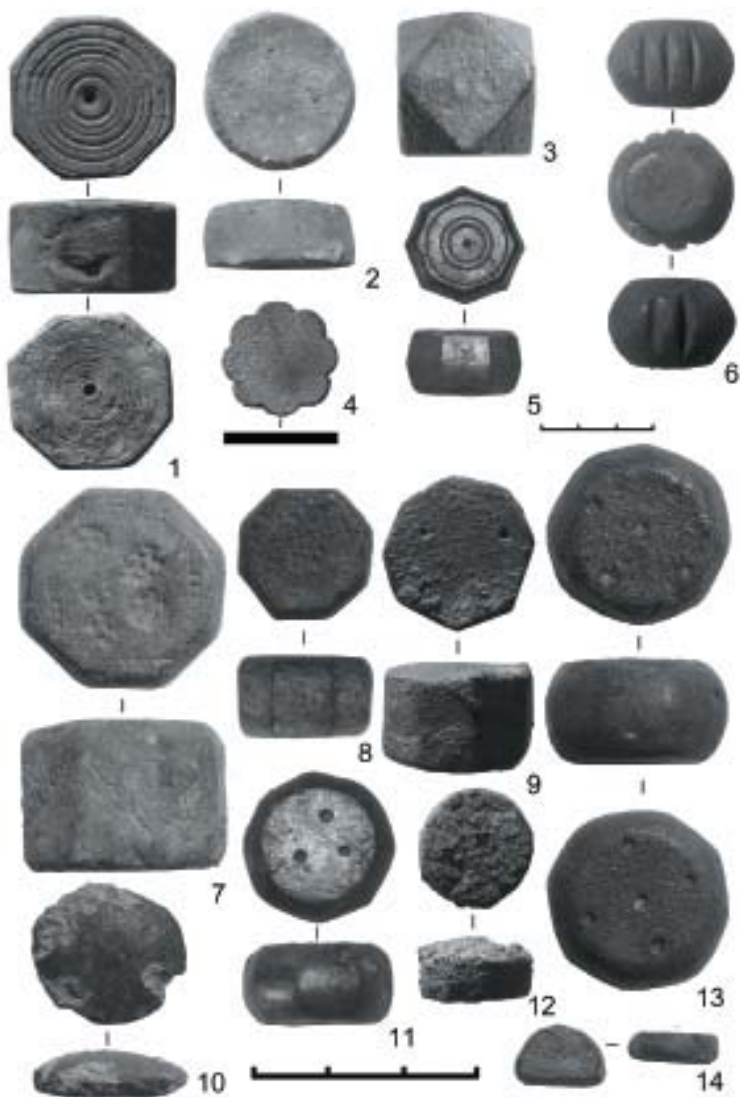


Рис. 2. Гирьки из слоев разрушения базара (1, 3–9, 11–14 – медный сплав, 2, 10 – свинец)

вых гранях одной из бронзовых гирек боченовидной формы⁵ имеются 5 глубоких вертикальных врезок – 3 на одной стороне и 2 на другой (рис. 2: 6). Если предположить, что это знаки кратности веса гирьки, то остается все же не ясно, можно ли их суммировать и какой единице веса будет соответствовать тогда одно деление. При весе гирьки 97,6 г «цена деления» в случае суммирования составит 19,5 г (97,6: 5), что могло бы соответствовать весу 4 мискалей по 4,875 г, но такие тяжелые мискали – большая редкость. Самые тяжелые мискали применялись в Египте, Сирии и Хорезме, но и там их вес не превышал 4,68 г (Хинц, 1970, с. 14; Федоров-Давыдов, 1998, с. 225). Поэтому более вероятным кажется тот вариант, что вес гирьки был кратен сразу и 2, и 3 (что соответствует раздельно нанесенным нарезам), поскольку бытовое соотношение мискаля к дирхему как раз и составляло 2: 3 (хотя по шариату это соотношение должно быть 7: 10). Если разделить вес гирьки на 3, получим 32,5 г, если на 2 – 48,8 г. Тогда получится, что гирька соответствовала весу 30 дирхемов по 3,25 г, или 20 мискалям по 4,88 г. Трудно сказать, где применялись такие тяжелые дирхемы и мискали, но если исходить из предполагаемого веса хорезмского мискаля в 4,68 г, хорезмский дирхем мог весить как раз 3,25 г⁶.

Разумеется, наиболее вероятно использование в Болгаре обычной для

стран мусульманского Востока (в том числе Багдада, центра исламского мира) нормы веса с дирхемом, равным 3,125 г, мискалем весом 4,46 г и ратлем, равным 130 дирхемам, или 406,25 г⁷ (Хинц, 1970, с. 12–13). И основная масса гирек согласуется с этими стандартами, хотя часть гирек могла также соответствовать весовой системе Хорезма XIV в., где применялись тяжелые дирхемы и мискали. По одним расчетам, в Хорезме применялся дирхем весом 3,185 г и мискаль весом 4,53–4,55 г (Давидович, 1970, с. 81, 94), тогда как по другим – мискаль весом 4,64–4,68 г (Янина, 1972; Федоров-Давыдов, 1998, с. 225; Petrov, 2003, p. 121), которому по соотношению 7: 10 должен соответствовать весовой дирхем в 3,25 г.

Рассмотрим целиком сохранившиеся гирьки⁸. К обычной (багдадской)

⁷ В литературе известны и другие варианты данной весовой системы. Так, Г.А. Федоров-Давыдов, а вслед за ним и Р.М. Валеев допускали возможность использования весового дирхема в 2,97 г, которому соответствовал мискаль весом 4,26 г и ратль в 409,5 г (Федоров-Давыдов, 1957, с. 247, 248; Валеев, 1995, с. 79–85). Поскольку весовые системы Востока были весьма разнообразны, нельзя исключать, что часть гирек могла соответствовать и этим нормам, однако при расчетах я руководствовался все же нормой, опиравшейся на багдадский ратль весом 406,25 г.

⁸ В этом списке целиком сохранившихся гирек не учтены 6 железных экземпляров из раскопок М.Д. Полубояриновой (3 шт.) и наших работ 2012–2013 гг., поскольку все они были сильно корродированы и первоначальный их вес установить достоверно не удастся. Исключение составляют гирьки из раскопок М.Д. Полубояриновой, вес которых составлял 680, 245 и 205 г (2013, с. 253). Обломки бронзовых и свинцовых гирек не взве-

⁵ CLXXIX-2013-409.

⁶ Возможен еще один вариант объяснения веса этой гирьки, который изначально мог составлять около 101 г (см. ниже данные о таких гирьках), а уменьшение веса произошло из-за спиливания металла при изготовлении нарезок на боковинах.

системе веса принадлежали 13 предметов:

1) Гирька в виде усеченного конуса (медный кожух, заполненный свинцом) весом 1010 г (Полубояринова, 2013, рис. 1: 9) примерно соответствует 2½ ратля ($406,25 \times 2,5 = 1015,6$ г).

2) 14-гранная гирька с медным кожухом, заполненным свинцом, весом 234 г (рис. 2: 3)⁹, равным 75 дирхемам ($75 \times 3,125 = 234,4$ г). В то же время эта гирька удивительно соответствует половине магрибского ратля (468,75 г), вес которого был определен исходя из данных, приведенных Ибн Баттутой (Хинц, 1970, с. 39). И все же более вероятным представляется первый вариант ее интерпретации.

3) Свинцовая гирька весом 204 г (рис. 2: 2)¹⁰ близка 1/2 ратля в 406,25 г (Хинц, 1970, с. 39), соответствовавшего весу 65 дирхемов ($65 \times 3,125 = 203,1$ г).

4) 8-угольная бронзово-свинцовая гирька весом 201 г (рис. 2: 1)¹¹ довольно точно соответствует 45 мискалям ($4,46 \times 45 = 200,7$ г).

5) Дискovidная бронзовая гирька весом 175 г (Полубояринова, 2013, рис. 1: 10) может быть соотнесена с 40 мискалями ($4,46 \times 40 = 178,4$ г), менее

шивались (за одним исключением), т.к. первоначальный вес целых изделий можно установить только с большой долей условности. Еще 5 гирек было найдено при раскопках 1989–2000 гг. за пределами постройки базара (рис. 3). Эти гирьки в данной работе не рассматриваются, хотя 3 из них, обнаруженные в просадке слоя разрушения базара над сооружением 14, т.е. у предполагаемого входа в базар, вполне могли относиться к этому торговому комплексу.

⁹ CLXXIX-2013-795.

¹⁰ CLXXIX-2013-920.

¹¹ CLXXIX-2012-33.

вероятно, несмотря на формальное совпадение весов, ее соответствие 56 дирхемам ($3,125 \times 56 = 175$ г).

6) 8-угольная бронзово-свинцовая гирька весом 90,6 г (рис. 2: 5)¹², очевидно, соответствовала 20 мискалям ($4,46 \times 20 = 91$ г).

7) Граненая бронзовая гирька весом 78,1 г на каждой из плоскостей несет по 5 клейм, включавших 6 точек (рис. 2: 7)¹³. Деление веса гирьки на 5, 10, 30 или 60 (в зависимости от того, считать ли кратность по точкам внутри клейм или нет, учитывать ли клейма на обеих сторонах гирьки или только на одной из них) не дает разгадки ее весовой нормы, поскольку получаемые результаты не соответствуют ни одной из упоминавшихся выше весовых систем. Однако вес гирьки строго соответствует 25 дирхемам ($3,125 \times 25 = 78,1$ г), правда, в этом случае клейма на ее поверхности надо рассматривать в качестве чисто декоративных элементов, не указывавших на какую-либо кратность веса.

8) Гирька весом 45 г¹⁴ могла соответствовать 10 мискалям (по 4,46 г).

9) Сложнее объяснить вес гирьки в 40,1 г, на обеих плоскостях которой было помещено по 5 точек (рис. 2: 13)¹⁵. При делении на 5 или 10 (если суммировать точки на обеих гранях) ее весовой стандарт остается неясным. Правда, вес гирьки примерно соответствует 13 дирхемам ($3,125 \times 13 = 40,6$ г), а 13 дирхемов составляли ровно 1/10 ратля. Возможно, 10 точек на гранях гирьки означали не 10-кратный вес, а размер доли в составе ратля. По крайней мере, аналогичную по весу гирьку Г.А. Федоров-Давыдов

¹² CLXXIX-2013-538.

¹³ CLXXIX-2013-727.

¹⁴ CLXXIX-2013-362.

¹⁵ CLXXIX-2013-798.

рассматривал именно как 1/10 ратля (1957, с. 247).

10) Бронзовая гирька весом 15,4 г¹⁶ соответствовала 5 дирхемам (3,125 x 5 = 15,6 г).

11) Свинцовая лепешкообразная гирька (рис. 2: 10)¹⁷ весом 12,3 г (с небольшими утратами) почти точно соответствует 4 дирхемам (3,125 x 4 = 12,5 г). На ней нанесены 4 лунки по краям, что заставляет рассматривать хотя бы некоторые метки на гирьках все-таки как знаки кратности.

12) Бронзовая гирька¹⁸ весом 4,3 г, вероятно, должна была соответствовать мискалю с идеальным весом 4,46 г.

13) Последним в этом ряду является обломок таблеткообразной бронзовой гирьки весом 1,9 г (рис. 2: 14)¹⁹. Поскольку сохранилось чуть более половины этой гирьки, можно с уверенностью утверждать, что первоначальный ее вес соответствовал дирхему (3,125 г).

К хорезмской весовой системе надежно относится только одна медная гирька весом 16,2 г²⁰, точно соответствующая 5 хорезмским дирхемам (3,25 x 5 = 16,25 г). Менее уверенно можно связывать с этой системой еще 2 медные 8-угольные гирьки весом 23 г (рис. 2: 11)²¹ и 23,9 г (рис. 2: 9)²², на обеих плоскостях каждой из которых помещено по 3 точечных углубления. Но веса этих гирек не кратны ни 3, ни 6, и не были 1/3 или 1/6 долей какой-либо иной распространенной

весовой единицы. Однако они близки весу 5 хорезмских мискалей: 5 x 4,64–4,68 = 23,2–23,4 г. Можно также допускать, что в основе веса этих гирек лежал очень легкий мискаль. В случае кратности шести, вес этого мискаля мог составлять от 3,83 (23,0 : 6 = 3,83 г) до 4 г (23,9 : 6 = 3,98 г). Легкие мискали были известны на Востоке, но в более позднее время; например, в Хормузе в XVI в. использовался мискаль весом 3,8 г (Хинц, 1970, с. 16).

Еще более загадочны 2 медные гирьки весом 21,0 (рис. 2: 8)²³ и 7,0 г (рис. 2: 12)²⁴, т.е. кратные друг другу, но не соответствующие никаким из известных нормам веса дирхема или мискаля. На первую из них нанесены 10 клейм (на 8 боковых граней и обе плоскости), идентичных тем клеймам, которые можно видеть на гирьке весом 78,1 г (см. выше). Судя по одинаковым отпечаткам пуансонов на этих двух гирьках, они явно вышли из одной мастерской и, может быть, даже находились в одном комплекте (правда, найдены они в разных местах, на расстоянии более 13 м друг от друга – см. рис. 3). Однако их веса (78,1 и 21 г, равно как 78,1 и 7) никак не кратны. Что же касается клейм, то, как было показано выше для гирьки весом 78,1 г, они являлись чисто декоративными и не несли никакой информации о весе.

Надо заметить, что разнообразие масс гирек является характерной чертой болгарской (и, вероятно, всей восточной) торговли. Так, среди гирек домонгольской эпохи, опубликованных Р.М. Валеевым, обнаруживается не менее 30 вариантов их веса (в интервале от 2,8 до 292 г). Среди них известны гирьки весом 2,82 и 2,93 г,

¹⁶ CLXXIX-2012-738.

¹⁷ CLXXIX-2013-998.

¹⁸ CLXXVI-2012-282.

¹⁹ CLXXIX-2013-1282.

²⁰ CLXXIX-2013-527.

²¹ CLXXIX-2013-603.

²² CLXXIX-2012-558.

²³ CLXXIX-2013-1294.

²⁴ CLXXIX-2012-557.

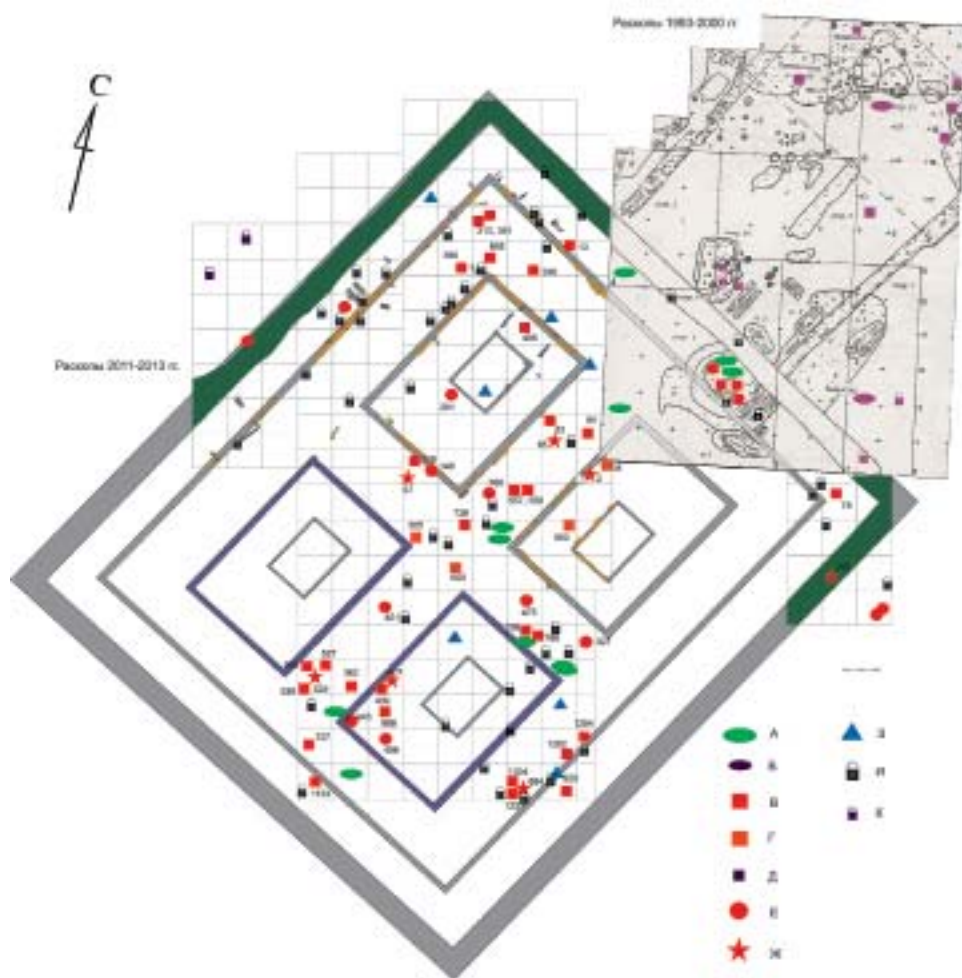


Рис. 3. Сводный план раскопок 2011–2013 гг. с реконструкцией контуров базара и помещений на сырцовых цоколях внутри кирпичного объема
 А – детали весов с площади базара, Б – детали весов за пределами базара,
 В – весовые гирьки, Г – весовые гирьки западноевропейского типа,
 Д – весовые гирьки за пределами базара, Е – западноевропейские пломбы,
 Ж – т.н. «пломбы-печати», З – пробирные камни, И – замки,
 К – замки за пределами базара.

Номера находок соответствуют упоминаемым в тексте

которые вполне могли быть эталонами легких дирхемов (Валеев, 1995, с. 80–85), применявшихся наряду с обычным (багдадским) дирхемом весом 3,125 г. Поэтому установить ту весовую норму, в соответствие с кото-

рой была приведена та или иная гирилка, оказывается очень сложно.

Итак, к обычной системе веса можно отнести 13 разновесов, к хорезмской – 1–3, к неопределенным системам – 2–4 гирьки. Все остальные

гирьки представляют собой обломки, определение первоначального веса которых затруднительно. Среди таких фрагментированных экземпляров особый интерес представляет крупная гирька с бронзовым кожухом и свинцовой заливкой внутри (рис. 4)²⁵. Попав в пожар, она треснула и развалилась на части, а коррозия свинца привела к тому, что он раскрошился и вся гирька развалилась на части. В результате стало видно, что внутри гирьки была помещена стопка медных монет (7 шт.) и какой-то полностью коррозированный железный предмет (он охватывал одну из монет «скобкой»), которые и были залиты свинцом (рис. 4: б). О помещении внутрь гирек монет ранее не было ничего известно. Поскольку гирька могла иметь сквозное отверстие (по крайней мере, в ее бронзовом кожухе имелись 2 разноразмерных прямоугольных отверстия), она могла использоваться для весов типа безмена, т.е. передвигаясь по стержню²⁶. Монеты, помещенные внутрь гирьки (рис. 4: б), были однотипны – с розеткой на одной стороне и надписью на другой (рис. 4: в), хотя и отчеканены разными парами штемпелей. Все монеты были биты в Сарае аль-Джедид в близкое время: 4 монеты в 1352–1353 гг., 2 монеты можно датировать в пределах 1352–1356 гг., одна – без даты (определение Д.Г. Мухаметшина)²⁷. Таким образом, *terminus post quem* этой гирьки на-

дежно определяется на 1352 г. Сложнее объяснить, каким образом монеты попали в гирьку. Очень трудно допустить, что они были втиснуты в узкое отверстие гирьки (если оно вообще когда-то было сквозным, а не залитым свинцом), причем целой стопкой, а свинцом они оказались заплавлены после попадания вещи в пожар. Более вероятно все-таки, что стопка монет была намеренно помещена в гирьку еще до соединения деталей кожуха и заливки свинцом, правда, причины такого поступка остаются неясными.

Отдельную группу гирек составляют 4 изделия из медного сплава в виде полых усеченных конусов, со стенками толщиной от 1,5 до 3 мм. Размеры таких гирек варьируют в близких пределах: диаметр по основанию конуса 2,5–3 см, высота 0,7–1,5 см. Наряду с 2 недекорированными и довольно грубо обработанными образцами встречены 2 гирьки с хорошо заглаженными поверхностями и пропиленными по внешней плоскости крестами (рис. 5: 1, 2). Вес этих гирек колеблется, в зависимости от размеров, в интервале от 49,6 (самая крупная)²⁸ (рис. 5: 1) до 12,4 – 12,5 – 13,5 г²⁹ (рис. 5: 2–4). Гирьки такого вида известны в Германии с XV в., где они использовались в комплектах, вкладываясь одна в другую (как матрешки) и помещаясь в плотно закрывавшийся усеченно-конический ковчежец (Biermann, 2005a, Abb. 4; Schäfer, 1999, S. 250, Abb. 4) (рис. 6). В Болгар эти гирьки могли попасть вместе с европейскими купцами, однако их веса ориентированы не на западноевропейские нормы (во всяком случае, они никак не коррели-

²⁵ CLXXIX-2013-1304.

²⁶ Это предположение высказано при обсуждении находки Д.Г. Мухаметшиным, однако оно вызывает сомнения, поскольку безмены с подвижными гирьками для древних эпох не известны.

²⁷ Благодарю Д.Г. Мухаметшина за определения монет.

²⁸ CLXXIX-2012-34.

²⁹ CLXXIX-2012-663, CLXXIX-2012-385, CLXXIX-2012-600.



Рис. 4. Гирька с монетами внутри (а – внешний вид, б – монеты в момент обнаружения предмета, в – монеты после очистки)



Рис. 5. Гирьки западноевропейского типа (медный сплав)



Рис. 6. Гирьки из Германии (по: Biermann, 2005a, abb. 4)

руют с унцией или лотом и его долями, как у германских гирек), а на восточную весовую систему. Так, гирьки малого веса точно соответствуют 4 дирхемам ($3,125 \times 4 = 12,5 \text{ г}$)³⁰, более крупная гирька (49,6 г) по весу была равна 4 мелким, т.е. соответствовала 16 дирхемам ($3,125 \times 16 = 50 \text{ г}$). Возможно, такие гирьки специально изготавливались для торговцев, отправлявшихся на Восток, либо их делали непосредственно в Болгаре по образцу европейских.

Интересно, что на площади базара эти гирьки были встречены только в одном месте – в самом его центре (тяготея к восточному внутрибазарному помещению), и хотя расстояния между находками были довольно значительными (от 3 до 10 м), в целом их разброс не был чрезмерно велик (рис. 3), а это позволяет допускать, что они принад-

лежали одному или двум торговцам, размещавшимся в одном месте.

Непосредственно с расчетами при торговых операциях, использовавших золото, могли быть связаны пробирные камни, которых найдено 8 шт. (рис. 1: 1). Правда, более вероятным кажется применение этих камней для определения пробы золота в ювелирных украшениях, которые, впрочем, также были предметами торговли. В размещении этих находок никакой системы не прослеживается (рис. 3) – они обнаружены в самых разных частях базара и не образуют скопления. Следовательно, ими пользовались практически во всех лавках базара.

Предметами, непосредственно связанными с торговыми операциями, являются свинцовые пломбы западноевропейского происхождения (в большинстве – из 2 сложенных вместе пластинок, одна из которых имела отверстие, а другая – выступ, заполнявший это отверстие), которые прикреплялись к краю куска сукна и предназначались для того, чтобы гарантировать качество ткани. Подоб-

³⁰ Сомнения вызывает только последний экземпляр, вес которого на целый грамм выше. Возможно, он был ориентирован на 4 хорезмских дирхема ($3,25 \times 4 = 13,0 \text{ г}$) или 3 мискаля обычного веса ($4,46 \times 3 = 13,38 \text{ г}$)?

ные пломбы снимаются обычно именно в ходе продажи товара. Однако эта категория вещей является одной из самых сложных для атрибуции, поскольку европейские пломбы недостаточно полно изучены в самих местах их наложения и снятия (в странах Западной Европы). На 4 пломбы, обнаруженные в слое разрушения базара, приходится 4 находки, связанные с подстилающими базар отложениями культурного слоя, которые стратиграфически довольно четко отделяются друг от друга. Кроме того, 8 находок происходили из переотложенных слоев: 5 из них были найдены в различных перекопах, а 3 – в огородном слое русской деревни XVIII–XIX вв. (слой I–II стратиграфической шкалы Болгарского городища). Наконец, 1 находка происходила из слоя IV – позднего (середины – второй половины XIV в.), но ее более точная стратиграфическая и пространственная привязка невозможна (обнаружена в выбросе). Планиграфическое распределение находок по площади раскопа не оставляет сомнений, что подавляющее их большинство связано с центральной частью базара (рис. 3). Даже те находки, которые сделаны в «предбазарном» слое, непосредственно соседствуют с вещами, найденными в слое разрушения базара. То же самое можно сказать о пломбах, зафиксированных в перекопах и огородном слое. Свинцовые пломбы – вещи мелкие, но тяжелые, так что у них были самые широкие возможности для перемещения вниз по профилю. Отсюда можно предположить, что пломбы, найденные в «предбазарном» слое, в действительности связаны с базаром, а в нижележащие слои они попали по случайным обстоятельствам.

Четыре пломбы сильно повреждены, лишены сохранившихся изображений³¹ и не могут быть использованы для достоверных определений, однако остальные 13 пломб могут быть идентифицированы, хотя и не всегда с достаточной степенью определенности³². Особенный интерес представляют 2 пломбы с благословляющей рукой на лицевой стороне и литерами «DIX» под чертой с полукруглым выступом – на оборотной (рис. 7: 1, 2)³³. Подобные пломбы известны по находкам на севере Германии и в Лондоне. По мнению Дж. Игана, знакомого только с несколькими поврежденными пломбами из Лондона, на которых он предполагал литеры DV или DW, они могли принадлежать производству западнофламандского города Диксмуда (Egan, 1980, p. 60, fig. 2: 8). Совершенно очевидно, что четко читаемые литеры DIX на пломбах из Болгара гораздо более подходят такому определению. В то же время германские исследователи Х. Шафер и Ф. Бирман считают, что подобные пломбы (известные на севере Германии) могли происходить из Антверпена или Турне (по-фламандски «Doornick») (Schäfer, 1999, S. 353, Abb. 4; Biermann, 2005b, Abb. 1). Ян Тэйссон также склонен видеть в них

³¹ CLXXIX-2012-23, 281, CLXXIX-2013-475.

³² Пользуюсь случаем поблагодарить Яна Тэйссона (J. Thijssen, Нидерланды) за помощь в атрибуции находок. Благодарю также С.И. Валиулину (КФУ) и П.Г. Гайдукова (ИА РАН) за информацию о распространении таких пломб в Восточной Европе и справочную литературу.

³³ CLXXIX-2012-148, 735. Первая происходила из слоя, подстилавшего строение базара, т.е. отложившегося не ранее 1330-х гг., а вторая обнаружена в выбросе.

пломбы Антверпена, основываясь в том числе и на том, что изображение руки является традиционным символом этого города. Однако символ Антверпена представляет собой раскрытую ладонь, что заметно отличает его от руки с двоеперстным благословляющим жестом на пломбе.

В этой связи нельзя не упомянуть одну курьезную трактовку, промелькнувшую недавно в научной печати. В 2001 г. на территории Тульской области на селище 2 у д. Победа была найдена похожая пломба, отличавшаяся некоторыми дополнительными деталями (крест с расширениями лопастей над полукруглым выступом и растительные побеги от черты над литерами «DIX»), а также тем, что оборотная сторона пломбы была частично срезана и на ней оставлен лишь небольшой бугорок (диаметр пломбы 16–17 мм). Пломба была найдена при случайных обстоятельствах на памятнике, датированном в пределах X–XIV вв. Предмет был интерпретирован как печать польского дворянского рода Домброва на основании формального сходства полукруглого выступа над литерами с подковой, составлявшей центральный элемент родового герба. Была даже сделана попытка установить конкретную личность, которой эта «печать» принадлежала, и таким лицом назван Юшко Стормило – подкоморий великого князя Литовского Витовта, распространившего свою власть на Тулу в 1427–1432 гг. (Шеков, 2011, с. 107, 108). Не говоря уже о серьезных отличиях герба и пломбы (на гербе нет никаких литер или девизов, но имеется крыло коршуна, пробитое стрелой), надо особо подчеркнуть отсутствие конкретных сфрагистических аналогий из Польши

или Литвы XIV–XV вв. Совершенно очевидно, что мнимая печать является в действительности пломбой от рулона фламандской ткани и датируется она XIII–XIV вв. Вместе с тем нельзя не отметить небольших различий в оформлении тульской и болгарской пломб, свидетельствующих, вероятно, о некоторой разнице в их датах.

Третья пломба, на которой сохранились буквы CI... (остатки надписи из нескольких букв), а на другой стороне – изображение бегущей собаки (рис. 7: 3)³⁴, имеет многочисленные аналогии с Селитренного городища (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 147, 148, 152, 153, фототабл. 17, 18), которые атрибутированы городу Дамме – порту Брюгге. Гербом этого города было изображение собаки, а сам город процветал в XII–XIV вв. и, разумеется, был производителем сукна.

Еще 4 пломбы были обнаружены в позднесредневековых контекстах (т.е. переотложенными), причем первые 2 из них были найдены за пределами стен базара:

1) Пломба с изображением башни и 3 французских лилий над ней на одной стороне и такой же лилией в круговой надписи – на другой (рис. 7: 6)³⁵. Надпись повреждена и фактически не читаема. Аналогичная по рисунку (башня с 3 лилиями) пломба найдена в г. Старый Крым и приписывается городу Турне на границе Фландрии и Франции (Ван Лаере, Тростьянский, 2012, с. 158, фототабл. 20). По изображению на другой стороне (лилия в круговой надписи «De Tougnai») наша пломба идентична двум половинкам пломб, обнаруженных на Рюриковом городище и в Великом Новгороде (в

³⁴ CLXXIX-2012-760.

³⁵ CXСII-2013-137.



Рис. 7. Западно-европейские свинцовые пломбы

последнем случае – в контексте рубежа XIV–XV вв.) (Рыбина, 1980, с. 198, рис. 1: 1, 2). Таким образом, происхождение этой пломбы не вызывает никаких сомнений.

2) Пломба с изображением шестиконечного «лотарингского» креста (был символом Лотарингии с XV в.) в круговой надписи (сохранились только 3 буквы, из которых прочитываются

только 2 – «ВО») (рис. 7: 5)³⁶. Подобные кресты можно видеть на пломбах Ипра, найденных на Селитренном городище и Торецком поселении (Ван Лаере, Тростьянский, 2012, с. 154, 155, фототабл. 19, 20), однако все они отличаются от нашей – не имеют круговой надписи и несут на другой стороне различные изображения. Поэтому д-р Тэйссон допускает возможным

³⁶ СХСII-2013-114.

происхождение этой пломбы и из других городов Фландрии, в частности, из Руселаре (Roeselaere) (Egan, 2010, p. 59, fig 2: 6; Dewilde, Van Bellinghen, 1998, p. 57–72, fig. 15).

3) Пломба с шестиконечным («лотарингским») крестом, правда, выполненным более грубо, и без всяких изображений на оборотной стороне (рис. 7: 9)³⁷, возможно, также принадлежит к продукции Ипра либо иного города Фландрии.

4) Пломба с изображением орла в геральдической позе (рис. 7: 4)³⁸ имеет многочисленные аналогии на Селитренном городище (Ван Лаере, Тростьянский, 2012, с. 151, 152, фото-табл. 17), атрибутируемые старинным фламандским городам Эр (Aire, Франция) или Ло (Lo-Renninge, Бельгия), в символике которых имелся орел.

Отдельную группу составляют 3 пломбы, на лицевой стороне которых помещен обычный прямой крест. Две из них схожи тем, что этот крест рельефный, а на обороте нет никаких изображений (рис. 7: 10, 11)³⁹. Первая найдена в переотложенном слое, вторая в «добазарном» контексте. К ним примыкает третья пломба, у которой крест дан углубленными линиями, а на обороте имеется рельефное изображение шестилепесткового цветка (рис. 7: 8)⁴⁰. Эта пломба найдена непосредственно в слое разрушения базара.

Три последние пломбы несли изображения:

– латинской буквы «В» в 8-лепестковом картуше (рис. 7: 7)⁴¹;

– круговой латинской надписи, из которой отчетливо читается только буква «О»⁴²;

– трех рельефных точек (рис. 7: 8)⁴³.

Две первых найдены в слое разрушения базара, третья – в подстилающих отложениях. Атрибуция этих находок затруднительна, хотя связь их с тканями средневековой Фландрии сомнений не вызывает.

Западноевропейские пломбы, привешивавшиеся к рулонам тканей, импортировавшихся в Восточную Европу, известны не только в Золотой Орде – значительное их количество обнаружено при раскопках в русских городах в слоях XIV–XVI вв. – прежде всего речь идет о таких крупнейших центрах, как Великий Новгород и Москва (Рыбина, 1981, с. 298–300; Rybina, 1992, p. 202, fig. VI: 3; Гайдуков, Эмерик, 2000). Однако слабая изученность таких пломб (прежде всего, это касается самого региона их изготовления на территории современных Бельгии и Нидерландов) затрудняет использование этих крайне важных и интересных материалов для датировки культурных отложений и изучения международной торговли. Кроме того, следует иметь в виду, что на одном рулоне ткани могло быть привешено несколько пломб из разных городов, поскольку ими гарантировалось качество не только конечного продукта, но и полуфабрикатов, использовавшихся при изготовлении тканей (например, качество скручивания нитей, качество

была увенчана короной, которой вовсе нет на нашей пломбе. Возможно, эта буква указывает на происхождение пломбы из Бремена (замечание Я. Тэйссона).

⁴² CLXXVI/A-2012-59.

⁴³ CLXXIX-2013-164.

³⁷ CLXXIX-2013-443.

³⁸ CLXXIX-2013-1167.

³⁹ CLXXIX-2013-327, 1166.

⁴⁰ CLXXIX-2013-496.

⁴¹ CLXXIX-2013-451. Готическую «В» в своей символике имел Брюгге, но она

окраски и т.п.), а эти полуфабрикаты могли происходить из иных городов Фландрии.

В Восточную Европу фламандские ткани поступали двумя путями – через балтийский регион и Великий Новгород, благодаря ганзейской торговле, а также через итальянские фактории в Северном Причерноморье, куда они ввозились через Средиземноморье благодаря деятельности венецианских и генуэзских купцов, закупавших эти ткани непосредственно во Фландрии. По обоим этим направлениям шла интенсивная торговля, так что фламандские сукна могли попадать в Болгар по обоим этим путям.

Говоря о товарных пломбах, нельзя обойти вниманием такие спорные вещи, как широко известные «пломбы-печати» – массивные цилиндрические предметы, состоявшие в подавляющем большинстве случаев из 2 одинаковых по размерам полых половинок, отлитых из медного сплава и прочно соединенных между собой. На плоских сторонах получавшегося цилиндра помещались различные рельефные изображения реальных и фантастических животных и птиц. До недавнего времени на Болгарском городище было известно всего 5 находок подобных изделий, причем все они были беспаспортными (Калинин, 1945, с. 11; Полякова, 1996, с. 253–255)⁴⁴, кроме того, были известны находки с территории Царевского городища и городища Большие Кучугуры

⁴⁴ В статье Г.Ф. Поляковой говорится о 9 таких находках, однако данные о происхождении находок из Болгара имеются только для 5 предметов, относительно 3 экземпляров никаких конкретных данных нет, а девятый происходил с Царевского городища.

на Днепре. К ним надо добавить недавнюю находку такого же предмета на селище Малая Рязань в Самарской Луке, правда, вне археологического контекста (Кочкина, Сташенков, 2011, с. 19). Еще 5 беспаспортных предметов хранятся в Астраханском музее (2), ГИМе (2) и Национальном музее Татарстана (1). За прошедшие после публикации Г.Ф. Поляковой годы на территории Болгарского городища при случайных обстоятельствах были обнаружены еще 3 подобных предмета, хранящихся в БГИАМЗ⁴⁵, – целый экземпляр (музейный номер КП 631-1/47мт) и 2 половинки бронзовых кожухов (КП 1133-1328/377 и КП 967-389/331арх). Два подобных же предмета были найдены в Великом Новгороде и 1 – в Торопце (Козлова, 2005, рис. 2: 1, 2). При этом в Новгороде один из них был найден в слоях 1350–1370-х годов на Троицком раскопе, а второй – в слое последней четверти XII в. – на Неревском раскопе. В отношении датировки всех этих вещей Г.Ф. Поляковой было высказано мнение, что появились они еще в домонгольское время, а в основном бытовали в золотоордынскую эпоху.

При раскопках 2012–2013 гг. в слоях разрушения базара в Болгаре были обнаружены еще 7 так называемых «пломб-печатей» с различными изображениями. Три из них относились к типу В-1-1, по Г.Ф. Поляковой, т.е. несли на одной стороне изображение льва в геральдической, а на другой – 2 птиц у «древа жизни» (рис. 8: 1, 6, 7)⁴⁶.

⁴⁵ Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность всем сотрудникам БГИАМЗ, оказывавшим большую помощь в работе с коллекциями.

⁴⁶ CLXXIX-2012-2, CLXXIX-2013-894, СХСII-2013-180.



Рис. 8. Бронзово-свинцовые гирьки с рельефными изображениями (так называемые «пломбы-печати»)

Четвертую находку можно соотнести с типом В-І-3, по Г.Ф. Поляковой, – с изображением льва на одной стороне и «фигуры зверя или птицы» – на другой (рис. 8: 3)⁴⁷. Три следующих предмета относятся к таким типам этих изделий, которые ранее известны не были: два из них имеют двусторонние изображения птиц, аналогичных трактовке типа В-І-1 (рис. 8: 2, 5)⁴⁸, а тре-

тий – двусторонние одинаковые изображения фантастического существа с телом птицы (2 ноги, 2 крыла) и человеческой головой, обычно называемого «гарпией» (рис. 8: 4)⁴⁹. Условно будем называть эти варианты типами В-І-5 и В-І-6, продолжая нумерацию Поляковой.

Надо заметить, что за последние годы на интернет-сайтах кладоискателей появилась информация о находках еще не менее чем 4 подобных

⁴⁷ CLXXIX-2012-37.

⁴⁸ CLXXIX-2012-65, CLXX-VI-2013-407.

⁴⁹ CLXXIX-2012-529.

предметов, найденных в Переславском районе Ярославской области, в Московской области, окрестностях г. Глухова Сумской области (Украина) и в Краснодарском крае. Таким образом, на сегодняшний день 14 подобных предметов происходят из Болгара, 4 – из других районов Среднего и Нижнего Поволжья, 6 – с территории Древней Руси и 2 – из окраинных районов Золотой Орды (Поднепровье и Северный Кавказ). К этим 32 предметам, о которых имеются данные о местах их находок (либо о регионе поступления), примыкают 7 музейных беспаспортных экземпляров и 4 вещи из частных коллекций, о которых не имеется никаких конкретных данных. Итак, речь идет уже о почти 40 предметах, найденных на обширной территории, причем более 1/3 находок происходит из Болгара.

Если рассматривать изображения, помещенные на так называемые «печати-пломбы», то очевидно абсолютное преобладание сочетания на двух сторонах предмета хорошо проработанных изображений льва и птиц (тип В-I-1) – их 16 (6 из Болгара, 1 – с селения Малая Рязань в Самарской Луке и 9 беспаспортных, в т.ч. 7 музейных предметов и 2 кладоискательские находки «из окрестностей г. Глухова» на Украине и Московской области). Таким образом, тип В-I-1 является основной «сборочной схемой» таких предметов, составляя треть всех находок.

Как уже отмечалось выше, в подавляющем большинстве случаев рассматриваемые предметы представляют собой конструкции из двух одинаковых по размерам полых половинок, плотно соединенных друг с другом, так что получался цилинд-

рический предмет. По размерам они подразделяются на 3 группы:

Крупные изделия диаметром 3,8–4,5 см и высотой 2,2–2,7 см (рис. 8: 1–2, 5–6). К этой группе относится подавляющее большинство известных находок.

Малые – диаметром 2,5–3,3 см при высоте 1,5–2,8 см (рис. 8: 3, 4). К этой группе относятся всего 10 предметов (включая известные только по фото), в т.ч. 4 происходят из Болгара.

Единичным остается пока обнаруженный в Болгаре предмет диаметром 4 см и высотой 1,6 см, который не разделялся на половинки. Вероятно, здесь была использована одна половина крупного изделия, на свободную сторону которой была напаяна плоская рельефная пластина (рис. 8: 7).

Интересно, что «основная схема» (лев – 2 птицы) присутствует почти исключительно на крупных изделиях, тогда как мелкие несут на себе редко встречающиеся изображения (т.е. относятся к типам В-I-4, В-I-6, В-I-7). Правда, изображения льва встречаются и на малых изделиях (тип В-I-3, предмет из сборов на Болгарском городище – БГИАМЗ. № КП 1133-1328/377), но изображения 2 птиц на них пока не встречены.

Характерной особенностью «пломб-печатей» является присутствие внутри них стержня, проходившего от одной плоской поверхности до другой. Для этого стержня проделывались отверстия в центре плоских сторон изделия, т.е. он пронизывал его насквозь, незначительно повреждая рельефные изображения на торцах (рис. 8: 3, 6). Кроме того, на всех изделиях имелись 1–2 округлых или ромбических отверстия на боковой их поверхности (рис. 8: 2, 5, 6). Внутренняя

полость таких предметов почти всегда залита свинцом. Исключение составляют отдельные половинки (детали) и несколько целых предметов, не заполненных ничем, либо заполненных частично. Среди находок из раскопок базара в Болгаре такими были 3 предмета (рис. 8: 1, 3, 4), причем последний был заполнен частично (материал этого заполнения не может быть точно установлен, но, судя по весу предметов, это металл, вероятно, тот же свинец). Высказывалось мнение, что эта полость заливалась воском (Козлова, 2005), однако нам не известно ни одного подобного экземпляра, а «следы воска», якобы сохранившиеся на центральном клине новгородской находки, скорее всего, являлись не воском, а свинцом, который при коррозии превращается в рыхлую белую массу, которую отличить от полуразложившегося воска довольно трудно.

Совершенно очевидно, что никакими «печатами» эти вещи служить не могли – они изготавливались сериями, а не индивидуально. Обоснования использования таких предметов в качестве «пломб» в научной литературе также не приводились, хотя новгородским исследователем умозрительно реконструирован процесс пломбирования – пропуская через «пломбу» веревки, закреплением ее клином и последующим заливкой воском (Козлова, 2005). Этой версии противостоят следующие обстоятельства:

А) упоминавшееся отсутствие достоверно зафиксированных случаев обнаружения таких предметов с воском внутри и невозможность подобного использования их при заполнении расплавленным свинцом (веревка перегорела бы);

Б) чрезмерная расточительность с расходом свинца и непропорционально высокая стоимость бронзовых отливок с рельефными изображениями для вещей одноразового применения, каковыми являются пломбы. Сама пломба становилась бы в таком случае почти драгоценностью;

В) среди случайных находок с Болгарского городища (БГИАМЗ. № КП 631-1/47мт) сохранился уникальный предмет, распавшийся на 2 составные части, со свинцовой заливкой внутри, которая отделилась от стенок изделия и также сохранилась с самыми незначительными повреждениями. Благодаря этому видно, что никакого шнура или чего-либо еще инородного сквозь свинцовую заливку не проходило (рис. 9).

Ответ на вопрос о предназначении псевдо-«пломб-печатей» лежит на поверхности. При взвешивании этих предметов оказалось, что их веса совпадают с большой долей точности: крупные предметы из наших раскопок имели вес 200, 201 и 202 г (рис. 8: 2, 5, 6). Такой же предмет с селища Малая Рязань тоже весил 201 г⁵⁰. Таким образом, все они сходны с обычными весовыми гирьками, прежде всего теми, масса которых приближается к 201 г, т.е. соответствует 45 мискалям обычного веса ($4,46 \text{ г} \times 45 = 200,7 \text{ г}$). Одна гирька такого веса была найдена при раскопках базара (см. выше; рис. 2: 1). Крупный предмет «половинной» высоты (рис. 8: 7) весил 102 г, т.е. составлял около половины веса рассмотренных выше изделий.

⁵⁰ Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность А.Ф. Кочкиной и Д.А. Сташенкову за информацию об этой находке и помощь в работе.

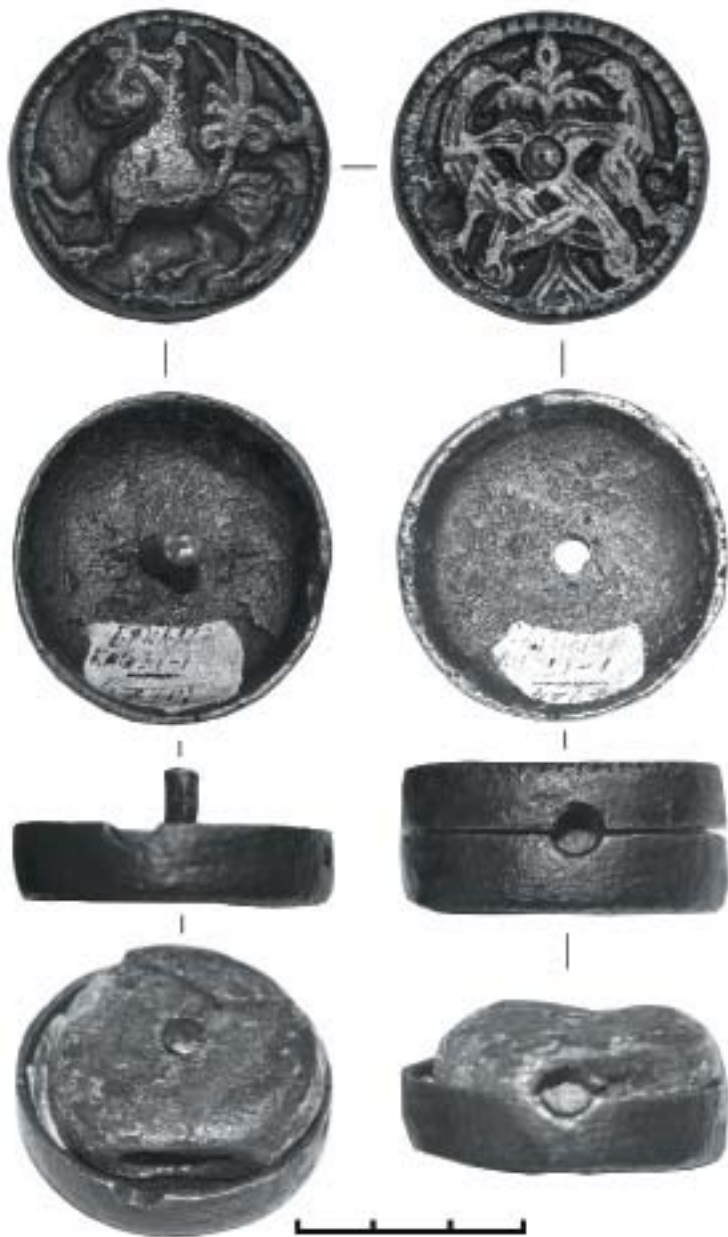


Рис. 9. Гирька с рельефными изображениями из Болгара

Единственным исключением из этой нормы является целиком сохранившийся крупный (диаметр 4,2 см, высота 2 см) предмет со свинцовой заливкой из фондов БГИАМЗ (рис. 9), который весил 183,6 г (одна половин-

ка кожуха – 40,2 г, вторая, вместе с центральным штырем, – 43,4 г⁵¹, свин-

⁵¹ Интересно, что половинка кожуха подобного же изделия из фондов БГИАМЗ весила существенно больше – 50,6 г (№ КП 1133-1328/377).

цовая заливка – 100,0 г). При этом надо учитывать, что изначально вес целого изделия, с учетом утрат свинца, последовавших после распада изделия на части, мог быть несколько выше. Кроме того, часть свинца была высверлена через отверстие в кожухе, где фиксируется большое углубление. Таким образом, вероятно, первоначальный вес и этого изделия изначально был близок 200 г.

Несколько сложнее определить вес малых гирек, поскольку в нашей коллекции имеются только незаполненный свинцом кожух из 2 половинок (рис. 8: 3) весом 35,7 г, а также частично заполненная (свинцом?) гирька весом 64,7 г (рис. 8: 4). Однако можно с большой долей уверенности предполагать, что после заливки в них свинца вес этих гирек составил бы около 101 г, т.е. половину массы больших гирек.

Видимо, теперь уже можно с уверенностью утверждать, что так называемые «пломбы-печати» служили в качестве гирек и не имеют никакого отношения ни к пломбам, ни к печатям. Правда, предложенной атрибуции как будто бы противоречит то, что некоторые из таких гирек находят полыми. Возможно, эти гирьки сами служили товаром и были своего рода полуфабрикатами, которые оставалось только залить свинцом для превращения в полноценные разновесы. Не исключено также, что полые цилиндры могли использоваться как гирьки небольшой массы. Например, упомянутая выше полая гирька весом 35,7 г точно соответствует весу 8 мискалей ($4,46 \times 8 = 35,68$ г). Вторая, частично заполненная свинцом гирька весом 64,7 г, могла соответствовать 20 хорезмским дирхемам ($3,25 \times 20 = 65,0$ г).

К сожалению, информации о весе всех остальных подобных предметов не имеется, что затрудняет определение их связи с весовыми системами Востока. Если же говорить о происхождении мотивов, помещенных на эти изделия, то, скорее всего, правы те исследователи, которые выводят их из восточных прототипов (Калинин, 1945). М.Д. Полубояринова привела аналогию из Ирана XII–XIII вв., хранящуюся в Исламском музее Берлина (1993, с. 100, прим. 10), которая и является, вероятно, прямым указанием на то, откуда были заимствованы подобные гирьки. Сложнее определить то конкретное место, где изготавливались подобные гирьки. Не исключено, что таким местом был именно Болгар, где найдено наибольшее количество подобных вещей. Нельзя исключать и того, что эти гирьки производились в столице Золотой Орды (Сарая) или привозились из стран Востока, скорее всего, – из Ирана, где не было жестких запретов на изображения живых существ. Находки на Руси и на территории Золотой Орды указывают на зону применения подобных гирек. Возможно, распространение таких предметов на Руси связано не только с присутствием тут ордынских торговцев, но также с тем, что восточная весовая норма оказалась близка новгородской гривне (202 г), что позволяло использовать восточные гирьки для нужд внутренней торговли и финансов.

Надо специально подчеркнуть, что все находки цилиндрических гирек с рельефными изображениями, имеющие четко установленный археологический контекст, относятся к золотоордынской эпохе (в пределах XIV в.), а единственным исключением из этого правила является находка с Не-

ревского раскопа в Новгороде, датированная последней четвертью XII в. Эта гирька имеет существенные отличия от остальных по конструкции и размерам (в ней нет центрального штыря), так что ее действительно можно считать самой ранней из предметов данного ряда, причем наиболее вероятен ее привоз в Новгород непосредственно из Ирана. Таким образом, датировка восточноевропейских псевдо-«пломб-печатей» X–XV вв., как она прозвучала в литературе (Козлова, 2005), не может быть поддержана и должна быть сужена до XIV–XV вв. (с учетом самой ранней находки XII в.).

Если наше утверждение верно и псевдо-«пломбы-печати» выполняли функцию гирек, то на территории Болгарского базара к сегодняшнему дню обнаружено уже 47 различных гирек: 36 из них имели привычные формы, 4 – принадлежали к западноевропейскому типу, 7 – были «восточного» типа (с рельефными изображениями).

Надо заметить, что в отличие от пломб и гирек детали весов и пробирные камни были встречены исключительно в слоях разрушения базара – ни одной подобной находки в более ранних контекстах не встречено, а за пределами базара были обнаружены только весы и гирьки, которые можно связывать со стеклообрабатывающей мастерской, функционировавшей к северо-востоку от него в период, предшествовавший строительству базара (рис. 3).

Последней категорией инвентаря, непосредственно связанного с торговлей, являются навесные цилиндрические замки. Сами они не были предметами торговли, но обслуживали ее, запирая лавки и, возможно, коробка с

товаром. За время раскопок базара в слоях его разрушения были зафиксированы 43 замка (как целых, так и в обломках, включая пружины и дужки, но без учета деталей накладных замков). К ним примыкают еще 3 замка из перекрывавшего руины базара слоя и поздних отложений, которые попали в них, несомненно, именно из того же слоя разрушения. Планиграфия этих находок показывает, что они обнаруживались либо в непосредственной близости от стен внутрибазарных помещений (Баранов, Бадеев, Коваль, 2012, рис. 9), либо на проходах между этими помещениями (лавками) (рис. 3). Следовательно, обнаруженные здесь замки в большинстве своем служили именно для запирания лавок, и лишь незначительная их часть могла использоваться для закрывания коробов или сундуков, части которых встречались исключительно редко. Интересно, что на 46 замков из слоев разрушения базара приходится всего 17 замков, обнаруженных в более ранних контекстах раскопов (при 10-кратно большем объеме культурного слоя, относившегося к этим контекстам) и 9 замков, обнаруженных за пределами базара на площади около 500 кв. м. Элементарный расчет показывает, что за пределами базара 1 замок приходился на 70 куб. м культурного слоя⁵², в отложениях культурного слоя под зданием базара 1 замок приходился на 40 куб. м культурного слоя⁵³, тогда как в слое разрушения базара 1 замок приходился на 3-4 куб. м культурного

⁵² При площади 500 кв. м и средней мощности культурных отложений 1,3–1,4 м.

⁵³ При площади 700 кв. м и средней мощности этих отложений около 1 м.

слоя⁵⁴. Следовательно, насыщенность слоев базара замками была в 10–20 раз выше, чем во всех иных контекстах исследованной территории. Такая плотность находок, разумеется, не может быть случайной и отражает специфику базара, где каждая лавка обязательно запиралась, а число лавок было значительным, поскольку их размеры, как правило, были невелики.

Остается рассмотреть вопрос, связанный с еще одной спорной категорией предметов – так называемых «грузиков-пломб», грибовидных свинцовых отливок с центральным отверстием и короткой втулкой. Но вначале напомним, что из 47 упомянутых выше весовых гирек только 5 были обнаружены в контекстах, предшествовавших строительству базара, а из 17 западноевропейских товарных пломб – 5. В этой связи весьма характерным кажется стратиграфическое распределение «грузиков-пломб». Из 24 находок таких артефактов в слое разрушения базара встречены только 2, тогда как в более ранних горизонтах золотоордынского культурного слоя – 21, а в слоях домонгольской эпохи – 1. Очевидно, что стратиграфическое распределение этих грузиков прямо противоположно размещению торгового инвентаря в культурных отложениях исследованного участка городской застройки, что позволяет уверенно отрицать какую бы то ни было роль таких предметов в торгов-

ле. А поскольку пломбы связаны, прежде всего, с торговлей, остается сделать вывод о том, что эти грузики не использовались в качестве «пломб», а имели какое-то иное, вероятно, бытовое, назначение.

Что касается гипотезы об использовании таких предметов в качестве «заменителей денег» в безмонетный период (XII в.), то для ее опровержения данных пока недостаточно. Однако надо заметить, что само ее появление связано с небольшим недоразумением: Г.А. Федоров-Давыдов, обмолвившись о возможности подобного использования «кружков с дыркой», рассматривал их в качестве изделий из олова, связывая это с сообщением ал-Гарнати о том, что в Саксине (!) кусочки олова служили средством платежа (Федоров-Давыдов, 1987, с. 160). Однако подавляющее большинство псевдо-«пломб» (если не все они) изготовлено не из олова, а из свинца, так что они не имеют отношения к этому известию. Что, впрочем, вовсе не исключает возможности применения свинцовых изделий в качестве таких заменителей денег.

Представленный материал показывает, что новые раскопки, проведенные на современном методическом уровне, позволяют в ряде случаев пересматривать ставшие привычными атрибуции предметов и существенно расширяют географию внешних связей Болгара золотоордынской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети // ПА. – 2012. – № 1. – С. 158–171.

⁵⁴ При площади вскрытия тех же 700 кв. м и средней мощности горизонта разрушения 0,2–0,3 м.

2. *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань, 1995. – 157 с.
3. *Гайдуков П.Г., Эммерик Х.* Западноевропейская свинцовая товарная пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. – Великий Новгород, 2000. – С. 213–218.
4. *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. – М., 1970. – С. 75–131.
5. *Калинин Н.Ф.* Булгарское искусство в металле. – Казань, 1945. – 12 с.
6. *Козлова А.В.* Восточные предметы быта, ремесла и торговли из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология Новгорода. Вып. 15. – Великий Новгород, 2005. – С. 172–185.
7. *Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Древности Самарской Луки. – Самара, 2011. 24 с.
8. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М., 1993. – 124 с.
9. *Полубояринова М.Д.* Торговый инвентарь с Болгарского городища // ПА. – 2013. – № 2. – С. 252–258.
10. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 154–268.
11. *Рыбина Е.А.* Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде // СА. – 1981. – № 1. – С. 298–300.
12. *Федоров-Давыдов Г.А.* О болгарских гирьках из собрания Государственного музея Татарской АССР // СА. – 1957. – № 1. – С. 247–248.
13. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 158–204.
14. *Федоров-Давыдов Г.А.* Из истории денежного обращения средневекового Хорезма // Приаралье в древности и средневековье. – М., 1998. – С. 218–227.
15. *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. – М., 1970. – С. 1–74.
16. *Шеков А.В.* О находке печати с гербом «Домброва» на территории Тульской области // Позднесредневековый город III: археология и история. – Тула, 2011. – С. 107–109.
17. *Янина С.А.* Золотоордынские анонимные монеты 60–70-х годов XIV в. в собрании Государственного исторического музея // Нумизматический сборник. Ч. 4. Вып. III. – М., 1972. – С. 25–76.
18. *Biermann F.* Feinwaagen und Gewichte aus Städten Mecklenburg-Vorpommerns im Spätmittelalter und in der Frühen Neuzeit // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns. Bd. 39 (Archäologie unter dem Straßenpflaster). – Schwerin, 2005a. – P. 99–103.
19. *Biermann F.* Chinesische Seide und Oostburger Gewebe – Spätmittelalterlicher Tuchhandel in Mecklenburg-Vorpommern // Beiträge Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns. Bd. 39 (Archäologie unter dem Straßenpflaster). – Schwerin, 2005b. – P. 107–110.
20. *Dewilde M., Van Bellingen S.* Excavating a Suburb of Medieval Ypres (Belgium). Evidence for the cloth Industry // Ypres and the Medieval Cloth Industry in Flanders / Archeologie in Vlaanderen. Monografie 2. Zellik, 1998. – P. 57–76.
21. *Egan G.* Medieval and later trade in textiles between Belgium and England. The picture from some finds of cloth seals // Exchanging Medieval Material Culture. Studies on archaeology and history presented to Frans Verhaeghe. – Brussel, 2010. – P. 55–66.

22. *Petrov P.N.* A Survey of numismatics of the Mongol states (13th – 14th centuries). – Nizhny Novgorod, 2003. – 142 p.

23. *Rybina E.A.* Trade links of Novgorod established through archaeological data // The Archaeology of Novgorod, Russia / Society for Medieval Archaeology Monograph. Vol. 13. – Lincoln, 1992. – P. 193–205.

24. *Schäfer H.* Archäologische Erkenntnisse zu Handel und Ferngütern im mittelalterlichen Greifswald // Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum. II. – Lübeck, 1999. – P. 349–356.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kovaloka@mail.ru

TRADE STOCK FROM EXCAVATION THE MARKET OF THE MIDDLE OF THE XIV CENTURY AT BOLGAR

V.Yu. Koval

The categories of stock-in-trade items found during excavations of the city market building on the Bolgar city of the Golden Horde period are discussed. According to the numismatic data, the bazaar was constructed in the 1340s or 1350s, and its destruction, accompanied by a strong fire, happened in the 1360s or 1370s. The stock-in-trade items include parts of scales, weights, touchstones, lead seals. The weights of copper and lead vary in weight and origin, some bearing marks, probably indicating the weight. An attempt was made to relate them to the weighing systems common in the Muslim East – the Baghdad and Khwarezm ones. Weights and seals of Western European origin are also met. There is a group of bronze weights with relief images and lead filling inside, which had been previously attributed as “seals” or “stamps”. A series of lead pendent seals from the towns of 14th-century Flanders (Tournai, Ypres, etc.), which used to be attached to rolls of fabrics, is of interest. The absence of connection between lead mushroom-shaped weights (still called “seals”) with trade is established: they were probably intended for domestic purposes.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, the Golden Horde period, the city of Bolghar, bazaar, stock-in-trade items, fragments of scales, weights, commercial seals, “stamp-seals”, weighing system.

REFERENCES

1. Baranov, V. S., Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 158–171 (in Russian).
2. Valeev, R. M. 1995. *Volzhskaya Bulgariia: Torgovlia i denezhno-vesovye sistemy IX – nachala XIII vv. (Volga Bulgaria: Trade, Monetary and Weight Systems of 9th – Early 13th Centuries)*. Kazan: “Fest” Publ. (in Russian).
3. Gaidukov, P. G., Emmerik, Kh. 2000. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 14. Veliky Novgorod, 213–218 (in Russian).
4. Davidovich, E. A. 1970. *Materialy po metrologii srednevekovoi Srednei Azii (Materials of Metrology of Medieval Central Asia)*. Moscow, 75–131 (in Russian).
5. Kalinin, N. F. 1945. *Bulgarskoe iskusstvo v metalle (Metal Art of Volga Bulgaria)*. Kazan (in Russian).
6. Kozlova, A. V. 2005. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlia. Istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 15. Veliky Novgorod, 172–185 (in Russian).

7. Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A. 2011. *Drevnosti Samarskoi Luki (Antiquities of the Samara Bend)*. Samara (in Russian).
8. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaya Bolgariia v X—XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th—15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Poluboiarinova, M. D. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 252–258 (in Russian).
10. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metalurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
11. Rybina, E. A. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 298–300 (in Russian).
12. Fyodorov-Davydov, G. A. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 247–248 (in Russian).
13. Fyodorov-Davydov, G. A. 1987. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158–204 (in Russian).
14. Fyodorov-Davydov, G. A. 1998. In Nerazik, E. E. (ed.). *Priaral'e v drevnosti i srednevekov'e (Aral Sea Area in Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 218–227 (in Russian).
15. Hinz, W. 1970. *Musul'manskie mery i vesa s perevodom v metriceskuiu sistemu (Muslim Measures and Weights with Translation in the Metric System)*. Moscow, 1–74 (in Russian).
16. Shekov, A. V. 2011. In *Pozdnesrednevekovyi gorod (Late Medieval Town)* III. *Arkheologiya i istoriya (Archaeology and History)*. Tula, 107–109 (in Russian).
17. Yanina, S. A. 1972. In *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Collected Papers)* 4 (III). Moscow, 25–76.
18. Biermann, F. 2005. Feinwaagen und Gewichte aus Städten Mecklenburg-Vorpommerns im Spätmittelalter und in der Frühen Neuzeit. In *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns*. Bd. 39. *Archäologie unter dem Straßenpflaster*. Schwerin, 99–103.
19. Biermann, F. 2005. Chinesische Seide und Oostburger Gewebe – Spätmittelalterlicher Tuchhandel in Mecklenburg-Vorpommern. In *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns*. Bd. 39. *Archäologie unter dem Straßenpflaster*. Schwerin, 107–110.
20. Dewilde, M., Van Bellingen, S. 1998. Excavating a Suburb of Medieval Ypres (Belgium). Evidence for the cloth Industry. In *Ypres and the Medieval Cloth Industry in Flanders*. Archeologie in Vlaanderen. Monografie 2. Zellik, 57–76.
21. Egan, G. 2010. Medieval and later trade in textiles between Belgium and England. The picture from some finds of cloth seals. In *Exchanging Medieval Material Culture. Studies on archaeology and history presented to Frans Verhaeghe*. Brussel, 55–66.
22. Petrov, P. N. 2003. *A Survey of numismatics of the Mongol states (13th – 14th centuries)*. Nizhny Novgorod.
23. Rybina, E. A. 1992. Trade links of Novgorod established through archaeological data. In *The Archaeology of Novgorod, Russia*. Society for Medieval Archaeology Monograph. Vol. 13. Lincoln, 193–205.
24. Schäfer, H. 1999. Archäologische Erkenntnisse zu Handel und Ferngütern im mittelalterlichen Greifswald. In *Lübecker Kolloquium zur Stadtarchäologie im Hanseraum II*. Lübeck, 349–356.

About the Author:

Koval Vladimir Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation); kovaloka@mail.ru

УДК 391.7

ТОРЕВТИКА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БОЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

© 2013 г. К.А. Руденко

Рассматриваются особенности ювелирных изделий XI–XIV вв. и развитие традиций ювелирного дела на территории Волжской Булгарии в домонгольский и золотоордынский период. В XI–XII вв. здесь можно выделить две школы ювелиров – болгарскую и болгаро-камскую. После монгольского завоевания, в середине – второй половине XIII в. началась трансформация ювелирной школы Волжской Булгарии, получили распространение серийные изделия в золотоордынских традициях. Домонгольский ювелирный центр Биляра действовал до конца 1280-х гг. Одновременно развивающийся центр в Болгаре частично воспринял наследие ювелиров Биляра, но в нем возобладали золотоордынские традиции и быстро вытеснили предшествующие формы изделий. Домонгольские традиции болгарского ювелирного искусства продолжали развиваться в Предуралье и Зауралье на основе болгаро-камской школы, в рамках болгаро-пермской школы второй половины XIII–XIV вв., а затем западносибирского художественного направления XV в.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, средневековье, Волжская Булгария, Золотая Орда, ювелирные украшения, клад.

Художественный металл Волжской Булгарии в домонгольскую и золотоордынскую эпохи давно привлекал внимание ученых. Первые исследования такого рода появились еще в конце 1890-х годов и продолжались на протяжении всего XX в. Особенно активно эти сюжеты разрабатывались в 1980–1990-х годах. В трудах Ф.Х. Валеева, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, Д.К. Валеевой (Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002; Валеева, 1983; 2003) детально изучены многие вопросы, касающиеся художественных предметов средневековой эпохи Волго-Камья и их особенностей. Определяющим в этом отношении стало исследование Г.А. Федорова-Давыдова, посвященное искусству средневековых кочевников и Золотой Орды (1976).

В начале 2000-х годов существенно расширилась источниковая база этой

темы, благодаря активному введению в научный оборот новых материалов из Предуралья, Урала и Западной Сибири. Б.И. Маршаком была выделена группа раннеболгарской торевтики (Маршак, 2006, с. 76–77), Н.В. Федоровой (2005, с. 20–21) определены особенности серебряных изделий болгарского производства и близкого ей круга XI–XIV вв.

Важными были исследования по торевтике Золотой Орды М.Г. Крамаровского (2001), по ювелирным изделиям Прикамья VI–XIII вв. – А.М. Белавина (2000), Ю.А. Подосеновой (2009) и С.А. Перевозчиковой (2009).

В начале XXI в. появились публикации отдельных категорий болгарских ювелирных украшений (Руденко, 2011; 2012). Учитывая существенное расширение источниковой и исследовательской базы по этой теме многие

вопросы, касающиеся, прежде всего, истоков и эволюции традиций художественной обработки металла, как и их распространение в регионе в XI–XIV вв., требуют нового рассмотрения.

Одной из сложных для анализа тем является преемственность традиций домонгольской Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды. На первый взгляд, отличия разительны, особенно если сравнивать редкие золотые украшения, такие, как, например, височные подвески (рис. 1: 3). Здесь достаточно сказать, что само по себе ношение височных украшений в Болгарском улусе сменилось модой на серьги, чаще всего в стандартном оформлении – в виде знака вопроса с различными декоративными ухищрениями (рис. 1: 9).

К началу XIV в. (не исключено, что это случилось и раньше, уже к 80-м годам XIII в.) практически полностью исчезают золотые (и серебряные) украшения (серьги и подвески) в виде кольца с напускными бусинами в скано-зерновой технике (рис. 3: 1, 2). Кроме того, очень характерные для болгарского ювелирного искусства черневые изделия, как правило, перстни (рис. 1: 5, 6), а также перстни и браслеты, инкрустированные полудрагоценными камнями или стеклянными вставками (рис. 1: 4), перестают изготавливаться. Новые типы изделий как серебряные, так и золотые приобретают совершенно иной вид (рис. 1: 10, 11). Видовое и типологическое разнообразие серебряных украшений домонгольского времени сменяется серийными, хотя и не без индивидуальной разработки изделиями, в частности, браслетами, характерными для эпохи Золотой Орды (рис. 1: 7, 8).

Впрочем, и по морфологическим и технологическим особенностям (рис. 1: 1, 2) аналогичные поделки (браслеты) домонгольской Булгарии отличаются в принципе от золотоордынских.

В XI–XII в. складывается болгаро-камская школа ювелиров, имевшая характерные, присущие только ей признаки (рис. 3). Изделия этой школы напоминают некоторые болгарские украшения, что дало основание долгое время считать их болгарскими. Однако при всей схожести они имеют очень характерные детали, никогда не встречающиеся на болгарских изделиях. Не касаясь видового разнообразия ассортимента прикамских и зауральских украшений XI–XIV вв., исследованных А.М. Белавиным и Н.В. Федоровой, отметим те их особенности, которые позволяют говорить об их местном производстве. Прежде всего, это использование промежуточной полоски и как декоративного, и как конструктивного элемента (рис. 2: 2, 3, 5). Вторая особенность – замена сканой проволоки проволокой штампованной (рис. 2: 2, 3, 5). Характеризуются они крупной часто уплощенной цельной зернью (рис. 2: 3) или деформированными полыми шариками зерни (рис. 2: 4), применявшимися в орнаментальных композициях. И последнее – позолоченный фон (рис. 2: 4).

До середины XIII в. развитие болгарской и болгаро-камской ювелирных школ шло своими, хотя и близкими путями. В дальнейшем, после разгрома монголами Волжской Булгарии, приоритет получила болгаро-камская школа, точнее, ее пермский вариант. Его можно обозначить как болгаро-пермская ювелирная школа, заявившая о себе во второй половине



Рис. 1. Серебряные (1, 2, 4–10) и золотые (3, 11) украшения Волжской Булгарии (1–6) и Золотой Орды (7–11). Браслеты (1, 2, 7, 8), серьги (9), височные кольца (3) и перстни (4–6, 10, 11)



1



2



3



4



5

Рис. 2. Серебряные украшения Прикамья XI–XII вв. (По М.Г. Ивановой и К.И. Куликову). 1 – круглая бляшка со вставкой, украшенная зернью и сканью; 2 – деталь; 3, 4 – серьги; 5 – калачевидная серьга со вставкой. Все – серебро

XIII в. как самостоятельное и оригинальное направление и в XIV в. занявшая рынок ювелирной продукции в Предуралье и Зауралье. На основе ее в XV в. оформилось западносибирское художественное направление ювелирного искусства.

Что же происходило в Болгарском улусе в это время в области художественной металлопластики? Об этом можно судить по ряду находок, которые отражают процесс трансформации традиций старой болгарской школы торевтов (серебродельцев). Особо стоит отметить одно оригинальное изделие из Биляра из коллекции А.Ф. Лихачева (НМ РТ, инв. № 5518 (21842) (фрагменты); СУ-201, Бил.150 (286860), Бил. 121). Это серебряная цепочка из восьмерковидных звеньев, соединенных небольшими колечками разного диаметра из более толстой проволоки (рис. 4). К звеньям цепи напрямую или через колечки прикреплены бусины-подвески шаровидной или желудевидной формы, разного размера и конструкции. Интересно то, что при соблюдении технологических признаков продукции болгарских ювелиров преобладающими здесь оказываются приемы прикамских мастеров.

Рассмотрим это изделие детальнее. Цепочка представляет собой замкнутый круг, разделенный соединительными колечками на отрезки разной длины по 2, 12, 10 и 4 звеньев. Самостоятельным элементом являлись крупные подцилиндрические бусины (рис. 4: 1в, 2), которые, вероятно, составляли своего рода ожерелье из нескольких аналогичных бусин, поскольку с двух сторон у них были петельки, к которым крепились либо колечки, либо звенья цепочки.

Бусины (7 экз.) представлены несколькими видами. Первый вид – бусины-подвески (2 экз.) (рис. 4: 1а, б, 3, 4, 4а). Одна из них овально-вытянутая, небольшого размера: длина 1,4 см, диаметр 1 см (рис. 4: 1а, 3). Сделана она из двух полусфер, соединенных узкой полоской, окантована одинарными скаными проволочками и поясками зерни. На нижней полусфере имеются декоративные зерновые треугольники (диаметр 0,1 см), а венчает узор крупный шарик зерни.

Вторая бусина имеет аналогичную конструкцию (рис. 4: 1б, 4, 4а). Она чуть крупнее – длина 2,8, диаметр 1,8 см. Как и в предыдущем случае, верхняя полусфера не имеет зернового декора. На нижней полусфере имеются декоративные зерновые равнобедренные треугольники – большие (6 х 6 зерен), чередующиеся с малыми (3 х 3 зерна). Близкие по декору бусины-подвески имеются на золотых болгарских височных украшениях (Руденко, 2011, кат. № 28).

Второй вид – бусина как звено цепочки (5 экз.)¹ (рис. 4: 1в, 2). Общий размер – длина 5,4 см (с петельками; без петелек длина – 4 см), диаметр – 2,8 см. Бусина состоит из двух полусфер диаметром 2,8 см и высотой 1,8 см каждая. Они соединены между собой гладкой пластинкой шириной 0,6 см. Нижняя часть полусфер украшена орнаментальным пояском шириной 0,6 см, состоящим из 20 сканых колечек диаметром 0,4 см, внутреннее пространство которых просверлено. Основное поле полусфер украшено треугольниками зерни – 10 х 10 зерен и 5 х 5 зерен. Размер зерен – 0,1 см. Общая высота бусины – 4 см, диаметр

¹ Учтены и фрагменты таких бусин (НМ РТ, инв. №5518, Бил.121).

2,8 см. Другие такие бусины и их фрагменты имеют небольшие вариации в размерах на несколько миллиметров, а также чуть большее количество зерен в треугольниках.

Интересна конструкция соединительного элемента внутри бусины. Это длинная плоская, узкая пластинка шириной 0,3 см, согнутая пополам таким образом, что на обоих концах образовались петельки диаметром 0,6 см. (длина пластинки 5 см). Эти петельки и крепят стерженек внутри бусины, не давая ей выпасть.

Ряд деталей говорит о прямых традициях в декоре этих изделий с домонгольскими болгарскими ювелирными изделиями. Это: 1) дополнительные ромбики зерни на вершине декоративных треугольников; они встречаются на подвесных бусинах на серебряных и золотых височных кольцах (Руденко, 2011, с. 107, 207, 209, рис. 24, кат. № 20, 21); 2) декор из сканых колечек с просверленными отверстиями внутри окружности; они также встречаются на золотых украшениях – болгарских подвесках с изображением птицы² (Руденко, 2011, с. 86, 220, рис. 1а, кат. № 28); 3) декорирование отверстий на вершине полусфер скаными проволочками, прием характерный для болгарских украшений, однако он воспроизводился и в других ювелирных школах региона.

Однако здесь же мы сталкиваемся и явными приемами прикамских ювелиров. Это соединительная полоска, скрепленная одним зубчиком и более крупная, грубая зернь (рис. 2: 3). Последний признак, впрочем, может

быть обусловлен деградацией этого вида производства.

Найдена цепочка на Билярском городище или близлежащих селищах. Изготовлена она была, скорее всего, тоже здесь. Налицо характерные признаки изделий домонгольских билярских ювелиров, однако и чуждые им приемы не менее выражены. Ювелир, сделавший эти предметы, был знаком с образцами болгарской ювелирной продукции, однако смог воспроизвести их только отчасти, в декоре, а конструкция и общий дизайн были выполнены знакомым ему способом. В пользу местного, билярского, производства говорит и то, что в Прикамье таких цепочек с бусинами неизвестно.

К финальному этапу домонгольской болгарской школы торевтов (30–80-е годы XIII в.) нужно отнести наборы стандартных украшений конской сбруи из серебряных дисковидных блях с ушками для подвешивания (Бутаевский, Чердаклинский, Альметьевский клады, отдельные находки в Самарской области и Пермском крае) (рис. 3). Они как правило встречаются вместе с серебряными украшениями – кольцами с тремя напускными бусинами и цепочками с желудевидными подвесками (рис. 3: 1–3). Достаточно частым их сопровождением бывают мелкие украшения, чаще всего нашивные, украшавшие детали конского снаряжения. Это небольшие бляшки, выполненные штамповкой (давлением) в виде розеток или плоских, круглых нашивок с бортиком (рис. 3: 4–6). Особенно интересны бляшки в виде розетки, поскольку аналоги им имеются в материалах раскопок Билярского городища, датированных второй половиной XII – началом XIII

² Экспозиция Музея государственности татарского народа и Республики Татарстан в Музее-заповеднике «Казанский кремль».



Рис. 3. Бутаевский (1–8) и Старо Альметьевский (9) клады. Республика Татарстан (9 – по: «История татар», т. 2, цветная вклейка). 1, 2 – височные кольца, 3 – цепочка с подвесками, 4–6 – нашивные бляшки, 7, 8 – бляхи-подвески. Все – серебро



Рис. 4. Цепочка с бусинами (1); бусины (детали) (2–4). Билярское городище. НМ РТ, коллекция А.Ф. Лихачева; СУ-201, Бил. 150. Серебро с позолотой



1



1a



2



3



4



4a

Рис. 5. Перстни. XIII в. Мурзихинское селище. Серебро, чернь (1)

в.³ Однако аналогий другим предметам в булгарских находках домонгольского времени мы не найдем.

Комплекс «переходных» предметов стоит дополнить серебряными перстнями с чернью (рис. 5). С одной стороны, это достаточно традиционные для булгарских ювелиров изделия со стилизованными сюжетами из репертуара домонгольского времени с симметричной композицией рисунка (Руденко, 2007, рис. 103: 16–28). При этом сохранилась исходная форма перстня (рис. 5: 4, 4а). С другой стороны, это поделки с совершенно новым рисунком – в виде «узла счастья» (рис. 5: 1, 1а). В мастерских уже новой эпохи, практически не имевших отношения к предшествующему времени, появились упрощенные формы перстня без рисунка (рис. 5: 3). Распространяются эти изделия не ранее XIII в. (Руденко, 2010, с. 29).

Традиция изготовления черненых перстней в Болгарском улусе постепенно исчезает, однако яркое продолжение получает пермская ветвь этого производства, ориентированная, прежде всего, на внутренний рынок и насытившая его перстнями с черневым узором, по внешнему виду близких своим предшественникам – булгарским перстням, но с совершенно иными орнаментальными мотивами (Руденко, 2007, рис. 104: 10–19; Руденко, Брюхова, Лычагина, 2010, с. 4–7). Надо сказать, что классические черненые булгарские перстни с симметричной композицией (рис. 1: 5) в пермских древностях домонгольского времени единичны (Белавин, 2000, с. 103, рис. 46: 11) и являются, очевидно, привозными.

³ Экспозиция Археологического музея ГБУК БГИАПМЗ.

Скорее всего, пермское черневое искусство стало активно развиваться в 40–60-х годах XIII в. за счет миграции части булгарских ремесленников из разоренных булгарских городов в относительно спокойные районы Предуралья. Вместе с тем в последней трети XIII в. был и обратный отток части ремесленников и даже крестьянского населения (из бывших булгарских колоний в Прикамье), переселявшихся на земли Булгарского улуса.

Таким образом, в период начальной истории Болгарского улуса Золотой Орды крупнейший домонгольский центр ювелирного производства, билярский, продолжал свою деятельность примерно с конца 1240-х годов и до конца 1280-х годов. Им выпускались, хотя и в небольшом количестве, серебряные перстни, возможно, браслеты, цепочки с подвесками, височные кольца, украшения конской упряжи. На начальной стадии изготавливались изделия, мало чем отличающиеся от домонгольских (рис. 3: 1, 2), однако вскоре стала нарастать тенденция к упрощению деталей и общего дизайна украшений. Подвески и привески приобретают вытянутую желудевидную форму (рис. 3: 3) или же цилиндрической абрис (рис. 4: 3–4).

Быстрее всего новшества коснулись ювелиров, специализировавшихся на изготовлении перстней. Часть мастеров стала производить копии домонгольских изделий с упрощенными орнаментальными композициями (рис. 5: 4). Другие пытались создать новый стиль, основанный на геометрических сюжетах (рис. 5: 1а, 2), однако это начинание продолжения не получило. Еще одной попыткой удержать свои позиции на рынке ювелирной продукции Волго-

Камня было заимствование технологических приемов у своих соседей (рис. 4: 2) или же внедрение более простых их форм (чеканка, тиснение и т.п.) (рис. 3: 4–7). Однако и это оказалось тупиковым направлением.

Параллельно развивавшийся с 1250-х годов под эгидой монгольской администрации центр производства художественных металлических изделий в г. Булгаре укреплял свои пози-

ции, во многом на основе достижений билярских ювелиров, хотя инновации, прививаемые имперской культурой, стали здесь главенствующими и достаточно быстро вытеснили потерявшие актуальность и практически уже не востребованные формы продукции предшествующего времени, что отчасти было обусловлено и утратой ряда технологических «секретов».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь, 2000. – 196 с.
2. *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарстана. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. – 271 с.
3. *Валеева Д.К.* Искусство волжских булгар (X – начало XIII в.). – Казань, 1983. – 132 с.
4. *Валеева Д.К.* Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). – Казань, 2003. – 240 с.
5. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001. – 364 с.
6. *Маршак Б.И.* Серебро за меха // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. – СПб., 2006. – С. 72–82.
7. *Перевозчикова С.А.* Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV – IX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2009. – 24 с.
8. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2009. – 272 с.
9. *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: Школа, 2007. – 244 с.
10. *Руденко К.А.* Булгарское черневое искусство: перстни: методическое пособие. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – 43 с.
11. *Руденко К.А.* Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. – Казань: Заман, 2011. – 256 с.
12. *Руденко К.А., Брюхова Н.Г., Лычагина Е.Л.* Перстни из раскопок Плотниковского могильника // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3. – Пермь, 2010. – С. 4–6.
13. *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Изд-во «Искусство», 1976. – 227 с.
14. *Федорова Н.В.* Средневековое серебро Волжской Болгарии // Светозарная Казань. Альбом-каталог выставки. – СПб.: АРТЭГО, 2005. – С. 20–21.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

ART METAL OF THE VOLGA BULGARIA AND BOLGAR ULUS OF GOLDEN HORDE: CONTINUITY OF TRADITIONS

K.A. Rudenko

Peculiarities of the 11th –14th -century jewelry and the progress of jewelry-making traditions in the territory of Volga Bulgaria in the pre-Mongol and Golden Horde period are discussed. In the 11th –12th centuries, there existed two jewelry-making schools in the region: the Bulgar and the Bulgar-Kama ones. Following the Mongol conquest (the mid- to second half of the 13th century), the transformation of the Volga Bulgaria jewelry school was underway, and serial items produced in the Golden Horde tradition became widely spread. The pre-Mongol jewelry center in Bilyar was functioning until the late 1280s. Its Bulgar counterpart that was developing simultaneously, partially adopted the heritage of Bilyar jewelers, but the Golden Horde tradition prevailed, and the earlier production forms were quickly forced out. The tradition of pre-Mongol Bulgar jewelry art continued to develop in the Cis- and Trans-Urals on the basis of the Bulgar-Kama school: in the framework of the Bulgar-Perm school (second half of the 13th to the 14th cc.), followed by the Western Siberian artistic trend of the 15th century.

Keywords: archaeology, the Middle Volga region, the Middle Ages, Volga Bulgaria, the Golden Horde, jewelry, treasure.

REFERENCES

1. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Ethno-Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
2. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. 2002. *Drevnee iskusstvo Tatarstana (Ancient Art of Tatarstan)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Valeeva, D. K. 1983. *Iskusstvo volzhskikh bulgar (X – nachalo XIII v.) (Art of Volga Bulgarians: 10th — Early 13th Centuries)*. Kazan (in Russian).
4. Valeeva, D. K. 2003. *Iskusstvo volzhskikh bulgar perioda Zolotoi Ordy (XIII–XV vv.) (Art of Volga Bulgarians in the Golden Horde Time: 13th—15th Centuries)*. Kazan (in Russian).
5. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
6. Marshak, B. I. 2006. In *Vizantiiskaia ideia. Vizantiia v epokhu Komninov i Paleologov (The Byzantine Idea: Byzantium in the Komnenoi and Palaiologoi Epoch)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 72–82 (in Russian).
7. Perevozchikova, S. A. 2009. *Visochnye ukrasheniia Verkhnego Prikam'ia kontsa IV – IX vv. (Temple Ornaments of the Upper Kama Basin in Late 4th — 9th Centuries)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
8. Podosenova, Yu. A. 2009. *Visochnye ukrasheniia naseleniia Permskogo Predural'ia v epokhu srednevekov'ia (Temple Ornaments of the Perm Cis-Urals Population in the Middle Ages)*. PhD Diss. Perm (in Russian).
9. Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI – nachale XIII v.: poseleniia i material'naiia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th — Early 13th Century: Settlements and Material Culture)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

10. Rudenko, K. A. 2010. *Bulgarskoe chernevoe iskusstvo: perstni: metodicheskoe posobie (Bulgarian Art of Niello: Seal-Rings: Resource Book)*. Kazan: Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan (in Russian).

11. Rudenko, K. A. 2011. *Bulgarskoe zoloto: filigrannye visochnye podveski (Bulgarian Gold: Filigreed Temple Pendants)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar) I. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

12. Rudenko, K. A., Briukhova, N. G., Lychagina, E. L. 2010. In *Vestnik Muzeia arkeologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum for Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals Region)* 3. Perm, 4–6 (in Russian).

13. Fyodorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of Nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

14. Fedorova, N. V. 2005. In *Svetozarnaia Kazan'. Al'bom-katalog vystavki (Bright Kazan: Album-catalogue of the Exhibition)*. Saint Petersburg: "ARTEGO" Publ., 20–21 (in Russian).

About the Authors:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

УДК 737

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ X ВЕКА С СЕМЕНОВСКОГО ОСТРОВА (РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН)

© 2013 г. Е.А. Беговатов, Е.П. Казаков,
Д.Г. Мухаметшин, А.З. Сингатуллина

Публикуются результаты исследований 255 монет X в., найденных на селищах волжских болгар, расположенных на Семёновском острове в устье р. Камы. Среди них 251 серебряная, две медные восточные и две западноевропейские. Фрагмент самой старшей восточной монеты определен как сасанидская драхма рубежа VI–VII вв.; младшая восточная монета является дирхемом Саманида Нух бен Мансура 366 года хиджры (976/977 г.). Западноевропейские монеты происходят из Дании – два денария Свена Эстридсена (1047–1075). Хронологический состав комплекса приведен на диаграмме, которая показывает, что в 60-летнем интервале 295–355 г.х. наблюдается примерно равномерный и низкий уровень находок дирхемов, но затем, в 10-летнем интервале 361–370 г.х. он резко увеличивается в 10 раз. Отсутствие находок монет, чеканенных после 367 г.х. (978–979 г.), указывает на окончание существования поселения.

Ключевые слова: археология. Нижняя Кама, Волжская Болгария, X век, нумизматика, восточные монеты, западноевропейские монеты.

Расположенная на Волжско-Балтийском пути Волжская Болгария играла важную роль в международной торговле X в. стран Востока и Запада. В ней она выполняла не только транзитную роль, но и принимала самое активное участие как производитель своих товаров. Это подтверждается археологическим материалом, среди которого: куфические дирхемы, бусы, стеклянная посуда, серебряные витые браслеты и гривны, янтарь, серебряные слитки, бронзовые и железные изделия и др. Бурное развитие производства было связано с падением Хазарии и появлением на Волге в 60-х годах X в. салтово-маяцкого оседлого, мусульманского населения с высоко развитым земледелием, скотоводством, ремеслом и торговлей. Это вторая (первая в IX в.) миграционная волна населения принесла с собой торговые и ремесленные навыки, освоенные ими в Хазарском каганате: гончарные,

литейные, кузнечные, ювелирные и другие¹ (Плетнева, 1967, с. 49; Казаков, 1997, с. 61–67). Рядом с торговыми путями возникают ремесленные поселения. Образуются торгово-ремесленные центры (ТРЦ), один из которых является Измерский ТРЦ (рис. 1), расположенный в месте слияния двух самых больших рек Восточной Европы – Волги и Камы (Казаков, 1991). Одним из наиболее выразительных поселений, входящих в систему ТРЦ,

¹ Точка зрения Е.П. Казакова о появлении у волжских болгар постоянных поселений (в том числе и городов), высоко развитого земледелия, скотоводства, ремесла и торговли в связи с миграцией из Хазарии оседлого мусульманского населения в 60-х годах X в. является дискуссионной (см.: Хузин Ф.Ш. К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских болгар // ИТ. – 2010. – № 4. – С. 114–126). Вызывает также вопросы дата первой миграционной волны болгар на Среднюю Волгу (IX в.). – *Ред.*

является I Семеновское селище. Оно расположено рядом с бывшей деревней Семеновка (на карте 1946 г. д. Семеново) на одном из многочисленных островов Камского Устья, образованных в результате создания Куйбышевского водохранилища (рис. 1). Остров находится в 5 км западнее с. Измери (Спасский район РТ), на левом берегу затопленной р. Красная, впадавшей в протоку Старая Кама, левого притока р. Волга. Ежегодно, начиная с шестидесятых годов прошлого столетия, местные жители с. Измери (на острове стоят дома рыбаков из этого села) собирают подъемный материал, в том числе монеты и куски серебра из размываемых кладов. Часть этих находок попала в Государственный музей Республики Татарстан (Каталог, 1980). По этой причине некоторые из них носят название – «измерские». В настоящее время невозможно определить, на какой части острова найдено часть монет – на I Семеновском или других, рядом расположенных селищах – II, III, IV или I Измерском. Это явилось причиной определить данную работу в качестве комплексов Семеновского острова.

Селище открыто Е.П. Казаковым в 1961 г. (Археологическая карта, 1986, с. 66, № 410) и в последующие годы на археологических памятниках, расположенных на острове, им почти ежегодно проводились охранно-спасательные работы отрядами Раннеболгарской археологической экспедиции. Значительная часть собранных материалов опубликована в отдельной монографии (Казаков, 1991). В исследовании памятника приняли участие А.Х. Халиков, П.Н. Старостин, М.Г. Косменко, Р.С. Габяшев, Е.А. Беговатов, Д.Г. Мухаметшин и др.

Ниже приведены известные авторам сведения о куфических и других монетах X–XI вв., обнаруженных на территории Семеновского острова. В основном, это серебряные дирхемы, три медных фельса X в., два западно-европейских динария середины XI в. Часть монет, найденных на острове, опубликована ранее в работах В.В. Кропоткина (1972, с. 87, № 119), Е.П. Казакова (1991, с. 29), Г.А. Федорова-Давыдова (1985, с. 46, № 22; он же, 1988, с. 46, № 49; он же, 2001, с. 91–94, № 13), Е.А. Беговатова и В.П. Лебедева (Беговатов, 2013, с. 40). Следует отметить большую работу Г.А. Федорова-Давыдова по определению всего нумизматического материала, найденного в 70–90-х годах прошлого столетия на памятниках низовья р. Камы (в том числе и материалы Е.П. Казакова и Е.А. Беговатова с Семеновского острова), кратко изданного им в его сводках находок восточных монет. В данной работе приводится более подробное или новое прочтение этих монет и описание новых (таблица № к1-к54; № б01– б120). Два динария Свен Эстридсена определены А.С. Беляковым и О.В. Тростьянским.

К сожалению, авторам не удалось найти дополнительные сведения об Измерском кладе, исследованном С.А. Яниной и кратко изданном В.В. Кропоткиным (1971, с. 87). Для полноты изложения приводим его текст: «119. Измери, Куйбышевский район, 1963–1964 гг. На острове Семеновском (левый берег р. Камы) в размыве берега найден клад – около 100 саманидских монет X в., определено 78 экз. (74 целых, 4 обломка): Исмаил ибн Ахмед (892–907), Мансур ибн Нух (961–976), Нух ибн Мансур (976–997), Абдул-Малик ибн Нух



Рис. 1. Район впадения р. Камы в Волгу (Камское Устье) в XIX в. Указано место расположения бывшей д. Семеново

(954–961). Определение С.А. Яниной. Хранение: Казань, Республиканский музей. Лит.: сообщение А.Х. Халикова и С.А. Яниной».

Коллекция саманидских куфических монет (40 экз., целые) с Семеновского острова находится в фондах Национального музея РТ. Приведем выписки из описей, поступивших в музей монет:

«Семеновка, бывшая деревня Спасского у. (ныне Куйбышевского р-на), левый берег Камы. На месте деревни ныне постоянно размываемый остров, вытянутый с востока на запад. Ближайший населенный пункт – с. Измери.

КПНУ-34520. Саманиды. Мансур б. Нух. 2 экз. Найдены на кладбище на острове близ дер. Семеновки Куйбышевского р-на. Акт № 3650 от 5 апреля 1965 г. Дар Н.К. Николаева (см. табл. 1, № с01–с02).

КПНУ-34539. Саманиды. Мансур б. Нух – 13 ед.; Нух б. Мансур – 2 ед., Наср б. Ахмед – 1 ед. Найдены в разливе о-ва Семеновского близ д. Измери Куйбыш. р-на ТАССР в августе 1966 г. вместе с археологическими предметами. Общее кол-во находки (монеты + археология) было 95 ед. Из них: украшения и обломки – 78 ед., наконечник стрелы – 1 ед., монеты – 16 ед. Акт приемки № 3961 от 25 сентября 1966 г. от Фаттахова И. (табл. 1, № с03–с18).

КПНУ-34837. 19 ед. Саманиды. Мансур б. Нух, Нух б. Мансур. Найдены на территории с. Измери. Акт № 5921 от 7 августа 1973 г. Хома Валентина Ивановна (табл. 2, № с19–с37).

КПНУ-34704. Саманиды. Мансур б. Нух. 3 экз. Найдены на о-ве Семеновском Куйб. р-на в августе 1971 г. Акт приемки № 5364 от 14 сентября 1971 г. от Вернева А.И., ученика 115 школы (табл. 1, № с37–с40)».

В фондах Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника находится 19 экз. саманидских дирхемов, найденных на острове (5 целых и 10 обломков). (табл. 1, м1–м9).

КП 355-13/4942нум., -14/4943нум., -15/4944нум. Саманиды. Мансур б. Нух. Вес 3,2; 3,2; обломки – вес 4,7.

КП339-46/4483нум., -47/4484нум., -48/4484нум., -49/4484нум. -50/4486 нум. Саманиды. Нух б. Мансур. Вес 1,27; Мансур б. Нух. Вес 3,16; 2,58; обломки 0,79; 0,75.

КП530-13/8048нум. Саманиды. Мансур б. Нух. Самарканд. Вес 2,94.

В итоге авторами статьи было собрано 255 целых монет или их фрагментов. Из 255 монет было определено полностью или частично 210 монет, остальные 45 – нечитаемые обломки. Составлена таблица 1, содержащая основные сведения каждой монеты. Ниже представлен фрагмент этой таблицы:

Id	Id-a	Эмитент	г.х.	год	мон. двор	вес	мр-с	мр-н	прим.1	прим.2
112	6112	Микаил б. Джафар	306	919	Самарканд	2,87	141	726	Фас.19	ф2-112
206	с33	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,97	162	1135		ф3-с33

Здесь Id – номер монеты в данной таблице. Id-a – номер монеты, представленный одним из авторов статьи. Например: с33- Номер 33 монеты, представленный А.З. Сингатуллиной; «год» – пересчитанная верхняя дата

(АД) из даты (АН) хиджры «г.х.»; «мр-с», «мр-н» – номер страницы и номер аналогичной монеты в Каталоге А.К.Маркова.

Сведения о династическом составе комплекса помещены в таблицу 2. Фрагмент таблицы 2:

Династии	Эмитент	правл.	i-б	i-с	i-к	i-м	ст.м.	мл.м.	вес
Саманиды	Мансур б. Нух	961–976	71	33	37	6	352	366	147

Здесь в столбце «i-..» указано количество монет с индексами, стоящих перед номером монеты во втором столбце таблицы 1. Например, в столбце «i-к» во второй строке 37 – число монет Мансура б. Нуха в серии монет, представленных Е.П. Казаковым.

Старшая восточная монета (ст.м.) – обломок сасанидской драхмы типа Хосрова II рубежа VI–VII вв.; младшая монета (мл.м.) – самаркандские

дирхемы саманида Нух б. Мансура, 366 г.х. (976/977).

Последняя дата 366 г.х. является не окончательной. По-видимому, при изготовлении чекана мастер на монетах Самарканда с именем Ахмада на лицевой стороне поменял местами в круговой надписи лицевой стороны слово «число единиц» и слово «сонат», притом первое написано небрежно. Известно разное прочтение этой даты чеканки: как 366 г.х. (А.К. Марков, Р.Р. Фасмер), так и 367 г.х. (Г.А. Фе-

доров-Давыдов). В данной работе мы остановились на варианте 366 г.х. Тем не менее, необходимо дальнейшее исследование этого вопроса.

Саманидские монеты комплекса составляют большинство – 93,8%. Из 179 монет с известной датой (табл. 1) 94 монеты Мансур б. Нуха и Нух б. Мансура с датой 365–366 г.х., т.е. больше половины. Интересен дирхем (б.33) Мансур б. Нуха с омайядским символом веры (Коран, сура 112), Самарканд, 361 г.х. (фото 1.33). (Марков, 1896, с. 159, № 1071).

Дирхемы Волжской Болгарии редки на территории Среднего Поволжья (Кропоткин, 1986, с. 41, рис. 1). На Семеновском острове найдено три таких дирхема.

б112. Микаил б. Джафар, халиф ал-Муктадир, Самарканд, 306 г.х., вес 2,86 (фото 2, 112). (Фасмер, 1926, с. 30, № 2; Янина, 1962, табл. VI, №№ 11–12, 15–18).

б113. Мумин б. Хасан, халиф ал-Мути, Булгар (366 г.х.), вес 2,37, (обл. в ½). Буква «г» последней строки лицевой стороны с завитком с листьями (фото 2, 113). (Фасмер, 1926, с. 37, № 19; Янина, 1962, табл. V, №№ 3–5). Определение В.П. Лебедева.

к53. Правитель? Сувар, год? Дирхем с двумя отверстиями. В начале легенды рунический знак. Найден на III Семеновском селище (Казаков, 1991, с. 29, табл. II).

Из трех медных фельсов определен только один:

б119. Мамуниды Хорезма. Мухаммад б. 'Али. Джурджания, 356 г.х. Вес 1,61 (фото 2, м1). Фельс с именем Мухаммад б. 'Али и годом чеканки 356 был выставлен на сайте Казанского университета <http://old.kpfu.ru/archeol/kufi/fels.htm>. Монетный двор

чеканки этой монеты определил В.А. Калинин (Рева, 2011, с. 58–59).

Приведем описание этой монеты.

Л.с. В точечном круге первая часть символа веры в три строки, вверху кружок. От круговой легенды сохранилось:

... الفلّس بجرجنية سنة ست و خمسين و ...
фельс в Джурджании году шесть и пятьдесят ...

О.с. В поле вторая часть символа веры в две строки, на 3 и 4 строчках:

محمد / بن علي = Мухаммад/ б.Али.
Вокруг виден фрагмент коранической легенды (Коран, XXX, 3–4).

Владетель будущей столицы г. Джурджания династии Мамунидов Мухаммад б. 'Али предполагается отцом первого эмира Мамуна б.Мухаммада (385–387 / 995–997). Монета является уникальной.

Вторая монета находится в коллекции Тюбингенского университета в Германии (Рева, 2011, с. 58–59).

Из двух найденных западноевропейских монет приведем описание одной из них.

б.117. Дания. Свен Эстридсен (1047–1075), денарий, Лунд. Имеется отверстие. Вес 0,846; диаметр 17 мм (фото 2. 117). Определение О.В. Тростьянского. Лицевая сторона написана под византийским влиянием: Спаситель со скипетром (посохом?) в правой руке и щитом в левой. Вне поля круговая надпись. Четко видна буква «S»/ (Свен?). На обратной стороне в круге четырехконечный крест с тремя шарами на концах. Вне поля круговая надпись, написанная рунами (Hauberg, 1900).

Хронологический состав комплекса приведен нами на диаграмме, построенной с 5-летним округлением дат выпуска (диагр. 1). Из диаграммы видно,

Таблица 1

Основные сведения о монетах X в. Семеновского острова

Id	Id-a	эмир	г.х.	гг.	мон. двор	вес	м-с	м-н	прим.
1	6001	хосровII				обл			
2	6002	аббасиды				обл			
3	6003	аббасиды				1,40			
4	6004	Ахмед б. Исмаил	295	908	Абдераба	3,53	173	46	ф1-4
5	6005	Ахмед б. Исмаил	298	911	аш-Шаш	2,69	122	241	ф1-5
6	6006	Исмаил б. Ахмед	?		Самарканд	обл			
7	6007	Наср б. Ахмед	310	923	Самарканд	2,20	130	455	ф1-7
8	6008	Наср б. Ахмед	?			2,70			ф1-8
9	6009	Наср б. Ахмед	317	929	Самарканд	2,82	134	549	ф1-9
10	6010	Наср б. Ахмед	321	933	Нишапур	2,66	135	585	
11	6011	Наср б. Ахмед	320		аш-Шаш	3,54	135	580	ф1-11
12	6012	Наср б. Ахмед	320		Балх	0,73	135	576	
13	6013	Наср б. Ахмед	324	936	Нишапур	3,00	137	630	
14	6014	Наср б. Ахмед	324	936	аш-Шаш	3,64	137	622	
15	6015	Наср б. Ахмед	324	936	Самарканд	1,52	137	625	
16	6016	Наср б. Ахмед	330	942	аш-Шаш	2,53	139	680	
17	6017	Нух б. Наср	335	947	аш-Шаш	2,55			ф1-17
18	6018	Нух б. Наср	338	950	Самарканд	1,65	146	808	
19	6019	Наср б. Ахмед	339	951	аш-Шаш	1,02			
20	6020	Нух б. Наср	340	952	Самарканд	1,55	147	828	
21	6021	Абд ал Малик б. Нух	344	956	Самарканд	2,15	150	887	
22	6022	Абд ал Малик б. Нух	344	956	Самарканд	3,43	150	887	ф1-22
23	6023	Абд ал Малик б. Нух	348	959	Бухара	3,02	152	910	ф1-23
24	6024	Абд ал Малик б. Нух	350	961	Бухара	2,66	152	931	ф1-24
25	6025	Мансур б. Нух	356	967	аш-Шаш	обл	156	1005	
26	6026	Мансур б. Нух	357	968	Бухара	2,89	157	1029	ф1-26
27	6027	Мансур б. Нух	358	969	аш-Шаш	2,65	157	1030	
28	6028	Мансур б. Нух	359	970	аш-Шаш	2,60			
29	6029	Мансур б. Нух	359	970	Бухара	1,70	157	1062	
30	6030	Мансур б. Нух	360	971	аш-Шаш	2,74			ф2-30
31	6031	Мансур б. Нух	36*		аш-Шаш	3,46	159	1075	ф1-31
32	6032	Мансур б. Нух	360	971	Балх	2,50			ф1-32
33	6033	Мансур б. Нух	361	972	Самарканд	2,88			ф1-33
34	6034	Мансур б. Нух	364	975	Бухара	3,30	159	1077	ф1-34
35	6035	Мансур б. Нух	361	972	Бухара	3,22	159	1073	
36	6036	Мансур б. Нух	361	972	аш-Шаш	2,94	159	1072	
37	6037	Мансур б. Нух	362	973	аш-Шаш	4,06	159	1078	
38	6038	Мансур б. Нух	362	973	Самарканд	2,68	159	1080	ф2-38
39	6039	Мансур б. Нух	362	973	Самарканд	3,55			ф2-39
40	6040	Нух б. Мансур	363	974	Самарканд	4,43	159	1087	
41	6041	Мансур б. Нух	363	974	Самарканд	3,05	159	1087	
42	6042	Мансур б. Нух	363	974	Самарканд	3,42	159	1087	
43	6043	Мансур б. Нух	363	974	Самарканд	2,73	159	1087	
44	6044	Мансур б. Нух	363	974	Самарканд	3,47	159	1087	
45	6045	Мансур б. Нух	36*		аш-Шаш	2,96	159	1085	

46	6046	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	2,69	160	1105	
47	6047	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	3,04	160	1105	
48	6048	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	2,72	160	1105	
49	6049	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	2,62	160	1105	
50	6050	Мансур б. Нух	364	975	Самарканд	3,35			ф2-50
51	6051	Мансур б. Нух	364	975	Самарканд	2,74			
52	6052	Мансур б. Нух	3*4		аш-Шаш	2,96			
53	6053	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,81	161	1119	
54	6054	Мансур б. Нух	365	976		2,98	161	1119	
55	6055	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,75			
56	6056	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,39	161	1119	
57	6057	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,87	161	1119	
58	6058	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,75	161	1119	
59	6059	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,02	161	1119	
60	6060	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,29	161	1119	
61	6061	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,76	161	1119	
62	6062	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,13	161	1119	
63	6063	Мансур б. Нух	3*5		аш-Шаш	3,08			
64	6064	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	1,17			
65	6065	Мансур б. Нух	365	976	Самарканд	2,37			
66	6066	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,88	161	1124	
67	6067	Мансур б. Нух	366	977	Самарканд	2,97	161	1124	
68	6068	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,83	161	1124	
69	6069	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,31	161	1124	
70	6070	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,89	161	1124	
71	6071	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,01	161	1124	
72	6072	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,94	161	1124	
73	6073	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,11	161	1124	
74	6074	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,30	161	1124	
75	6075	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,15	161	1124	
76	6076	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,08	161	1124	
77	6077	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,46	161	1124	
78	6078	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,87	161	1124	
79	6079	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,85	161	1124	
80	6080	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,59	161	1124	
81	6081	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,04	161	1124	
82	6082	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,62	161	1124	
83	6083	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,13	161	1124	
84	6084	Мансур б. Нух	36*		аш-Шаш	2,85	161	1124	
85	6085	Мансур б. Нух	?			1,57	161	1124	
86	6086	Мансур б. Нух	36*		аш-Шаш	3,03	161	1124	
87	6087	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,11	161	1124	
88	6088	Мансур б. Нух	36*		аш-Шаш	3,01	161	1124	
89	6089	Мансур б. Нух	?		аш-Шаш	2,70	161	1124	
90	6090	Мансур б. Нух	36*		аш-Шаш	3,28	161	1124	ф2-90
91	6091	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,92	161	1124	
92	6092	Мансур б. Нух	?			2,84			
93	6093	Мансур б. Нух	361	972	аш-Шаш	2,72	159	1072	
94	6094	Мансур б. Нух	?			3,02			
95	6095	Мансур б. Нух	?		Самарканд	0,85			
96	6096	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	3,14	162	1135	
97	6097	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,32	162	1135	

98	6098	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,47	162	1135	ф2-98
99	6099	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	0,77	162	1135	
100	6100	Нух б. Наср	?		Самарканд?	3,09			
101	6101	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,40	162	1135	
102	6102	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,80	162	1135	
103	6103	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	3,16	162	1135	ф2-103
104	6104	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,81	162	1135	
105	6105	Нух б. Мансур	366	977	Бухара	2,28	162	1132	ф2-105
106	6106	обл	?			обл			
107	6107	Нух б. Мансур	?			2,08			
108	6108	саманиды	?			обл			
109	6109	Мансур б. Нух	?		аш-Шаш	обл			
110	6110	Мансур б. Нух	?						
111	6111	Мансур б. Нух	?			2,78			
112	6112	Микаил б. Джафар	306	919	Самарканд	2,87	141	726	ф2-112
113	6113	Мумин б. Хасан	?		Булгар	2,37			ф2-113
114	6114	Рукн ад-давла	339	951	Сираф	6,50			ф2-114
115	6115	Муиз ад-Давла	?			1,82			
116	6116	бுவейхиды	?			3,40			
117	6117	Свен Эстресен	?		Лунд	0,85			ф2-117
118	6118	саманиды	?		Бухара	1,75			фельс
119	6119	Мухамед б. Али	356	967	Джурджания	1,61			ф2-119
120	6120	саманиды				обл= 17			
121	к01	Нух б. Наср				3,05			
122	к02	Нух б. Наср	334	946	Самарканд	1,15			
123	к03	Мансур б. Нух	359	970	аш-Шаш	2,80	158	1064	ф3-к03
124	к04	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,70	161	1119	
125	к05	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,94	161	1119	
126	к06	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,54	161	1119	
127	к07	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,03	161	1119	ф3-к07
128	к08	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,82	161	1119	
129	к09	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,49	161	1119	
130	к10	Мансур б. Нух	365	976	(аш-Шаш)	3,34			
131	к11	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,96	161	1124	ф3-к11
132	к12	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,97	161	1124	
133	к13	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,01	161	1124	
134	к14	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,94	161	1119	
135	к15	Нух б. Мансур	367	978	Самарканд	3,31	162	1135	366 г.х.
136	к16	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,51	161	1119	
137	к17	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	обл	162	1135	
138	к18	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	1,86	162	1135	
139	к19	Мансур б. Нух	364	975	Самарканд	2,08			
140	к20	Мансур б. Нух	361	972	аш-Шаш	2,50			
141	к21	Мансур б. Нух	362	973	аш-Шаш	3,05			
142	к22	Мансур б. Нух	?		аш-Шаш	3,20			
143	к23	саманиды	?			0,35			
144	к24	Мансур б. Нух	365	976	Самарканд	3,80	161	1128	ф3-к24
145	к25	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	3,21	162	1135	
146	к26	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	1,15	161	1119	
147	к27	Мансур б. Нух	363	974	Самарканд	2,74	159	1087	

148	к28	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,97	161	1119	
149	к29	Мансур б. Нух	362	973	аш-Шаш	3,70	159	1078	
150	к30	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,98	161	1119	
151	к31	саманиды	364	975		0,99			
152	к32	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,49	161	1119	
153	к33	Абд ал- Малик б. Нух				1,01			
154	к34	Нух б. Наср	?		аш-Шаш	0,68			
155	к35	Мансур б. Нух	360	971	аш-Шаш	3,30	158	1071	
156	к36	Наср б. Ахмед	32*			2,16			ф3-к36
157	к37	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,30	161	1119	
158	к38	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,25	161	1119	
159	к39	Мансур б. Нух	366	977	Самарканд	3,30	161	1124	
160	к40	Нух б. Мансур	366	978	Самарканд	2,97	162	1135	
161	к41	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш				
162	к42	Мансур б. Нух	364	975	Самарканд				
163	к43	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	4,66	162	1135	
164	к44	Наср б. Ахмед	320	932	Самарканд		135	571	село1
165	к45	Мансур б. Нух	357	968	Бухара		157	1023	село3
166	к46	Мансур б. Нух	361	972	Самарканд				село5
167	к47	Мансур б. Нух	362	973	аш-Шаш				село6
168	к48	Мансур б. Нух	363	974	аш-Шаш				село7
169	к49	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш				село8
170	к50	обломки				обл=23			село15
171	к51	фельс							село17
172	к52	В.Булгария			Сувар				село19
173	к53	Свен Эстресен	?		Лунд				село18
174	с01	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,38	161	1124	
175	с02	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,26	161	1124	
176	с03	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	3,17	162	1135	
177	с04	Мансур б. Нух	357	968	аш-Шаш	3,52	нет		
178	с05	Мансур б.Нух	366	977	Самарканд	3,66			ф3-с05
179	с06	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,80			
180	с07	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,97	161	1124	
181	с08	Мансур б. Нух	365	976	Самарканд	3,01	161	1119	
182	с09	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	3,16	160	1105	
183	с10	Мансур б. Нух	357	968	Самарканд	2,90	156	1020	ф3-с10
184	с11	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	3,50			
185	с12	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,92			ф3-с12
186	с13	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	2,89			
187	с14	Мансур б. Нух	365	976	Самарканд	3,88	161	1119	
188	с15	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,10	161	1124	
189	с16	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,00			
190	с17	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,28	162	1135	
191	с18	Наср б. Ахмед	314	926	аш-Шаш	2,55	132	505	ф3-с18
192	с19	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	2,87			ф3-с19
193	с20	Мансур б. Нух	360	971	аш-Шаш	3,11			
194	с21	Мансур б. Нух	366	977	аш-Шаш	3,18	161	1124	
195	с22	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,06			
196	с23	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	2,77			
197	с24	Мансур б. Нух	366	977	Самарканд	3,08	161	1124	

198	с25	Мансур б. Нух	361	972	Бухара	3,25	159	1073	ф3-с25
199	с26	Мансур б. Нух	365	976	Самарканд	3,39	161	1119	
200	с27	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	3,35	160	1105	
201	с28	Мансур б. Нух	357	968	Балх	3,67	нет		ф3-с28
202	с29	Мансур б. Нух	366	977	Нишапур	3,25	161	1124	
203	с30	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	3,01	162	1135	
204	с31	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	3,21	162	1135	
205	с32	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,93	162	1135	
206	с33	Нух б. Мансур	366	977	Самарканд	2,97	162	1135	
207	с34	Мансур б. Нух	358	969	Бухара	2,65			
208	с35	Мансур б. Нух	361	972	Бухара	3,14			
209	с36	Мансур б. Нух	365	976	Самарканд	3,30			ф3-с36
210	с37	Мансур б. Нух	359	970	аш-Шаш	2,92			
211	с38	Мансур б. Нух	360	971	аш-Шаш	2,44			
212	с39	Мансур б. Нух	364	975	Самарканд	2,81			
213	с40	Мансур б. Нух	364	975	аш-Шаш	2,85	160	1105	
214	м1	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,20			
215	м2	Мансур б. Нух	362	973	аш-Шаш	3,20			
216	м3	саманиды= обломки	?	?		4,70			
217	м4	Нух б. Мансур	?	?		1,27			
218	м5	саманиды	?	?		0,79			
219	м6	Мансур б. Нух	365	976	аш-Шаш	3,16			
220	м7	Мансур б. Нух	?	?		2,28			
221	м8	Мансур б. Нух	?	?		0,75			
222	м9	Мансур б. Нух	?	?	Самарканд	2,94			

Таблица 2

Распределение монет по династиям

династии	правители	правл.	i-б	i-с	i-к	i-м	ст.м.	мл.м	все
Сасаниды	типа Хосров II	590–628	1						1
Аббасиды	обломки		2						2
Абу Даудиды	правители г.Андераба		1					295	1
Саманиды	Исмаил (?) б. Ахмад	892–907	1						1
	Ахмад б. Исмаил	907–914	2					298	2
	Наср б. Ахмед	914–943	9	1	2		310	330	12
	Нух б. Наср	943–954	4		2		334	340	6
	Абд ал-Малик б. Нух	954–961	5		1		344	350	6
	Мансур б. Нух	961–976	71	33	37	6	352	366	147
	Нух б. Мансур	976–997	11	6	5	1	366	366	23
	обломки		12		23	10			45
Волжская	Микаил б. Джафар		1					308	1
Болгария	Мумин б. Хасан		1						1
	сувар				1				1
Бувейхиды	Рукн ад Давла	902–976	1						1
	Муизз ад Давла	932–967	1						1
	бувейхид		1						1
Мамуниды	Мухамед б. Али		1					356	1
Дания	Свен Эстридсен	1047–75	1		1				2
всего			126	40	72	17			255

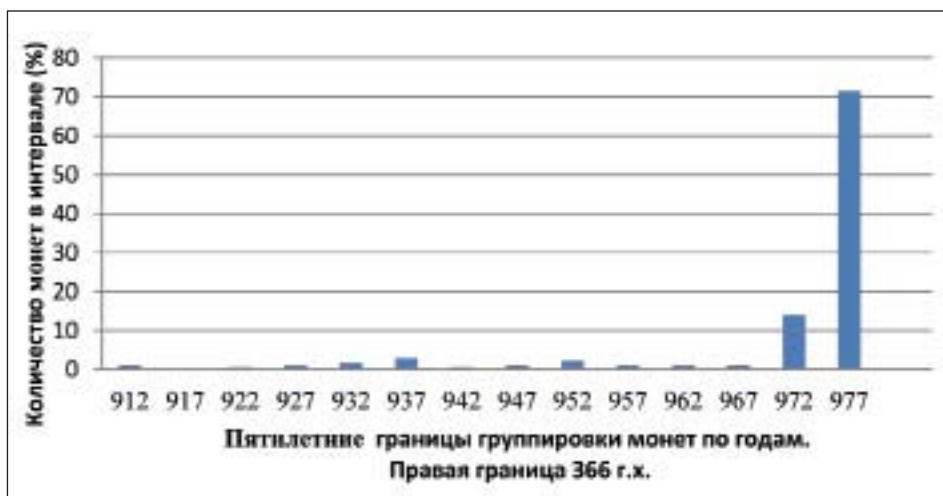


Диаграмма 1. Распределение монет по годам

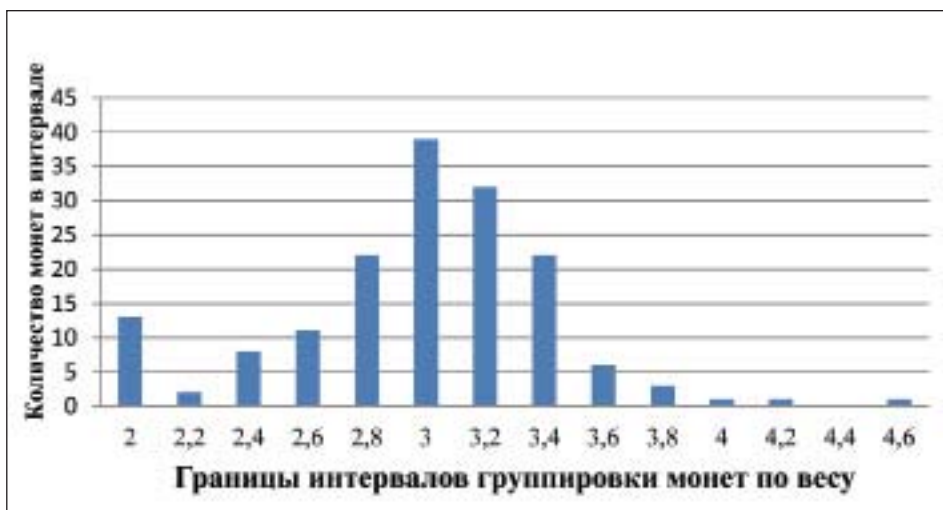


Диаграмма 2. Распределение монет по весу (более 2 г)

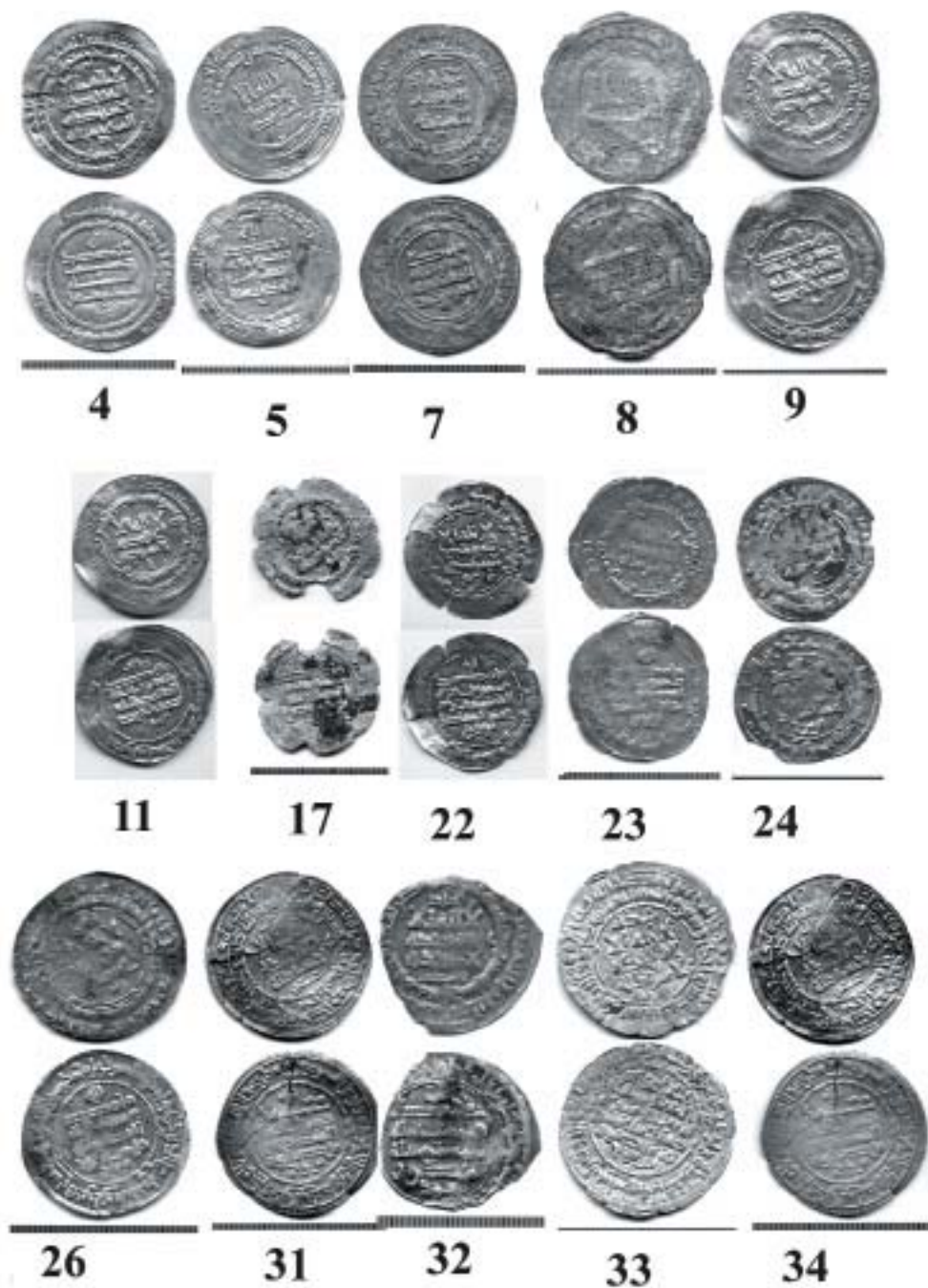


Фото 1. Снимки монет саманидов. Номера соответствуют таблице 1

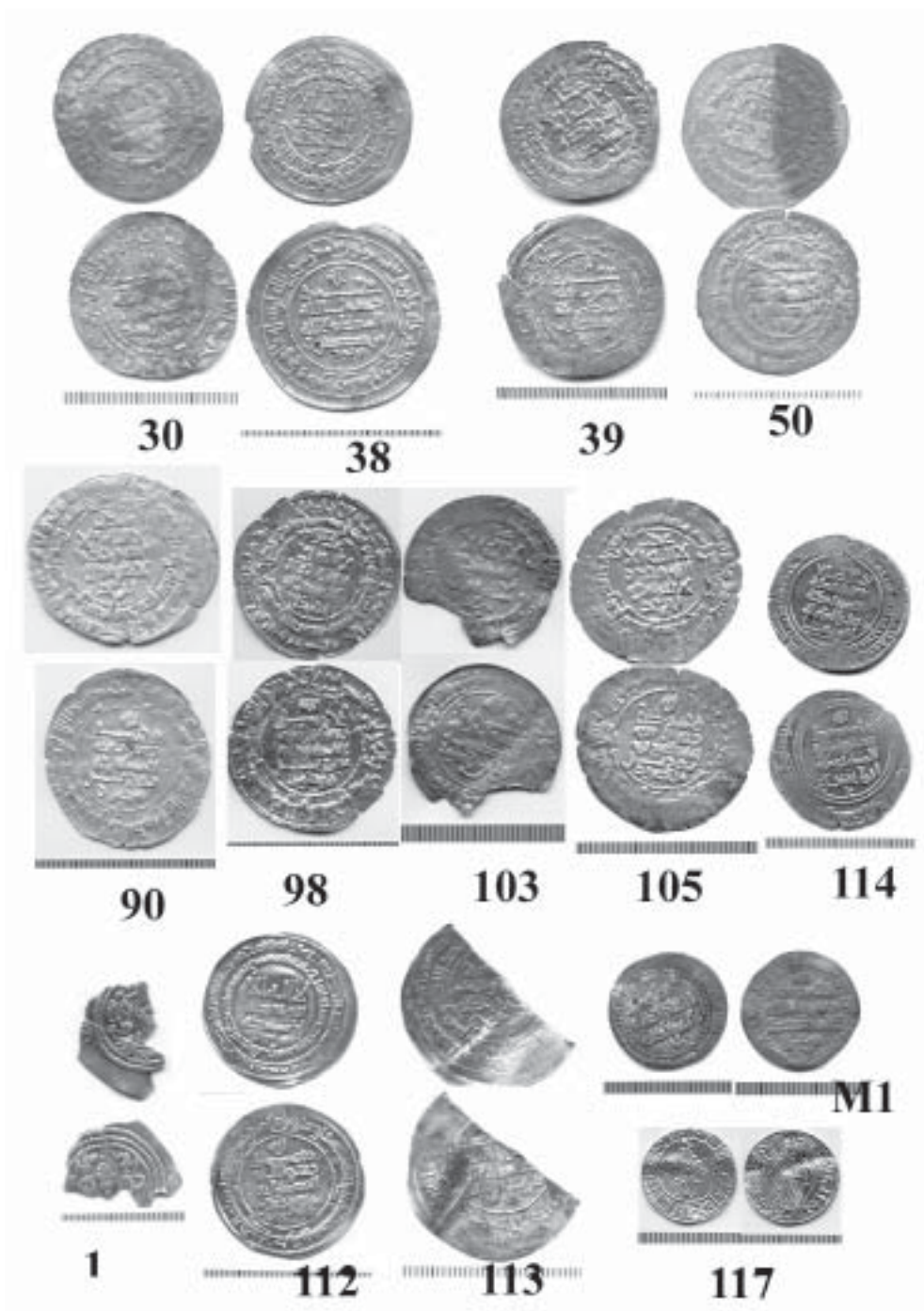


Фото 2. Снимки буйейхидского (№ 114), саманидских дирхемов, динария Дании (№ 117), медного фельса Хорезма (M1)

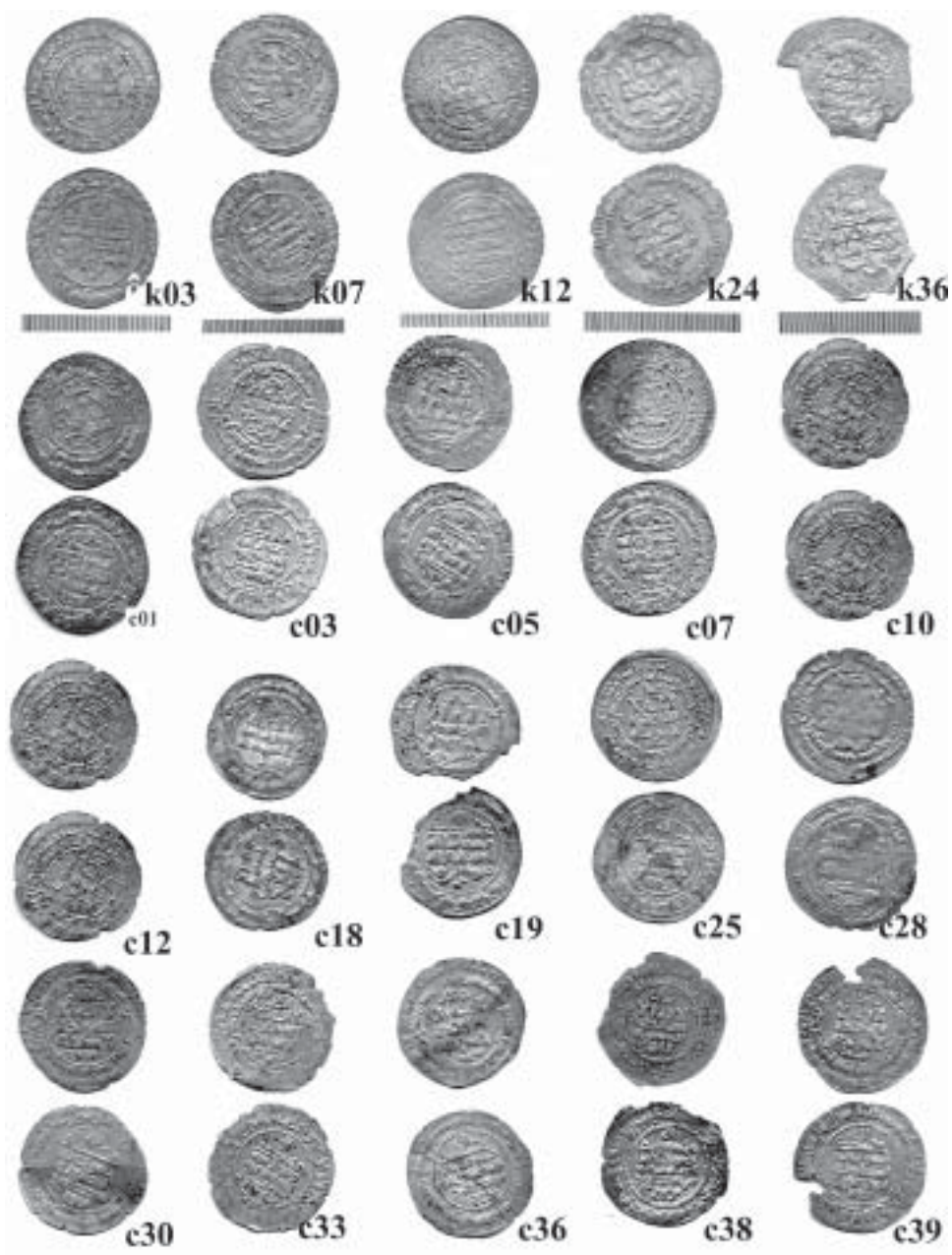


Фото 3. Снимки саманидских монет

что в 60-летнем интервале 295–355 гг.х. наблюдается примерно равномерный и низкий уровень находок дирхемов. Но в 10-летнем интервале 361–370 гг.х. (фактически в 6-летнем, так как дирхемов 368–370 гг.х. в комплексе нет) имеет место резкий максимум с 10-кратно большим числом находок. Отсутствие находок монет, чеканенных после 367/978–979 г., должно означать окончание существования поселения на этом месте. Соккрытие кладов монет, а также кладов серебряных слитков в последний год существования поселения и их невостребованность владельцами могут указывать на немирный характер этого события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Академия наук СССР, Казанский филиал. – Казань, 1986. – 110 с.
2. Беговатов Е.А. Волжская Булгария (Измерский район) конца X – начала XI вв. // Клады, хронология, интерпретация. – СПб., 2001. – С. 193–196.
3. Беговатов Е.А., Лебедев В.П. Монетный комплекс X в. I Семеновского селища (Республика Татарстан) // Академическая наука – проблемы и достижения. II. – М., 2013. – С. 40–45.
4. Ефимова А.М. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. 2. – Казань, 1980. – 231 с.
5. Казаков Е.А. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы и Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // ТА. – 1997. – № 1. – С. 61–77.
6. Казаков Е.П. Клады Семеновского острова // Клады, хронология, интерпретация. – СПб., 2001. – С. 120–123.
7. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. – 176 с.
8. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. – СПб.: Императорский Эрмитаж. – СПб., 1896. – 844 с.
9. Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. – 1997. – Т. 9. – С. 76–97.
10. Кропоткин В.В. Булгарские монеты X века на территории древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986. – С. 38–62.
11. Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 208 с.
12. Плетнева С.А. Древние болгары в восточноевропейских степях // ТА. – 1997. – № 1. – С. 31–60.
13. Рева Р.Ю., Калинин В.А., Атаходжаев А.Х. Нумизматические дополнения к истории Хорезма X в. // XVI ВНК. – СПб., 2011. – С. 57–59.
14. Тизенгаузен В.Г. О саманидских монетах // Зап. Имп. археол. общ-ва. Т. VI. Вып. 1. – СПб., 1855. – 237 с.
15. Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X в. // ИОАИЭ. – 1926. – Т. XXXIII, вып. 1, № 2. – С. 29–53.
16. Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ. – 1985. – Т. XXIII. – С. 44–47.

17. Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки домонгольского времени в Восточной Европе // Тр. ГИМ. Вып. 115. НС, ч. XIV. – М., 2001. – С. 89–100.

18. Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. – 1962. – № 111. – С. 179–204.

Информация об авторах:

Беговатов Евгений Александрович, кандидат физико-математических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); ebegovat@gmail.com

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

Мухаметшин Джамиль Габдрахимович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Болгар, Россия); djamil78@list.ru

Сингатуллина Альфира Закиulloвна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный музей РТ (г. Казань, Россия)

NUMIZMATIC COMPLEXES OF THE 10TH CENTURY FROM THE SEMENOV ISLAND (TATARSTAN REPUBLIC)

Ye.A. Begovatov, Ye.P. Kazakov, D.G. Mukhametshin, A.Z. Singatullina

The study results of 255 10th-century coins, which have been found on the Volga Bulgar unfortified sites, located on Semyonovo Island in the mouth of the Kama River, are offered. The collection includes 251 silver coins, 2 Oriental copper ones, and two Western European coins. A fragment of the older Oriental coin has been identified as a Sassanian drachm dated to the 6th through to the 7th century; the more recent Oriental coin is a dirham of Nuh ibn Mansur of the Samanid dynasty, 366 AH (976/977 AD). The Western European coins originate from Denmark: they have been identified as denarii of Sveyn Estridsson (1047–1075). The chronological structure of the complex is shown in the figure, which demonstrates that within a 60-year period (295–355 AH) the frequency level of dirham findings has been roughly uniform and low; however, later (within a 10-year period corresponding to 361–370 AH), it dramatically increases 10 times. The lack of finds of coins minted after 367 AH (978/979), indicates the end of the settlement existence.

Keywords: archaeology, the Lower Kama river, Volga Bulgaria, tenth century, numismatics, oriental coins, Western European coins.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (ed.). 1986. *Arkheologicheskaja karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
2. Begovatov, E. A. 2001. In *Klady, khronologija, interpretatsija (Hidden Treasures: Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg, 193–196 (in Russian).
3. Begovatov, E. A., Lebedev, V. P. 2013. In *Akademicheskaja nauka: problemy i dostizhenija (Academic Science: Challenges and Achievements)* II. Moscow, 40–45 (in Russian).
4. Efimova, A. M. 1980. *Katalog arkheologicheskikh kolleksii Gosudarstvennogo muzeia TASSR (Catalogue of Archaeological Collections of the State Museum of the Tatar Autonomous Republic)* 2. Kazan (in Russian).

5. Kazakov, E. A. 1997. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1), 61–77 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 2001. In *Klady, khronologiia, interpretatsiia (Hidden Treasures: Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg, 120–123 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2001. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).
8. Markov, A. K. 1896. *Inventarnyi katalog musul’manskiikh monet Imperatorskogo Ermitazha (Inventory Catalogue of Muslim Coins in the Imperial Hermitage Museum)*. Saint Petersburg: the Imperial Hermitage Museum (in Russian).
9. Kropotkin, V. V. 1997. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 9, 76–97 (in Russian).
10. Kropotkin, V. V. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus’ (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus’: to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 38–62 (in Russian).
11. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltvomaiatskaia kul’tura (From Camps to Towns. SaltovoMayaki Culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Pletneva, S. A. 1997. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1, 31–60 (in Russian).
13. Reva, R. Yu., Kalinin, V. A., Atakhodzhaev, A. Kh. 2011. In *XVI Vserossiiskaia numizmaticheskaia konferentsiia (16th All-Russian Numismatic Conference)*. Saint Petersburg, 57–59 (in Russian).
14. Tiesenhhausen, V. G. 1855. In *Zapiski imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva (Bulletin of Imperial Archaeological Society)* VI (1). Saint Petersburg (in Russian).
15. Vasmer, P. P. 1926. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)*. Vol. XXXIII, issue 1, no. 2, 29–53 (in Russian).
16. Fyodorov-Davydov, G. A. 1985. In *Epigrafika Vostoka (Oriental Epigraphy)* XXIII, 44–47 (in Russian).
17. Fyodorov-Davydov, G. A. 2001. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 115 = *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sigillography)* XIV. Moscow, 89–100 (in Russian).
18. Yanina, S. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 111, 179–204 (in Russian).

About the Authors:

Begovatov Evgeniy A. Candidate of Physics and Mathematics, Docent. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ebegovat@gmail.com

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Mukhametshin Dzhamil G. Candidate of Historical Sciences. Bulgarian Historical and Architectural Museum-Reserve. Nazarov St., 67, Bolgar, Russian Federation; djamil78@list.ru

Singatulлина Alfira Z. Candidate of Historical Sciences. The National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlevskaya St., 2, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

УДК 902:737

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С СЕЛИЩА ЧАКМА (р.п. ЛАИШЕВО, РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН)

© 2013 г. А.И. Бугарчев, К.А. Руденко

Представлены результаты анализа 175 монет XIII–XIV вв. с селища Чакма в низовьях р. Кама. Исследованная коллекция включает 71 монету из серебра и 104 монеты из меди. Для серебряных монет было выделено девять периодов чеканки (от 1240-х до 1400-х гг.) и установлено их происхождение с различных монетных дворов, среди которых Булгар, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадид, Гулистан и др. Специально рассматриваются медные монеты болгарского чекана середины – второй половины XIII в. Делается вывод об активном обращении серебряных и медных монет на поселении Чакма во второй половине XIII в., отмечается его небольшое увеличение во второй трети XIV в., что указывает на его вовлеченность в общеимперскую торговлю. В конце 1360-х годов денежное обращение на селище Чакма прекращается в связи с началом общего политического и экономического кризиса Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, средневековье, Золотая Орда, Болгарский улус, булгары, нумизматика, серебряные и медные монеты, монетный двор, динар, данг, пул

Селище Чакма расположено на восточной окраине р.п. Лаишево Республики Татарстан, в правобережье р. Кама. Оно представляет целый комплекс археологических объектов, в числе которых 3 могильника, на которых исследовано свыше 60 погребений, селище, разделенное оврагом Большая Чакма на восточную и западную части, и несколько местонахождений. Как археологический объект этот комплекс изучался с 60-х годов XX в. Установлено, что это был крупный металлургический и ремесленный центр сельского типа в нижнем течении Камы. Специализировался он на обработке железа (Руденко, 1999, с. 73–102).

Активная жизнь на поселении началась в XI в. Наивысшего расцвета селище достигло в XII – начале XIII в., являясь местным центром ремесла и торговли. Основными занятиями жителей Чакмы в этот период была до-

быча и выплавка железа, а также изготовление кузнечных изделий. С 1988 по 1997 г. на памятнике в результате сборов подъемного материала было обнаружено свыше 2000 изделий из железа, более 30 кг шлаков и криц, исследованы остатки жилых, хозяйственных и ремесленных комплексов (Руденко, 2011, с. 32–151). Жители Чакмы, как и любого другого средневекового поселения, занимались также земледелием, животноводством, охотой и рыболовством, то есть вели комплексное хозяйство.

Большую роль в жизни Чакмы до монгольского нашествия играла внутренняя торговля. Ремесленники, жившие здесь, обеспечивали своей продукцией население довольно большой округи – примерно 18–30 км. Некоторые украшения и бытовые изделия из железа имеют точные аналоги в материалах, расположенных в этой зоне, а также VI Алексеевского,

Мурзихинского селищ, городища Кашан I, существовавших в XI – начале XIII в.

Монгольское нашествие изменило ситуацию. На протяжении XIII в. постепенно Чакма приходит в упадок. В конце XIII – начале XIV в. территория поселения заметно сокращается, охватывая в основном приустьевую часть оврага Большая Чакма. Во второй половине XIV в. жизнь перемещается на восточный берег этого оврага. Окончательное функционирование селища прекратилось в XV в., причем в XIV в. производство железных изделий на продажу на Чакме прекратилось вовсе. Ремесленным центром это поселение уже не являлось. Однако, как ни парадоксально, именно к этому периоду на Чакме относится немалое количество нумизматических находок. Очевидно, это объясняется выгодным расположением поселения поблизости от Камы и особенностями навигации на этом участке реки. Иначе говоря, Чакма в этот период была важным звеном речной навигации, что обеспечивало доход и благосостояние его жителей.

Нами были изучены нумизматические материалы с этого поселения, полученные в ходе сборов подъемного материала в 1990 – начале 2000-х годов. Часть находок имеет привязку к конкретным частям этого поселения. Установлено, что монеты концентрировались близ устья оврага Большая Чакма, к западу и востоку от него, которое было заселено в XI–XIV вв. Общие сведения о некоторых монетах, найденных в этот период, были опубликованы (Руденко, 2011, с. 100–101).

На сегодняшний момент можно говорить о 175 монетах – 71 серебряной

и 104 медных. Они находятся в фондах музея Лаишевского края им. Г.Р. Державина в р.п. Лаишево и в частных коллекциях. К сожалению, остались недоступными коллекция монет с Чакмы в фондах НМ РТ. Состав рассматриваемого комплекса серебряных монет приведен в таблице 1.

По времени чекана монеты распределились следующим образом:

- 1240-е – до 1266 г. (Монгольская империя) – 6 экз. (с именами ан-Насира, Мунке и Ариг-Буги);
- 1266–1273 гг. – 4 экз. (ранние монеты Менгу-Тимура);
- 1270-е – начало XIV в. – 10 экз.;
- Первая четверть XIV в. (по Барскоенорускиному кладу) – 20 экз. (14 анонимных и анэпиграфных болгарских и 6 сарайских монет времен Токты и Узбека);
- 1332–1341 гг. – 8 экз. (болгарские и сарайские монеты Узбека);
- 1342–1357 гг. – 11 экз. (Джанибек);
- 1357–1363 гг. – 6 экз. (Бирдибек, Навруз, Хызр, Мурид);
- 1370-е гг. – 4 экз. (обрезанные подражания и турецкая (?));
- 1400-е гг. – 2 экз.

Отметим, что специфика периферийных золотоордынских поселений, в том числе и Чакмы, заключалась в том, что новые эмиссии монетных дворов не обязательно сразу после выпуска включались в сферу местного денежного обращения¹. Для монетного обращения Булгарского улуса в период второй половины XIII – первой трети XIV в. характерна локальность (Петров, Бугарчев, 2012). Учитывая этот фактор, можно пред-

¹ Авторы выражают благодарность П.Н. Петрову за консультации при работе с нумизматическим материалом.

Таблица 1

Серебряные монеты, найденные на территории Чакмы

№	Эмитент	Монетный двор, год х.	Вес, г	Аналогии
1	С именем ан-Насира	Булгар	1,00	№5 по А.З. Сингатуллиной.
2	Мунке	Булгар	–	№ 8 по А.З. Сингатуллиной.
3	Ариг-Буга	Булгар	0,55	№10 по А.З. Сингатуллиной. Обломана.
4–6	Ариг-Буга	Булгар	–	№10 по А.З. Сингатуллиной. 3 экз.
7	Анонимная	Булгар	1,35	№43 по А.З. Сингатуллиной.
8	Анонимная	Булгар	–	№49 по А.З. Сингатуллиной.
9	С именем «ан-Насир» и тамгой Менгу-Тимура	Булгар	1,45	№ 64 по А.З.Сингатуллиной.
10	С именем «ан-Насир» и тамгой Менгу-Тимура	Булгар	–	№64 по А.З. Сингатуллиной.
11	Анэпиграфная	–	–	№131 по А.З. Сингатуллиной.
12	Анэпиграфная	–	1,34	№157 по А.З. Сингатуллиной.
13	Анэпиграфная	–	1,29	№163 по А.З. Сингатуллиной.
14	Анэпиграфная	–	1,34	№170 по А.З. Сингатуллиной.
15	Анэпиграфная	–	–	№170 по А.З. Сингатуллиной.
16	Анэпиграфная	–	1,28	№182 по А.З. Сингатуллиной.
17	Анэпиграфная	–	0,91	№76 по А.З. Сингатуллиной. Обломана.
18	Анэпиграфная	–	–	№126 по А.З. Сингатуллиной.
19	Анэпиграфная	–	–	№128 по А.З. Сингатуллиной.
20	Анонимная	–	1,26	№ 135 по А.З. Сингатуллиной.
21	Анэпиграфная	–	–	№180 по А.З. Сингатуллиной.
22–23	Анэпиграфная	–	1,27 и 1,31	№194 по А.З. Сингатуллиной. 2 экз.
24	Анонимная	–	1,08	№ 202 по А.З. Сингатуллиной.
25	Анонимная	–	–	№202 по А.З. Сингатуллиной.
26–28	Анонимные	Болгар	–	3 экз.
29–30	Токта	Сарай ал-Махруса, 710	–	2 экз. 1 данг с аверсом С11 и реверсом 3.33 по А.Л. Пономареву 2011, с.39–40.
31	Токта	Сарай ал-Махруса, 710	–	
32	Узбек	Сарай, 717	–	
33	Узбек	Сарай, 727~28	–	
34	Узбек	Булгар ал-Махруса, «723»	–	№13 по П.Н. Петрову, А.И. Бугарчеву 2012.
35–37	Узбек	Сарай, 734 или 737	–	3 экз.
38–39	Узбек	Сарай, 740	–	2 экз.
40	Узбек	Сарай, 739~741	–	
41	Узбек	Сарай	1,55	
42–43	Джанибек	Ас-Сарай ал-Джадид, 743~745	–	2 экз.

44–45	Джанибек	Сарай ал-Джадид, 747	–	2 экз.
46–47	Джанибек	Сарай ал-Джадид, 748	–	2 экз.
48	Джанибек	Сарай ал-Джадид, 750	–	
49	Джанибек	Хорезм, 751	–	№ 13 по Г.А. Федорову-Давыдову, 1965.
50	Джанибек	Сарай ал-Джадид, 747	–	
51–52	Джанибек	Гулистан, 75(2~3~6)	–	2 экз.
53–54	Бердибек	Гулистан, 759	–	2 экз.
55	Навруз	Сарай ал-Джадид, 761	–	
56	Хызр	Сарай ал-Джадид, 761	–	
57–58	Мурид	Гулистан, 764	–	2 экз.
59	?	?	0,67	подражание
60	Узбек	Сарай	0,89	подражание; обрезанная
61	Джанибек	Сарай ал-Джадид	0,76	подражание; обрезанная
62	Джанибек	Ас-Сарай ал-Джадид	0,90	подражание; обрезанная
63	Дервиш	Булгар?	0,81	
64	?	Хаджи-Тархан? 800-е гг.х.	–	
65	Бейлики Турции?	770-е гг. х.?	0,87	
66	Анонимная	–	–	№202 по А.З.Сингатуллиной.
67	Анэпиграфная	–	1,33	№127 по А.З. Сингатуллиной.
68	Анэпиграфная	–	1,34	№151 по А.З. Сингатуллиной.
69	Анэпиграфная	–	1,31	№161 по А.З. Сингатуллиной.
70	Анэпиграфная	–	1,47	№197 по А.З.Сингатуллиной.
71	Токта	Сарай ал-Махруса, 710	1,34	Аверс В5~В6, реверс 1 по А.Л. Пономареву 2011.

Примечания: 1) Монеты номера 76, 126, 128, 135, 180, 194, 202 по А.З. Сингатуллиной помещены последними из булгарских, т.к. эти монеты присутствуют в Барскоенарускинском кладе периода правления Узбека (см. Гумаюнов, 2002. 2) На селище также были найдены русская удельная монета XV в. (князь Александр Иванович Суздальский, 1423–1427 гг.; Тростьянский, 2009, тип IV) и две русские копейки XVII в.

положить, что сарайские данги 710–740 гг.х. пришли на территорию Булгарского улуса в основном после 740 / 1339–1340 года. Тогда распределение «серебра» по периодам обращения можно представить так, как в таблице 2. Для сравнения здесь нами приведены данные по монетам с городища Джукетау, специально исследованных одним из авторов и его коллегами (Лебедев, Бугарчев, Гумаюнов, 2008; Мухаметшин, 2009).

Количественные расхождения между одними и теми же хронологическими группами монет, но для двух сравниваемых средневековых населенных пунктов в период с 1240-х по 1340 год минимальны – от 1,7 до 5%. Но для следующего периода, с 1342 по 1363 г., отличия фиксируются существенные – более чем на 12%. Также надо отметить полное отсутствие находок монет XV в. в Джукетау.

Таблица 2

Находки серебряных монет XIII–XV вв. с Чакмы и Джукетау

Годы	Чакма		Джукетау		Примечание
	кол-во		кол-во		
	шт.,	%	шт.,	%	
1240-е – 1266	6	8,4	5	6,7	
1266 – первая треть XIV в.	29	40,8	25	36	булгарский чекан
710–740/ 1310–1340	13	18,3	10	13,3	сарайский чекан
742–764/ 1342–1363	17	23,9	27 (в т.ч. монета Ирана 750 г.х.)	36	
1370-е	4 (в т.ч. монета Турции(?))	5,6	6	8	обрезанные
1400-е	2	2,8	–	–	
Всего	71	100	75	100	

Таблица 3

Монетные дворы, выпускавшие серебряные монеты

Монетный двор	Чакма		Джукетау	
	кол-во		кол-во	
	шт.	%	шт.	%
Булгар, Булгар ал-Махруса	34	47,9	33	44
Сарай, Сарай ал-Махруса	14	19,7	11	14,7
Сарай ал-Джадид	12	16,9	13	17,3
Гулистан	6	8,4	14	18,7
Другие	5 (Хорезм, Хаджи-Тархан, Иран, Булгар XV в.)	7,0	4 (Азак, Иран, неопределенный м.д.)	5,3

Распределение серебряных монет по монетным дворам представлено в таблице 3 (так же в сравнении с Джукетау).

Почти одинаковый процент находок монет в составе комплексов приходится на продукцию монетного двора Булгар (47,9 и 44% с каждого объекта), микроскопическая разница у монет Сарая ал-Джадид (~ по 17%)

и небольшая – у дангов Сарая (19 и 14%). Более значительное процентное расхождение наблюдается в присутствии гулистанских дангов – на Чакме их в более чем два раза меньше, чем в Джукетау, – 8,4 против 18,7%.

Обратимся к медным монетам (таблица 4).

По периодам чекана данные представлены в таблице 5.

Таблица 4

Медные монеты из находок на Чакме

№ п/п	Тип	Эмитент	Монетный двор, год х.	Вес, г	Примечание
1	С именем ан-Насира	Не указан	Не указан	6,12*	№ 7 по А.З. Сингатуллиной
2–29	«»	«»	«»	2,93; 2,92; 2,84; 2,77; 2,75; 2,73; 2,61; 2,57; 2,55; 2,49; 2,47; 2,43–2; 2,35; 2,32; 2,26; 2,24; 2,19; 2,00; 1,97; 1,66; 1,57; 1,33; 1,32; 1,29; 1,20; 1,19; 0,99	28 экз.
30–36	С именем ан-Насира	Не указан	«»	–	7 экз.
37–48	–	Мунке	Булгар	4,84; 3,59; 2,99; 2,70; 2,32; 2,05; 1,70; 1,69; 1,52; 1,37; 1,32; 1,23	12 экз.
49–52	–	Мунке	Булгар	–	4 экз.
53–62	Тамга Менгу-Тимура в треугольнике	Не указан	Не указан	1,53; 0,99–2; 0,89; 0,88; 0,87; 0,74; 0,62; 0,54; 0,40	10 экз.
63–66	Тамга Менгу-Тимура в звезде	Не указан	Булгар, 732–736	1,26; 1,07; 1,04; 0,51	4 экз.
67	–	Не указан	Мохши, [736]	1,11	Как №2 по Д.Г. Мухаметшину, 2000
68–69	«Решетка»	Не указан	Булгар	1,04; 0,86	
70	«»	«»	«»	–	
71–78	«Лев и солнце»	Не указан	Сарай, 737	1,40; 1,32; 1,01; 0,97; 0,93; 0,75; 0,69; 0,66	8 экз.
79–82	«Двуглавый орел»	Не указан	Сарай ал-Джадид, (743–750)	1,53; 1,36; 1,23; 1,16	4 экз.
83–84	«»	«»	«»	–	2 экз.
85	«Розетка»	Не указан	Сарай ал-Джадид, (750–761)	1,62	
86–87	–	Хызр	Гулистан, г.?	3,67; 2,71	2 экз.
88–92	–	«»	Гулистан, 766	3,22; 3,10; 3,04; 2,43; 2,30	5 экз.
93–94	–	«»	Гулистан, 762	2,97; 2,59	2 экз.
95	–	«»	Сарай ал-Джадид, [762]	2,36	

96	–	«»	Гулистан, г.?	–	
97–98	Тип не ясен	-	(1368–1380 гг.)	–	2 экз., К.А. Руденко, 2011
Неопределенные медные монеты – 6 экз.					

* По мнению А.Г. Мухамадиева, подобные крупные монеты выпускались в домонгольское время (Мухамадиев, 1983, с. 35).

Таблица 5

Находки медных монет на Чакме и в Джукетау

Период	Чакма		Джукетау		Примечание
	кол-во		кол-во		
	шт.	%	шт.	%	
1230-е – 1251 гг.	36	34,6	20	4,4	с именем ан-Насира
1251–1259 гг.	16	15,4	14	3,1	с именем Мунке
1320-е – 1340-е гг.	17	16,3	139	30,7	в т.ч. типы «тамга в треугольнике»* и «решетка»*
1340–1350 гг.	15	14,4	144	31,8	–
1350–1360 гг.	1	0,9	33	7,3	«розетка»
1361 ~ 1390-е гг.	13	12,5	103	22,7	–
Неопределенные	6	5,8	–	–	–
Всего	104	100	453	100	–

* Аргументацию датировок этих двух болгарских типов см.: Бугарчев А.И., Петров П.Н., 2013.

Таблица 6

Монетные дворы, выпускавшие медные монеты

Монетный двор	Чакма		Джукетау	
	кол-во		кол-во	
	шт.	%	шт.	%
Булгар XIII в.	52*	50	34	7,5
Булгар XIV в.	17	16,3	123	27,2
Сарай	8	7,7	72	15,9
Сарай ал-Джадид	8	7,7	154	34
Гулистан	10	9,6	32	7,1
По 4-м монетным дворам XIV в.	43	41,3	381	84,1
Другие	9 (Мохши, м.д.?)	8,6	38 (Крым, Мохши, Азак, Янгикент, Хорезм, Базджин, Орду, м.д.?)	8,4
Всего	104	100	453	100

* К этому монетному двору отнесены медные монеты и динары с именами ан-Насира и Мунке

Таблица 7

Соотношение типов болгарских медных монет

Тип	Чакма		Джукетау	
	кол-во		кол-во	
	шт.	%	шт.	%
С именем Ан-Насира	36	52,2	20	12,7
С именем Мунке	16	23,2	14	8,9
Всего за II половину XIII в.	52	75,4	34	21,6
«Тамга в треугольнике»	10	14,5	50	31,8
«Тамга в звезде»	4	5,8	44	28
«Решетка»	3	4,3	29	18,5
Всего за I половину XIV в.	17	24,6	123	78,4
Всего	69	100	157	100

Как видим, половина всех медных монет из Чакмы чеканена во второй трети XIII в. При возобновлении медного чекана Булгара в 1320-е годы количество болгарских пулов типов «тамга в треугольнике», «тамга в звезде» и «решетка» стало значительно меньше и насчитывает 17 экземпляров, или 16,3% от всего медного сбора.

В комплексе представлены пулы следующих монетных дворов (таблица 6).

Более 66% (50+16,3) медных монет с Чакмы приходится на монетный двор Булгара, доля пулов Сарая, Сарая ал-Джадида и Гулистана составляет всего 25%. В Джукетау наблюдается несколько иное положение: продукция монетных дворов Булгара XIII и XIV вв. и Сарая ал-Джадида представлена поровну – по 34% от всех находок с городища, то есть выявляется более ровное представительство пулов этих дворов. Для сравнения отметим, что находки с Болгарского городища медных монет монетного двора Булгара, в том числе с именем ан-Насира, по данным С.А. Яниной, составляют 338 экз., или 25% от всех медных монет (Янина С.А., 1962).

Суммарное количество пулов основных монетных дворов – Болгара, Сарая, Сарая ал-Джадид и Гулистана, выпущенных в XIV в., на Чакме в два раза меньше, чем таких же пулов, найденных в Джукетау, – 41% против 84%.

Отдельно рассмотрим медные монеты болгарского чекана, происходящие с Чакмы, так как на их долю приходится 2/3 всех находок медных монет. Если взять за 100% эти 69 экземпляров, то получим следующее соотношение типов (таблица 7).

Наблюдается следующая картина: болгарской «меди» второй половины XIII в. на Чакме – 75,4%, в Джукетау – 21,6%, в то же время пулы 1320-х – ~1340-х гг. на Чакме составляют 24,6%, а в Джукетау – 78,4%. Это может свидетельствовать о том, что интенсивность обращения болгарских медных монет на территории Чакмы во второй половине XIII в. была значительно выше, чем в первой половине XIV в. В Джукетау наоборот – пик интенсивного обращения болгарских пулов пришелся на 1330-е годы.

Если сравнивать в целом денежное обращение на Чакме и в Джукетау, учитывая то, что они расположены

относительно недалеко друг от друга и на одной реке – Кама, то можно отметить следующее. Суммарное количество находок «серебра» примерно одинаково – 71 экземпляр на Чакме и 75 экземпляров на Джукетау. Составы серебряных монет обоих комплексов по времени и местам чекана практически совпадают. И там, и там денежное обращение начинается со скромно представленных динаров с именем ан-Насира и монет монгольских каанов. И там, и там наблюдаются два количественных подъема: а) анонимных и анэпиграфных монет болгарского чекана последней трети XIII – первой трети XIV в.; б) дангов с названиями нижневолжских центров середины XIV в. Одинаково представлены обрезанные данги, обращавшиеся во второй половине XIV в. в период затухания экономической жизни всего Болгарского Улуса. Состав монетных дворов серебряных монет также практически идентичен – Болгар, Сарай, Сарай ал-Джадид, Гулистан. Только в Джукетау добавляются два данга Азака, а на Чакме – две монеты XV в. Что касается находок кладов серебряных монет, то в этом компоненте выявляется более высокая экономическая значимость Джукетау – здесь зафиксировано не менее трех кладов.

Что касается медных комплексов, то здесь наблюдаются существенные расхождения: 1) общее количество монет отличается в разы: на Чакме зафиксировано 104 экземпляра, в Джукетау – 453; 2) медное обращение Чакмы замирает в середине 1360-х годов

(к периоду 1368–1380 гг. относятся всего 2 медные монеты); в Джукетау же присутствуют пулы 1370–1390-х годов, а также надчеканенные монеты; 3) внутренняя структура медных комплексов. Монеты болгарского чекана составляют две трети всего сбора Чакмы, в Джукетау их чуть больше одной трети. На Чакме, кроме монет четырех основных монетных дворов, присутствует один пул географически близкой Мохши; в Джукетау найдены пулы причерноморского Крыма, нижневолжской Орду Муаззам, среднеазиатских Хорезма и Янгикента.

Таким образом, анализ нумизматического материала с Чакмы позволяет говорить о том, что после монгольского завоевания Волжской Булгарии на этом поселении продолжается достаточно активная розничная и мелкорозничная торговля, для обслуживания которой используются серебряные и медные монеты болгарского чекана. В 1340-е годы в денежное обращение Болгарского Улуса входят данги и пулы нижневолжских монетных дворов, которые проникают не только в крупные города, но и в провинциальные ремесленные центры. Это свидетельствует о вовлечении даже отдаленных частей Золотой Орды в общеимперскую торговлю и о хорошо налаженных внутренних экономических связях. В конце 1360-х годов с началом политического, а затем и экономического кризиса Золотой Орды, а также глобальной пандемии денежное обращение на селище Чакма затухает.



Фототаблица 1. Серебряные монеты с селища Чакма



Фототаблица 2. Серебряные монеты с селища Чакма



Монеты Лаишевского музея

Прорисовка л.с. медной монеты № 1

Фототаблица 3. Медные монеты с селища Чакма.
Русская удельная монета

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугарчев А.И., Петров П.Н.* Этапы медного монетного обращения в Булгарском вилайате (вторая половина XIII – первая треть XIV вв.) // ПА. – 2013. – №1 (3). – С. 216–231.
2. *Гумаюнов С.В.* Клад серебряных джучидских монет с Барскоенарусинского городища // X Всероссийская нумизматическая конференция. – М., 2002. – С. 120–122.
3. *Лебедев В.П., Бугарчев А.И., Гумаюнов С.В.* Монетное обращение Джукетау по нумизматическим данным // Труды IV Международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». – М., 2008. – С. 39–49.
4. *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983. – 168 с.
5. *Мухаметшин Д.Г.* Монеты Мохши из фондов БГИАМЗ // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. – Нижний Новгород, 2000. – Т. II. – С.50–55.
6. *Мухаметшин Д.Г.* Нумизматический материал как источник по изучению денежного обращения Джукетау // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Чистопольского муниципального района РТ. – Чистополь, 2009. – Вып. 2. – С. 359–374.
7. *Петров П.Н., Бугарчев А.И.* Особенности денежного обращения в Булгарском вилайате в последней трети XIII – первой трети XIV вв. // Вестник КазГУКИ. – Казань, 2012. № 3. – С.117–122.
8. *Петров П.Н., Бугарчев А.И.* Монеты Узбек-хана, выпущенные монетными дворами Булгарского вилайата // STRATUM+. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2012. – № 6. – С. 173–182.
9. *Пономарев А.Л.* Ключи к джучидскому чекану: Токта, год хиджры 710 // Нумизматика Золотой Орды. – Казань, 2011. – Вып. 1. – С. 28–49.
10. *Руденко К.А.* К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Материалы Международного полевого симпозиума. – Ижевск; Глазов, 1999. – С.73–102.
11. *Руденко К.А.* Города и села Булгарского Улуса Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. – 2011. – № 1–2 (20–21). – С. 32–151.
12. *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. – Казань: Заман, 2003. – 192 с.
13. *Тростянский О.В.* Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. – М.: Нумизматическая литература, 2009. – 180 с.
14. *Федоров-Давыдов Г.А.* Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. –1965. – Т.V. – С. 179–224.
15. *Янина С.А.* Общий обзор джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. (Гр. Куйбышев. археол. эксп.). – 1962. – № 111. – Т. IV. – С.153–178.

Информация об авторах:

Бугарчев Алексей Игоревич, аспирант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); abugar.61@rambler.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

NUMISMATICAL FINDS FROM THE SETTLEMENT CHAKMA (LAISHEVO, TATARSTAN REPUBLIC)

A.I. Bugarchev, K.A. Rudenko

The results of the analysis of 175 13–14th-century coins from the Chakma unfortified site in the lower reaches of the Kama river are presented. The collection under study includes 71 silver coins and 104 copper ones. For silver coins, nine periods of coinage (from the 1240s to 1400s) have been identified, and their origin from different mints, including Bolgar, Sarai-al-Maqrus, Sarai-al-Jadid, Gulistan etc., have been determined. The copper coins of Bolgar coinage dated to the mid — through to second half of the 13th century are specially considered. A conclusion about the active circulation of silver and copper coins in Chakma settlement in the second half of the 13th century is made, pointing out to its slight increase in the second third of the 14th century, which indicates its involvement in the Empire's trade. In the late 1360s, monetary circulation in Chakma settlement terminated in connection with the start of the general political and economic crisis of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, the Volga-Kama river region, the Middle Ages, the Golden Horde, the Bulgar Ulus, the Bulgars, numismatics, silver and copper coins, mint, the dinar, the dang, the pul.

REFERENCES

1. Bugarchev, A. I., Petrov, P. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1 (3)), 216–231 (in Russian).
2. Gumaiunov, S. V. 2002. In *X Vserossiiskaia numizmaticheskaiia konferentsiia (10th All-Russian Numismatic Conference)*. Moscow, 120–122 (in Russian).
3. Lebedev, V. P., Bugarchev, A. I., Gumaiunov, S. V. 2008. In *Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov (Coins and Currency Circulation in the Mongol States of 13th–15th Centuries)* IV. Moscow, 39–49 (in Russian).
4. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII–XV vv. (Bulgarian and Tatar Coinage in the 12th — 15th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Mukhametshin, D. G. 2000. In Petrov, P. N. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia i drugikh regionov (Antiquities of the Volga River Region and Other Areas). Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Collected Papers)* II. Moscow; Nizhny Novgorod: “Numizmaticheskaiia literatura” Publ., 50–55 (in Russian).
6. Mukhametshin, D. G. 2009. In *Izuchenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediiia Chistopol'skogo munitsipal'nogo raiona RT (Studying and Conservation of the Historical and Cultural Heritage in the Chistopol Municipal District, Republic of Tatarstan)* 2. Chistopol, 359–374 (in Russian).
7. Petrov, P. N., Bugarchev, A. I. 2012. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts)* 3. Kazan, 117–122 (in Russian).
8. Petrov, P. N., Bugarchev, A. I. 2012. In *Stratum plus* (6). Saint Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest, 173–182 (in Russian).

9. Ponomarev, A. L. 2011. In *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 1. Kazan, 28–49 (in Russian).
10. Rudenko, K. A. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po sredne-vekovoi arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (New Research on Medieval Archaeology of the Volga and Ural Regions)*. Izhevsk; Glazov: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 73–102 (in Russian).
11. Rudenko, K. A. 2011. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1–2 (20–21)), 32–151 (in Russian).
12. Singatullina, A. Z. 2003. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. (Jochid Coins in Volga Towns in 13th c.)*. Kazan: “Zaman” Publ. (in Russian).
13. Trost'ianskii, O. V. 2009. *Monety Velikogo kniazhestva Nizhegorodsko-Suzdal'skogo 1410–1431 gg. (Coins of the Grand Duchy of Nizhny Novgorod and Suzdal)*. Moscow: “Numizmaticheskaia literatura” Publ. (in Russian).
14. Fyodorov-Davydov, G. A. 1965. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* V, 179–224 (in Russian).
15. Yanina, S. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 111 = *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* IV, 153–178 (in Russian).

About the Authors:

Bugarchev Aleksey I. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; abugar.61@rambler.ru

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

УДК 94 "04/14"

**ЗАПАДНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ БОЛГАРСКОГО УЛУСА
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕВОБЕРЕЖНЫХ
ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОСУРЬЯ)**

© 2013 г. Н.Н. Грибов, Ф.А. Ахметгалин

Статья посвящена результатам исследований средневековых поселений Курмыш-4 и Мурзицы-1, расположенных на левобережье р. Суры в Нижегородской области. Памятники были открыты и обследованы в 2007-2009 гг. Это крупные неукрепленные поселения, основанные в XIV в. на пограничной территории между русскими землями и Болгарским улусом. По данным письменных источников, области Нижнего Посурья в это время входили во владения нижегородских князей. Памятники обнаруживают ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтничный состав населения, следы разнообразной производственной деятельности и торговли. Данные, полученные при первичном обследовании этих памятников, позволяют по-новому взглянуть на специфику освоения западного порубежья Болгарского улуса в эпоху Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, левобережье р. Сура, средневековье, русские княжества, Золотая Орда, Болгарский улус, пограничные земли, поселения, этнический состав, культурное разнообразие.

Локальные районы Среднего Поволжья, разделяющие русские земли и Волжскую Булгарию, являются слабо изученными как в историко-политическом, так и в культурном отношении. Нижнее Посурье – один из них. Пограничное положение правобережного волжского притока – р. Суры достаточно отчетливо просматривается во многих сообщениях русских летописцев XIV–XV вв., в сохранившемся актовом материале. Прямое указание на этот рубеж сохранилось в письменном источнике первой половины XVI в. – «Записках о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна (Герберштейн, 1908, с. 103).

Буферная пограничная зона, разделяющая стык двух средневековых цивилизаций, по большей части рассматривается исследователями со

стороны ее восточных образующих – домонгольской Волжской Булгарии и Золотой Орды (Хузин, 2006, с. 132–136; Фахрутдинов, 1971, с. 55; Каховский, 1980, с. 35–50). Такое положение дел связано с тем, что археологическое обследование крайних восточных поволжских русских земель до недавнего времени не протекало сколько-нибудь активно. Поэтому при определении протяженности буферной зоны в западном направлении, в направлении передового на Волге русского города Нижнего Новгорода, историки до сих пор традиционно оперируют двумя-тремя довольно второстепенными памятниками с маловыразительными материалами, открытыми еще в конце 1950 – начале 1960-х годов, такими, как селища Петровское, Отарские выселки или Михайловское (Федулов, 2009,

с. 110–111; Макаров, 1997, с. 299). За последние двадцать лет ситуация коренным образом изменилась. Теперь в распоряжении исследователей имеются сведения о 150 памятниках Волго-Окского Правобережья, оставленных русским населением в XIII–XIV вв. в районе устья Оки и к востоку от него на расстоянии до 150–180 км (Грибов, 2000, с. 41–73; 2007, с. 112–121). Как в самом Нижнем Новгороде, так и на селищах его округа за последние годы проведены достаточно масштабные раскопочные исследования, дающие отчетливые представления о специфике материальной культуры русского населения восточной поволжской периферии Северо-Восточной Руси в эпоху Золотой Орды (Грибов, 2007, с. 112–121; 2000, с. 41–73). Работы комплексной экспедиции Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2007–2009 гг. привели к обнаружению здесь, на левобережье р. Суры, двух ранее неизвестных крупных поселенческих центров, сложившихся во время ордынского владычества – поселений Курмыш-4 и Мурзицы-1 (Грибов, 2008, с. 253–264; Грибов, Лапшин, 2008, с. 141–156).

Все эти исследования открывают новые возможности для характеристики культурно-исторических процессов в пограничной области равноудаленной от двух политических полюсов Средней Волги XIV – начала XV вв. – городов Болгар и Нижнего Новгорода.

Археологические исследования, проведенные в Нижегородском Поволжье в последние два десятилетия,

позволили выяснить, что связанная с Нижним Новгородом заселенная область представляет собой компактную территорию, прилегающую к долинам крупнейших рек региона – Волги и Оки (Грибов, 2007; 2008; 2009; Архив ИА РАН. Р-1). Известные здесь памятники с доминирующим русским средневековым материалом в культурном плане достаточно однородны. Присутствие в местных керамических комплексах лепной финской керамики, как и краснолощеной золотоордынской, как правило, составляет десятые доли процента (в отдельных единичных случаях оно достигает 2–3%) (Грибов, 2006, с. 81, табл. 5; 2000, с. 41–73.). При удалении на восток и юго-восток от Нижнего Новгорода данная ситуация сохраняется, по крайней мере, до бассейна р. Сундовик. Коренным образом она меняется на берегах р. Суры.

Здесь, в Нижнем Посурье, во второй половине XIV – начале XV вв. письменные источники указывают на четыре заселенные области, входившие во владения нижегородских князей (рис. 1). Две из них в настоящее время могут быть локализованы весьма гипотетически с опорой только на топонимику (Засурье, см.: Рогожский летописец..., 2000, стб. 100) и Алгаш (Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 56). Местоположения двух других (Курмыш и Кишь), благодаря проведенным археологическим изысканиям, определяются достаточно надежно. В настоящее время лучше всего изучена область, связанная с г. Курмышом, заложенным в 1372г. городецко-нижегородским князем Борисом Константиновичем (Рогожский летописец..., 2000, стб. 100).

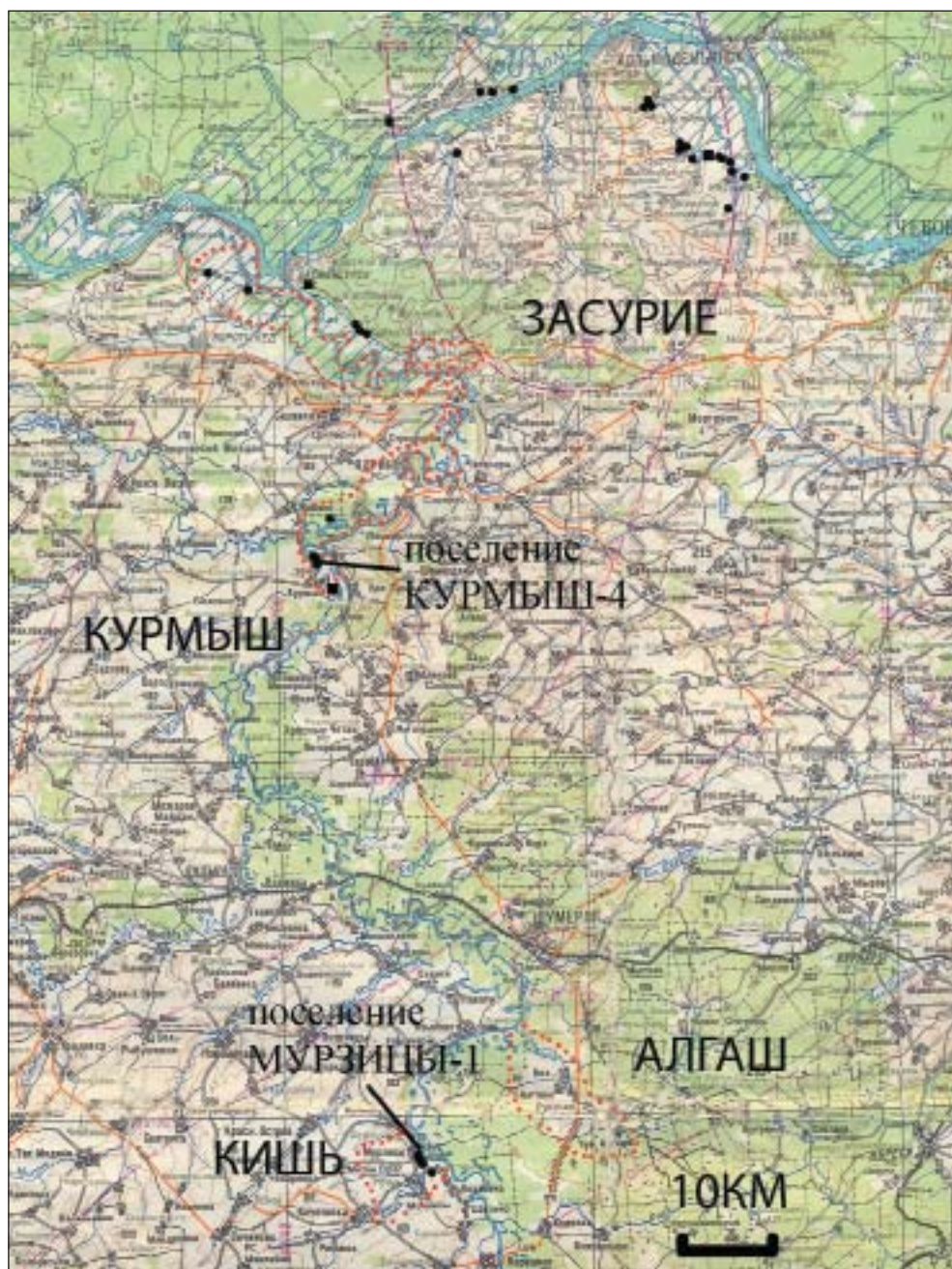


Рис. 1. Владения нижегородских князей в Посурье

Исследования, организованные здесь в последние годы, показали, что в 2,7 км от укрепленной княжеской резиденции, по своим размерам вполне соответствующей габаритам древнерусских укрепленных усадеб, так называемых «феодалных замков» (около 5000 кв. м), одновременно с ней, существовало крупное неукрепленное поселение, обозначенное как Курмыш-4. Краткие результаты первых рекогносцировочных раскопок на этом памятнике (на площади 107 кв. м) опубликованы (Грибов, Ахметгалин, 2010, с. 26–36).

Уже при первом обследовании поселения Курмыш-4 привлекло внимание исследователей своими большими размерами. По шурфовочным работам и топосъемке памятника 2011 г. площадь распространения связанных с ним культурных напластований оценена величиной 18,6 га. Его размеры весьма неординарны на фоне площадей известных неукрепленных поселений Нижегородского Поволжья: самые крупные русские селища из окрестностей Нижнего Новгорода имеют размеры порядка 4–6 га, а максимальные площади мордовских неукрепленных поселений в Потешье достигают 10–11 га. Второй особенностью данного памятника является необычный (если не сказать – уникальный) для памятников Нижегородского Поволжья этнокультурный состав инвентаря. Наиболее отчетливо своеобразие комплекса местной материальной культуры проявляется в посудной керамике.

Собранная при раскопках керамическая коллекция (без учета подъемного материала) включает в себя 17813 фрагментов. По сочетанию значений основных технологиче-

ских признаков (способу формовки, характеру обжига, рецептуре теста) в ней выделяется несколько групп. Доминирует так называемая «славяноидная» керамика, изготовленная в полном соответствии с традициями русского средневекового гончарства за исключением характерной примеси в виде толченой раковины (Хлебникова, 1967, с. 89, 90; Никитина, 2005–2006, с. 114–130). К ней в среднем относится каждый второй черепок, обнаруженный на памятнике (50,5%). Второй по распространенности является русская средневековая посуда с примесью песка или дресвы (29,7%). Профилировка большинства сосудов этих керамических групп характерна для русской керамики Нижнего Новгорода и памятников его округа из комплексов середины XIV – начала XV вв. (Грибов, 2006, с. 71).

Менее распространены на поселении круговая посуда с примесью шамота, в большинстве случаев по формам повторяющая известные русские образцы (9,2%); лепная керамика с преобладающей добавкой того же шамота, по венчикам и профилировке соответствующая мордовской посуде (7,7%); красноощенные гончарные изделия высокого обжига, хорошо известные по раскопкам поволжских городов Золотой Орды (2,2%).

Количественные соотношения керамики основных выше названных групп в подъемном материале и в разных слоях наиболее крупных материковых ям соответствуют друг другу, что свидетельствует об использовании местными насельниками посуды, изготовленной в разных культурных традициях.

Весьма разнообразен состав вещевого материала. Состоящая из 530

единиц коллекция индивидуальных находок включает в себя мелкую христианскую пластику: бронзовые кресты-тельники, иконку-привеску. Присутствие среди жителей представителей местного финноязычного населения фиксируется не только по многочисленным образцам лепной керамики, но и по бронзовым кольцевым застежкам с рифлеными спирально подвернутыми окончаниями. Особое место в сборах занимает инвентарь, относящийся к кругу поволжских золотоордынских древностей. Это большое количество осколков чугунных котлов (85 находок с учетом сборов 2011 г.), бронзовая дужка от зооморфного болгарского замка, бронзовая нашивная накладка, три однотипные поясные штифтовые накладки из бронзы подквадратной формы с выступами по углам и посередине одной из сторон, многочисленные фрагменты медной посуды, фрагмент венчика стеклянного сосуда, четыре фрагмента поливной кашинной посуды. К привозным изделиям золотоордынского происхождения, вероятно, можно отнести и бронзовую муфту (от футляра ножа?) полукруглой формы с декоративным щитком колоколовидных очертаний, отмеченным оттиском клейма в виде рельефной надписи, состоящей из двух арабских букв («ба» и «каф»). Монетные находки представлены исключительно медными пулами и серебряными дангами чеканки городов Золотой Орды (Гюлистана, Сарая, Сарая-ал-Джедида).

Еще одной характерной особенностью памятника являются обнаруженные на нем следы различных производств в виде многочисленных железосодержащих шлаков, осколков кричного железа, фрагментов кера-

мических тиглей и литейных форм, литников, слитков бронзы, бронзовой проволоки, железных инструментов – пробойника и ювелирного зубильца.

По составу керамического комплекса, этнокультурному разнообразию вещевого материала, находкам золотоордынских монет поселение Курмыш-4 можно отнести к кругу средневековых поселений, изученных в Горномарийском районе Республики Марий Эл (Никитина, Михеева, 2006, с. 142–177). Керамические коллекции одного из крупнейших средневековых центров этой области – городища Аламнэр и поселения Курмыш-4 весьма близки друг другу по составу и соотношению основных технологических групп. По этим признакам и по распространению гончарной керамики с примесью раковины, датировке поселение Курмыш – 4 также близко к Торецкому селищу (Валиулина, 2004, с. 54).

Сохранившийся текст одной жалованной грамоты из архивохранилища Нижегородского Благовещенского монастыря позволяет уверенно причислить поселение Курмыш-4 к владениям нижегородского князя Бориса Константиновича, в удел которого, по крайней мере, в промежуток с 1372 по 1393 г. входило все левобережье р. Суры от устья до места впадения в нее р. Курмышки (Акты социально-экономической истории..., 1964, с. 321). Во время похода Идегея на Русь район средневекового Курмышы был разорен, как и все заселенные области Присурья (Рогожский летописец..., 2000, стб. 484). Следующее упоминание г. Курмышы в русских летописях относится к 1445 г., когда после захвата Старого Нижнего Новгорода и битвы под Суздаlem Улу

Мухаммед привозит сюда плененного великого московского князя Василия Васильевича (Московский летописный свод..., 2004, с. 263; Зимин, 1991, с. 45). Здесь, в Курмыше, проходили переговоры об условиях его освобождения. Некоторые историки считают, что передача одному из младших сыновей Улу-Мухамеда, Касиму, в «державление» области Городца Мещерского (впоследствии известного, как г. Касимов) произошла сразу после этих событий (Рахимзянов, 2009, с. 56–57). События, произошедшие в г. Курмыше ранней осенью 1445 г., очевидно, имели непосредственную связь с основанием Казанского и Касимовского ханств. Татарский историк Ризаэтдин Фахретдин считал г. Курмыш одним из возможных мест захоронения Улу Мухаммеда (Фахретдин, 1986, с. 118).

Памятник, определяющий еще один заселенный район середины – второй половины XIV в. на левобережье Нижней Суры, выявлен и впервые обследован в 2008 г. в центральной части современного села Мурзицы Сеченовского района Нижегородской области. По расположению в устье р. Кишь его можно связать с одноименной областью, с которой Рогожский летописец связывает пребывание бояр нижегородских князей (Рогожский летописец..., 2000, стб. 109). Поселение занимает возвышенный участок береговой террасы, примыкающий с юго-востока к широкому мысу при устье небольшой р. Киши, впадающей в р. Суру по левому берегу (рис. 2). С северо-запада площадка памятника ограничена еще одной небольшой (безымянной) рекой, впадающей в Суру в 1 км к северо-западу от устья р. Киши. В 3,5 км к западу от поселения ручьи-притоки этих двух

малых рек почти замыкают в кольцо прибрежный участок нагорного плато, разделяясь возвышенным водораздельным «коридором» шириной около 300 м, по которому в древности, наверное, проходила единственная ведущая к поселению дорога. Высота площадки памятника над уровнем воды в р. Сура 8–22 м.

Она имеет уклон к юго-востоку и вытянута с северо-запада на юго-восток вдоль русла реки на 830 м. Ее площадь (по размеру области распространения подъемного материала) – около 16,5 га.

Из-за того, что памятник располагается в центральной части современного населенного пункта, его археологическое изучение крайне затруднено, а культурные напластования в значительной степени переотложены по ходу позднейшего хозяйственного освоения. Заложенный шурф (4 кв. м) вскрыл два разновременных горизонта культурных отложений. Верхний, лежащий сразу под дерном, представлен рыхлым рассыпчатым, почти черным суглинком мощностью 55 см. По многочисленным включениям позднейшей керамики, хорошо известной по раскопкам русских городов – чернолощенной, мореной, кирпично-красной с белым ангобом, а также по осколкам бутылочного и оконного стекла его формирование уверенно датируется промежутком XVII – XX вв. (см. табл. 1 и рис. 4). Верхний и нижний горизонты культурного слоя разделены прерывистой прослойкой обожженного розоватого суглинистого грунта с включением углей и золы, толщиной до 6 см. Перекрывающий стерильную погребенную почву нижний горизонт сложен плотным темно-серым суглинком. Его мощность 24–28 см.

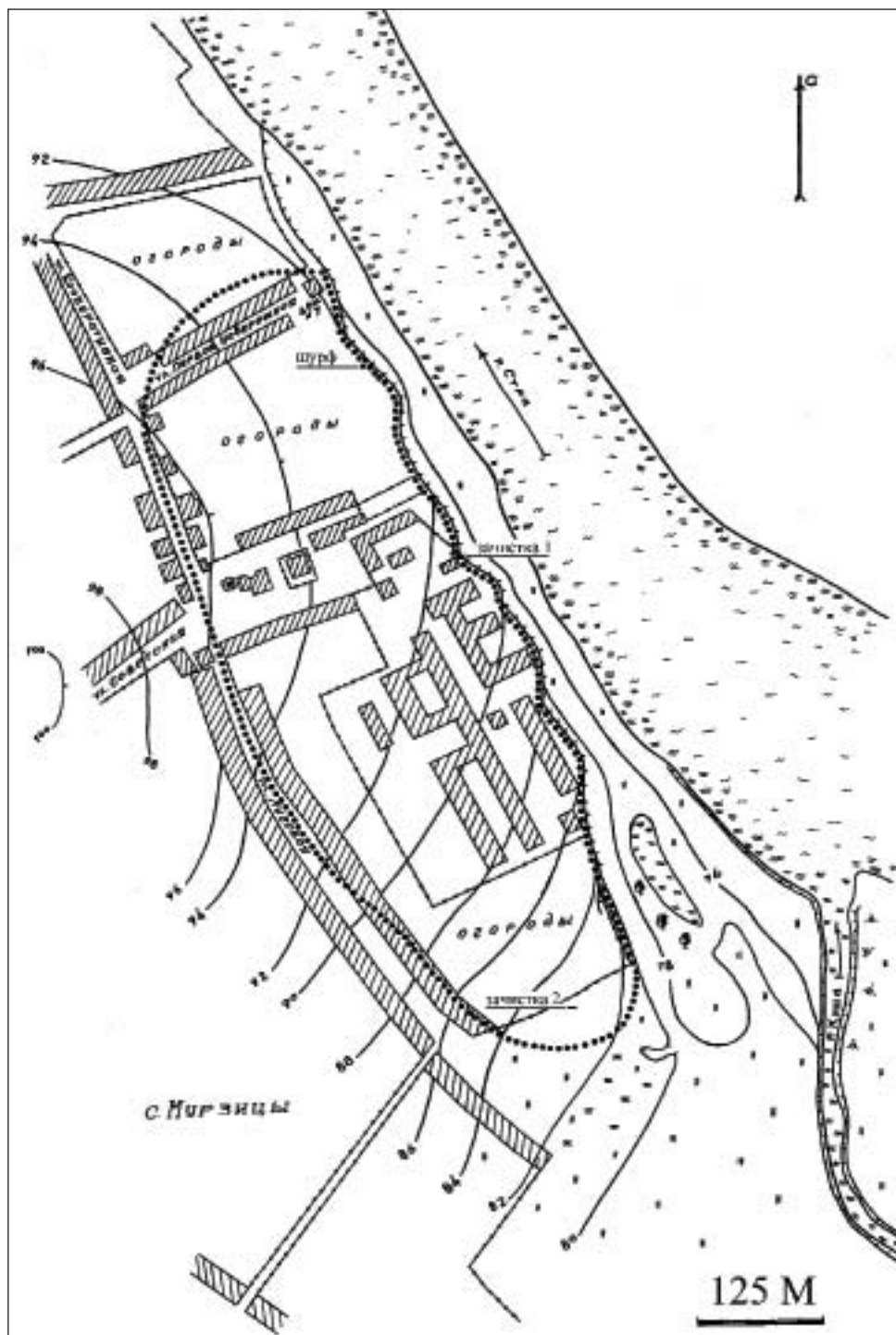


Рис. 2. Поселение Мурзицы-1. Топоплан памятника.
Высоты указаны в Балтийской системе

Таблица 1

Просчет керамики по горизонтам культурного слоя шурфа,
заложенного на поселении Мурзицы-1

Средневековая керамика	Верхний горизонт	Нижний горизонт	Общее количество фрагментов
1. Лепная с шамотом	13	14	27 (6,7%)
2. Круговая русская сероглиняная грубая с дресвой или песком	152	35	187 (46,5%)
3. Круговая «славяноидная» с примесью раковины	10	0	10 (2,5%)
4. Круговая с примесью шамота	29	0	29 (7,2%)
5. Краснолощенная золотоордынского производства	23	11	34 (8,5%)
6. Круговая красноглиняная с примесью аргиллита и размельченных белемнитов	115	0	115 (28,6%)
Всего:			402 (100%)
керамика XVI–XX вв.			
1. Белоглиняная коломенского типа XVI в.	32	5	37
2. Чернолощенная XVI–XIX вв.	67	0	67
3. Мореная XVIII–XIX вв.	42	0	42
4. Красноглиняная с примесью мелкозернистого песка XVI–XIX вв.	65	4	69
5. Красноглиняная высокого обжига с тонким тестом (осколки цветочных горшков XIX–XX вв.)	56	0	56
6. Кирпично-красная с белым ангобом XVIII в.	5	0	5
7. Красноглиняная с тонким тестом и прозрачной поливой XIX–XX вв.	3	0	3
Всего			279
всего керамики по шурфу			681

Связанный с ним керамический комплекс состоит преимущественно из осколков русской гончарной средневековой сероглиняной грубой керамики посредственного обжига с примесью песка или дресвы, лепной мордовской с примесью шамота и краснолощенной высокого обжига посуды, изготовленной в гончарных мастерских Золотой Орды, вместе образующих 75% всей

керамики нижнего горизонта. Здесь же обнаружены крупные фрагменты белоглиняной посуды с тонким тестом так называемого «коломенского типа», характерной для промежутка конца XV – середины XVI вв., а также редкие осколки ранних (XVI в.) аспидно-черных чернолощенных сосудов. Нижний горизонт, как и верхний, – не стратифицирован. По керамическому

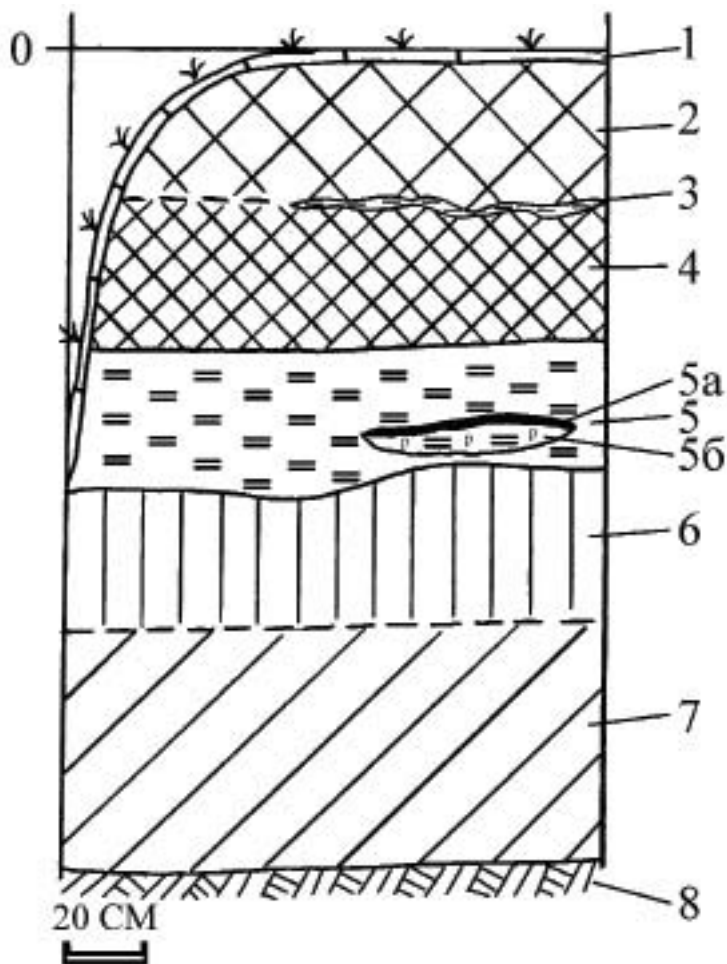


Рис. 3. Поселение Мурзицы-1. Профиль зачистки 1

1 – дерн; 2 – позднейший планировочный грунт; 3 – стерильная прослойка переотложенного материкового суглинка; 4 – рыхлый черный суглинок (соответствующий верхнему горизонту культурного слоя в шурфе); 5 – стерильный, слегка обожженный суглинок с включением углисто-золистых прослоек (5а) и линз хорошо обожженного розового грунта (5б); 6 – плотный темно-серый суглинок (соответствующий нижнему горизонту культурного слоя в шурфе); 7 – верхний гумусированный стерильный горизонт погребенной почвы; 8 – стерильный бурый четвертичный суглинок (материк)

материалу время его накопления может быть датировано промежутком XIV–XVI вв. Выявленная в шурфе стратиграфическая ситуация, вероятно, характерна для памятника в целом: она была зафиксирована и на зачищенном участке берегового обрыва,

удаленном от шурфа на 215 м. Здесь разделяющая разновременные горизонты культурного слоя прослойка с линзой сильно прокаленного грунта и углисто-золистыми включениями, достигает мощности 40 см (рис. 3).

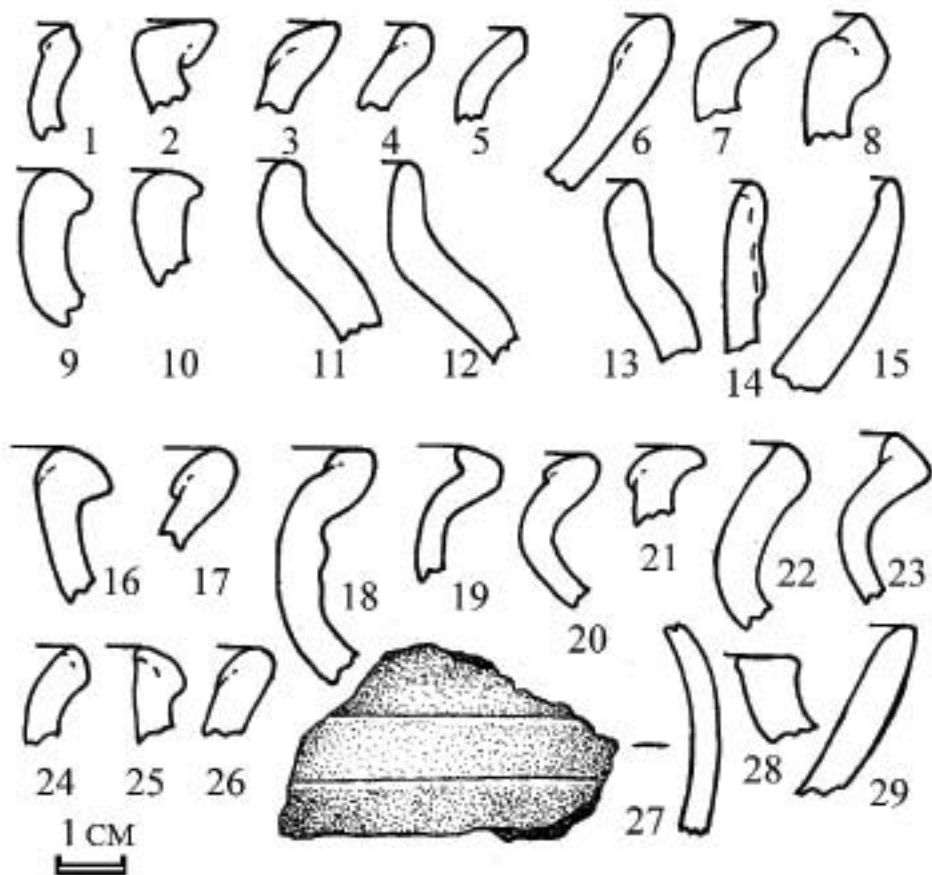


Рис. 4. Поселение Мурзицы-1. Шурф. Фрагменты венчиков (1–26, 28, 29) и стенки (26) керамических сосудов из верхнего (1–15) и нижнего (16–29) горизонтов культурного слоя

Русская средневековая гончарная с примесью дресвы или среднезернистого песка: 1–5, 16–27; лепная мордовская с примесью шамота: 28, 29; гончарная с примесью раковины: 6, 7; гончарная с примесью шамота: 13; гончарная с примесью мелкозернистого песка: 11, 12; гончарная с примесью аргиллита и осколков белемнитов: 8–10; мореная: 14–15

Помимо уже обозначенных датирующих разновидностей керамики на поселении как в шурфе, так и в подъемном материале встречены образцы еще нескольких технологических групп. Прежде всего, это фрагменты гончарных горшков темно-бурого цвета с примесью аргиллита и осколков белемнитов. В шурфе на поселении Мурзицы-1 эта керамика преобладает

в верхнем горизонте. Однако можно предположить, что посуда с таким составом формовочной массы бытовала и в средневековое время: ее редкие образцы зафиксированы при раскопках поселения Курмыш-4. Имеющиеся в коллекции фрагменты гончарных сосудов с примесью шамота и с примесью толченой раковины весьма редки (их доли среди керамики, пред-

варительно определенной как средневековой, соответственно 7,2 и 2,5%). По распространенности посуды этих двух керамических групп поселение Мурзицы-1 существенно отличается от поселения Курмыш-4. Керамика золотоордынского производства представлена преимущественно осколками лощеных сосудов. Обращает на себя внимание крупный фрагмент тарелковидного сосуда (рис. 5: 1), обнаруженный в нижнем горизонте культурного слоя при зачистке берегового обрыва. При опросе местных жителей выяснилось, что на памятнике неоднократно находили медные монеты с изображением животных – вероятно, медные пулы городов Золотой Орды.

Область р. Киши упоминается в русском летописании второй полови-

ны XIV в. дважды. Сначала в статье 1364 г. в связи с мором, который «... силенъ великъ на люди въ Новегороде въ Нижнем[ъ] и на уезде, и на Сару, и на **Киши**, и по странамъ, и по волостемъ» (Рогожский летописец..., 2000, стб. 76). Вероятно, средневековое поселение на территории современного с. Мурзицы перестало существовать в 1375 г. Под этой датой летопись сообщает: «Того же лета приидоша Татарове изъ Мамаевы Орды и взяша **Кишь** и огнемъ пожгоша и боярина убиша Парфения Феодорович[а] и за-Пиание все пограбиша и пусто сотвориша и людеи посекоша, а иныхъ въ полонъ поведоша» (Рогожский летописец..., 2000, стб. 109). Косвенно это подтверждается отсутствием заселенной области на

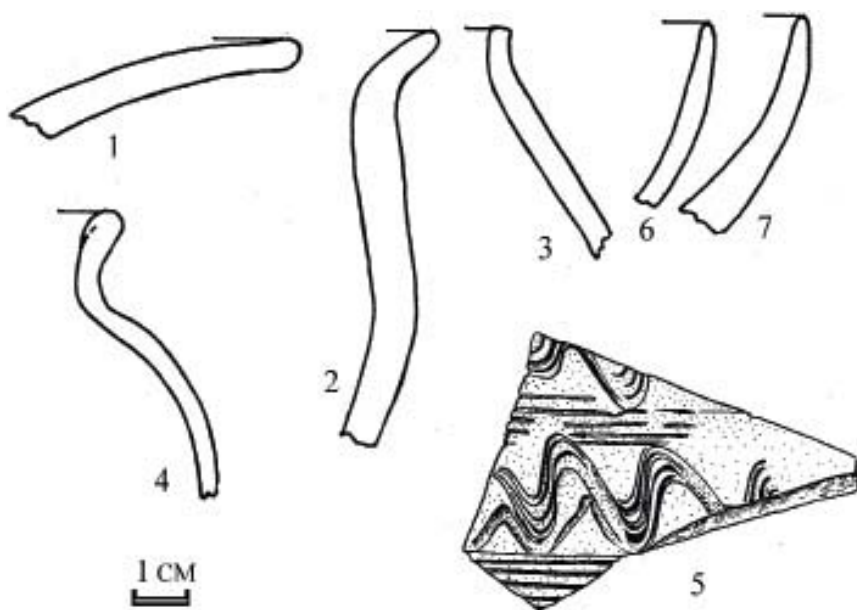


Рис. 5. Поселение Мурзицы-1. Зачистка 1. Фрагменты венчиков (1–4, 6, 7) и стенки (5) керамических сосудов из верхнего (6, 7), нижнего (1–3) горизонтов культурного слоя и из разделяющих их прослойки обожженного грунта (4, 5) 2, 3 – лепная мордовская с примесью шамота; 4 – гончарная с примесью шамота; 5 – краснолощаная золотоордынского производства; 1 – фрагмент красноглиняного тарелкообразного сосуда; 6, 7 – мореная керамика

р. Кишь в перечне Присурских районов, разоренных Идигеем в 1408–1409 гг. Среди последних названы только Курмыш и Сара Великая (Рогожский летописец..., 2000, стб. 484).

Согласно местной устной традиции, современное село Мурзицы берет начало от Грозной крепости, построенной неким Секиз беем. Рогожский летописец под 1366 г. упоминает некоего выходца из Орды – Секиз бея, по рассказам местных старожилов, крепость располагалась на территории нынешнего хлебоприемного пункта в центральной части современного села на берегу Суры. В настоящее время рельеф местности здесь искусственно изменен и остатки каких-либо земляных укреплений себя визуально не обнаруживают. В местном предании говорится о том, что в XVI в. жители крепости, не желая подчиниться власти московского царя, отчаянно сопротивлялись войску Ивана Грозного, совершавшего поход на Казань, и почти все были перебиты. Возможно, с этими трагическими событиями связаны следы обширного пожара, которые в виде прослойки прокаленной глины с углесто-золистыми включениями были зафиксированы и в шурфе, и на зачищенном участке берегового обрыва в центральной части памятника. Осколки наиболее поздних, извлеченных из-под пожарной прослойки керамических сосудов (белоглиняных коломенского типа), позволяют предположительно датировать это событие XVI столетием.

Результаты обследования двух выше описанных памятников наглядно свидетельствуют о том, что в присурских владениях нижегородских

князей состав населения в целом имел смешанный характер. В местной материальной культуре отчетливо обнаруживаются себя русские традиции, творчески-активно проявившие себя в продукции местных гончарных мастерских. Вместе с тем среди местных насельников, вероятно, преобладали выходцы из поволжских земель Золотой Орды, выкупленные ордынские пленники, представители местных финноязычных народов. Определяющие эти области поселения, скорее всего, выполняли роль крупных местных ремесленных и торговых центров, основанных по княжеской инициативе на пересечении сухопутных и водного путей, ведущих в Орду. Они обнаруживают ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтничный характер населения, следы разнообразной производственной деятельности, торговли. Эти тенденции не являются исключением, близкие по характеру поселения известны в Чувашии (Трубникова, 1956, с. 23–25) и на русско-ордынском пограничье в районе Среднего и Верхнего Подонья (Тропин, 2006, с. 263–265). Материалы, полученные при первичном обследовании региона Нижнего Посурья, позволяют по-новому взглянуть на специфику освоения западного порубежья Болгарского улуса, которое являлось «местом встречи» людей различных религиозных убеждений и традиций. В XV–XVI вв. здесь появляются поселения служилых татар, и юго-восточные районы Нижегородской области становятся областью, где складывается одна из западных татарских групп – сергачские мишари.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1964. – 321 с.
2. *Валиулина С.И.* Проблемы преемственности городской культуры в округе Биляра // ТА. – 2004. – № 4. – С. 157–191.
3. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. Введение, перевод и примечания А.И. Малеина. – СПб., 1908. – 382 с.
4. *Грибов Н.Н.* Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–XV вв. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2000. – С. 41–73.
5. *Грибов Н.Н.* Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. – 2007. – Вып. 221. – С. 112–121.
6. *Грибов Н.Н., Лапшин В.А.* Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. – 2008. – № 15. – С. 141–156.
7. *Грибов Н.Н.* Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX – XVI веках. – М.: Наука, 2008. – С. 253–264.
8. *Грибов Н.Н.* Отчет об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н. Новгорода, в Богородском и Пильнинском районах Нижегородской области в 2007 году // Архив ИА РАН. Р-1.
9. *Грибов Н.Н.* Отчет об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
10. *Грибов Н.Н.* Отчет об археологической разведке в Приокском и Советском районах г. Н. Новгорода, в Кстовском, Богородском, Пильнинском и Сеченовском районах Нижегородской области в 2008 году // Архив ИА РАН. Р-1.
11. *Грибов Н.Н.* Отчет об археологических раскопках на поселении Курмыш-4 в Пильнинском районе Нижегородской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
12. *Грибов Н.Н.* Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2006. – С. 62–91.
13. *Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А.* Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды // НТ. – 2010. – № 4. – С. 26–36.
14. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV веков. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 585 с.
15. *Зимин А. А.* Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 288 с.
16. *Каховский В.Ф.* О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. – Чебоксары, 1980. – С. 35–50.
17. *Макаров Л.Д.* Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Том. 1. Проблемы славянской археологии. – М., 1997. – С. 296–306.
18. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. Т. 25. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 488 с.
19. *Никитина Т.Б.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // Finno-Ugrica. – 2005–2006. – № 9. – С. 114–130.

20. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. – 2006. – 196 с.

21. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1145–1552 гг.). Очерки истории. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2009. – 207 с.

22. Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. Т. 15. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 432 с.

23. *Тропин Н.А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 237–247.

24. *Трубникова Н.В.* Селище у д. Таутово. Отчет Чувашской экспедиции 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1259.

25. *Хузин Ф.Ш.* Территория // История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 132–136.

26. *Фахретдин Р.* Ханы Золотой Орды. – Казань: Таткнигоиздат, 1986. – 126 с.

27. *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 175–201.

28. *Федулов М.И.* Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. – Чебоксары, 2009. – С. 104–114.

29. *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967. – С. 85–92.

Информация об авторах:

Грибов Николай Николаевич, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, директор Нижегородского научно-исследовательского археологического центра «Регион» (г. Н.Новгород, Россия); nnhora@yandex.ru

Ахметгалин Фарид Альбертович, научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ach_farid@mail.ru

WESTERN BORDER OF BOLGAR ULUS OF GOLDEN HORDE (ACCORDING TO MATERIALS OF THE SETTLEMENTS ON THE LEFT BANK OF SURА RIVER)

N.N. Gribov, F.A. Akhmetgalin

The article is devoted to the research of medieval settlements Kurmysh-4 and Murzitsyy-1, located on the left bank of the Sura river in Nizhny Novgorod oblast. The sites were discovered and surveyed in 2007–2009. These are large unfortified settlements, founded in the border area between the Russian lands and the Bulgar Ulus in the 14th century. According to written sources, the Lower Sura river area belonged to the Nizhny Novgorod princes at the time. The sites reveal a number of urban features, such as a large area, multiethnic population, traces of varied craft and trade activities. The data obtained during the preliminary investigation of these sites make it possible to add new features regarding the specificity of populating the Western borderlands of the Bulgar Ulus in the Golden Horde period.

Keywords: archaeology, the Middle Volga region, left bank of the Sura river, the Middle Ages, the Russian principalities, the Golden Horde, the Bulgar Ulus, borderlands, settlements, ethnic composition, cultural diversity.

REFERENCES

1. Grekov, B. D. (ed.). 1964. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI vv. (Acts of Social and Economic History of North-Eastern Russia in Late 14th — Early 16th Centuries)* 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
2. Valiulina, S. I. 2004. In *Tatarskaia arkheologiiia (Tatar Archaeology)* 4, 157–191 (in Russian).
3. Herberstein, S. 1908. *Zapiski o moskovitskikh delakh (Notes on Muscovite Affairs)*. Saint Petersburg: “A. S. Suvorin” Publ. (in Russian).
4. Gribov, N. N. 2000. In *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local Lore and Archaeology)*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Center for Humanities, 41–73 (in Russian).
5. Gribov, N. N. 2007. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 221, 112–121 (in Russian).
6. Gribov, N. N., Lapshin, V. A. 2008. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 15. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 141–156 (in Russian).
7. Gribov, N. N. 2008. In Makarov, N. A., Chernov, S. Z. (eds.). *Sel'skaia Rus' v IX—XVI vv. (Rural Rus' in 9th—16th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 253–264 (in Russian).
8. Gribov, N. N. 2007. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Priokskom i Sovetskom raionakh g. N. Novgoroda, v Bogorodskom i Pil'ninskom raionakh Nizhegorodskoi oblasti v 2007 godu (Report on Archaeological Survey in Nizhny Novgorod City, Prioksky and Sovetsky Districts, and in the Nizhny Novgorod Oblast, Bogorodsk and Pilna Districts, in 2007)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
9. Gribov, N. N. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na poselenii Kurmysh-4 v Pil'ninskom raione Nizhegorodskoi oblasti v 2008 g. (Report on the Archaeological Excavations on the Kurmysh-4 Settlement in the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast, in 2008)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
10. Gribov, N. N. 2008. *Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Priokskom i Sovetskom raionakh g. N. Novgoroda, v Kstovskom, Bogorodskom, Pil'ninskom i Sechenovskom raionakh Nizhegorodskoi oblasti v 2008 godu (Report on Archaeological Survey in Nizhny Novgorod City, Prioksky and Sovetsky Districts, and in the Nizhny Novgorod Oblast, Kstov, Bogorodsk, Pilna and Sechenovo Districts, in 2008)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
11. Gribov, N. N. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na poselenii Kurmysh-4 v Pil'ninskom raione Nizhegorodskoi oblasti v 2009 g. (Report on the Archaeological Excavations on the Kurmysh-4 Settlement in the Pilna District, Nizhny Novgorod Oblast, in 2009)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1 (in Russian).
12. Gribov, N. N. 2006. In *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local Lore and Archaeology)* 10. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 62–91 (in Russian).
13. Gribov, N. N., Akhmetgalin, F. A. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 26–36 (in Russian).

14. Bakhrushin, S. V. (ed.). 1950. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv. (Wills and Contracts of the Great and Feudal Knyazes in 14th—16th Centuries)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

15. Zimin, A. A. 1991. *Vitiaz' na rasput'e. Feodal'naiia voina v Rossii XV v. (A Hero on the Crossroads: the Feudal War in Russia in 15th Century)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).

16. Kakhovskii, V. F. 1980. In Prokhorova, V. A., Kakhovskii, V. F., Egorov, N. E. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii Chuvashii (Issues of the Ancient and Medieval History of Chuvashia)*. Cheboksary: Chuvash Scientific and Research Language, Literature, History, and Ethnography Institute, 35–50 (in Russian).

17. Makarov, L. D. 1997. In Sedov, V. V. (ed.). *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology)*. Tom 1. *Problemy slavianskoi arkheologii (Issues of Slavic Archaeology)*. Moscow, 296–306 (in Russian).

18. *Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v. (Moscow Chronicle of Late 15th Century)*. 2004. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XXV. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).

19. Nikitina, T. B. 2005–2006. In *Finno-Ugrica* 9, 114–130 (in Russian).

20. Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alamner: mifi i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okrug) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

21. Rakhimzianov, B. R. 2009. *Kasimovskoe khanstvo (1445—1552 gg.). Ocherki istorii (Qasim Khanate in 1445—1552: Essays on History)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

22. *Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik (Rogozhskoe Chronicle. Tver Collection)*. 2000. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles)* XV. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

23. Tropin, N. A. 2006. *Iuzhnye territorii Chernigovo-Riazanskogo porubezh'ia v XII–XV vv. (Southern Territories of the Chernigov and Ryazan Principalities Frontier in 12th—15th Centuries)*. Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin, 237–247 (in Russian).

24. Trubnikova, N. V. 1956. *Selishche u d. Tautovo. Otchet Chuvashskoi ekspeditsii 1956 g. (The Unfortified Site near the Tautovo Village: Report of the Chuvash Expedition, 1956)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1259 (in Russian).

25. Khuzin, F. Sh. 2006. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v 7-mi tt. (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes)* II. *Volzhskaia Bulgariia i Velikaia Step' (Volga Bulgaria and Great Steppe)*. Kazan: "RukhIL" Publ., 132–136 (in Russian).

26. Fakhretdin, R. 1986. *Khany Zolotoi Ordy (Golden Horde Khans)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

27. Fakhrutdinov, R. G. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnic Genesis of the Turkic-speaking Peoples of the Middle Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 175–201 (in Russian).

28. Fedulov, M. I. 2009. In Mikhailov, E. P. (ed.). *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie V. F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii (Scientific and Pedagogical Heritage of V. F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 104–114 (in Russian).

29. Khlebnikova, T. A. 1967. In *Proiskhozhdenie mariiskogo naroda (Origins of the Mari People)*. Yoshkar-Ola, 85–92 (in Russian).

About the Authors:

Gribov Nikolay N. Candidate of Historical Sciences. N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Gagarin Ave., 23, BLDG 2, 2nd floor, Nižnij Novgorod, 603950, Russian Federation; nnhora@yandex.ru

Akhmetgalin Farid A. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ach_farid@mail.ru

УДК 393.05.1

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО СЕЛИКСА-ТРОФИМОВСКИЙ (ДРЕВНЕМОРДОВСКИЙ) МОГИЛЬНИК IV–V вв.

© 2013 г. В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов

Статья посвящена проблеме реконструкции социальной структуры древнемордовского населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник IV–V вв. в Верхнем Посурье. Был проведен анализ материалов мужских погребений некрополя как наиболее социоинформативных. Предпринята попытка определения взаимосвязи между социальным статусом индивида и ее выражения в ритуальной обрядности. Различия в составе и количестве погребального инвентаря позволили выделить три группы, условно названные «бедные», «рядовые» и «воины». К последним отнесены три захоронения с мечами. При этом могильник имеет рядовую планировку, все рассмотренные погребения грунтовые, без признаков надмогильных сооружений, с одинаковой северо-восточной ориентировкой. По-видимому, имущественное расслоение в исследуемом сообществе было незначительным, а социальная стратификация зависела прежде всего от профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Верхняя Сура, раннее средневековье, древнемордовский могильник, погребальный обряд, вещевой комплекс, социоинформативность, социальная стратификация, мужские погребения, профессионально-ранговая принадлежность.

На современном этапе изучения древней истории мордовского края важное место занимает исследование социальной структуры раннесредневековой мордвы.

Селикса-Трофимовский могильник исследовался в 1967–1968 гг. М.Р. Полесских. Некрополь находится возле села Трофимовка Бессоновского района Пензенской области в полутора километрах от Селиксенского могильника. На исследованной части некрополя вскрыто 64 погребения (Полесских, 1967, 1968). Памятник функционировал в IV в.

Погребения Селикса-Трофимовского могильника грунтовые, без признаков ярко выраженных надмогильных сооружений. Планиграфически могильник имеет рядовую планировку (рис. 1). Из общего числа могильных ям можно выделить 17 мужских,

25 женских, 19 неопределенных и 5 детских захоронений.

Для выявления социальной стратификации населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник, мы использовали классификацию мужских погребений, так как они, как показало исследование, являются наиболее социоинформативными. В них четко прослеживаются различия в составе и количестве погребального инвентаря, а так же в ритуале захоронения.

Мужские погребения распались на три группы, каждая из которых имеет свой порядковый номер и условное обозначение. Классификация погребений по группам осуществлялась на основе выделения различных критериев или их совокупности, например, таких как: ассортимент и количество погребального инвентаря, а так же ритуальные особенности захоронений.

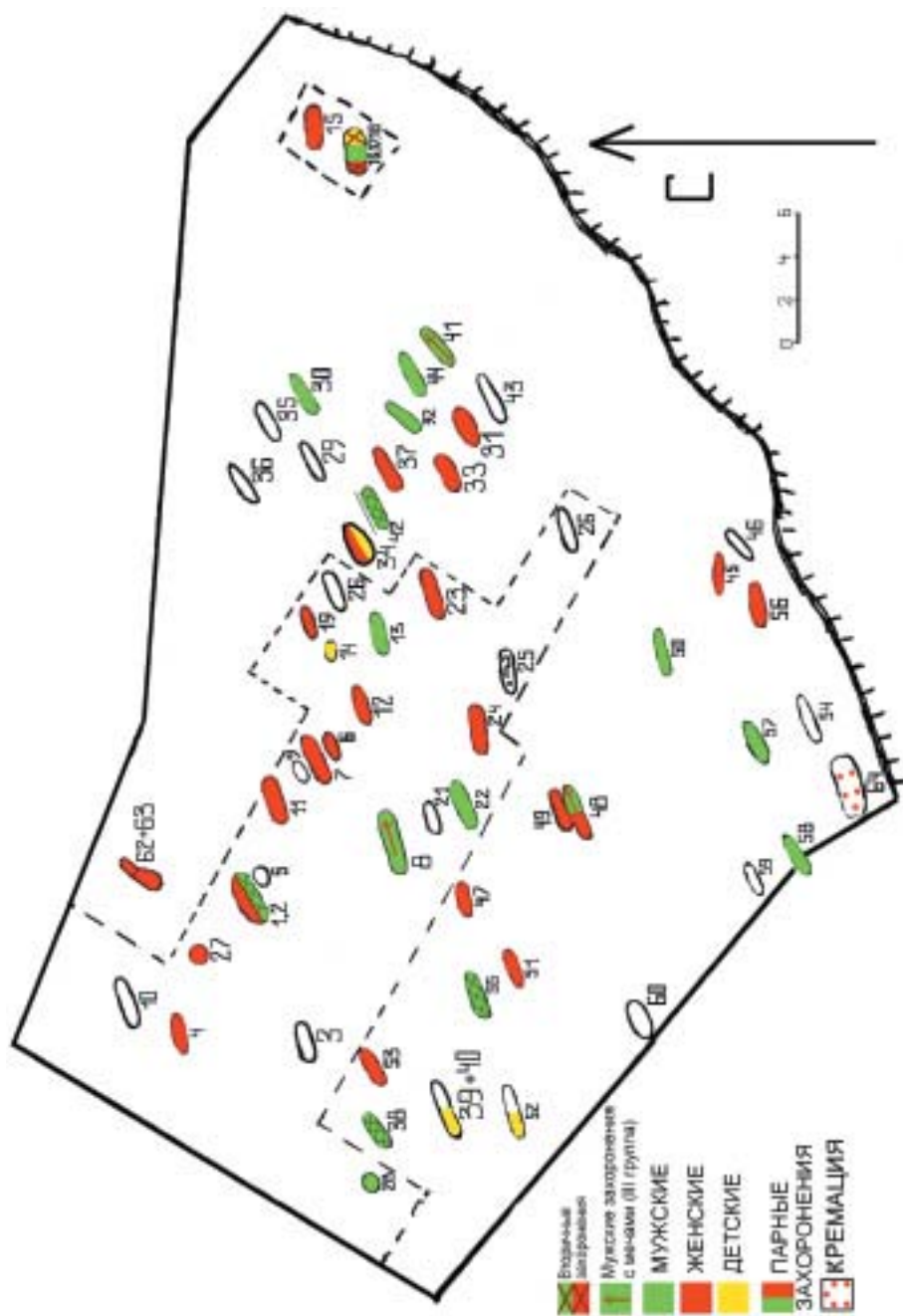


Рис. 1. Планиграфия Селикса-Трофимовского могильника

К первой (I) группе «бедные» отнесены 4 погребения общинников (16, 55, 57, 58), в которых встречаются элементы одежды и предметы бытового назначения.

Вторая группа (II) – «рядовые» – для выявления наиболее точной классификации имеет в своем составе две подгруппы. В подгруппе II «А» оказалось 5 захоронений (погребения 13, 28, 32, 42, 44), принадлежавшие рядовым общинникам, где помимо предметов бытового назначения и личных вещей были обнаружены элементы конского снаряжения. Подгруппа II «Б» содержит так же пять захоронений (погребения 1 (м), 22, 30, 38, 50), в которых были обнаружены остатки древкового оружия, наличие которого стало критерием выделения их в отдельную подгруппу.

Третью группу (III) – «воины» – составляют 3 захоронения, в которых помимо широкого ассортимента бытовых вещей, элементов одежды, украшений и древкового оружия были обнаружены мечи (погребения 8, 41, 48 (м)).

Что касается типов мужских погребений, то необходимо отметить, что на Селикса-Трофимовском некрополе помимо труположения, встречаются вторичные, парные и одно тройное захоронения. Они, как мы можем предполагать, имеют какое-то особенное ритуально-мифологическое значение. Однако, связь этого ритуала с имущественным, профессиональным и возрастным положением общинника не прослеживается.

Описание вещевого инвентаря и особенностей погребального обряда даны по отчетам М. Р. Полесских (1967, 1968).

В первую (I) группу – «бедные» – попали 4 захоронения (погребения 16, 55, 57, 58).

В составе *погребального инвентаря* захоронений первой (I) группы из предметов бытового назначения были обнаружены: один железный втульчатый топор (погребение 16) и два ножа (погребения 57, 58).

Элементы одежды включали следующие предметы. В единственном случае обнаружена кольцевая плоская застежка с рубчиками по краям (погребение 58), в одном случае – медная пряжка (погребение 16), элементы поясной гарнитуры в виде железных пряжек (погребения 16, 55, 57, 58) встречены во всех захоронениях первой группы.

Погребальный обряд мужских захоронений первой (I) группы имеет следующие особенности.

Ориентировка всех захоронений первой (I) группы идентична и определена М.Р. Полесских как северо-восточная. Важно заметить, что в случаях вторичного захоронения при нарушении анатомического порядка костяка его ориентировка определялась автором раскопок по месту нахождения основной массы костей умершего относительно северо-восточной стенки могилы. Так в погребении 55 кости грудой сложены в северо-восточной части могильной ямы, что дает основания сделать предположение о своеобразном сохранении ориентировки усопшего относительно сторон света.

По типам захоронений погребения первой группы не единообразны. Два из четырех захоронений было совершены по обряду труположения (погребения 57, 58). Одно (погребение 55) – по способу вторичного захоронения.

И одно тройное захоронение (погребения 16, 17, 18, по М.Р. Полесских).

Керамические сосуды были обнаружены в двух случаях из четырех (погребения 16, 55) в предполагаемой области головы умерших.

Размеры могильных ям «бедных» общинников имеют средние параметры. Так длина их колеблется от 185 до 210 см, ширина от 40 до 60 см, а глубина не превышает 75 см. Исключением является вышеупомянутое тройное захоронение 16, 17, 18 (по М.Р. Полесских), размеры которого в силу очевидных причин несколько отличаются. Тройное захоронение (погребения 16, 17, 18, по М.Р. Полесских) является единственным на памятнике. Для удобства мы решили обозначить данную могилу под № 16 применительно к мужскому захоронению.

Длина этой могилы составляет 220 см, ширина – 120 см, а глубина 70 см. Один из обнаруженных в ней костяков (М.Р. Полесских обозначил его как погребение № 16) принадлежал мужчине. Это захоронение совершено по обряду труположения. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Положение рук не выяснено. Чрезвычайно бедный погребальный инвентарь позволил нам отнести данное захоронение к первой (I) группе «бедных» общинников. Двое других погребенных в этой могиле определены исследователем как женский костяк № 17 и детский – № 18. Скудность инвентаря, характерная для всех усопших в этой могиле, позволяет предположить, что в этом погребении захоронены члены одной семьи. Вызывает интерес тот факт, что женский и детский костяки обнаружены в расчлененном состоянии.

Этот ритуал так же единично прослеживается в погребениях Армиевского могильника, а затем уже получает распространение на Младшем Селиксенском некрополе.

Еще одним отличным от прочих погребений первой группы, с точки зрения погребальной обрядности, является захоронение № 55. Во-первых, в засыпке и на дне этой могилы встречались угольки, что может свидетельствовать о наличии следов огненного ритуала. Во-вторых, в засыпке помимо углей также была обнаружена битая керамика. В-третьих, еще одним примечательным элементом ритуала является находка конского зуба в центральной части. Аналогичная находка встречена и в погребении 58 (в засыпке были обнаружены зубы коня). В-четвертых, захоронение 55 является вторичным, что выделяет его из общего числа погребений первой группы. И, наконец, в-пятых, размеры могильной ямы погребения 55, а именно его длина, превышает длину всех прочих индивидуальных захоронений первой группы.

Несмотря на некоторые отличия в погребальном обряде и вещевом материале, захоронения, оказавшиеся в первой группе, принадлежат общинникам, имущественное положение и социальный статус которых был невысок. Возможно, это связано с их прижизненными профессиями, родом занятий, которые зависели от возраста и личных качеств мужчин. Отсутствие в их вещевом комплексе конского снаряжения и оружия, но наличие предметов быта дает основание предположить, что в прижизненный род занятий усопших общинников входило выполнение элементарных хозяйственно-бытовых обязанностей.

Во вторую (II) группу «рядовые» вошло 10 мужских погребений. Как уже отмечалось выше, пять из них (погребения 13, 28, 32, 42, 45), в которых были обнаружены удила, но отсутствовало оружие, попали в подгруппу II «А». Другие пять (погребения 1, 22, 30, 38, 50), в которых встречались остатки древкового оружия – в подгруппу II «Б».

В составе погребального инвентаря захоронений подгруппы II «А» из предметов бытового назначения было обнаружено: два ножа (погребения 32, 44); один железный втульчатый топор (погребения 28), в единственном случае шило (погребение 44).

Элементы одежды представлены следующими находками.

Поясная гарнитура – пряжка железная овальная (погребение 13),

Обувная гарнитура – железные пряжки, две малого размера и одна крупная (погребение 44).

Кольцевая бронзовая плоская застежка с пунктирным орнаментом на ободке, обнаруженная в погребении 44 отнесена нами в графу «другое*» в разделе элементы одежды.

Украшения представлены единственным экземпляром железной гривны из погребения 32.

Конское снаряжение, а именно удила, являются классифицирующим признаком, наличие которого в погребениях позволило нам отнести их в подгруппу II «А».

Удила были обнаружены в 5 захоронениях (погребения 13, 28, 32, 42, 44). В единственном случае удила имели бронзовые кольца (погребение 13). Во всех захоронениях удила располагались в предполагаемой области ног в юго-западной части могилы. Интересны также находки, относящиеся к

конскому снаряжению из погребений 32 и 13. В первом случае это круглая уздечная бронзовая пряжка с железной иглой в ногах. Рукоятка плетки, обнаруженная в захоронении 13, несомненно является предметом конского снаряжения. Для удобства описания она обозначена в таблице 1 как «X*» в подразделе «предметы бытового назначения» в строке «разное*».

Погребальный обряд мужских захоронений подгруппы II «А».

Керамическая посуда обнаружена в погребениях 32 и 44. В обоих случаях сосуды располагались в области головы умерших.

Ориентировка всех погребенных данной подгруппы определена автором раскопок как северо-восточная. Исключением является могила 28, контуры которой не были прослежены и определить ориентировку усопшего не удалось.

Четыре из пяти умерших были ингумированы. Способом вторичного захоронения погребен мужчина из погребения 42.

Фрагменты угольков встречены в двух захоронениях (погребения 28 и 42).

Остатки луба обнаружены в погребении 44, что является единственной подобной находкой среди мужских захоронений.

Погребальный инвентарь захоронений подгруппы II «Б».

Предметы бытового назначения представлены следующими находками: три ножа из погребений 30 (нож находился под левым локтем умершего), 38 (нож представлен в виде обломков и был обнаружен в юго-западной части ямы) и 50. В последнем случае удалось проследить, что нож находился в деревянном футляре.

Два втульчатых топора были обнаружены в погребениях 22 (в области колен усопшего) и 38.

Предметами быта так же являются находки из погребения 38. Это точильный брус из шиферного сланца и пряслице, которые обозначены как «Х*» в строке «разное*» в подразделе «предметы бытового назначения».

К элементам одежды относятся находки, имеющие непосредственное отношение к костюму. Так предметы поясной гарнитуры были встречены в трех захоронениях (погребения 30 (железные пряжки круглой формы), 38 (поясные бляшки из белого металла), 50 (железная круглая пряжка в районе пояса).

Элементы обувной гарнитуры обнаружены в могилах 22 и 50. В первом случае это бронзовые обувные пряжки с круглыми приемниками (2 экз.) и железные пряжки (2 экз.). Во втором случае так же две бронзовые пряжки.

Бронзовый неизвестный предмет, обнаруженный у правого бедра покойника в погребении 50 был отнесен нами в ячейку «разное*» в подразделе «элементы одежды».

Украшения подгруппы II «Б» представлены единственной находкой из погребения 1. Бронзовая уплощенная беззамковая гривна находилась в предполагаемой области шеи умершего.

Конское снаряжение представлено в трех погребениях подгруппы II «Б».

В погребении 22 кольчатые железные удила находились в районе ног усопшего. Вторичное захоронение 38 имело в составе погребального инвентаря два бронзовых кольца от удил, местоположение которых автором раскопок точно не определено. Кольчатые железные удила из погребения

50 находились в районе подвздошной кости покойника.

Древковое оружие в мужских погребениях, является тем маркером, наличие которого позволяет отнести их к подгруппе II «Б».

Наконечники стрел обнаружены в двух захоронениях (погребения 30, 38). Два экземпляра из погребения 30 находились под левым локтем усопшего. В могиле № 38 были обнаружены три наконечника стрел.

Наконечники копий встречены в трех из пяти захоронений (погребения 1, 22, 30). В первом и третьем случае они находились в районе правого плеча усопшего. В могиле № 22 наконечник копья лежал слева в районе головы.

Особый интерес вызывает находка из погребения 50. В этом непосредственном захоронении была обнаружена железная кольчуга. Наличие этого, несомненно, дорого предмета вооружения, несмотря на отсутствие других предметов вооружения, позволило нам отнести данное захоронение в подгруппу II «Б».

Погребальный обряд мужских захоронений подгруппы II «Б» представлен следующими элементами.

Ориентировка всех погребений этой подгруппы определена автором раскопок как северо-восточная. В случае с вторичными захоронениями, ориентировка определялась по местоположению остатков костяка. В погребениях 1 и 38 они находились в соответствующих частях ям. Что касается типов захоронений, то остальные усопшие (могилы 22, 30, 50) были погребены способом труположения.

Однако, необходимо отметить, что погребение 1, помимо того что оно

№ группы	I группа					II "А" группа					II "Б" группа					III группа				
	16	55	57	58	13	28	32	42	44	1	22	30	38	50	8	41	48(м)			
№ погребения	220	210	190	185	220	?	190	200	240	?	230	230	220	200	290	210	220			
	120	56	40	40	60	?	60	65	42	?	60	50	50	50	55	75	70			
	70	55	72	75	85	?	75	100	98	?	54	80	60	80	43	162	60			
	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	?	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ			
Тип захоронения	3	4	1	1	1	1	1	4	1	2-4	1	4	1	1	1	1	2			
Союз	X	X					X		X	X				X						
Внутри мотыльные сооружения и/или другие элементы ритуала		X							X	X		X*								
Дар																	X*			
Огненный ритуал		X				X		X												
Предметы бытового назначения	Нож		X	X			X		X				X	X						
	Топор	X				X					X									
	Разное*				X*				X*				X*							
Элементы одежды	Поясная гарнитура	X	X	X*	X							X	X	X	X	X	X			
	Обувная гарнитура	X							X		X			X	X	X				
	Другое*			X*				X*	X*	X				X*	X*	X*	X*			
Украшения						X														
Конское снаряжение	Удила			X	X	X	X	X	X		X		X	X	X	X				
	Стрелы										X	X					X			
Оружие	Копья									X	X						X			
	Мечи													X*	X	X	X			

Типы способов захоронений:
 тип 1 – Трупоположение;
 тип 2 – Парное захоронение;
 тип 3 – Тройное захоронение;
 тип 4 – Трупоположение вторичного захоронения;
 тип 5 – Кремация с последующим захоронением;
 тип 6 – Кенотаф.

Табл. 1. Выборка погребального инвентаря и элементов ритуала мужских захоронений Селикса-Трофимовского могильника

вторичное, является еще и парным захоронением. Расчлененный труп мужчины покоился в одной могиле с женским трупом.

Керамическая посуда, обнаруженная в погребения 1 и 30 в обоих случаях имела форму банки и располагалась в районе голов покойников.

Особое ритуальное, но пока не ясное нам значение имеет находка из погребения 30. Там в районе ног усопшего были прослежены фрагменты человеческих костей и остатки зубов.

В том же погребении 30 по дну могилы встречались древесные угольки.

Размеры могильных ям мужских погребений обеих подгрупп варьируются по длине от 190 см до 240 см, по ширине от 42 см до 65 см, по глубине от 54 см до 100 см. В целом они не сильно отличаются от размеров погребений первой группы. Можно предположить, что размеры могильных ям напрямую зависят от степени уважения и прижизненного социального положения усопшего. То есть, посредством количества затраченных усилий на сооружение погребения выражается отношение общины к покойнику (Массон, 1976).

Вместе с тем, исследователи не исключают и того, что увеличение размеров могил может находиться в прямой зависимости от количества и размеров сопутствующего инвентаря. Возможно, погребения второй и третьей групп больше потому что, в них помещались крупногабаритные предметы, например копя.

Третья группа (III) «войны» включила в себя три захоронения (погребения 8, 41, 48 (м)), усопшие в которых являлись войнами и были захоронены с мечами.

Погребальный инвентарь захоронений третьей группы не содержит в своем составе предметов бытового назначения.

Из элементов одежды встречается: поясная гарнитура из погребения 8 представлена несколькими предметами. Во-первых, портупейный набор, состоящий из серии бронзовых пряжек малого размера, мелких бляшек, крупной серебряной пряжки с бронзовым приемником, на которую напяян золотой шатон с полудрагоценным камнем. Во-вторых, бронзовая пряжка с широкой, рельефной обоймой. В-третьих, бронзовая обойма, возможно от верхней части крепления сумочки к поясу. В-четвертых, массивный бронзовый наконечник ремня с шарниром. В погребении 41 обнаружены бронзовые поясные бляшки. Железная пряжка в единственном экземпляре обнаружена в погребении 48 (м).

Обувная гарнитура: в погребении 8 в районе ног умершего находилась бронзовая пряжка. Две аналогичные бронзовые обувные пряжки были обнаружены в погребении 41.

Из других (строка «Другое*») элементов одежды в погребении 8 была обнаружена бронзовая кольцевая застежка. А в погребении 48 встречено медный пластинчатый Т-образный предмет в районе груди покойника, предназначение которого трактуется не однозначно.

Украшения встречены в погребении 8. Они представлены несколькими предметами: гривна из гладкого серебряного дрота, спиральный перстень и бронзовое кольцо.

Конское снаряжение, а именно кольчатые железные удила и уздеч-

ный набор были встречены в погребении 8.

Древковое оружие встречается во всех без исключения погребениях третьей группы. Наконечники стрел обнаружены в двух захоронениях (погребения 8, 48(м)). Точное количество наконечников стрел из погребения 8 установить невозможно в силу их неудовлетворительной сохранности. В захоронении 48 (м) встречен единственный экземпляр данного типа оружия.

Наконечники копий обнаружены во всех захоронениях третьей группы. В двух случаях (погребения 8, 48(м)) наконечники копий находились в районе левого плеча покойного. Стоит отметить, что в погребении 8 встречено 2 экземпляра наконечников копий, которые, судя по сохранившимся следам, находились в деревянных футлярах. В захоронении 48 (м) наконечники копий располагались в районе правого плеча. В единственном случае, в захоронение 41 втулка копья была обнаружена в юго-западной части ямы.

Мечи выделены нами в качестве критерия, классифицирующего погребения третьей группы «войны». Меч (сарматского типа) в погребении 8 был положен отличным от прочих захоронений образом, а именно он располагался поверх тела покойного таким образом, что рукоять меча касалась его подбородка. В погребении 41 меч представлен в виде обломков, которые располагались в юго-западной части ямы. В захоронении 48 (м) меч (сарматского типа) лежал справа от усопшего, обращенный острием к ногам. Интересно отметить, что аналогичные мечи сарматского происхождения были обнаружены в муж-

ских погребениях Усть-Узинского 2 могильника (Гришаков, 2007, с. 23–31). Однако, на тот момент статус мужчины-воина еще не отличался от статуса рядового общинника, в силу невысокой ценности воинской профессии (Гришаков, 2014, с. 7–17)

Погребальный обряд мужских захоронений третьей группы.

Ориентировка всех захоронений идентична и определена автором раскопок как северо-восточная.

В третьей группе оказалось одно парное захоронение (погребение 48 (м)). С большой долей вероятности можно предположить, что в этой могиле покоятся муж и жена. Однако причину их совместного погребения выяснить достоверно не представляется возможным. Остальные захоронения третьей группы совершены по обряду труположения и являются индивидуальными.

Керамическая посуда обнаружена в захоронении 8, сосуд находился в районе головы усопшего.

Интересен факт обнаружения в засыпке погребения 8 халцедоновой подвески и костей животных. Данная находка обозначена в таблице 1 как «X*» в строке «Дар» в подразделе «Погребальный обряд».

Размеры могильных ям мужских погребений третьей группы варьируются по длине от 210 см (погребение 41) до 290 см (погребение 8), по ширине от 55 см (погребение 8) до 75 см (погребение 41), по глубине от 43 см (погребение 8) до 162 см (погребение 41).

Так, захоронение № 8 оказалось отличным от прочих мужских могил не только качеством и количеством вещевого комплекса, что описывалось выше, но и погребальным обрядом.

Оно является самым большим по длине на всем некрополе. На планиграфии некрополя не было выявлено четкой закономерности между расположением мужских погребений и социальным статусом упокоенных в них общинников. Но необходимо отметить, что могила 8 находится в самом центре исследованной площади могильника.

В итоге, можно сделать вывод, что основным критерием, который лег в основу социальной стратификации мужского населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник является количественное и качественное соотношение предметов погребального инвентаря. Важно подчеркнуть, что имущественная дифференциация мужского населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник, присутствует, но ее наличие скорее является лишь отражением профессиональной и возрастной дифференциации общинников. Погребенные войны из третьей группы – владельцы мечей, несомненно, находились в несколько ином имущественном положении, нежели прочие общинники. Однако, несмотря на то, что подобный предмет вооружения являлся в тот период весьма дорогостоящей вещью, их

имущественное положение не сильно превосходило положение рядовых общинников. В пользу минимального имущественного расслоения говорит и тот факт, что как таковые драгоценности, а именно золотые и серебряные украшения, обнаружены лишь в единственном случае – в погребении 8. Несомненно, что воины обладали более высоким социальным статусом в связи с особенностями своей прижизненной профессии и вероятно, возраста. Этот статус давал право на владение такой дорогостоящей вещью, как меч, причем даже в «загробной жизни». Вместе с тем, что бедный, что рядовой, что воин – все они были общинниками, частью единого социума и каждый из них занимался тем делом, которое приносило пользу и было необходимо. Тот факт, что в планиграфии некрополя не было выявлено никакой зависимости между социальным статусом усопшего и местоположением его погребения, подтверждает наше предположение о том, что социальная стратификация в древнемордовской общине хоть и имела место, но являлась особым видом профессиональной и возрастной дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В.М.* Экономический и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – 191 с.
2. *Полесских М.Р.* Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1967 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/7.
3. *Полесских М.Р.* Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1968 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 431.
4. *Гришаков В.В.* Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии и права // Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1. – Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2007. – С. 23–31.
5. *Гришаков В.В., Давыдов С.Д.* Социальная стратификация населения, оставившего Усть-Узинский 2 (древнемордовский) могильник III–IV вв. // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. – Саранск, 2014. – № 3. – С. 7–17.

Информация об авторах:

Гришаков Валерий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия); vvg815@yandex.ru

Давыдов Сергей Дмитриевич, аспирант, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия); ser.d88@yandex.ru

**ON THE ISSUE OF RECONSTRUCTION A SOCIAL STRUCTURE
OF POPULATION, WHICH LEFT THE SELICSA-TROFIMOVSKY
(ANCIENT MORDOVIAN) BURIAL GROUND OF THE IV–V CENTURIES**

V.V. Grishakov, S.D. Davydov

The article is devoted to the problem of reconstruction of the social structure of the ancient Monrovia population that had established the 4th-5th-century Seliksa-Trofimovka burial ground in the Upper Sura river region. The materials of the male burials of the necropolis have been chosen for analysis as most socially informative. An attempt has been made to determine the relationship between the social status of the individual and its expression in ritual rites. The differences in the composition and quantity of grave goods made it possible to distinguish three groups of burials conventionally termed as “the poor”, “the ordinary” and “the warriors.” The latter group included three graves with swords. The necropolis has a row-based order layout; all the burials are on the ground level, with no traces of gravestones, and have the same northeast orientation. The property-based stratification in the analyzed community was apparently insignificant, while social stratification depended primarily on professional activities.

Keywords: the Middle Volga river region, the Upper Sura river, the Early Middle Ages, the ancient Mordovian burial ground, burial rite, grave goods assemblage, social informative character, social stratification, male burials, professional and ranking affiliation.

REFERENCES

1. Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and Social Structure of Ancient Societies)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Polesskikh, M. R. 1967. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoi oblasti v 1967 godu (Report on Archaeological Research in the Penza Oblast in 1967)*. Collection of Manuscripts of the Penza State United Museum of Local Studies, no. 645/7 (in Russian).
3. Polesskikh, M. R. 1968. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoi oblasti v 1968 godu godu (Report on Archaeological Research in the Penza Oblast in 1968)*. Collection of Manuscripts of the Penza State United Museum of Local Studies, no. 431 (in Russian).
4. Grishakov, V. V. 2007. In *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov (Interuniversity Collection of Scientific Papers)* 1. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 23–31 (in Russian).
5. Grishakov, V. V., Davydov, S. D. 2014. In *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve RM (Bulletin of the Research Institute for Humanities attached to Government of Mordovia Republic)* 3. Saransk, 7–17 (in Russian).

About the Authors:

Grishakov Valeriy V. Candidate of Historical Sciences, Docent. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evsevev. Studencheskaya, 11 A, Saransk, 430000, the Republic of Mordovia, Russian Federation; vvg815@yandex.ru

Davydov Sergey D. Research Institute for Humanities attached to Government of Mordovia Republic. Leo Tolstoy St., 3, Saransk, 430005, Russian Federation; ser.d88@yandex.ru

УДК 393.05.1

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧУЛКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)¹

© 2013 г. В.В. Гришаков, О.В. Седышев

В статье на основе материалов Чулковского (Муромского) могильника VIII–X вв., расположенного на правом берегу нижнего течения Оки, проанализированы предметы снаряжения верхового коня (удила с псалями, стремяна, пряжки, украшения уздечек). Установлено, что использование форм предметов конского снаряжения населением муромской культуры, оставившим Чулковский могильник, вполне отвечает общим традициям финно-угорского населения Поволжья VIII–X вв. Формы удила носят отпечаток как степных традиций (удила с S-видными и прямыми псалями), так и преимущественно местных (удила с двумя и тремя подвижными кольцами). В традиции изготовления стремян наблюдается стремление к единообразию. Основные отличия муромских могильников от соседних мордовских состоят в наличии конских захоронений (не известных у мордвы), а с другой стороны, почти полном отсутствии снаряжения коня в погребальном инвентаре человеческих захоронений. Можно предположить, что значение конницы у муромы было ниже, чем у мордвы, непосредственно граничившей со степным миром.

Ключевые слова: археология, Волго-Окский регион, раннее средневековье, муромская культура, могильник, погребения, конское снаряжение, типология, аналогии, хронология.

Материальная культура финно-угорского населения нижней Оки, именуемого в русских летописях муромой, известна, прежде всего, по данным погребальных памятников. Одним из таких могильников является некрополь, расположенный неподалеку от с. Чулково Вачского р-на Нижегородской обл. Могильник находится на берегу р. Туза (правый приток Оки). Он был открыт в 1959 г. Е.А. Безуховой (Халиковой), впервые исследовался в 1974 г. экспедицией Мордовского государственного университета под руководством М.Ф. Жиганова (было изучено 9 погребений) (Жиганов, 1974; Гришаков, 1988, с. 71–103). Широкомасштабные раскопки могильника проводились в

1985, 1986, 1988 и 1992 гг. под руководством В.В. Гришакова.

В ходе исследований была собрана богатая коллекция археологических материалов, представляющая ценные сведения для истории материальной культуры муромы VIII–X вв. В число наиболее значимых предметов инвентаря входят женские украшения, керамический комплекс, предметы вооружения. Отличительной особенностью погребальной обрядности Чулковского могильника, сближающей его с подобными муромскими памятниками, является наличие конских захоронений (Гришаков, 1990, с. 127–146). Данная статья посвящена рассмотрению такой категории находок, как предметы снаряжения верхового коня.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-13006.

Из 94 исследованных на Чулковском могильнике погребений в 13 были найдены предметы снаряжения верхового коня. Причем лишь погребальный инвентарь одного мужского захоронения (погр. 10) содержал удила, все остальные погребения с данной категорией находок – конские.

УДИЛА. Наиболее распространенной находкой являются удила, которые состоят из грызла в виде двух соединенных перегибом стержней и прищечных трензелей-ограничителей в форме колец или прямых и S-видных псалий. Грызло удила железное; в изготовлении трензелей, помимо железа, могли также применяться дерево и кость.

Было учтено 10 экземпляров удили.

По виду трензельного обеспечения и материалу изготовления псалии удила разделяются на группы, на отделы по способу оформления концов грызла, на типы – по форме трензеля (кольца и псалий).

Группа I. Кольчатые.

Отдел А. С одинарными неподвижными кольцами на концах грызла и продетыми в них подвижными кольцами.

Tun I (1 экз.). Подвижные кольца в сечении круглые (рис. 1: 1).

Такие удила очень распространенная форма в памятниках средневековой Европы и Сибири, начиная с начала нашей эры, но в VIII–IX вв. в Среднем Поволжье встречаются довольно редко, уступая место другим типам. Рассматриваемый экземпляр из погребения 83 имеет тордированные подвижные кольца. Такое исполнение характерно для удили IX в. с двумя подвижными кольцами из мордовских могильников.

Tun II (4 экз.). В неподвижные кольца грызла продето по два подвижных круглых в сечении кольца (рис. 1: 2).

Удила с двумя подвижными кольцами из погребений 15, 41, 67 и 82, где большее кольцо использовалось для крепления оголовья, а меньшее, дополнительное, являлось поводным, известны еще с сарматских времен (Гугуев, Безуглов, 1990, с. 166, рис. 2: 19), но широкое распространение получили значительно позднее. Они являются частой находкой в мордовских (Седышев, 2010, с. 144, рис. 1: 3) и рязано-окских (Циркин, 1972, с. 162, рис. 2: 24; 23, табл. 21, 9, 24; табл. 96, 1; табл. 119, 16) могильниках. Они известны в материалах ломоватовской (Голдина, 1985, с. 238, табл. XXXI, 16) и неволинской (Голдина, Водолага, 1990, с. 147, табл. L, 4) культур. В VIII и IX вв. эти удила вытесняют кольчатые удила с одним подвижным кольцом, а среди остальных начинают занимать господствующую позицию. Влияние финского населения на распространение данной формы в соседних областях отмечалось А.Н. Кирпичниковым (1973, с. 17).

Tun III (1 экз.). В неподвижные кольца грызла продето по три подвижных круглых в сечении кольца (рис. 1: 3).

Данные удила из погребения 10 являются своеобразной вариацией предыдущего типа. В этом случае большее кольцо использовалось для крепления оголовья, меньшие – для крепления подгубного ремня и повода.

Группа II. С деревянными или костяными псалиями.

Отдел А. С одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла, с продетыми в них подвижными кольцами и псалиями.

Tun I (1 экз.). Форма псалий не восстанавливается. Подвижные кольца округлой формы, в сечении круглые (рис. 1: 4).

Найден лишь один экземпляр в погребении 88. Данный тип удила, появившись во второй половине VII в., доживает вплоть до X в. Такие удила известны в Младшем Ахмыловском могильнике VI–VII вв. (Никитина, 1999, рис. 12: 8). Они характерны для сухоложской стадии могильников неволинской культуры (конец VIII – первая половина IX вв.) (Голдина, Водолаго, 1990, с. 147, табл. L, 2), также имеются в материалах VIII–IX вв. Верхнего Прикамья (Голдина, 1985, с. 238, табл. XXXI, 21), в курганах IX–X вв. Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 69, рис. 37: 8; с. 71, рис. 38: 24). Обычно данный тип удила в погребениях встречается без псалий, однако объясняется это недолговечностью материала, из которого они изготавливались. Так, например, в погребении 254 Крюково-Кужновского могильника псалий сохранился. Изготовлен он из кости, имеет стержневидную форму, круглый в сечении, в средней части его охватывает железная скоба (Седышев, 2010, с. 144, рис. 1: 7). В других случаях фиксировались находки железных скоб. Таковы, например, удила из раннебулгарского могильника Новинки II (Багаутдинов и др., 1998, с. 125, рис. 29: 3).

Группа III. С железными псалиями.

Отдел А. С одинарными неподвижными округлыми кольцами на концах грызла, с продетыми в них псалиями.

Тип I (1 экз.). Псалии S-видные, в сечении прямоугольные, со скобой для крепления оголовья. Подвижные кольца округлой формы, в сечении круглые (рис. 1: 6).

Удила из погребения № 11 характерны для комплексов IX–X вв. мордовских могильников (Седышев, 2010, с. 145, рис. 2: 3). Известны они в ма-

териалах курганов IX–X вв. Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 44, рис. 22: 9; с. 48, рис. 24: 20), на Северном Кавказе (Плетнева, 1989, с. 82, рис. 38), Туве (Вайнштейн, 1966, рис. 10: 82), в Удмуртии (Иванова, 1976, с. 96, табл. 1, 1), также характерны и для ранних болгар (Генинг, Халиков, 1964, табл. IX, 6; Багаутдинов и др., 1998, с. 125, рис. 29: 5).

Отдел Б. С восьмерковидными неподвижными кольцами на концах грызла, расположенными во взаимно перпендикулярных плоскостях. Во внешние кольца продеты подвижные кольца для повода, во внутренние – псалии.

Тип I (1 экз.). Псалии прямые, в сечении круглые, со щитком для крепления оголовья. Подвижные кольца округлой формы, в сечении круглые (рис. 1: 7).

Конструкция удила с двумя неподвижными кольцами на концах грызла из погребения 21 представляет собой усовершенствованную форму в отличие от схемы с неподвижными кольцами, расположенными в одной плоскости. Нововведение приобрело явное преимущество, так как действие удила при натяжении повода на углы губ лошади стало более устойчивым и равномерным. Удачно выбранная механическая схема определила их распространение по всей Восточной Европе и Сибири, сделав эту форму одной из самых активно используемых на протяжении нескольких столетий. Преимущественное же их применение отмечается в IX–X вв.

Кроме того, в погребении № 43 были найдены разносоставные удила, в которых были объединены два способа оформления концов грызла. Один конец грызла имеет одинарное неподвижное округлое кольцо с продетым в него подвижным кольцом и

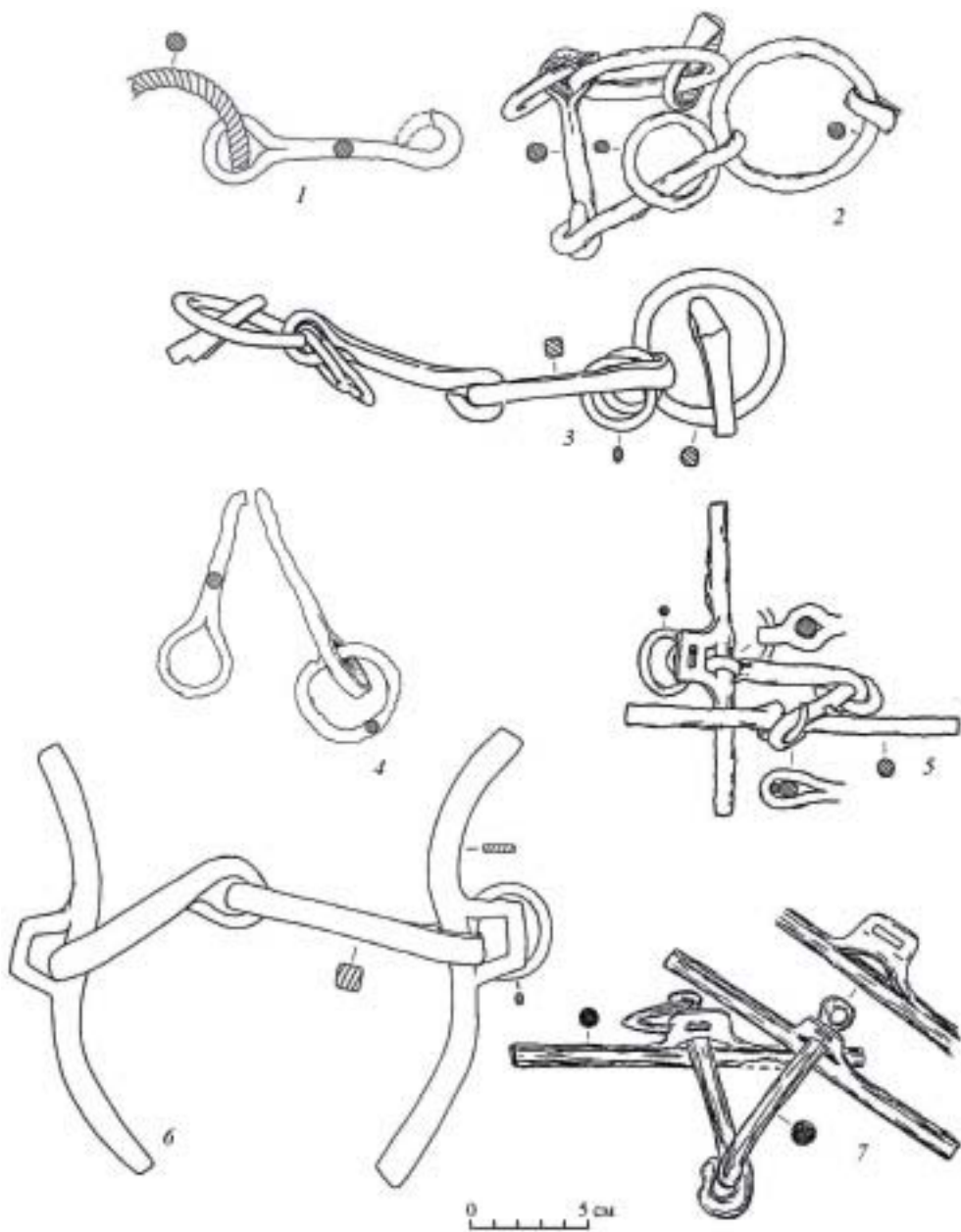


Рис. 1. Предметы снаряжения верхового коня из Чулковского могильника. 1–7 – удила

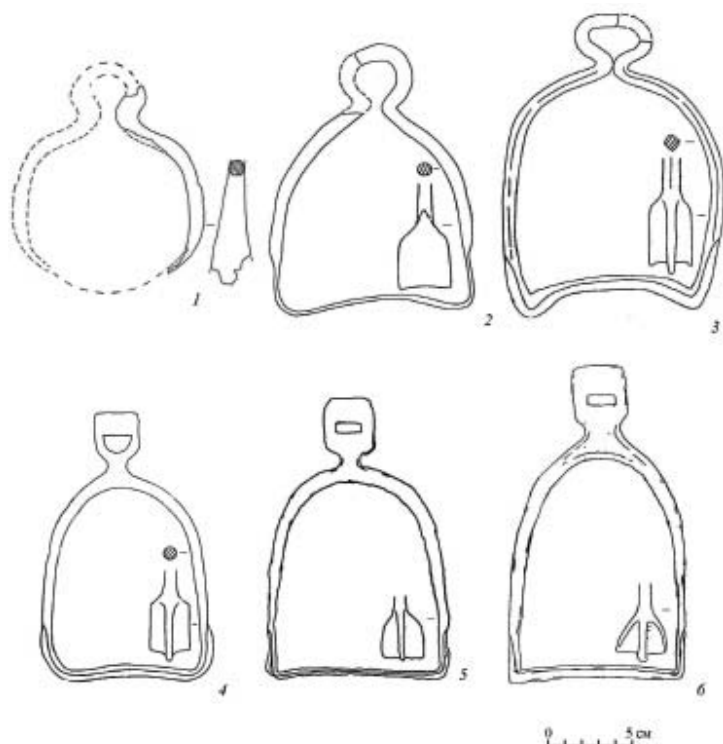


Рис. 2. Предметы снаряжения верхового коня из Чулковского могильника. 1–6 – стремена

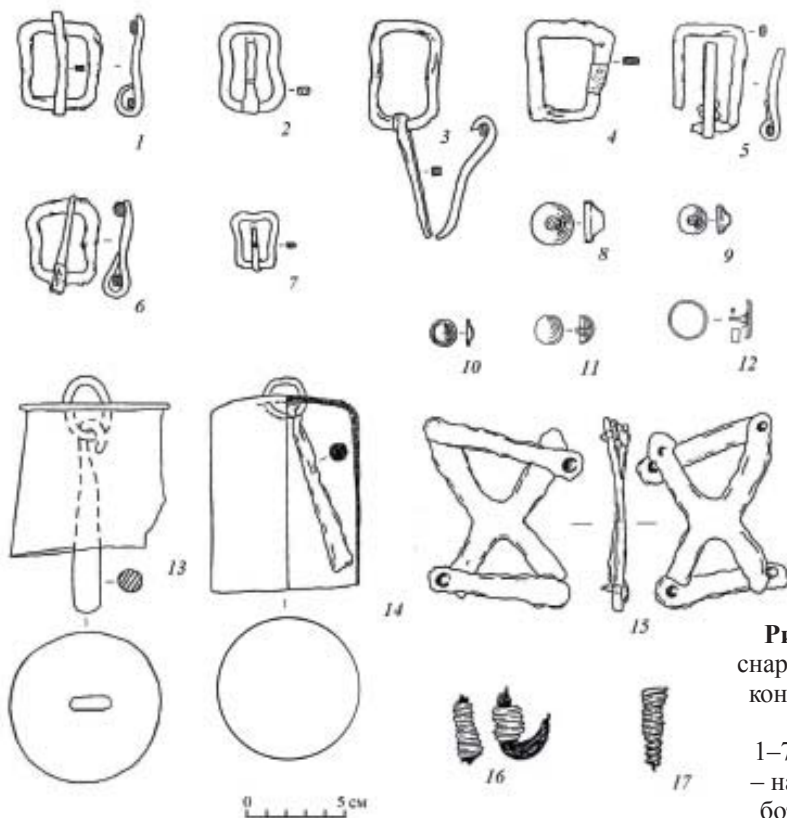


Рис. 3. Предметы снаряжения верхового коня из Чулковского могильника. 1–7 – пружки; 8–12 – накладки; 13, 14 – ботала; 15 – путы; 16, 17 – пронизки

прямым псалием. Другой конец грызла – с восьмерковидными неподвижными кольцами, расположенными во взаимно перпендикулярных плоскостях (рис. 1: 5). Нахождение разноставных удила было зафиксировано в погребении 187 Крюково-Кужновского могильника (Седышев, 2010, с. 145, рис. 2: 8), в комплексах IX–X вв. курганов Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 140, рис. 69: 25), Алтая (Гаврилова, 1965, с. 78, рис. 42: 26), а также в погребениях Шокшинского могильника (Шитов, 1983, табл. 31, 1). В этих случаях наблюдается попытка соединить в одной конструкции кольчатые удила и удила с псалиями, такие схемы могли использоваться для управления тугоуздыми на одну сторону лошадыми. Однако Чулковские удила, соединяя две конструктивные схемы с псалиями, не имеют в этом особой практической значимости. Можно предположить, что данные удила всего лишь были в починке.

СТРЕМЕНА. Другим важнейшим элементом снаряжения верхового коня являются стремена. На Чулковском могильнике они обнаружены в 7 захоронениях. Лишь два из них содержали по паре стремян, в остальных погребениях зафиксировано только по одному. Можно предположить, что у муромского населения, оставившего Чулковский могильник, стремена преимущественно использовались лишь для подъема на коня, а не для обеспечения прочности посадки.

Все стремена железные и подразделяются на отделы по форме петли для путлища, на типы – по форме подножки и контуру дужки.

Отдел А. Восьмерковидные – петля для путлища является продолжением дужки.

Tun I (1 экз.). Подножка выгнута, с ребром жесткости по центру, в пла-

не овальная. Контур дужки круглый (рис. 2: 1).

Tun II (4 экз.). Подножка вогнута, с ребром жесткости или одним продольным валиком по центру, в плане с параллельными боковыми сторонами. Контур дужки арочный (рис. 2: 2, 3).

Стремена типов АI (погр. 93) и АII (погр. 11, 15, 67), одни из самых ранних восточноевропейских, имели широкое распространение; они ведут свое происхождение от южносибирских форм VI в. (Киселев, 1949, с. 291), где период их наибольшего распространения относится к VII–VIII вв. (Бернштам, 1952, с. 295, рис. 126: 5; Деревянко, 1977, с. 172, табл. VIII, 1; Молодин и др., 1981, с. 127, рис. 6: 18). Простота конструкции определила их широкое распространение от Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 14, рис. 6: 8, 31 и др.) до Верховьев Камы (Голдина, 1985, с. 238, табл. XXXI, 6) и Прибалтики (Кулаков, 1994, с. 58, рис. 27: 1). Все стремена типа АI из мордовских могильников происходят из ранних комплексов II Старобадиковского могильника (Седышев, 2010, с. 146, рис. 3: 1–3), относящихся ко второй половине VII – первой половине VIII вв., а в IX в. уже не встречаются. Редкой находкой в IX в. становятся и стремена типа АII.

Отдел Б. Петля для путлища в виде прямоугольной пластины, отделенной от дужки перехватом.

Tun I (3 экз.). Подножка вогнута или прямая, с продольным валиком по центру, в плане с параллельными боковыми сторонами. Контур дужки арочный (рис. 2: 4, 5).

Tun II (1 экз.). Подножка прямая, с тремя продольными валиками, в плане с параллельными боковыми сторонами. Контур дужки арочный (рис. 2: 6).

Стремена БI (погр. 15, 21, 41) и БII (погр. 55) в большом количестве

встречаются в памятниках салтовомаяцкой культуры (Ляпушкин, 1958, с. 122, рис. 15; Плетнева, 1989, с. 90, рис. 44), в могильниках ломоватовской (Голдина, 1985, с. 238, табл. XXXI, 1–5) и неволинской культур (Голдина, Водолаго, 1990, с. 147, табл. XLIX, 2, 3, 5, 6), в курганах IX – начала X в. Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 34, рис. 15, 16 и др.), в памятниках волжских болгар (Генинг, Халиков, табл. IX, 11, 12, 14, 15; Багаутдинов и др., 1998, с. 123, рис. 28: 1, 2; Хузин, 1985, с. 196, табл. LXVII, 2). А.Н. Кирпичников отмечает, что русские стремена схожей формы являлись эпизодическим заимствованием от финнов, аланов и хазар и обнаружены в основном в соседних с ними областях (Кирпичников, 1973, с. 49). В целом стремена типов Б I и Б II сближают снаряжение коня практически всех народов Восточной Европы последней четверти I тыс. н.э. Так, их многочисленность и бытование у мордвы на протяжении довольно значительного отрезка времени позволили нам сделать некоторые наблюдения в изменении конструкции. В первой половине VIII в. стремена типа Б I имели невысокую арку и в то же время, по сравнению с ней, довольно широкие, что придает им некоторую округлость. В это же время у стремян типа Б I встречается подножка узкая в центре и широкая по краям. Петля для путлища выражена, так как перехват, отделяющий ее от арки, обычно узкий. Стремена типа Б II в это время встречаются крайне редко. Они начинают преобладать со второй половины VIII в. Тогда же стремена типа Б I становятся выше и получают законченную арочную форму, в IX в. их петля для путлища иногда имеет овальную форму, а перехват, отделяющий петлю для путлища, ча-

сто едва заметен. В X в. у мордвы эти типы уже пережиточные.

ПОДПРУЖНЫЕ И УЗДЕЧНЫЕ ПРЯЖКИ. Они найдены в 7 погребениях. Пряжки все железные без щитка для соединения ремня с рамкой. По форме рамки разделяются на типы.

Тип I (1 экз.). Рамка прямоугольная (рис. 3: 1).

Тип II (2 экз.). Рамка прямоугольная с вогнутыми боковыми сторонами (рис. 3: 2, 3).

Тип III (2 экз.). Рамка трапециевидная (рис. 3: 4, 5).

Тип IV (2 экз.). Рамка трапециевидная с вогнутыми боковыми сторонами (рис. 3: 6, 7).

Пряжки подобных типов, отличающиеся простой и рациональной формой, были повсеместно распространены в памятниках Восточной Европы второй половины I тыс. н.э.

НАКЛАДКИ крепились к сбруйным ремням по их длине. Изготовлены они из цветных металлов. Незначительное количество накладок в большинстве захоронений, а также отсутствие других элементов оголовья не позволяют восстановить вид уздечных наборов. Можно предположить, что использовались простые плетеные ременные конструкции, скупо украшенные накладками. Все накладки Чулковского могильника круглые и подразделяются на типы – по деталям оформления.

Тип I (18 экз.). Полушаровидные (рис. 3: 11).

Тип II (5 экз.). Выпуклые (рис. 3: 12).

Тип III. Выпуклые, с бортиком (рис. 3: 10).

Тип IV (6 экз.). Усеченноконические (рис. 3: 8, 9).

В целом в памятниках Восточной Европы последней четверти I тыс. н.э.

для украшения уздечки явное предпочтение отдавалось круглым, расположенным симметрично накладкам.

БОТАЛА привешивались к подчелюстному ремню и служили средством слежения за конем при выпасе. В Чулковском могильнике в двух погребениях были встречены железные ботала. По форме разделяются на типы.

Тип I (1 экз.). Цилиндрические (рис. 3: 41).

Тип II (1 экз.). Усеченноконические (рис. 3: 13).

Аналогии ботал мы легко находим в захоронениях мордвы VIII–IX вв. (Седышев, 2010, с. 147, рис. 4: 15, 17).

Из других элементов снаряжения верхового коня в захоронениях Чулковского могильника найдены железные крестовидные путы из погребения 21 (рис. 3: 15), а также бронзовые пронизки из погребений 21 (рис. 3: 16) и 43 (рис. 3: 17).

Таким образом, использование форм предметов конского снаряжения

муромским населением, оставившим Чулковский могильник, вполне отвечает общим традициям финно-угорского населения Поволжья VIII–X вв. Формы удила несут отпечаток как степных традиций (удила с S-видными и прямыми псалиями), так и преимущественно местных (удила с двумя и тремя подвижными кольцами), а в изготовлении стремян наблюдается стремление к единообразию. В украшении же уздечки использовались довольно простые круглые формы накладок. Серьезное отличие от соседних мордовских памятников наблюдается в почти полном отсутствии снаряжения коня в погребальном инвентаре человеческих захоронений. Конечно, это может быть связано со спецификой обряда, так как в VIII–IX вв. у мордвы отсутствуют конские захоронения. Но, с другой стороны, можно предположить, что значение конницы у муромы не было столь велико, как у мордвы, непосредственно граничившей со степным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998. – 286 с.
2. *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. – 1952. – № 26. – 346 с.
3. *Вайнштейн С.И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966. – № 3. – С. 60–81.
4. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. – 110 с.
5. *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М., 1964. – 201 с.
6. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1990. – 174 с.
7. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.
8. *Гришаков В.В.* К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по истории Мордовии. Саранск, 1988. Вып. 85. С. 71–103.
9. *Гришаков В.В.* Конские погребения VIII – первой половины IX в. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 127–146.

10. Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища // СА. – 1990. – № 2. – С. 164–175.
11. Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск, 1977. – 224 с.
12. Иванова М.Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. – Ижевск, 1976. – С. 93–106.
13. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. – 1973. – Вып. Е 1–36. – 112 с.
14. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. – 1949. – № 9. – 364 с.
15. Кулаков В.И. Пруссy (V–XIII вв.). – М., 1994. – 438 с.
16. Ляпушкин И.И. Памятники Салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. – 1958. – № 62. – С. 85–150.
17. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М., 1981. – 164 с.
18. Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С. 123–137.
19. Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) // Тр. МАЭ. Т. V. – Йошкар-Ола, 1999. – 160 с.
20. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М., 1989. – 288 с.
21. Седышев О.В. Снаряжение коня VIII–X вв. (по материалам мордовских могильников) // Пензенский археологический сборник. Вып. 3. – Пенза, 2010.
22. Хузин Ф.Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985. – С. 193–213.
23. Циркин А.В. Шокшинский могильник // СА. – 1972. – № 1. – С. 155–170.
24. Шитов В.Н. Отчет о раскопках Шокшинского могильника и Шокшинского поселения в Мордовской АССР в 1991 г. // Архив ИА РАН Р–1, № 16759.
25. Шитов В.Н. Отчет о раскопках Шокшинского могильника и Шокшинского поселения в Республике Мордовия в 1993 г. // Архив ИА РАН Р–1, № 17762.
26. Шитов В.Н. Отчет о работе археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1983 г. // Архив ИА РАН Р–1, № 9611.

Информация об авторах:

Гришаков Валерий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия); vvg815@yandex.ru

Седышев Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия); sov323@yandex.ru

FURNITURE OF THE RIDING HORSE (ACCORDING TO THE CHULKOVSKY BURIAL GROUND)²

V.V. Grishakov, O.V. Sedyshev

The items of riding horse harness (bits with psalia, stirrups, buckles, decorations of bridles) are analyzed in the article on the basis of the materials from the Chulkovo (Murom) burial ground site of the 8th–10th centuries, located on right bank of the Oka river. It has been established that the use of horse harness items by the Muroma culture population, which

had left the Chulkovo burial ground, is in full correspondence with the general traditions of the Finno-Ugric peoples of the Volga river region characteristic of the 8th–10th centuries. The shapes of the bits correspond to both the steppe (bits with S-shaped and straight psalia) and the local traditions (bits with two and three moving rings). A tendency to uniformity is observed in the tradition of stirrups production. The main differences of the Muroma burial grounds from the neighboring Mordovian ones consist in the presence of horse burials (not known among the Mordovians), and, on the other hand, in a practically complete lack of horse harness in the funeral set of human burials. It can be assumed that the importance of cavalry with the Muroma was lower than with the Mordovians who were living next to the steppe world.

Keywords: archaeology, the Volga-Oka rivers region, the Early Middle Ages, the Muroma culture, burial ground, burials, horse harness, typology, analogy, chronology.

REFERENCES

1. Bagautdinov, R. S., Bogachev, A. V., Zubov, S. E. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia) (Pre-Bulgars at the Middle Volga (at the Origins of the History of Volga-Kama Tatars))*. Samara: "Samarskii regional'nyi fond «Polden', XXII vek»" Publ. (in Russian).
2. Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Alaia (Historical and Archaeological Essays on the Central Tian Shan and Pamir-Alay)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 26 (in Russian).
3. Vainshtein, S. I. 1966. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 60–81 (in Russian).
4. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Ground as a Source on History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Gening, V. F., Khalikov, A. Kh. 1964. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarkhanskii mogil'nik) (The Early Bulgars on the Volga (the Bol'shie Tarkhany burial ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
7. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
8. Grishakov, V. V. 1988. In *Materialy po istorii Mordovii (Materials on the History of Mordovia)* 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 71–103 (in Russian).
9. Grishakov, V. V. 1990. In *Novye istochniki po etnicheskoi i sotsial'noi istorii finno-ugrov Povolzh'ia I tys. do n.e. – I tys. n.e. (New Sources on the Ethnic and Social History of the Finno-Ugric Peoples in the Volga Basin in I Millennium BC — I Millennium AD)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 127–146 (in Russian).
10. Guguev, V. K., Bezuglov, S. I. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 164–175 (in Russian).
11. Derevianko, E. I. 1977. *Troitskii mogil'nik (Troitsky Burial Ground)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Ivanova, M. G. 1976. In Vladyskin, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Udmurtii*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 93–106 (in Russian).
13. Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th–13th Centuries)*. Series: Corpus of Archaeological Sources E1—36 (in Russian).

14. Kiselev, S. V. 1949. *Drevniaia istoriia Iuzhnoi Sibiri (Ancient History of the Southern Siberia)*. Series: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 9. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
15. Kulakov, V. I. 1994. *Prussy (V–XIII vv.) (Old Prussians in 5th–13th Centuries)*. Moscow (in Russian).
16. Liapushkin, I. I. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 62, 85–150 (in Russian).
17. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th–12th Centuries) VIII–XII vv.* Moscow (in Russian).
18. Molodin, V. I., Savinov, D. G., Elagin, V. S. 1981. In Troitskaia, T. N. (ed.). *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha zheleza (Problems of the West Siberian Archaeology: Iron Age)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ., 123–137 (in Russian).
19. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by the Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola (in Russian).
20. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (On the Border between the Slavs and Khazars. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
21. Sedyshev, O. V. 2010. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 3. Penza (in Russian).
22. Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Kul'tura Biliara. Bulgarskie orudiia truda i oruzhie X — XIII vv. (Bilyar Culture. Bulgar Tools and Weapons in 10th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ., 193–213 (in Russian).
23. Tsirkin, A. V. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 155–170 (in Russian).
24. Shitov, V. N. 1991. *Otchet o raskopkakh Shokshinskogo mogil'nika i Shokshinskogo poseleniia v Mordovskoi ASSR v 1991 g. (Report on the Excavations of the Shoksha Burial Ground and the Shoksha Settlement in the Autonomous Republic of Mordovia in 1991)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R–1, no. 16759 (in Russian).
25. Shitov, V. N. 1993. *Otchet o raskopkakh Shokshinskogo mogil'nika i Shokshinskogo poseleniia v Respublike Mordoviia v 1993 g. (Report on the Excavations of the Shoksha Burial Ground and the Shoksha Settlement in the Republic of Mordovia in 1993)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R–1, no. 17762 (in Russian).
26. Shitov, V. N. 1983. *Otchet o rabote arkheologicheskoi ekspeditsii v Mordovskoi ASSR i Rizanskoi oblasti v 1983 g. (Report on the Fieldworks of the Archaeological Expedition in the Autonomous Republic of Mordovia and the Ryazan Oblast in 1983)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences R–1, no. 9611 (in Russian).

About the Authors:

Grishakov Valeriy V. Candidate of Historical Sciences. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev. Studencheskaya St., 11a, Saransk, 430007, Republic of Mordovia, Russian Federation; vvg815@yandex.ru

Sedyshev Oleg V. Candidate of Historical Sciences. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evseyev. Studencheskaya St., 11a, Saransk, 430007, Republic of Mordovia, Russian Federation; sov323@yandex.ru

УДК 902:904

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОМПЛЕКСОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ОКРУГИ КРУПНЕЙШИХ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ
ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

© 2013 г. Л.Ф. Недашковский

В статье охарактеризованы некоторые методические аспекты анализа территориального распределения и периодизации археологических памятников округа крупнейших городищ Нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды. Это городища Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор. Территория округа каждого из этих городищ определялась удаленностью археологических памятников не более чем на 60 км от них. В пределах округа рассматривались все категории археологических памятников: поселения, могильники, клады. При классификации поселений за основу была взята площадь, которая является показателем количества населения. Автором выделены потенциальные экономические зоны поселений. По нумизматическим данным в истории развития данных округ выделены 6 основных хронологических этапов, начиная с 1266 по 1459 г., отражающих закономерности денежного обращения в государстве Джучидов.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, золотоордынские города, округа, методика исследований, экономическое развитие, хронологические этапы.

Улус Джучи имел две основные экономические составляющие: мир степных кочевников и оседлые сельскохозяйственные земли с городами. Средневековый город предполагал наличие округа, необходимой для обеспечения его продовольствием и ремесленным сырьем. Под городской округой нами понимаются близлежащие к городу территории, зависимые от него административно и экономически. Золотоордынский город и его округу важно изучать как необходимые, системообразующие элементы Улуса Джучи, тесно взаимосвязанные между собой.

Нами были рассмотрены материалы 465 археологических объектов (в том числе 90 поселений, 137 местонахождений, 55 грунтовых могильников, 60 курганных групп, 109 монетных кладов и 14 мест отдельных

монетных находок), группирующихся вокруг четырех крупнейших по площади (более 2 кв. км) золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (Увекского, Царевского, Селитренного и Шареного Бугра), являющихся остатками крупнейших городов региона (Недашковский, 2000; 2010; Nedashkovsky, 2004).

Следует остановиться на методических аспектах исследования данных четырех комплексов археологических памятников округа крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

К настоящему времени достигнуты значительные успехи в осмыслении проблематики золотоордынского города, чего нельзя сказать об исследовании городской округи.

Даже проблеме округи древнерусского города посвящено небольшое

количество работ, представленных исключительно статьями (Макаров, 1997; Носов, 1984; Плоткин, 1989; Чернов, 1997). Е.Н. Носов относит к новгородской округе поселения у истока Волхова и в Ильменском Поозерье (Носов, 1984, с. 31–38), а К.М. Плоткин фактически считает округой Пскова памятники в окрестностях города и в бассейне нижнего течения р. Великой (Плоткин, 1989, с. 159). Н.А. Макаров в своей статье об округе средневекового Белоозера рассмотрел археологические памятники в районе Белого озера (Макаров, 1997). При характеристике округи средневековой Москвы С.З. Чернов опирался на духовные и договорные грамоты московских князей, понимая под округой земли Московского княжества (Чернов, 1997).

Сельскохозяйственной округе Биляра X–XV вв., включающей поселения, расположенные в радиусе около 20 км от границ Билярского городища, посвящена диссертационная работа З.Г. Шакирова (2012), а в целом данная тема плохо разработана и в болгарской археологии.

Для анализа нами были предварительно отобраны все археологические памятники золотоордынского времени, располагающиеся не далее чем в 60 км (2–3 дня пути) от центров четырех крупнейших золотоордынских городищ (Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор) Нижнего Поволжья. Критерий территориальной близости, на наш взгляд, при полном отсутствии каких-либо письменных данных (как в ситуации с рассматриваемой территорией в золотоордынское время), является единственно возможным способом определения комплекса памятников

городской округи для дальнейшего анализа.

Территориальный принцип отбора памятников позволил сравнить материалы абсолютно равных по площади территорий вокруг крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья. Кстати, памятники, расположенные на определенном расстоянии от центрального, анализировались, например, С.Д. Захаровым: учитывалось число и характер памятников, расположенных в 10 км от Белоозера и Белозерска, что рассматривалось как ближайшая округа этих городов (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 175–176, 178, рис. 80). Мы исходили из того, что рассматриваемая территория должна быть максимальной, а территории вокруг крупнейших городищ начинают соприкасаться с радиуса в 60 км. Немногочисленные археологические памятники, располагающиеся на равном расстоянии от Шареного Бугра и Селитренного городища, были отнесены к группе последнего памятника как более значимого центра Золотой Орды, чтобы избежать дублирования в двух территориальных группах одних и тех же памятников.

Тот факт, что археологические памятники выделенных нами групп порой оказываются разделенными значительными водными преградами (напр., Волгой), не может являться основанием для сомнений в правильности избранного принципа территориальной близости памятников, так как в средневековье передвижение по рекам часто являлось более быстрым и удобным, чем по суше (как в зимнее, так и в летнее время). В золотоордынский период в теплое время года функционировали налаженные переправы

через крупные реки (для чего правителями Улуса Джучи даже основывались специальные поселения), посредством которых можно было перевезти и повозки; в таком пункте переправы можно было сесть и на корабль для поездки по реке (Джиованни, 1957, с. 109–110, 118). Зимой лед на Нижней Волге, по словам Ибн Баттуты, по распоряжению хана специально благоустраивался (Тизенгаузен, 1884, с. 301) для удобства проезда по нему (для этих целей только возле Хаджи-Тархана использовались тысячи возов соломы). Таким образом, Волга с протоками ее дельты превращалась в более или менее прямые и удобные караванные дороги, по которым «ездят в арбах на расстоянии 3 дней пути» (Тизенгаузен, 1884, с. 301). О значении этого зимнего пути говорит и то, что он активно использовался и ранней весной, когда некоторые караваны тонули и погибали (Тизенгаузен, 1884, с. 301). Вероятно, описанное Ибн Баттутой организованное передвижение караванов по льду Волги было в еще большей степени характерно для Средней и Нижней Волги выше Хаджи-Тархана, где лед был крепче из-за более суровых климатических условий. Так что наличие даже такой водной преграды, как Волга, между крупным городом и памятниками его округа не может служить доказательством того, что последние были изолированы от центра. Не мешает же нам признавать Санкт-Петербург единым городом факт отсутствия в нем каких-либо, даже временных, мостов через Неву в эпоху Петра Великого, а также факт отсутствия постоянных мостов, не демонтировавшихся на время ледостава и ледохода, вплоть до второй половины XIX в.

Остановимся на некоторых особенностях понятийного аппарата. К поселениям, согласно общепринятым археологическим критериям, нами были отнесены памятники с достоверным наличием культурного слоя или сооружений, а к местонахождениям – памятники, где слой и сооружения либо достоверно отсутствуют, либо их наличие не может быть подтверждено¹. При определении понятия монетный клад мы опирались на разработки Г.А.Федорова-Давыдова, включавшего в число кладов любые монеты, найденные вместе, а не на расстоянии друг от друга (т.е. представлявшие в прошлом единый комплекс, будь то крупные купеческие сбережения или содержимое кошелька, оброненное небогатым прохожим).

К крупным золотоордынским городам Нижнего Поволжья нами отнесены памятники с площадью 205–3385 га (таких всего четыре – городища Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор). К группе малых городов отнесены памятники с площадью 10–100 га, к остаткам сельских поселений – селища с площадью 1–7 га, а к группе деревень – селища с площадью менее 1 га. Такая классификация полностью подтверждается сводной археологической характеристикой поселений (Недашковский,

¹ Мы включаем местонахождения (общепризнанный в отечественной и мировой науке самостоятельный тип археологических памятников) в комплексы рассматриваемых объектов округа, так как все они датируются золотоордынским временем. Местонахождения важны для уточнения хронологии и особенностей материальной культуры изучаемых территориальных групп памятников, хотя их информативные возможности, разумеется, уступают таковым у поселений.

2010, с. 222–224), опирающейся на археологические особенности древнерусских городов, систематизированные А.В. Кузой (1985, с. 46; 1989, с. 51).

Селища Нижнего Поволжья в целом крайне слабо изучены раскопками: из рассмотренных нами поселений площадью 1–7 га лишь 5 подвергались раскопкам, а из поселений площадью менее 1 га – лишь 6. Причем, если не учитывать памятники, основные напластования которых не относятся к золотоордынской эпохе, то окажется, что, помимо крупного сельского поселения у с. Подгорное, все остальные памятники были раскопаны нами. Автором раскапывались 3 крупных сельских поселения (Багаевское, Колотов Буерак и Широкий Буерак; суммарная площадь раскопов 1024,4 кв. м) и 1 мелкое поселение (Константиновское; вскрыто 64 кв. м).

При классификации поселений за основу для дальнейшего анализа нами взята площадь памятников, которая определяет количество их населения. При оценке площади поселений вычислялась исключительно площадь распространения культурного слоя. Из 90 рассмотренных нами поселений лишь для 5 имеются сведения о фортификационных сооружениях на них, причем во всех этих пяти случаях площадь распространения культурного слоя превосходит площадь укрепленной части поселения, внутри которой не имелось незастроенных участков. Площадь поселенческих памятников измерялась максимально точно по имеющимся планам и описаниям, топографическая привязка всех памятников осуществлялась с использованием крупномасштабных карт.

В целом для определения численности населения средневекового города или сельского населенного пункта, при полном отсутствии или ненадежности письменных свидетельств (сопровождаемом отсутствием данных о плотности населения или застройки), как в случае с золотоордынскими памятниками Нижней Волги, площадь является единственным объективным показателем оценки численности населения.

Метод определения численности населения города по его площади давно известен, он применялся различными исследователями для оценки числа жителей древних и средневековых городов (Большаков, 1984, с. 101). О.Г. Большаковым в ходе анализа материалов мусульманских городов VII – середины XIII в. был сделан вывод, что (за исключением Средней Азии и Хорасана IX–X вв.) «устойчивость средней плотности населения при сплошной застройке внутри города позволяет предполагать, что территориальный рост ближневосточных городов пропорционален росту населения» (Большаков, 1984, с. 106). О.Г. Большаков выделил четыре основных типа застройки, встречающиеся на мусульманском Востоке в эпоху средневековья: 1) сельская или усадебная со средней плотностью населения 15–25 человек на 1 га, 2) свободная городская застройка, средняя плотность населения 50 человек на 1 га, 3) плотная двухэтажная застройка, плотность населения 250–636 человек на 1 га, 4) сплошная многоэтажная застройка, до 1200 человек на 1 га (Большаков, 1984, с. 101–106). Для золотоордынских поселений, рассмотренных нами, возможна застройка только первых двух типов,

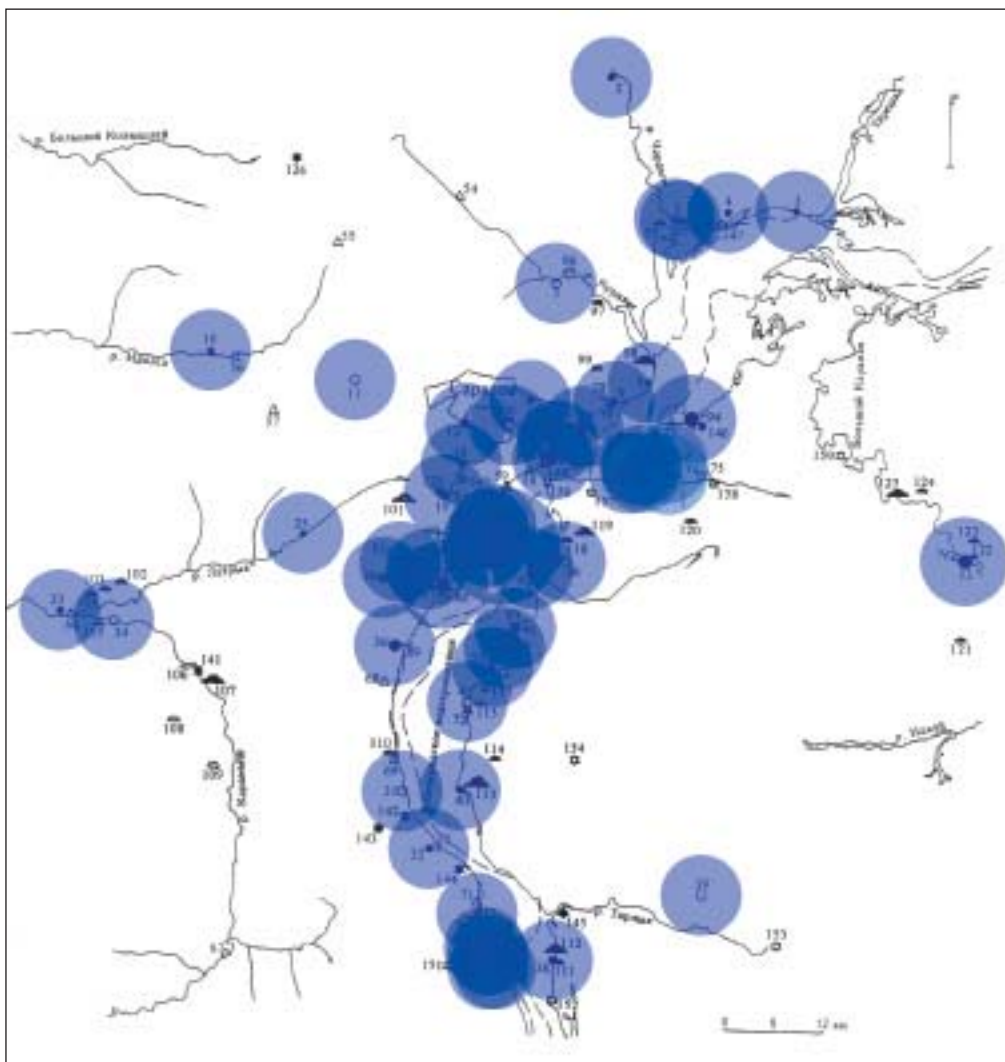


Рис. 1. Схема потенциальных экономических зон поселений округа Уфевского городища

причем, судя по имеющимся данным, существенных различий в плотности застройки городских и сельских памятников Нижней Волги не прослеживается (хотя на сельских поселениях раскопаны пока только полуземлянки, а в городах преобладали наземные одноэтажные дома, это обстоятельство вряд ли существенно влияло на плотность населения). Опираясь на данные О.Г. Большакова, можно сделать

приблизительные выводы о численности населения рассмотренных нами поселений. Крупнейшие золотоордынские города Нижнего Поволжья в период их расцвета имели население от 3–10 до 50–170 тысяч человек, малые города – от 150–500 до 1500–5000 человек, сельские поселения – от 15–50 до 100–350 человек, деревни – менее 15–50 человек.

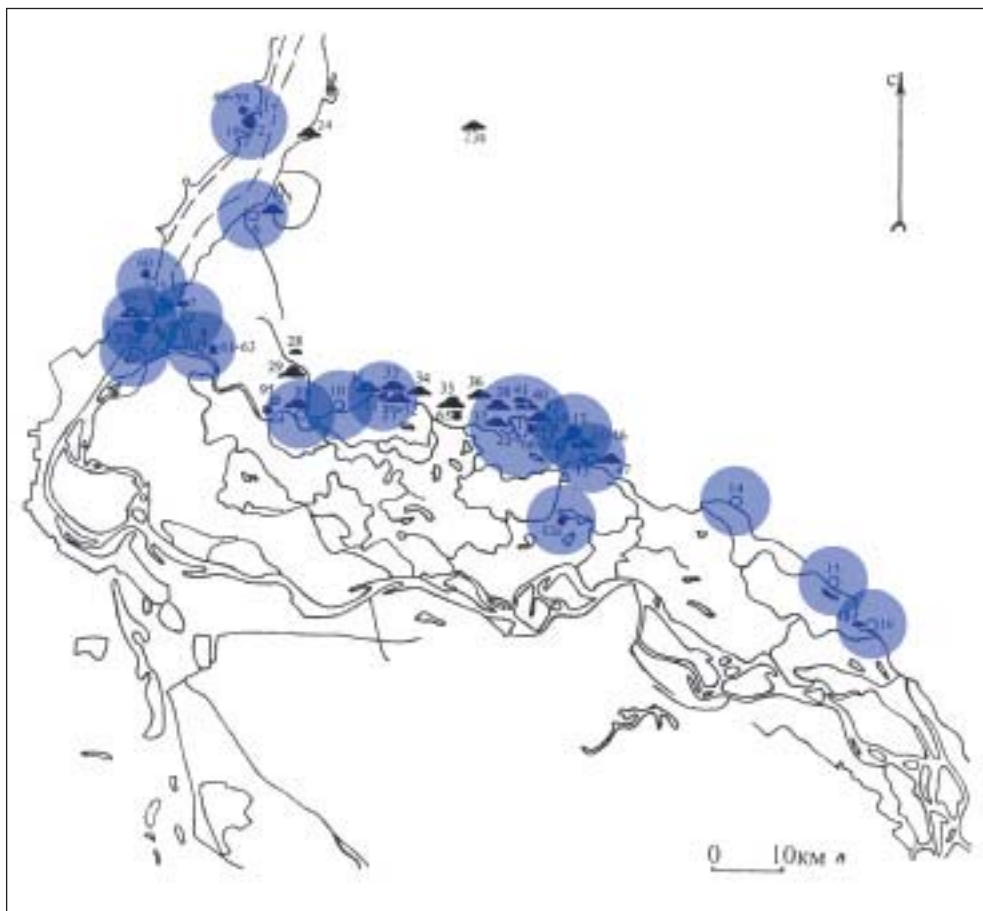


Рис. 2. Схема потенциальных экономических зон поселений округа Царевского городища

Оценка доли населенных пунктов различного размера в общем экономическом и демографическом потенциале рассмотренных нами районов, основанная на данных о площадях поселений, а также сравнение суммарных площадей различных групп (кустов) поселенческих памятников были произведены с опорой на соответствующие разработки Н.А. Макарова и С.Д. Захарова (Макаров, Захаров, Бужилова, 2001, с. 91–92, 176, 178, 180, рис. 36, 80). Поскольку площадь рассматриваемых поселений определяет, как показано выше, и количество их населения, то доля пло-

щади памятников того или иного типа (той или иной группы) в суммарной площади показывает и долю населения этих памятников в общем количестве населения. Трудно предположить какие-либо ограничения в применении этих методов в зависимости от природных зон, в которых располагаются памятники, ведь речь идет всего лишь о сопоставлении площадей рассматриваемых поселений.

Метод выделения потенциальных экономических зон поселений (Недашковский, 2010, с. 212–213, 220, илл. 1–19) опирается на наработки британской археологической шко-

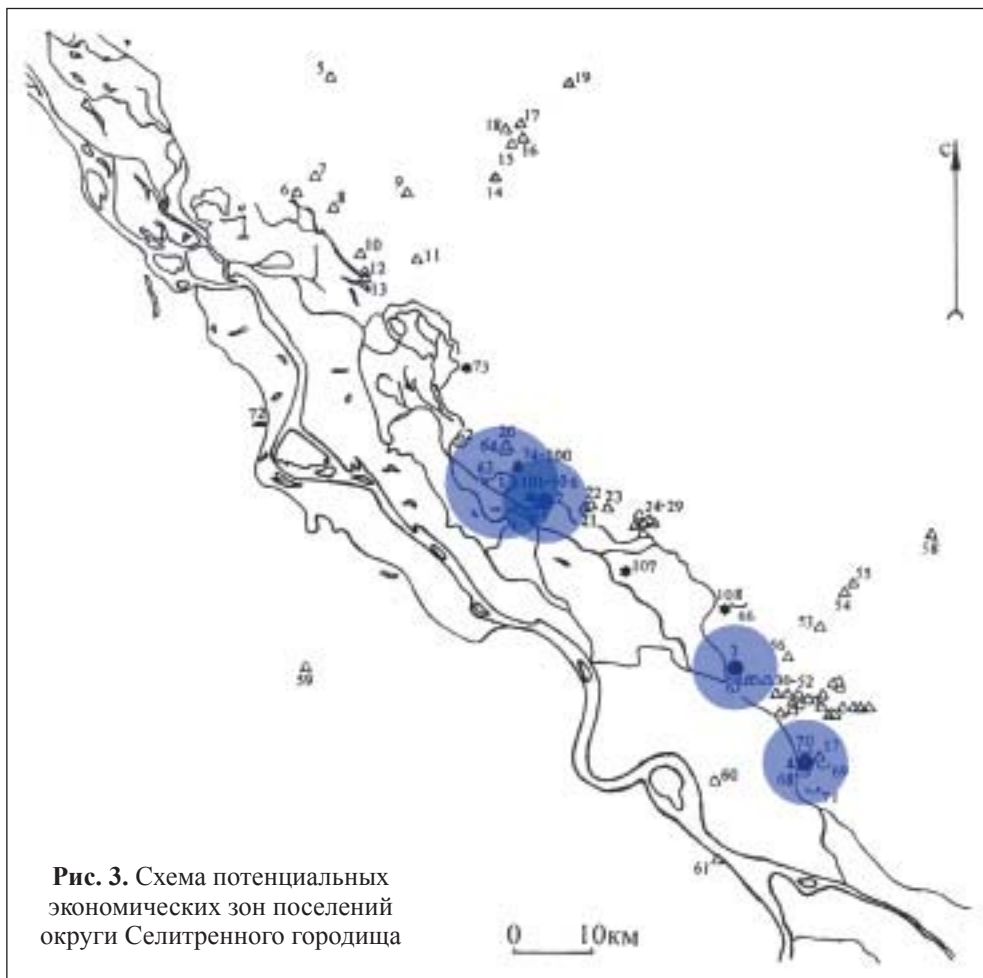


Рис. 3. Схема потенциальных экономических зон поселений округа Селитренного городища

лы (Jarman, Vita-Finzi, Higgs, 1972, р. 61–66), активно используемые и в отечественной археологии (Афанасьев, 1987, с. 24, 27–29, 32–35, 37–38; Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 67). Потенциальные экономические зоны поселений, отражающие различные стороны человеческой деятельности, были реконструированы на базе географических и экологических методов, восходящих еще к модели фон Тюнена, созданной в 1826 г. и представляющей собой систему концентрических колец – потенциальных зон садоводства и огородничества, источников топлива, производства

зерновых культур и, наконец, выпаса скота (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 66–67). Определение потенциальных экономических зон поселений является одной из методик пространственного анализа в археологии; оно основано на положении, что хозяйственная деятельность жителей каждого населенного пункта осуществляется преимущественно в его ближайших окрестностях, что связано с увеличением затрат энергии и времени по мере удаления от поселения для добычи необходимых ресурсов. При определении экономической зоны поселений нужно учитывать, что по мере

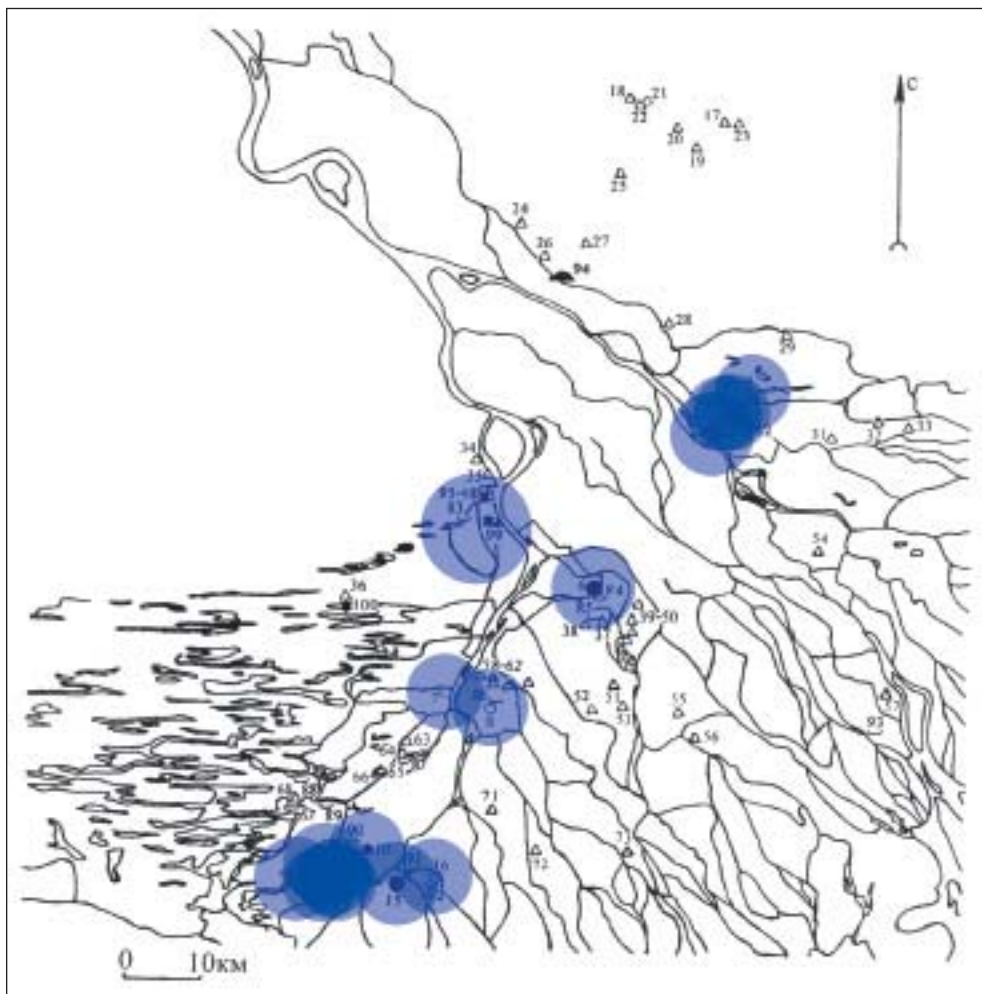


Рис. 4. Схема потенциальных экономических зон поселений
около городища Шареный Бугор

удаления от них интенсивность использования окружающей территории убывает. Считается, что «для оседлого земледельческого населения... затраты на эксплуатацию территории достигают неприемлемой величины уже на расстоянии одного часа ходьбы от жилища. Иными словами, на спокойном, непересеченном рельефе экономическая зона населенного пункта должна иметь вид круга с радиусом около 5 км» (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 67; см. также: Афана-

сьев, 1987, с. 24, 27–29, 32–35, 37–38; Jarman, Vita-Finzi, Higgs, 1972, p. 63).

Используя приведенные выше данные, вполне пригодные для анализа золотоордынских поселений Нижнего Поволжья, связанных с земледелием и располагающихся в равнинном ландшафте, были построены схемы экономических зон поселений (рис. 1-4). Следует, однако, учитывать размеры самих поселений, которые также могут влиять на построение потенциальной экономической зоны.

Можно не учитывать величину мелких и средних поселений (площадь до 7 га), поперечный размер которых в среднем составляет менее 200 м, а также памятников, площадь которых неизвестна, но необходимо учесть размеры крупных поселений (малых городов) со средним поперечным размером около 960 м, а также четырех крупнейших городищ Нижней Волги со средним поперечным размером около 4570 м. Последние две величины были прибавлены нами к диаметрам смоделированных экономических зон в каждом соответствующем случае (Недашковский, 2010, илл. 1–19).

Были выделены следующие основные этапы развития округа золотоордынских городищ Нижней Волги²: первый этап – с 1266 по 1310 г. (с начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – с 1310 примерно по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый – с 1380 по 1395 г. (правление Токтамыша), пятый – с 1395 по 1420 г. (эпоха Идегея), шестой – с 1420 по 1459 г. (период распада Золотой Орды). Данные периоды отражают закономерности денежного обращения в государстве Джучидов, каждый из этапов качественно отличен по составу обращавшихся в Нижнем Поволжье монет, что и позволяет нам точно говорить о существовании того или иного

памятника с монетными находками в определенный период времени³.

³ Хронологические рубежи, разделяющие выделенные нами периоды денежного обращения золотоордынских городов Нижнего Поволжья и памятников их округи, имеют следующие характеристики. 1266 г. четко разделяет чекан 1250-х – первой половины 1260-х гг. от более поздних эмиссий Менгу-Тимура, не обращавшихся вместе с более ранними монетами (встреченными только в единичных экземплярах на памятниках округи Увекского и Царевского городищ). Унификационная реформа Токты 710 г.х. (1310–1311 гг.) изъяла из обращения монеты всех предшествующих выпусков и заменила их новыми. 1365 г. предложен как условный рубеж, разделяющий различное по составу и весу монет денежное обращение второй половины 60-х гг. – 70-х гг. XIV в. и предшествующего времени; монеты 1365–1380 гг. чеканки в Нижнем Поволжье в дальнейшем почти не обращались. Реформа 782 г.х. (1380–1381 гг.) в Нижнем Поволжье изъяла из обращения старые монеты и заменила их выпусками Токтамыша. 1395 г. принят как рубеж, разделяющий правление Токтамыша и его преемников, – в правление Токтамыша состав монетного обращения был иным, чем при последующих ханах, существенно снизивших вес серебряных монет. 1420 г. отделяет начало правления Улу-Мухаммеда (период 1420–1459 гг. в целом характеризуется особым составом денежного обращения на Нижней Волге и еще более низким весом серебряных монет) от более раннего времени. 1459 г. (дата смерти Кичи-Мухаммеда, последнего хана распадающейся державы Джучидов, практически все монеты которого дат не имеют), когда завершается последний из выделенных хронологических периодов, выбран как рубеж, отделяющий период распада Золотой Орды от более поздних эпох, когда Улуса Джучи как единого государства, уже не существовало (см.: Федоров-Давыдов, 2003).

² Данная периодизация основывается на закономерностях денежного обращения в Нижнем Поволжье. К сожалению, вещевой материал не позволяет в настоящее время создать какую-либо хронологическую шкалу на его основе.

Тот факт, что выделенные хронологические этапы имеют различную протяженность (от 15 до 55 лет), не влияет на выводы исследования (Недашковский, 2010, с. 225–234, 241–242, рис. 34–47, 56–57), так как сравнивается количество археологических памятников, существовавших в каждой группе в различные хронологические пери-

оды, а не количество монетных находок различных периодов между собой. Время сокрытия кладов определяется по дате чеканки младшей монеты, так как смена состава денежного обращения в Золотой Орде происходила достаточно интенсивно, то и зарытие любого клада происходило очень близко к дате чеканки младшей монеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – М., 1987. – 200 с.
2. *Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. – М., 2004. – 240 с.
3. *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: социально-экономические отношения. – М., 1984. – 342 с.
4. *Джиованни дель Плано Карпини.* История монгалов. *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / ред., вступ. ст. и прим. Н.П.Шастиной. – М., 1957. – 270 с.
5. *Куза А.В.* Укрепленные поселения // Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. – М., 1985. – С. 39–51.
6. *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. – М., 1989. – 168 с.
7. *Макаров Н.А.* Округа средневекового Белоозера и некоторые общие проблемы происхождения и функций городов на севере Руси // Труды VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. – М., 1997. – С. 185–197.
8. *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.* Средневековое расселение на Белом озере. – М., 2001. – 496 с.
9. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000. – 224 с.
10. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М., 2010. – 351 с.
11. *Носов Е.Н.* Новгород и новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Вып. 2 (12). – Л., 1984. – С. 3–38.
12. *Плоткин К.М.* Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. – М., 1989. – С. 159–186.
13. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – 564 с.
14. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003. – 352 с.
15. *Чернов С.З.* Округа Москвы в XIII–XVI вв. // Природа. – 1997. – № 4. – С. 61–73.
16. *Шакиров З.Г.* Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2012. – 27 с.
17. *Jarman M.R., Vita-Finzi C., Higgs E.S.* Site catchment analysis in archaeology // Man, settlement and urbanism. Proceedings of a meeting of the Research Seminar in Archaeology

and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University. – London, 1972, P. 61–67.

18. *Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. – Oxford, 2004.*

Информация об авторе:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

METHODICAL ASPECTS OF RESEARCHES OF THE COMPLEXES OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE REGION OF THE LARGEST GOLDEN HORDE CITIES OF THE LOWER VOLGA AREA

L.F. Nedashkovsky

Certain methodological aspects related to the analysis of territorial distribution and periodization of the archaeological sites located around major settlements of the Lower Volga river region referring to the Golden Horde epoch are characterized in the article. These are the Uvek, Tsarev, Selitrennoye and Shareny Bugor settlements. The district territory around each of these settlements was determined by a distance not exceeding 60 km from the archaeological sites. Within the neighborhood, all categories of archeological sites were examined: settlements, cemeteries, hoards. Settlement classification was based on the area as a population number index. The author has identified potential economic zones of the settlements. According to numismatic data, from 1266 to 1459, 6 major chronological stages have been singled out in the history of the districts, reflecting the patterns of monetary circulation in the Jochid state.

Keywords: the Lower Volga river region, Golden Horde cities, district, research methodology, economic development, chronological stages.

REFERENCES

1. Afanas'ev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8th – 10th Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Series: Rescue Archaeological Investigations 2. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Afanas'ev, G. E., Savenko, S. N., Korobov, D. S. 2004. *Drevnosti kislovodskoi kotloviny (Antiquities of the Kislovodsk Basin)*. Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ. (in Russian).
3. Bol'shakov, O. G. 1984. *Srednevekovi gorod Blizhnego Vostoka. VII – seredina XIII v.: sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniia (Medieval Town in the Near East. 7th – Middle of 13th Century: Social and Economic Relations)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Shastina, N. P. (ed.). 1957. *Puteshestviia v vostochnnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journeys of Plano Carpini and William of Rubrouck to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ. (in Russian).
5. Kuza, A. V. 1985. In Kolchin, B. A. (manag. ed.). *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village)*. Series: Archaeology of the USSR 15. Moscow: "Nauka" Publ., 39–51 (in Russian).
6. Kuza, A. V. 1989. *Malye goroda Drevnei Rusi (Small Towns of Ancient Russia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Makarov, N. A. 1997. In *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of 6th International Congress of Slavic Archaeology) 3. Etnogenez i*

etnokul'turnye kontakty slavian (Ethnogenesis and Ethno-Cultural Contacts of the Slavs). Moscow: "Fond arkheologii" Publ., 185–197 (in Russian).

8. Makarov, N. A., Zakharov, S. D., Buzhilova, A. P. 2001. *Srednevekovoe rasselenie na Belom ozere (The Medieval Settlement on the Beloye Lake)*. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

9. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

10. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Regions)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

11. Nosov, E. N. 1984. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik (Novgorod Historical Collected Papers)* 2 (12). Leningrad, 3–38 (in Russian).

12. Plotkin, K. M. 1989. In Sedov, V. V. (ed.). *Stanovlenie evropeiskogo srednevekovogo goroda (Formation of Medieval European Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 159–186 (in Russian).

13. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy (Collected Works Related to the History of the Golden Horde)* 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

14. Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoi Ordy (Coinage of the Golden Horde)*. Moscow: "Paleograf" Publ. (in Russian).

15. Chernov, S. Z. 1997. In *Priroda (Nature)* (4), 61–73 (in Russian).

16. Shakirov, Z. G. 2012. *Okruga Biliara v X–XV vv. (poselencheskaia struktura, resursnyi potentsial) (The Bilyar Surroundings in 10th – 15th Centuries (Settlement Structure, Resource Potential))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

17. Jarman, M. R., Vita-Finzi, C., Higgs, E. S. 1972. Site catchment analysis in archaeology. In *Man, settlement and urbanism*. Proceedings of a meeting of the Research Seminar in Archaeology and Related Subjects held at the Institute of Archaeology, London University. London, 61–67.

18. Nedashkovsky, L. F. 2004. *Ukek: The Golden Horde city and its periphery*. BAR International Series 1222. Oxford.

About the Author:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

УДК 658.6(091):94

**ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА С УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА
(СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ИЗ ФОНДОВ САРАТОВСКОГО
ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ КРАЕВЕДЕНИЯ)¹**

© 2013 г. Д.А. Кубанкин, А.Н. Масловский

В статье рассматривается коллекция из 396 предметов импорта, найденных на Увекском городище и являющихся случайными находками. Среди них большинство составляют керамические изделия, в основном парадная посуда. Представлены также зеркала, украшения, стеклянные и металлические сосуды. Наибольшее количество находок внешнего импорта представлено из Ирана, Византии, Трапезунда, государства мамлюков, Китая и Центральной Азии, без учета Хорезма. Во внутреннем импорте преобладают товары из Юго-Восточного Крыма, Хорезма и с Нижней Волги. Наибольшее развитие торговых путей отмечается в период 1270–1330-х годов.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, золотоордынский период, город Увек, импорт, керамика, украшения, металлические и стеклянные изделия, драгоценные и поделочные камни.

Золотоордынские города были активно вовлечены в торговлю регионального и международного уровня. Некоторая информация об этом содержится в письменных источниках, однако наиболее информативен массовый археологический материал, поддающийся статистической обработке. Наша работа представляет начальный этап в области изучения торговых связей золотоордынского города Уека. В рамках этой публикации невозможно сразу охватить все имеющиеся материалы по интересующему вопросу. Поэтому была выбрана наиболее многочисленная коллекция находок с Увекского городища, хранящаяся в фондах Саратовского областного музея краеведения и насчитывающая более 3,5 тыс. предметов. Отдельные находки ранее были опубликованы (Папа-Афанасопуло, 1925; Полубояринова, 1991; Недашковский,

2000; Матюхина, Моржерин, 2005), но сама тема не изучена.

Значительную часть коллекции составляют случайные находки, поступавшие в фонды с конца XIX в. Наиболее активно собрание пополнялось во времена Саратовской ученой архивной комиссии в 1880–1910-х годах. В этот период лишь 6% от общего числа находок поступало в коллекцию из археологических раскопок. Остальные 94% составляли случайные находки, пополнявшие фонды в результате сборов и закупок. С началом проведения в 2005 г. экспедицией СОМК ежегодных археологических раскопок на Увекском городище соотношение изменилось в противоположную сторону. Публикация предметов импорта из раскопок – тема отдельной статьи. В данной работе мы объединили многочисленную коллекцию предметов импорта из разряда случайных находок –

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-31-01246, тип а2.

396 предметов. Наиболее массовой категорией оказалась керамика. Из 918 фрагментов и целых форм глиняных сосудов не менее 316 фрагментов отнесено к керамическому импорту, из которых определяемых по местам производства – 274 фрагмента.

Статистическая подборка керамического импорта представлена в таблице 1. Установление места производства того или иного сосуда производилось по ряду визуально определяемых признаков начиная с определения общего уровня технологии и особенностей, присущих конкретным гончарным центрам (например, для поливных чаш важно определить способ изготовления поддона). Далее учитывались детали морфологии, орнаментация, цвет черепка в изломе и его поверхности, цветность и другие характеристики глазури, фактура черепка, состав природных и введенных в формовочную массу примесей. В качестве сравнительного материала использовались находки с других памятников.

Пополнение фондов музея велось по выборочному принципу, особенно в случае с подъемным материалом, поэтому процентное соотношение наверняка искажено (красочные фрагменты кашинной керамики «ладжвардины» попадали в коллекцию несравненно чаще, чем фрагменты стенок красноглиняных трапезундских амфор). В дальнейшем статистические данные можно будет сопоставить с результатами, полученными при анализе массовых материалов из раскопок с Увекского городища.

Китайские товары представлены преимущественно элитарными предметами. Из керамики известны лишь две стенки селадоновых сосудов (НВСП 31470/1-2), что составляет менее 1% от общего числа керамического импорта. Керамика Цы Чжоу и фарфор в материалах сборов не обнаружены.

Массивное круглое зеркало диаметром 15,6 см (рис. 1: 1) с широким бортиком и полусферической петлей по центру украшено сложным сюжет-

Таблица 1

Керамический импорт с Увекского городища
из случайных сборов в фондах СОМК

Регион	Кол-во	%
Юго-Восточный Крым	91 предмет	33%
Средняя Азия и Хорезм	67 предметов	25%
Нижняя Волга	42 предмета	16%
Иран	28 предметов	10%
Византия	19 предметов	7%
Трапезунд	13 предметов	5%
Ширван	9 предметов	3%
Китай	2 предмета	менее 1%
Маджары	1 предмет	менее 1%
Сирия	1 предмет	менее 1%
Крит	1 предмет	менее 1%
Итого	274 предмета	100%



Рис. 1. Металлический импорт: 1 – китайское зеркало с изображением Сяней; 2 – иранский ковш для пира

ным орнаментом (СМК 57812; Недашковский, 2000, с. 55, 57, рис. 10: 8). Полусферическая петля является центром рельефной восьмилепестковой розетки, вокруг которой парят три антропоморфных существа с хризантемами. Наиболее вероятно, что здесь изображены бессмертные Сяни. В даосской традиции это были существа, обретающие бессмертие и сверхесте-

ственные свойства, например, способность летать. Их иерархия в Китае была сложной. В ней присутствовали антропоморфные существа с крыльями и головными уборами или прическами. Хризантемы воспринимались как один из элементов снадобья для достижения бессмертия (Кравцова, 2004, с. 428). Подобные зеркала в Золотой Орде – большая редкость.

Схожие, но более упрощенные изображения встречены на зеркалах из Минусинской котловины, где они являются импортом из Китая династии Сун (XI–XIII вв.) и непосредственно с территории Китая (Лубо-Лесниченко, 1975, с. 73, рис. 58; Недашковский, 2000, с. 57). Место увекской находки близко к обнаруженным позднее элитарным захоронениям рубежа XIII–XIV вв., поэтому условно его можно датировать этим временем. Китайские сюжеты, связанные с бессмертием, активно тиражировались на предметах, принадлежавших монгольской элите.

Еще два зеркала (СМК 60502; СМК 60503), изготовленные в Китае или в китайских традициях, происходят из клада вещей, датируемых 1360-ми годами, обнаруженного на Увекском городище в 1994 г. На одном – изображение драконов воздушной и водной стихий (Недашковский, 2000, с. 58, 59, рис. 11: 2), на втором – рельефное изображение цветочной розетки, в центре которой петля, вокруг цветка по восемь чередующихся цилиндрических выступов, обрамленных кругом или схематичным цветочным бутоном (?) (Недашковский, 2000, с. 58, 59, рис. 11: 2). Оба изделия с широкими фестончатыми бортиками по внутреннему краю. Изображения рельефные. Сюжет с драконами прорисован вплоть до чешуи на теле мифических рептилий.

Мелкий фрагмент металлического зеркала с высоким ажурным бортиком (НВСП 31161) из случайных находок на Увекском городище, тоже может быть произведен в Китае или под влиянием китайской традиции.

Из слоя 1260–1280-х годов русско-го квартала Увекского городища происходит шпилька из непрозрачного

стекла серо-лазурного цвета (СМК 75784/18; Кубанкин, 2012, с. 143, 151, рис. 10: 8). Аналогичные изделия известны в коллекциях китайских музеев (Хан, 1999, с. 82). Схожие китайские стеклянные шпильки относятся ко времени династий Сун и Юань. Они экспонировались в музее Метрополитен на выставке «The World of Khubilai Khan: Chinese Art in the Yuan Dynasty». Фрагмент нижней части схожего стеклянного изделия был обнаружен в Каракоруме и хранится в Государственном Эрмитаже.

Среди *иранского импорта* следует выделить керамические и бронзовые изделия. В коллекции представлено 28 фрагментов кашинной керамики, что составляет 10% от общего количества керамического импорта. Из них «ладжвардина» – 18 фрагментов, «минаи» – 5, «люстр» – 5. Часть этих находок была ранее опубликована (Матюхина, Моржерин, 2005, с. 121). К этому списку следовало бы добавить и сосуды других отделов, однако их выделение из общей массы кашина пока затруднительно.

«Ладжвардина» – кашинная керамика «с полупрозрачной ультрамариновой поливой и надглазурной росписью и золочением» (Волков, 2006, с. 422). Она изготавливалась в Иране в конце XIII – XIV в. (Коваль, 2010, с. 63). Даже самые маленькие фрагменты сосудов, изготовленных в технике «ладжвардина», обращали на себя внимание в общей массе подъемного материала. Среди всей керамики, без отбора наиболее ярких экспонатов, этот процент будет гораздо ниже. Видимо, еще в средневековье фрагменты разбитых сосудов с росписью в стиле «ладжвардина» использовали вторично. Об этом свидетельствуют

находки маленьких квадратов из стенок сосудов. Размеры сторон такого квадрата были менее 2 см (НВСП 29752, НВСП 29909). Не исключено, что их использовали в качестве игральные фишек или для декора. Из 18 фрагментов «ладжвардины» лишь два принадлежат к закрытым формам сосудов – кувшинам или бутылкам (НВСП 29753; НВСП 29756; Матюхина, Моржерин, 2005, с. 121, рис. 7: 6; 7: 10), остальные – фрагменты открытых форм – чаш и кубков. На венчиках заметны фрагменты надписей арабицей, выполненных белой краской (НВСП 29754; НВСП 29756; НВСП 31387; Матюхина, Моржерин, 2005, с. 121, рис. 7: 7–10).

«Минаи» – кашинная керамика с полихромной росписью по белой глухой глазури. Большинство находок в Азаке датируется 1360-ми годами (Масловский, 2006, с. 423; Кравченко, 2012, с. 78). На Селитренном городище были найдены фрагменты бракованных сосудов минаи, что свидетельствует о возможном подражании иранским образцам в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 199). Однако трактовка их в качестве производственного брака вызывает некоторые сомнения. Возможно, они пострадали в результате пожара (Коваль, 2011, с. 198), т.е. версия о производстве минаи в Золотой Орде требует для своего обоснования обстоятельной публикации имеющегося фактического материала и его анализа, в то время как производство подобных изделий в Иране не вызывает сомнений.

Из пяти фрагментов «минаи», обнаруженных в коллекции СОМК, один, возможно, относится к изразцам или плохо сохранившемуся дну чаши

без поддона. По белому фону плетенка из золотой фольги с красной подводкой и зелеными секторами (НВСП 29767). Остальные четыре фрагмента относятся к открытым формам сосудов, вероятно, чашам (НВСП 29763; НВСП 31476; Матюхина, Моржерин, 2005, с. 121, рис. 7: 3).

Кашинную керамику с «люстровым» декором по белому фону, по мнению В.Ю. Коваля, на протяжении второй половины XII – XIV в. производили только в одном месте – иранском городе Кашан (Коваль, 2010, с. 41). Из пяти фрагментов «люстровой» керамики два относятся к закрытой форме сосуда с бесцветной глазурью по внутренней стороне. С внешней стороны первого фрагмента (НВСП 42798; Матюхина, Моржерин, 2005, с. 121, рис. 7: 2) сохранился горизонтальный пояс с частью арабской надписи, переведенной И.В. Волковым: «... и успех, и счастье, и ...»². По сравнению с остальными находками он имеет более плотный черепок. В.Ю. Коваль полагает, что «люстровая» керамика с плотным черепком встречается преимущественно в домонгольский период, хотя отдельные образцы продолжали производиться в период династии Ильханов (Коваль, 2010, с. 41–44). Второй образец (НВСП 42675), наиболее крупный из всех сохранившихся фрагментов «люстровых» сосудов, орнаментирован с внешней стороны подглазурной кобальтовой росписью. В придонной части – горизонтальная кобальтовая полоса, от которой отходят вертикальные линии, делящие поверхность на сектора. Внутри сектора роспись «люстром» в виде сердца. Кобальто-

² Выражаем признательность И.В. Волкову за перевод надписи.

вые линии подведены «люстровой» рамкой.

Остальные три фрагмента относятся к открытым формам сосудов. Из них два дна (НВСП 302306; НВСП 31474; Матюхина, Моржерин, 2005, с. 121, рис. 7: 1). Еще один фрагмент представлен венчиком с синей подводкой по верху (НВСП 44541).

Степень встречаемости иранской кашинной керамики в раскопе, расположенном в центральной части Увекского городища, менее 0,1%. Так, в раскопе 2010–2011 гг. обнаружен один фрагмент стенки кашинного сосуда с «люстровой» росписью, датируемый 1260–1280-ми годами, и один фрагмент «ладжвардины», имеющий широкую датировку – от 1280-х до 1360-х годов.

Среди металлических изделий иранского происхождения особо следует выделить медный, возможно, с посеребрением, ковш для пира (СМК 50587; рис. 1: 2). Высота 9 см, диаметр по венчику – 19 см, диаметр по дну – 12 см. Круглая в сечении невысокая чаша, сужающаяся к плоскому дну. В верхней части носик-слив клювовидной формы с желобком. Широкий орнаментальный пояс проходит по верхней половине сосуда, покрывая носик. Пояс имеет обрамление узкой плетенкой из двух лент. В центре, на фоне спирально скрученных стеблей, арабская благопожелательная надпись: «Вечная слава, и долгая благополучная жизнь, и здоровье, и друзья» (пер. Ю.Е. Пырсова). Надпись чередуется со сложной плетенкой из тонких ленточек и разорвана круглыми медальонами с чередующимся заполнением в виде растительных побегов и геометрических Y-образных знаков. Низ орнаментального пояса

обрамлен чередующимися треугольными фестончатыми медальонами с пальметтами на конце.

В русской культуре подобные сосуды называются «ендова» (яндова). На пирах их использовали для подачи на стол и разлива напитков в меньшие сосуды. Ковш такой формы, но из лакированного дерева, известен по находкам в Китае еще в III в. до н.э. (Искусство Китая, 2007, с. 698). Подобные ковши из фарфора и селадона датируются в Китае по известным находкам XIV в. (Carswell, 2000, p. 30). Близкие аналогии по форме встречаются среди находок в Каракоруме (Евтюхова, 1965, с. 282, рис. 144), Болгаре (Полякова, 1996, с. 241–242, 244, рис. 144) и в составе Симферопольского клада. Они датируются концом XIII – первой половиной XIV в. (Крамаровский, 2001, кат. №№ 11, 606). Бронзовый сосуд, обнаруженный на Селитренном городище, имеет подобную форму, но без орнамента (Fyodorov-Davydov, 1984, ill. 106: 3). «Ендовы» встречаются на дошедших до нас изображениях монгольских пиров. В частности, на иранской миниатюре со сценой праздничного пира (Крамаровский, 2012, илл. 51), на фреске из гробницы Шаньси. В обоих случаях эти ковши стоят на столах рядом с более крупными сосудами.

Увекский посеребренный ковш, вероятно, принадлежал богатому хозяину. Его изготовили мастера иранской школы, которые могли работать в различных уголках цивилизованного мира, в том числе в мамлюкском Египте. Спрос на такую посуду был высок. Некоторые изделия в упрощенном виде изготавливали в Золотой Орде. Например, находки из Болгара – один целый и шесть фрагментов

верхней части изделия, датируемые XIV в. (Даркевич, 1975, с. 237, 242, рис. 5). Однако эти находки содержали уже нечитаемую надпись, т.е. они делались как подражание элитарной посуде мастером, не умевшим читать по-арабски.

Среди зеркал, найденных на Увекском городище, один фрагмент, вероятно, относится к иранскому импорту. Это тонкий диск с четким и высоким рельефом, с узким и высоким бортиком. На сохранившемся фрагменте видно изображение альборака (Недашковский, 2000, с. 55, рис. 10: 1).

Коллекция находок среднеазиатского происхождения, включая изделия из Хорезма, насчитывает 76 предметов, из которых 69 относятся к глиняным сосудам и 7 являются фрагментами каменных котлов. По центрам производства большинство предметов происходит из Хорезма – 70 изделий, и лишь 6 фрагментов светлоглиняных поливных сосудов могут быть отнесены к иным центрам Средней Азии. Это чаши с лимонно-желтой глазурью и подглазурной росписью красками, а иногда и ангобом. Лишь один фрагмент, центр производства которого условно отнесен к Средней Азии, имеет зеленую глазурь и, возможно, принадлежит закрытой форме сосуда (НВСП 17681).

Сероглиняная хорезмийская посуда, помимо 59 фрагментов и целых штампованных сосудов, представлена двумя стенками тарного кувшина и одним фрагментом амфоры. В коллекции музея среди случайных находок есть частично догипсованная фляга со сложным орнаментом (СМК 57925; Папа-Афанасопуло, 1925, с. 69, рис. 8). В центре – три бегущих по кругу на фоне растительных побегов зайца.

Их головы обращены к центру круга таким образом, что на рисунке видны только три уха, образующие треугольник. Следующий круг – изображение ныряющих рыбок. Наиболее крупное поле – круг с чередующимся изображением «узла счастья» (?), в центре которого шестилепестковая цветочная розетка. Между этими медальонами в верхней части миндалевидное семя, ниже – распускающийся бутон лотоса. Внешний круг – с изображением рыбок (рис. 2). Похожая орнаментальная композиция из трех зайцев в центре, но с отличными от увекской находки последующими поясами декора, известна на фрагменте штампованной фляги, найденной в Сарайчике (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 168).

Талькохлоритовые сосуды представлены фрагментами стенок и стенок с ручками. Фрагмент одного из каменных сосудов сохранил следы сквозного и одного несквозного округлого отверстия (НВСП 42921), что свидетельствует о починке котла, либо о вторичном использовании его стенки. Еще один фрагмент принадлежал, вероятно, сковороде или крышке котла (НВСП 43896). Благодаря археологическим исследованиям известно два региона добычи талькового камня в средневековье – местность Тус в Хоросане и горы Султан-Уиздаг в Хорезме (Полубояринова, 2008, с. 56).

Итак, многочисленная среднеазиатская посуда относится, прежде всего, к хорезмийскому производству. Все обнаруженные на Увекском городище изделия этого круга относятся к широко распространенным серийным изделиям: штампованным флягам и кувшинам, каменным котлам и фрагментам тарной посуды. Это означает,

что, вероятно, изделия попали в Укек в качестве товара, который мог поступить как напрямую из Хорезма, так и из других центров транзитной торговли.

подавляющая часть коллекции импортной керамики из сборов на Увекском городище происходит с территории Юго-Восточного Крыма и насчитывает 91 фрагмент, что составляет 33% от общего числа рассматриваемого керамического импорта. Внутри этой группы удалось выделить сосуды, произведенные в Солхате, – 40 фрагментов, и в Судаке – один фрагмент. Остальные центры определить не удалось. Преобладание солхатского производства можно объяснить либо тем, что торговый путь из Солхата в Укек не проходил через порты Юго-Восточного Крыма, либо общим доминированием Солхата в керамическом производстве Юго-Восточного Крыма до определенного периода (до 1330–340-х гг.). Датировке поддаются лишь 11 фрагментов поливной керамики Юго-Восточного Крыма, из которых один относится ко второй половине XIV в., шесть датируются 1330-ми годами и четыре – второй половиной XIII – первой половиной XIV в. Возможно, после 1330–1350-х годов закончился наиболее активный период контактов между Крымом и Укеком. Однако не исключено, что после 1330-х годов местный керамический рынок навели нижневолжские кашинские изделия, которые вытеснили крымскую посуду. Примечателен и ассортимент посуды. В большей степени это поливные чаши (51 фр.) и штампованные сосуды (25 фр.). Видимо, значительная часть этих изделий, как и восемь фрагментов поливных красно-

глиняных кувшинов, была предметом целенаправленной торговли. В качестве тары для перевозки товаров могли использоваться крымский альбарелло (рис. 3: 1) и пять «аптекарских амфор» с двухсторонней поливой. Найденный на Увекском городище крымский тувак с зеленой поливой по внутренней стороне (СМК 52052; Недашковский, 2000, с. 98, рис. 27: 2) вряд ли был предметом торговли, т.к. подобные находки малочисленны. Скорее всего, это свидетельство миграций между Крымом и Укеком.

На тесные связи Укека с Крымом указывают медные монеты крымского чекана из слоя поволжского города. В слоях русского квартала обнаружен анонимный пул Крыма с тамгой Менгу-Тимура, подобная датированная монета относится к 674 г.х. К этому же кварталу, но уже в раскопе IV найден анонимный пул Крыма 713 г.х. и пул Исакчи с тамгой Ногая или одного из его сыновей. Примечательно, что в слое исследованной части русского квартала XIII – начала XIV в. пока обнаружены только эти медные монеты. Еще один медный пул крымского чекана с Увекского городища значится в числе случайных находок и датируется 744 г.х. (СМК 53605). Приведенные факты свидетельствуют об активных связях Укека с Крымом, в том числе на уровне мелкорозничной торговли (медные монеты). А.Г. Еманов высказал мнение о существовании пути из Крыма в Китай через Укек (Еманов, 1995, с. 88). Если дорога из Крыма в Укек находит подтверждение в археологических материалах, то о существовании пути от Укека до Китая есть некоторые сомнения. Ассортимент китайских товаров в нашем списке выглядит неполным: отсутствует

Рис. 2. Хорезмийская сероглиняная штампованная фляга.
Рисунок С.А. Бузланова



Рис. 3. 1 – Крымский альбарелло; 2 – литовский сумочный замок

керамика Цы Чжоу и фарфор, а число селадона крайне невелико, притом, что фрагменты китайской керамики в коллекции из сборов должны были попадать в первую очередь.

Вероятно, по крымской дороге в Укек поступала основная масса византийской керамики. К *изделиям византийского производства* следует отнести 19 фрагментов красноглиняных поливных сосудов, что составляет 7% от керамического импорта. Среди них фрагментов чаш – 10 шт., кувшинов – 7 шт. и два фрагмента сосудов неопределенной формы.

Фрагмент стенки парадного блюда с сюжетными композициями (НВСП 46566/15) относится к числу дорогостоящей посуды, которая в XIV в. уже не поступала на территорию Золотой Орды (Бочаров, Масловский, 2012, с. 24, 26). Предмет был найден примерно в 100 м к югу от христианского храма, датируемого 1280–1290-ми годами (Кубанкин, 2012а, с. 175–176). Здесь же найден фрагмент дна византийской чаши с изображением рыбы (НВСП 46269).

В коллекции насчитывается семь фрагментов красноглиняных поливных сосудов с орнаментом сграффито, которые поступали из Византии в Северное Причерноморье с конца XIII в. до 1340-х годов (Бочаров, Масловский, 2012, с. 32).

Коллекция красноглиняной поливной посуды с расцветкой пятнами марганца представлена тремя фрагментами, которые датируются концом или третьей четвертью XIII – первой половиной XIV в. (Масловский, 2010, с. 237; Бочаров, Масловский, 2012, с. 30).

Примечательно, что из 19 фрагментов византийских сосудов 11 да-

тируются XIII – первой половиной XIV в., но не встречено ни одного фрагмента, датирующегося второй половиной XIV в. При этом ассортимент обнаруженных здесь изделий включает дорогостоящие блюда с сюжетными композициями, кувшины с двухсторонней глазурью и сплошной орнаментацией по внешней поверхности. Встречаются весьма редкие образцы, например, чаша с изображением рыбы и сосуд неясной формы (НВСП 44361; рис. 4). Это свидетельствует об активных поставках керамики из Византии или территорий, ранее отпавших от империи, в период с середины XIII в. до середины XIV в. с возможным сокращением датировки до первой трети XIV в.

Фрагменты *трапезундских амфор* представлены тринадцатью экземплярами, что составляет 5% от общего числа керамического импорта. На некоторых изделиях заметны сквозные отверстия (НВСП 17721; НВСП 42763). Вероятно, все сосуды изначально служили тарой для перевозки вина. В раскопках подвального помещения храма, датируемого 1280–1290-ми годами, часть трапезундских амфор использовалась вторично для хранения проса (Кубанкин, 2012а, с. 175).

Под названием *нижневолжского региона* мы условно выделяем территорию современных Астраханской и Волгоградской областей. Укек примыкает к ним с севера, однако имеет иной природно-географический ландшафт и набор керамики.

Среди находок нижневолжской керамики, без учета кашина, встречено 42 фрагмента, что составляет 16% от общего числа керамического импорта. Из них 38 фрагментов относятся к



Рис. 4. Фрагмент византийского красноглиняного поливного сосуда.
Рисунок А.С. Леонтьевой

красноглиняным поливным сосудам, один – к красноглиняному неполивному кувшину и три – к сероглиняным штампованным сосудам. Вся поливная керамика открытых форм – чаши. Среди них следует выделить 9 фрагментов с росписью ангобом. Итак, керамика Нижней Волги представлена в значительном количестве, что неудивительно, учитывая близость этого региона к Укеку, однако ее процент уступает посуде из Юго-Восточного Крыма и Средней Азии, в том числе Хорезма. Это свидетельствует либо о том, что основным предметом керамического импорта из данного региона были кашинные изделия, либо о том, что он не играл значительной роли, либо что расцвет Укека пришелся на период до начала массового экспорта красноглиняной поливы из Нижнего Поволжья.

Присутствие *русского компонента* в составе населения города было весьма значительным (Кубанкин, 2012а). Наиболее частой находкой являются фрагменты этнической керамики. В

слоях русского квартала она составляет около 10% от общего количества керамики. Однако разделить ее по центрам производства пока не представляется возможным. Лишь в одном случае, в раскопе 2010 г., удалось условно отнести фрагмент белоглиняной стенки русского горшка к региону Рязанского Поочья (НВСП 46945/122). Умозрительно можно предположить связь Укека с расположенным выше по Волге Нижегородским княжеством. Расположение Укека на Волге, на пути следования в Сарай и в одну из летних ставок хана, однозначно свидетельствует о существовании прямых связей Укека с русскими землями. На Увекском городище в разное время были найдены печати князя Михаила и Семена (Кубанкин, 2012а, с. 184, рис. 15; Крамаровский, 1999, с. 40–48). Из случайных находок в фондах СОМК следует выделить также фрагмент медного перстня со свастики на щитке (НВСП 43289; Недашковский, 2000, с. 107, рис. 16).

О связях с Литвой свидетельствует сумочный замок (рис. 3: 2) в виде стилизованной шестилепестковой розетки, в центре которой изображен зверь, идущий влево с повернутой назад головой и поднятым хвостом (Недашковский, 2000, с. 32–33, рис. 6: 8; СМК 39853). На верхнем лепестке с внутренней стороны прорезь под шпенек замка. Еще одно известное нам похожее изделие было обнаружено на Наровчатском городище (Лебедев, 1958, с. 10). Схожий замок обнаружен на кожаном клапане сумочки из Новгорода, датируемой слоями конца XIII в., и в Пскове (Колчин, Янин, Ямщиков, 1983, с. 149, рис. 286; Козлова, 2006, с. 143, рис. 2: 7). М.В. Горелик, сравнивая новгородские находки с аналогичными из Укека, приходит к выводу об их золотоордынском происхождении (Горелик, 2008, с. 123). Однако массовое нахождение подобных изделий с различными изображениями по центру встречено на территории Литовского княжества в пределах современной Белоруссии и Литвы (Квятковская, 1998, с. 129, 130; Svetikas, 2003, р. 246–247). В этом регионе они датируются XII–XIII и XIII–XIV вв. и встречаются даже на сельских памятниках.

Видимо, основное производство сумок с подобными замками относится к территории Литовского княжества. В Новгород и Псков они могли поступать в качестве импорта. В Золотую Орду сумки с такими замочками могли поступить как через Новгород, так и из Литвы в качестве товара, подарка или трофея. Увекское городище является юго-восточной точкой в ареале распространения этих находок.

В коллекции представлено 9 фрагментов крупных и мелких чаш, ко-

торые принято называть «ширванскими», вероятно, происходящих с территории Закавказья (Азербайджана). Это составляет 3% от общего числа керамического импорта. Среди находок – венчики, стенки и донца чаш. В раскопках подвального помещения храма на Увекском городище, датированного 1280–1290-ми годами, обнаружено всего три фрагмента от одной крупной чаши.

В фондах хранится фрагмент дна с придонной частью *критского пифоса* (НВСП 46214). В придонной части проделано сквозное отверстие. Примечательно, что эта находка на Увекском городище была сделана неподалеку от здания храма 1280–1290-х годов, в подвальном помещении которого были обнаружены фрагменты не менее чем от одного подобного пифоса. Число критских пифосов на общем фоне керамического импорта в Укеке составляет менее 1%. Однако само нахождение подобных изделий здесь является знаковым. И.В. Волков полагает, что подобные сосуды распространены в тех местах, где были венецианские пункты (Волков, Губайдуллин, 2012, с. 201). Эти доводы находят подтверждение в Укеке. Поблизости от храма в слое рубежа XIII–XIV вв. в результате раскопок 2012 г. был обнаружен фрагмент стенки красноглиняной венецианской чаши под бледно-зеленой поливой, нанесенной по черепку. По письменным источникам известно наличие в Укеке францисканской миссии (Мальшев, 2007). Комплекс факторов указывает на возможное присутствие в Укеке представителей западноевропейских государств, однако их число было весьма невелико.

Встречен лишь один фрагмент поливного сосуда с зеленой поливой *маджарского производства* (НВСП 42667/2). Видимо, это свидетельствует об отсутствии постоянной связи между Уеком и Маджарами, либо расцвет Уека пришелся на период до начала производства красноглиняной поливы в Маджарах. Впрочем, находки маджарской поливной керамики малочисленны и в более близких центрах, например в Азаке.

Территории *Сирии и Египта* входили в состав государства мамлюков, которое имело оживленные связи с Золотой Ордой, что отразилось в материальной культуре Увекского городища. Отмечено четыре фрагмента стеклянных изделий с росписью цветными эмалями и позолотой, которые принято относить к производству мастеров из Сирии или Египта (Полубояринова, 1988, с. 208–209; Крамаровский, 2012, с. 173, илл. 66). В материалах раскопок

христианского квартала на Увекском городище фрагменты стеклянных сосудов с эмалями и позолотой встречаются в яме 1270–1280-х годов и в заполнении подвального помещения храма 1280–1290-х годов.

Среди кашинной керамики следует выделить фрагмент сосуда с люстровой росписью по темно-синей глазури (НВСП 17337/3). Подобные изделия принято относить преимущественно к производству сирийских мастеров и датировать XII–XIV вв. (Коваль, 2010, с. 58; Масловский, 2006, с. 423). К списку египетских изделий следует добавить кашинные бусы с рельефным декором и синей глазурью. Среди подъемного материала в коллекции СОМК встречена одна подобная бусина (СМК 42003). Еще не менее шести подобных украшений известны в коллекции Эрмитажа (Золотая Орда, с. 156, 200, кат. № 88–89). Крупная рубчатая бусина из кашина, обнаруженная нами в подвальном помещении храма, датируется 1280–1290-ми годами (СМК 75189; Кубанкин, 2012, с. 151, рис. 10: 2). В.Ю. Коваль вслед за западноевропейскими исследователя-

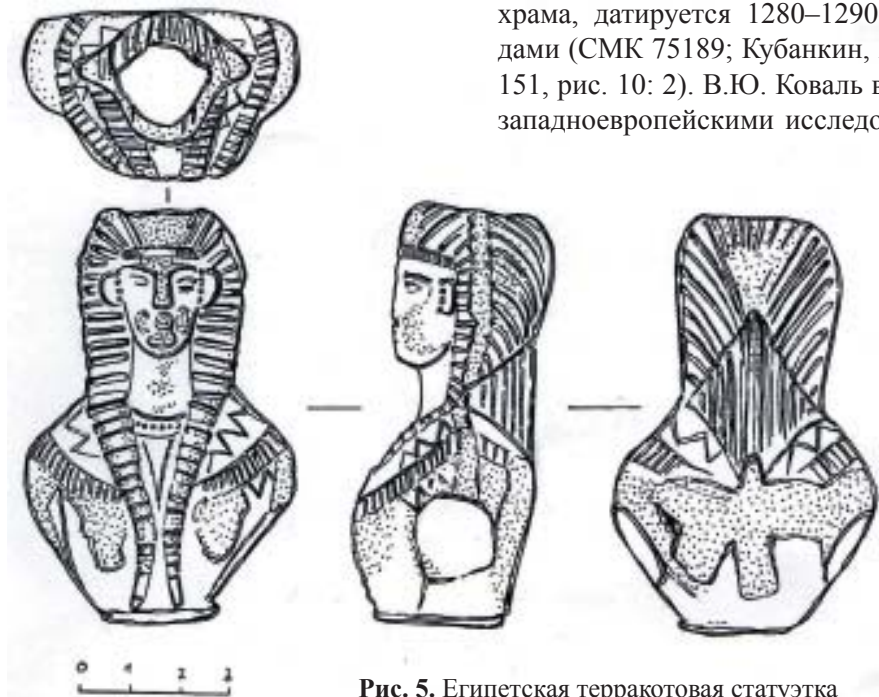


Рис. 5. Египетская терракотовая статуэтка с изображением царицы. Рисунок А.С. Леонтьевой

ми называет центром их производства Египет, где традиция изготовления подобных бус начинается еще с античных времен (Коваль, 2010, с. 179).

Терракотовая статуэтка (инв. № АО 1710; рис. 5) с погрудным изображением царицы Птолемеевского Египта (IV в. до н.э. – I в. н.э.), вероятно, попала в средневековый Укек в качестве сувенира из Египта, поскольку с государством мамлюков у Джучидов были общие политические интересы, что сопровождалось частыми обменами посольствами (Федоров-Давыдов, 2001, с. 209; Закиров, 1966).

Среди предметов импорта с Увекского городища есть изделия, центр производства которых еще не установлен. Их мы приводим отдельно.

Украшения из сердолика – самые распространенные среди драгоценных камней. Граненая подвеска, ромбовидная в поперечном сечении и приплюснутая в профиле (СМК 52036), имеет аналогии в материалах Болгара, Селитренного городища и Новгорода (Полубояринова, 1991, с. 62, рис. 4: 6). Фрагмент сердоликового перстня с миндалевидным приподнятым щитком и двумя каплевидными фигурами по бокам (СМК 57929; Полубояринова, 1991, с. 71, 72, рис. 6: 4) отличается высоким качеством исполнения. Сердоликовые перстни с приподнятыми щитками обнаружены в Болгаре и на Селитренном городище (Полубояринова, 1991, с. 72). Еще один фрагмент сердоликового украшения имеет незначительные размеры и не подлежит определению (НВСП 28693). Сердоликовые бусы в количестве 28 штук различной формы и размера (СМК 42003) были собраны в разное время с территории Увекского городища. Из средневековых месторождений сердо-

лика наиболее известные находились в Индии и Йемене. Современная добыча ведется также в Крыму, Бурятии, Якутии, Хабаровском крае (Полубояринова, 1991, с. 11).

Из халцедона в коллекции случайных находок с Увекского городища представлены перстень (СМК 39195) и фрагмент украшения, возможно, от еще одного перстня (НВСП 28694). Месторождения халцедона известны в Индии, Китае, Германии и Италии, в Средней Азии, Крыму, Сибири, на Урале и на Кавказе (Полубояринова, 1991, с. 14).

Янтарные изделия представлены двумя бусинами (СМК 42003) и двумя янтарными подвесками. Одна – ромбическая уплощенная (СМК 52036; Недашковский, 2000, с. 107, рис. 30: 3), близкая по форме находкам из Болгара (Полубояринова, 1991, с. 68). Вторая – трапециевидная с двумя вертикальными ушками для подвеса (СМК 52036; Недашковский, 2000, с. 107, рис. 30: 4). Балтийские выходы янтаря наиболее массовые и активно разрабатывались в средневековье. К ним добавляются днестровские. Сейчас известны выходы по Днепру, на Урале, в Китае и на Дальнем Востоке. М.Д. Полубояринова полагает, что в Болгар янтарь поступал через Русь (Полубояринова, 1991, с. 15). Единственная известная нам находка янтаря из раскопок на Увекском городище происходит из русского квартала, сопровождается русской керамикой и датируется 1290-ми годами.

С Увекского городища происходит редкая бусина из серпентинита (змеевика) – эллипсоидная, каннелированная (СМК 52029; Полубояринова, 1991, с. 35, 41, рис. 2: 24). Места выхода серпентинита – Средняя Азия,

Южный Урал и Западная Европа (Полубояринова, 1991, с. 14).

Из случайных находок известна одна лазуритовая подвеска ромбической формы (СМК 54801) с двумя горизонтальными линиями наверху и с двумя наклонными линиями, отходящими от верхнего основания по каждой стороне. Подобные украшения характерны для кочевников южнорусских степей и Сибири X–XI вв. Аналогии встречаются в материалах Болгара, Селитренного городища, Маджар (Полубояринова, 1991, с. 64–65, рис. 2: 3). Известны месторождения лазурита, разрабатывавшиеся с древности в Бадахшане (Памир) и в Армении, в горном Таджикистане и Узбекистане (Полубояринова, 1991, с. 12).

Известна находка фрагмента мраморной плитки (НВСП 29769). Месторождения мрамора в Поволжье не встречаются, поэтому с уверенностью можно утверждать, что эта деталь архитектурной облицовки является импортом на Увекском городище. Использование мрамора в качестве строительного материала известно на многих золотоордынских городищах. В Маджарах был найден фрагмент мраморной плиты с именем Джанибека (Ртвеладзе, 1970). На Водянском городище найдены два фрагмента мраморных колонн ранневизантийского периода, привезенные, вероятно, из Причерноморья (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 108, 124, рис. 16–17; СМК 75472). Светло-серый мрамор с темно-серыми прожилками поступал в Азак, вероятно, из Проконнеса, в виде архитектурных деталей и ступок (Масловский, 2012, с. 338).

Среди керамического импорта выделяются группы изделий, центры изготовления которых пока неизвестны.

Среди глиняной штампованной посуды следует выделить два фрагмента с росписью синей и бирюзовой глазурью (НВСП 29919; НВСП 32274). Относительно центра их производства существуют различные мнения: в Сарае (Якубовский, 1931, с. 41, 43, 45, 47), в Маджарах (Панина, Волков, 2000, с. 89–90), в Ширване (Мазуров, Коваль, 2004, с. 301). В Азаке, куда она поступала спорадически (Масловский, 2006, с. 456, 458), подобная керамика датируется второй половиной XIV в., преимущественно 1360-ми годами. Сероглиняная штампованная керамика, отличная от хорезмийской и нижневолжской, насчитывает 14 фрагментов и один целый сосуд. Бутылка сероглиняная штампованная (рис. 6) декорирована двумя широкими горизонтальными поясами, обрамленными тонкими поясами из пятилепестковых розеток. В верхней части сосуда широкий орнаментальный пояс представляет поле из мелких рельефных, слабо отпечатавшихся цветочных розеток. На этом фоне, чередуясь, по горизонтали расположены крупная шестилепестковая цветочная розетка и мелкая схематичная пятилепестковая розетка, вокруг которой еще восемь мелких пятилепестковых розеток. В нижней части сосуда – орнаментальный пояс из вертикально расположенного шнурового декора (СМК 57924). Центр производства не установлен. Среди сероглиняной посуды из неизвестных центров следует выделить единичную находку: носиклив водолея (НВСП 43444).

Еще одной группой керамики из неустановленного центра являются светлоглиняные сосуды с голубой непрозрачной поливой – 4 фрагмента. Как правило, это закрытые формы



Рис. 6. Сероглиняная штампованная бутылка

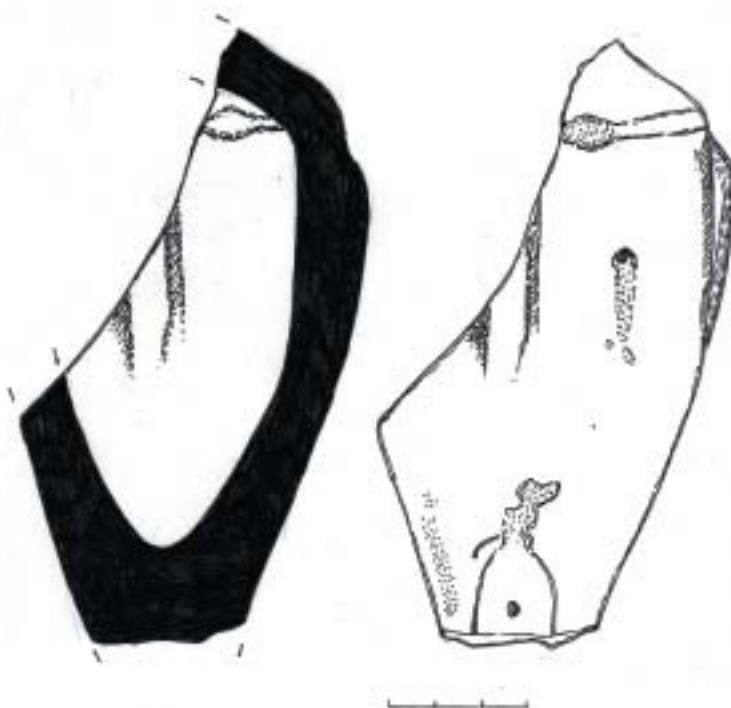


Рис. 7. Фрагмент поливного сферо-конуса. Рисунок А.С. Леонтьевой



Рис. 8. Штампованный сфероко́нус

сосудов (НВСП 29924; НВСП 31984; НВСП 43523). По белой глине заметны трещины перпендикулярно движению ножа. В раскопах 2010–2012 гг. подобные фрагменты датируются XIII в. В частности, в закрытых комплексах, датируемых пожаром 1290-х годов (Кубанкин, 2012а, с. 182, рис. 9), и в слоях, сформировавшихся до 1280-х годов. Место производства пока не установлено, возможно, это Средняя Азия или Иран.

Современное состояние знаний не позволяет однозначно ответить на вопрос о производстве сфероко́нусов на Увекском городище. А.А. Кротков полагал, что грубые красноглиняные сфероко́нусы «луковичной» формы с простейшим орнаментом изготавливались в Укеке. В качестве доказательства он приводит находку нескольких десятков подобных сосудов

возле «обжигальной печи, из коих некоторые несли на себе сквозные трещины» (Кротков, 1926, с. 56). В сферу интересов нашей статьи входят импорты, выделение таковых мы ведем по принципу единичности найденных образцов того или иного типа. Особо следует выделить вытянутый сфероко́нус с вертикальными валиками из плотной глины с глухой голубой поливой (НВСП 43519; рис. 7). Схожий сфероко́нус был обнаружен в Каракоруме (Древнемонгольские города, 1965, с. 260). Однозначно к предметам импорта относится светлоглиняный сфероко́нус, по тулову которого идет горизонтальный ряд с косой насечкой (СМК 51968). Еще один сфероко́нус из глины темно-серого цвета имеет выпуклый орнамент по всей поверхности сосуда (рис. 8).

Шелковые ткани встречаются в элитарных захоронениях рубежа XIII–XIV вв. (Кротков, 1915; Баллод, 1923; Кубанкин, 2007). Установить точное место производства изделий пока не удастся. Однако можно говорить о значительном влиянии традиций шелкоткачества Китая и Центральной Азии с присутствием иранского элемента³.

Предметы импорта, находимые на Увекском городище, не всегда можно четко отделить от местного производства. В местной неполивной керамике наблюдается сходство с керамикой Азака и Болгара. Связи с этими регионами прослеживаются по другим данным. Болгар и Укек находились на Великом Волжском пути. Укек располагался на половине пути между Болгаром и Сараем (Коновалова, 2009, с. 125). В коллекции СОМК представлен медный пул Болгара 734 г.х. (СМК 53583). По данным таблицы монет с Увекского городища, составленной Л.Ф. Недашковским, если убрать массовый чекан медных монет в Сараях и Гюлистане, количество болгарских пулов уступает только Мохше и Барджину (Недашковский, 2000, с. 19, табл. 2). В коллекции Энгельсского краеведческого музея хранится фрагмент глиняного сосуда с изображением льва и цветочной розетки или солнца (ЭКМ 13647), по орнаменту схожий с XIX группой болгарской керамики (Хлебникова, 1988, с. 42, рис. 25: 16).

Связи Мохши и Укека не вызывают сомнений. Эта тема заслуживает отдельного изучения. Достаточно отметить, что в Укеке и его округе медные мохшанские монеты по встречаемости занимают первое место при

исключении массового чекана пулов в Сараях и Гюлистане. Однако керамика Мохши пока недостаточно изучена, а основные товары в виде меда, воска, пушнины, зерна и пр., даже если бы и сохранились, не могли бы изменить ситуацию. Связи Укека с Азаком прослеживаются по присутствию серебряных и медных монет азакского чекана в Укеке и его округе. Следует предположить, что часть товаров, в частности, критское вино, поступала в Укек через азакский порт.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что рассмотренные предметы можно разделить на внутренний и внешний импорт. Изделия из других государств наиболее массово представлены иранской продукцией (30 изделий), византийской посудой (19 предметов) и трапезундскими амфорами (13 сосудов). Изделия Сиро-Египетского региона (10 предметов) дополняются ширванской посудой (9 предметов), китайскими находками (6 предметов) и посудой из Средней Азии без учета Хорезма (6 шт.). Остальные регионы представлены меньшим количеством находок. Эти товары вливались в потоки внутригосударственной торговли. Совершенно определенно прослеживается путь из Крыма в Укек, который мог продолжаться далее на восток через Хорезм в Китай. Еще один путь проходил в меридиональном направлении по Волге. Наибольшее развитие торговых путей, по материалам нашего исследования, наблюдается в отрезке 1270–1330-х годов. Этим временем датируется большинство элитарных вещей, в том числе среди посуды. Видимо, это связано с особым статусом, который Укек занимал в данный пери-

³ Выражаем признательность З.В. Доде за предоставленные консультации.

од и постепенно утратил с приходом к власти хана Узбека, когда город перестал чеканить собственную монету.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». – М.; Пг., 1923. – 131 с.
2. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // ПА. – 2012. – № 1. – С. 20–36.
3. Волков И.В. Об определении керамики и азовском сосуде в технике «минаи» // ИАИАИАНД. Вып. 22. – Азов, 2006. – С. 410–426.
4. Волков И.В., Губайдуллин А.М. Редкие группы керамического импорта в Болгарах // ПА. – 2012. – № 1. – С. 190–203.
5. Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. – 2008. Вып. 222. – С. 117–125.
6. Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII–XIV века) // СА. – 1975. – № 2. – С. 232–243.
7. Древнемонгольские города. – М., 1965. – 367 с.
8. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. – М., 1976. – С. 108–167.
9. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. – Тюмень, 1995. – 225 с.
10. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). – М., 1966. – 158 с.
11. Золотая Орда. Каталог выставки. – СПб., 2005. – 264 с.
12. Евтюхова Л.А. Изделия различных ремесел из Кара-Корума // Древнемонгольские города. – М., 1965. – С. 274–296.
13. Искусство Китая. – М., 2007. – 992 с.
14. Квятковская А.В. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI – XVII вв.). – Вильнюс, 1998. – 327 с.
15. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. – М., 2010. – 269 с.
16. Коваль В.Ю. Полихромия в золотоордынской керамике и иранские фаянсы «минаи» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Междунар. конф. «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. – Казань, 2011. – С. 194–200.
17. Козлова А.В. Восточные традиции украшений и бытовых предметов на Руси // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. Тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящен. 75-летию Г.А. Федорова-Давыдова. – М., 2006. – С. 141–143.
18. Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямицков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. – М., 1985. – 166 с.
19. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. – М., 2009. – 226 с.
20. Кравцова М. История искусства Китая. – Краснодар; М.; СПб., 2004. – 960 с.
21. Кравченко С.А. Керамика «минаи» из Азака // СЕЭС. Том. 11. – Донецк, 2012. – С. 73–96.

22. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001. – 363 с.
23. *Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. – СПб., 2012. – 496 с.
24. *Кротков А.А.* Раскопки на Увеке в 1913 году // Тр. СУАК. – 1915. – Вып. 32. – С. 111–133, 137, 139, 141, 143.
25. *Кротков А.А.* Сферо-конические сосуды из археологического отдела Саратовского государственного областного музея // Тр. Нижне-Волжского обл. науч. общ-ва краеведения. Вып. 35. Ч. 1. – Саратов, 1926. – С. 51–66.
26. *Кубанкин Д.А.* Погребальные памятники Увецкого городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. – Саратов, 2007. – С. 190–213.
27. *Кубанкин Д.А.* Некоторые находки из раскопок на Увеком городище в 2010–2011 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. – Саратов, 2012. – С. 140–151.
28. *Кубанкин Д.А.* Русская община золотоордынского города Уека // ПА. – 2012а. – № 1. – С. 172–189.
29. *Лебедев В.И.* Загадочный город Мохши. – Пенза, 1958. – 48 с.
30. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). – М., 1975. – 170 с.
31. *Мазуров А.Б., Коваль В.Ю.* Керамический импорт средневековой Коломны // Археология Подмосковья. – М., 2004. – С. 285–308.
32. *Малышев А.Б.* Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. – Саратов, 2007. – С. 141–149.
33. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАИАНД. – Азов, 2006. – Вып. 21. – С.308–473.
34. *Масловский А.Н.* Об одной группе византийской поливной керамики конца XIII – первой половины XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // СЕЭС. Том. 8. – Донецк, 2010. – С. 231–252.
35. *Масловский А.Н.* Мраморные ступки из фондов Азовского музея-заповедника // ИАИАИАНД. – Вып. 26. – Азов, 2012. – С.334–349.
36. *Матюхина Ю.А., Моржерин К.Ю.* Золотоордынская поливная кашинная керамика из Уека // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 1. – Киев, 2005. – С. 189–204.
37. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Уек и его округа. – М., 2000. – 224 с.
38. *Панина Э.Л., Волков И.В.* Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. – М., 2000. – С. 89–91.
39. *Папа-Афанасопуло К.* Золотоордынская керамика (Опыт систематизации и описания золотоордынской посуды) // Уч. зап. Саратов. гос. ун-та. – 1925. – Т. III, вып. 3. – С. 52–74.
40. *Полубояринова М.Д.* Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. – М., 1991. – 112 с.
41. *Полубояринова М.Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 151–219
42. *Полубояринова М.Д.* Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М., 2008. – С. 27–107.

43. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 154–268.
44. Ртвеладзе Э.В. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар // СА. – 1970. – № 3. – С. 253–254.
45. Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика. – Алматы, 2008. – 264 с.
46. Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М., 1989. – С. 133–248.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 2001. – 256 с.
48. Хлебникова Т.А. Неполиванная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 7–102.
49. Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИГАИМК. 1931. Т. 8. Вып. 2-3. – С. 20–22.
50. Хан Хан (Ло Юань Юань). Древнее китайское стекло (на китайском языке) – Тайбей, 1999. – 160 с.
51. Carswell J. Blue & white. Chinese porcelain around the world. – London, 2000. 208 p.
52. Fyodorov-Davydov G.A. The culture of the Golden Horde Cities. – Oxford, 1984. 278 p.
53. Svetikas E. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika // Lietuvos Archeologija. – 2003. – № 4, pp. 241–266.

Информация об авторах:

Кубанкин Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник, Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов, Россия); kubankin2008@yandex.ru

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, зав. отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

OBJECTS OF IMPORTATION FOUND AT THE UVEK SETTLEMENT (ACCIDENTAL FINDS STORED AT THE SARATOV REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE)

D.A. Kubankin, A.N. Maslovsky

A collection of 396 imported items found on the Uvek fortified settlement site as accidental discoveries is discussed in the article. Among them, the majority of ceramic products are mostly ceremonial utensils. Mirrors, jewelry, glass and metal vessels are also represented. Most finds relevant to external imports come from Iran, Byzantium, Trebizond, the Mamluk State, China and Central Asia (with the exception of Khwarezm). Domestic import is dominated by products from South-Eastern Crimea, Khwarezm and the Lower Volga area. The peak of trade routes development is dated by the period from the 1270s through to the 1330s.

Supported by the Russian Foundation for the Humanities, Project No. 12-31-01246, type a2

Keywords: archaeology, the Lower Volga river region, the Golden Horde period, the city of Ukek, imports, pottery, jewelry, metal and glass products, precious and semi-precious stones.

References

1. Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie «Pompei» (Opyt khudozhestvenno-arkheologicheskogo obsledovaniia chasti pravoberezhnoi Saratovo-Tsaritsynskoi privolzhskoi polosy) (Pompeii in the Volga Area: an Essay of Artistic and Archaeological Survey of a Part of the Right Bank of the Volga River in the Saratov and Tsaritsyn Region)*. Moscow; Petrograd: "Gosizdat" Publ. (in Russian).
2. Bocharov, S. G., Maslovskii, A. N. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 20–36 (in Russian).
3. Volkov, I. V. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 410–426 (in Russian).
4. Volkov, I. V., Gubaidullin, A. M. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 190–203 (in Russian).
5. Gorelik, M. V. 2008. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 222, 117–125 (in Russian).
6. Darkevich, V. P. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 232–243 (in Russian).
7. Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Egorov, V. L., Fyodorov-Davydov, G. A. 1976. In Smirnov, A. P., Fyodorov-Davydov, G. A. (eds.). 1976 *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108–167 (in Russian).
9. Emanov, A. G. 1995. *Sever i Iug v istorii kommersii na materialakh Kafy XIII–XV vv. (North and South in the History of Commerce by 13th–15th Centuries Materials from Caffa)*. Tyumen: "Gorod" Publ. (in Russian).
10. Zakirov, S. Z. 1966. *Diplomaticheskie otnosheniia Zolotoi Ordy s Egiptom (XIII–XIV vv.) (Diplomatic Relations of the Golden Horde with Egypt: 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Piotrovskii, M. B. (ed.). 2005. *Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura. Katalog vystavki (Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ. (in Russian).
12. Evtiukhova, L. A. 1965. In Kiselev, S. V. (ed.). *Drevnemongol'skie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ., 274–296 (in Russian).
13. *Iskusstvo Kitaia (Art of China)*. 2007. Moscow (in Russian).
14. Kviatkovskaia, A. V. 1998. *Iatviazhskie mogil'niki Belarusi (konets XI–XVII vv.) (Yotvingians Necropolises in Belarus: Late 11th — 17th Centuries)*. Vilnius: "Diemedžio Leidykla" Publ. (in Russian).
15. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th–17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Koval', V. Yu. 2011. In Vasilev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialogue of Urban and*

Steppe Cultures on Eurasian Territory). Kazan; Astrakhan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 194–200 (in Russian).

17. Kozlova, A. V. 2006. In Murasheva, V. V. (ed.). *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: "Numizmaticheskaja literatura" Publ., 141–143 (in Russian).

18. Kolchin, B. A., Ianin, V. L., Iamshchikov, S. V. 1985. *Drevnii Novgorod. Prikladnoe iskusstvo i arheologija (Ancient Novgorod. Decorative Art and Archaeology)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

19. Konovalova, I. G. 2009. *Vostochnaia Evropa v sochineniiakh arabskikh geografov XIII–XIV vv. (Eastern Europe in Writings of Arab Geographers of 13th–14th Centuries)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

20. Kravtsova, M. E. 2004. *Istoriia iskusstva Kitaia (History of the Art of China)*. Series: World Artistic Culture. Krasnodar; Moscow; Saint Petersburg: "Lan" Publ.; "Triada" Publ. (in Russian).

21. Kravchenko, S. A. 2012. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. *Zolotoordynskoe vremia (The Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 73–96 (in Russian).

22. Kramarovskii, M. G. 2001. *Zoloto Chingisidov: kul'turnoe nasledie Zolotoi Ordy (Genghisids' Gold: the Golden Horde Cultural Heritage)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).

23. Kramarovskii, M. G. 2012. *Chelovek srednevekovoi ulitsy. Zolotaia Orda. Vizantiia. Italiia (Man in the Medieval Street. Golden Horde, Byzantium, Italy)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

24. Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Saratov Provincial Academic Archival Commission)* 32, 111–133, 137, 139, 141, 143 (in Russian).

25. Krotkov, A. A. 1926. In *Trudy Nizhnevolzhskogo nauchnogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Lower Volga Scientific Society of Local History)* 35 (1). Saratov, 51–66 (in Russian).

26. Kubankin, D. A. 2007. In *Arkheologija vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4. Saratov, 190–213 (in Russian).

27. Kubankin, D. A. 2012. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 10. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 140–151 (in Russian).

28. Kubankin, D. A. 2012. In *Povolzhskaya arheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 172–189 (in Russian).

29. Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochnyi gorod Mokhshi (The Mysterious Town Mokhshi)*. Penza: "Penzenskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

30. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1975. *Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny (k voprosu o vneshnikh svyaziakh drevnego naseleniia Iuzhnoi Sibiri) (Imported Mirrors in the Minusinsk Depression: on the Problem of External Relations of Ancient Residents of Southern Siberia)*. Series: Kul'tura narodov Vostoka (Culture of Oriental Peoples). Moscow: "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).

31. Mazurov, A. B., Koval', V. Yu. 2004. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologija Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 285–308 (in Russian).

32. Malyshev, A. B. 2007. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 141–149 (in Russian).
33. Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 308–473 (in Russian).
34. Maslovskii, A. N. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk, 231–252 (in Russian).
35. Maslovskii, A. N. 2012. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 26. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 334–349 (in Russian).
36. Matiukhina, Yu. A., Morzherin, K. Yu. 2005. In Bocharov, S. G., Mytz, V. L. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)* 1. Kiev: "Stilos" Publ., 189–204 (in Russian).
37. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Region)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
38. Panina, E. L., Volkov, I. V. 2000. In Inevatkina, O. N. (ed.). *Sredniaia Aziia. Arkheologiiia. Istoriia. Kul'tura (Central Asia: Archaeology, History, and Culture)*. Moscow: "Peresvet" Publ., 89–91 (in Russian).
39. Papa-Afanasopulo, K. 1925. In *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Notes of the Saratov State University)* III (3), 52–74 (in Russian).
40. Poluboiarinova, M. D. 1991. *Ukrasheniia iz tsvetnykh kamnei Bolgara i Zolotoi Ordy (Jewelry of Gemstones found in Bulgar and the Golden Horde)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology (in Russian).
41. Poluboiarinova, M. D. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 151–219 (in Russian).
42. Poluboiarinova, M. D. 2008. In Starostin, P. N. (ed.), Poluboiarinova, M. D. (comp.). *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 27–107 (in Russian).
43. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Language, Literature and History Institute, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
44. Rtveladze, E. V. 1970. In *Sovetskaia Arkheologiiia (Soviet Archaeology)* (3), 253–254 (in Russian).
45. Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraichika (Saraychik Pottery)*. Almaty: "ZURadvertizing" Publ. (in Russian).
46. Fyodorov-Davydov, G. A., Bulatov, N. M. 1989. In Smirnov, K. A. (manag. ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdai i drevnie goroda Povolzh'ia (Treasures of Sarmatian Chieftains and Ancient Towns in the Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 133–248 (in Russian).

47. Fyodorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, trgovlia, byt (Golden Horde Towns in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
48. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).
49. Iakubovskii, A. Yu. 1931. In *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture)* 8 (2-3), 20–22 (in Russian).
50. Hang Hang (Luo Yuanyuan). 1999. *Drevnee kitaiskoe steklo (Ancient Chinese Glass)*. Taipei (in Chinese).
51. Carswell, J. 2000. *Blue & white. Chinese porcelain around the world*. London.
52. Fyodorov-Davydov, G. A. 1984. *The culture of the Golden Horde Cities*. Oxford.
53. Svetikas, E. 2003. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologja, chronologja ir simbolika. In *Lietuvos Archeologija*, no. 4, pp. 241–266.

About the Authors:

Kubankin Dmitriy A. Saratov Regional Museum of Local Lore Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation; kubankin2008@yandex.ru

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

УДК 626.816:94

ПЛОТИНЫ В СИСТЕМЕ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА

© 2013 г. Н.И. Савельев

В статье рассматриваются расположение и устройство плотин как элементов системы водоснабжения на Царевском городище и в его ближайшей округе. По описаниям XIX – начала XX вв. и археологическим данным устанавливается, что плотины сооружались из земли с забутовкой из камней, кирпича и шлаков. Они служили для регулирования сброса воды и устройства водохранилищ. С помощью планов XIX в. и спутниковых снимков определено местонахождение четырех крупных плотин, занимавших ключевые позиции, как вне города, так и внутри него. Два водохранилища были созданы западнее и восточнее города крупными плотинами, длиной более 200 м и высотой свыше 10 м. Две менее крупных плотины образовывали внутренние водохранилища.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, золотоордынский период, Царевское городище, плотина, водохранилище, ерик.

Одним из наиболее удивительных и сложных типов гидротехнических сооружений на Царевском городище являются многочисленные плотины, призванные как контролировать сброс воды, так и устраивающих водохранилища с ее запасами. Ранее они уже рассматривались автором в рамках работы над обобщающей статьей по водоснабжению Царевского городища (Савельев, 2012). Но с получением новых данных (визуальный осмотр местности и находка планов городища Н.К. Тетеревникова) позволяют сделать некоторые уточнения.

Самая крупная из плотин находится на речке Кальгута. Первые упоминания об этой плотине появляются в 1837 г. В частности, ее упоминает А.Ф. Леопольдов, говоря, что вода в реке «удерживается плотиною» (Леопольдов, 1837, с. 125; Леопольдов, 1839, с. 98). Также протоирей города Царева Иосиф Шиловский сообщает, что «из степной Ахтубинской возвышенности вытекающие речки останавливаемы были, ничем кроме

времени не разрушенными и доселе еще значущимися гигантскими, на подобие плотин, земляными завалами» (Шиловский, 1909, с. 7). А.В. Терещенко пишет, что плотина «при речке Кальгута, самая обширнейшая, и все они (плотины) состоят из одной земляной насыпи» (Терещенко, 1909, с. 52–53). А.А. Спицын в своем отчете археологической комиссии рисует несколько иную ситуацию: «На вопрос о кирпичных кладках вы услышите, между прочим, что в балке Кальгуты существуют до сих пор остатки каменной плотины, задерживающей весной дождевую воду...» (Спицын, 1893, с. 88). В его сообщении плотина на Кальгута состоит из камня (возможно, кирпича). Информативным является описание Ф. Баллода: «Наиболее интересным памятником былой жизни на территории Царева (в 6-ти верстах от города (приблизительно 6,5 км. – Н.С.) является плотина, при помощи которой была устроена запруда на Кальгута, на месте, где река оставляет сырт. Здесь русло реки об-

разует громадный водоем, берега которого сближаются у самой грани степного сырта. Длина плотины по гребню 390 арш., ширина – 45 арш., высота 22 арш. с половиной; на ее западном конце когда-то был шлюз, о котором еще помнят жители Царева, но который был заменен новым в 1911 г., когда предполагалось реставрировать и надсыпать плотину. Ныне плотина на том и другом своем конце разрушена, ибо после упомянутых работ внешние воды смыли новые шлюзы и потоки воды частью подрыли и древние сооружения. Запруда должна была удерживать действительно громадное количество воды, которая через Раковый Ерик и Кальгуту доставлялась в город» (Баллод, 1998, с. 26). Ф. Баллод даже поместил эту плотину на своем схематическом плане Царевского городища. На ней видно, как из образованного плотиной крупного водохранилища вытекают две речки – Кальгута, в сторону города, и, вероятно, ерик Раковый (рис. 2). Археологические работы в районе плотины провел Г.А. Федоров-Давыдов. Разведочный раскоп был заложен на канале, который «соединяет огромное искусственное озеро, образованное ныне прорванной плотиной, с низиной, орошаемой водой этого озера» (Федоров-Давыдов, 1963, с. 55). Раскопки обнаружили в выкиде, образовавшемся при строительстве канала, золотоордынский материал, что указывает на время создания этого канала, а значит и плотины (XIV в.) (Федоров-Давыдов, 1962, с. 63; 1963, с. 56).

Итак, плотина на речке Кальгуте располагалась в 6,5 км от города, вверх по реке. Она представляла собой земляную насыпь длиной 277 м, высотой 16 м, шириной 32 м. На западном (и, вероятно, восточном) концах у нее имелся шлюз, который регулировал водосброс. Эта плотина образовывала

крупное водохранилище, вода из которого делилась на два потока, один из которых шел в город, а другой орошал низину к югу от водохранилища. На спутниковом снимке Google только одно место соответствует данной характеристике. К сожалению, прилегающая к плотине местность распашана, и мы можем видеть только само сооружение; границы водохранилища, которое образовывала эта плотина, реконструируются условно (рис. 3).

О плотине на речке Царевке имеется меньше сведений. Вот как описывает ее А.Ф. Леопольдов: «От города Царева тянется зеленый луг на 3 версты. По оврагу, разрезающему сырт с востока на запад, льется из степи речка Царевка, обильная чистой водой. На ней уцелела доселе каменная плотина, которая запирала воду и разливала ее влево на долину по каналам, туда, где развалины представляют собой обширное, некогда бывшее население или город. Это устройство носит на себе отпечаток знания механики» (Леопольдов, 1837, с. 126; 1839, с. 99). Н.К. Тетеревников уточняет ее размеры: «Доселе из значительных плотин открыто три: первая против деревни Колобовщины в вершине речки Царевки имеющая длины 94, широты 12 и высоты до 10 саж» (Тетеревников, 1843, с. 109). Там же он пишет, что плотина состояла из земляной насыпи, откуда были видны остатки булыжника и кирпича. А.В. Терещенко только упоминает эту плотину в своих трудах, правда, уточняет, что сложена она исключительно из земли, без камня и кирпича (Терещенко, 1909, с. 52). А.А. Спицын отметил эту плотину в своем отчете: «Подъезжая к селу (Колобовке. – Н.С.) приходится миновать 2 балки (из которых ближайшая к селу имеет земляную плотину) и проехать в виду двух больших курганов» (Спицын, 1893, с. 90). В итоге существует

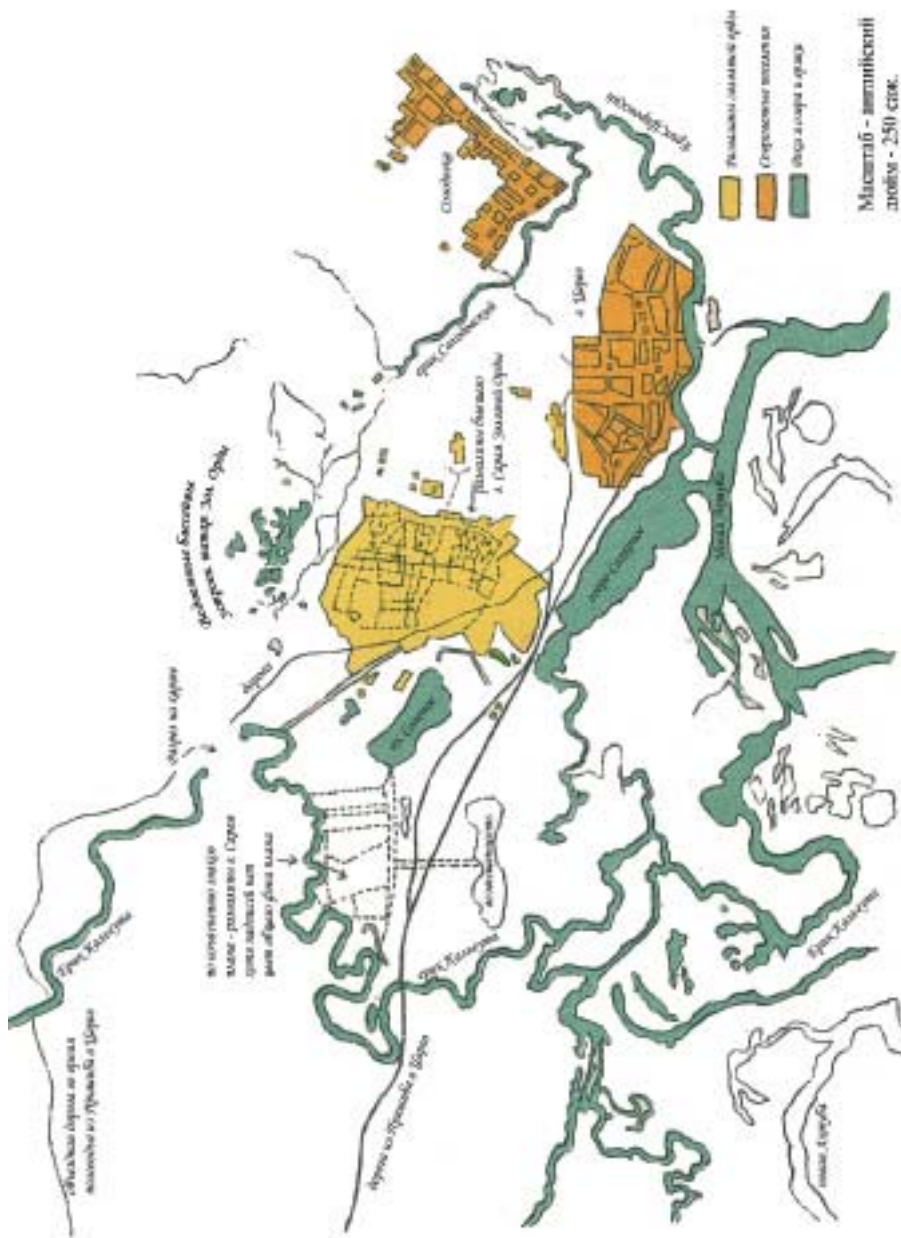


Рис. 1. Копия части плана земель г. Царева, снятых топографами Мин. Вн. Дел 1850–1854 гг. (по Ф. Баллоду)

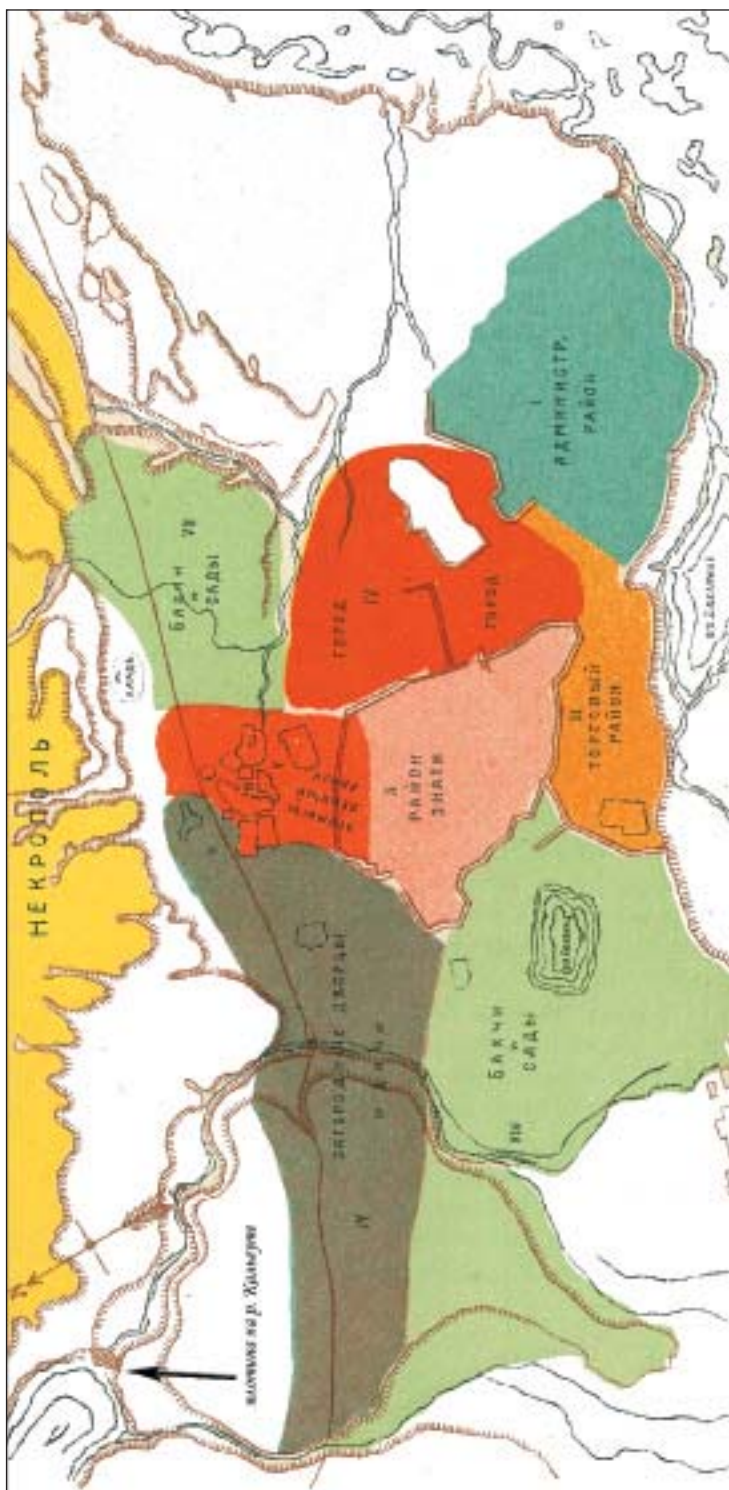


Рис. 2. Царевское городище (по Ф. Баллоду)



Рис. 3. Плотина на реке Кальгута, с реконструкцией границ водохранилища (спутниковый снимок Google)

три мнения об устройстве плотины: каменная (А.Ф. Леопольдов), земляная с остатками бульжника и кирпича (Н.К. Тетеревников), и целиком земляная (А.В. Терещенко, А.А. Спицын). Вероятнее всего, ближе к истине был Н.К. Тетеревников. Г.А. Федоров-Давыдов, раскапывая остатки плотины в районе северных озер городища, обнаружил, что одной из конструктивных особенностей плотины была забутовка из шлаков и обломков кирпича, лежавших очень плотно, причем сверху лежали мелкие, а снизу большие обломки кирпича (Федоров-Давыдов, 1962, с. 27). Именно такую картину мог увидеть Н.К. Тетеревников или А.Ф. Леопольдов. Видимо,

вода в разное время по-разному вымывала грунт и обнажала устройство плотины. Однако при современном осмотре местности в районе плотины не было замечено никаких камней или кирпичей.

Таким образом, о второй крупной плотине Царевского городища имеются следующие данные: она располагалась на реке Царевке, к востоку от основной части города. Ее длина составляет 200 м, высота – 21 м, и ширина 25 м. По ширине она немного уступает плотине на реке Кальгута, по высоте же она ее и превосходит. Ранее автором предполагалось, что плотина находилась в устье реки Царевки, в месте ее выхода из сырта, на месте

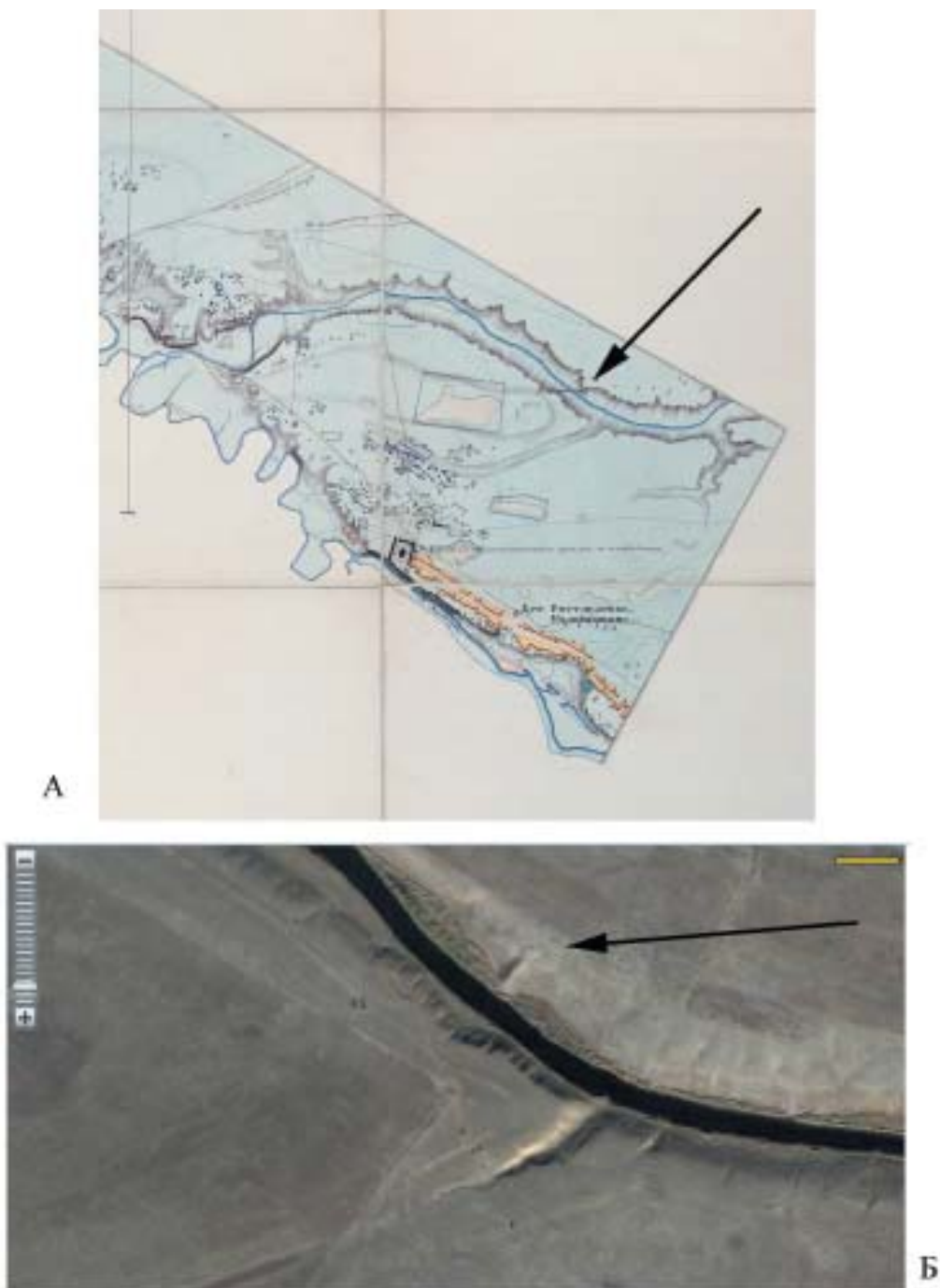


Рис. 4. Плоти́на на реке Царевочке.

А – на плане Н.К. Тетеревникова 1842 г.; Б – на спутниковом снимке Yandex

остатков современного бетонного моста. (Савельев, 2012, с. 280). Но изучение планов Н.К. Тетеревникова и

спутниковых снимков Google, а также осмотр местности однозначно показали, что плотина располагалась выше

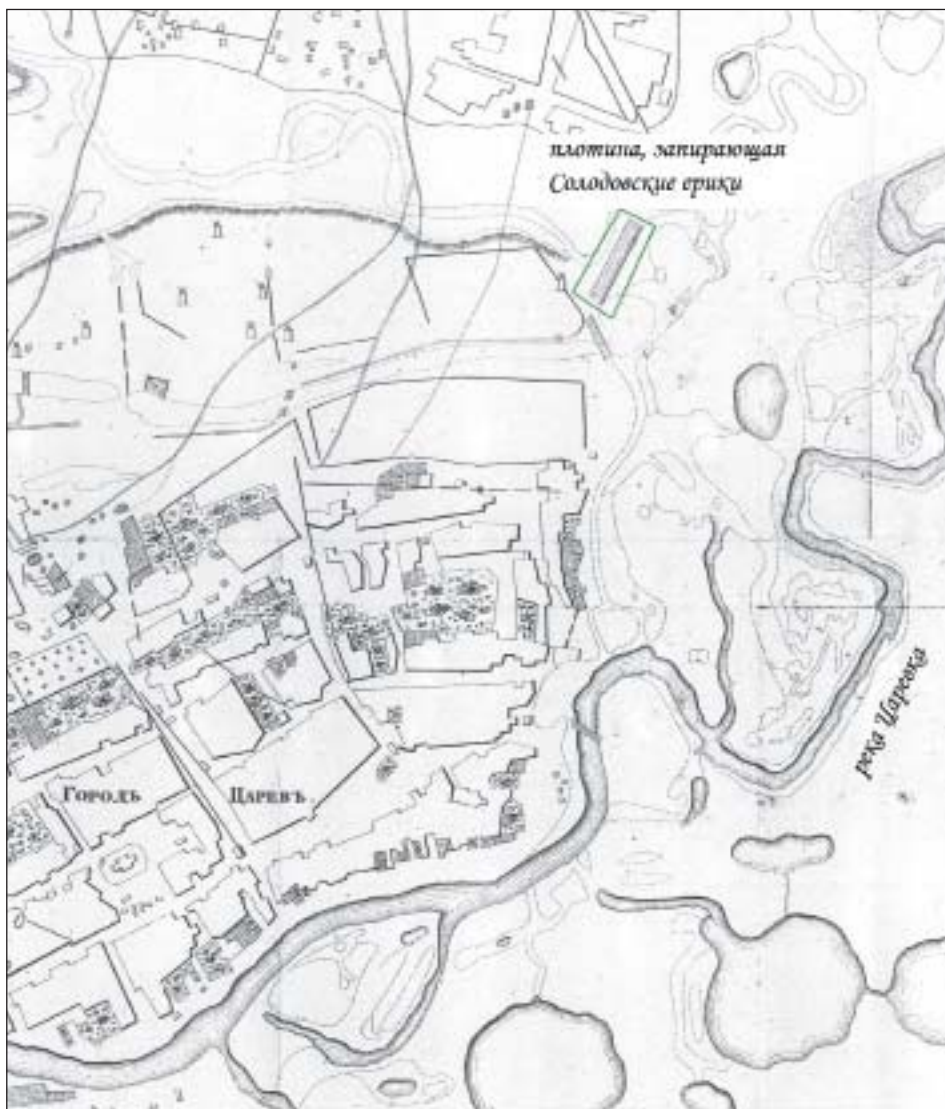


Рис. 5. Солодовская плотина на плане А.В. Терещенко

по течению Царевки и создана была с целью устройства водохранилища и пуска воды до т.н. Колобовского поселения (рис. 4). На планах и снимках четко различим магистральный канал, который отходит от водохранилища и устремляется к цепочке горнов, которые были разведаны А.А. Глуховым (Глухов, 2011, с. 245).

Стоит добавить, что обе эти плотины при личном осмотре производят довольно сильное впечатление.

Плотины действительно огромны, и количество трудовых ресурсов, затраченных на ее постройку, еще только предстоит оценить.

О третьей, Солодовской плотине, известно немного. Н.К. Тетеревников сообщает, что плотина проходит «через Солодовский ерик на протяжении 100 саж., при широте 15 и высоте свыше сажени» (Тетеревников, 1843, с. 109). Она также, по его мнению, состоит из земляной насыпи с остат-



Рис. 6. Прорисовка плана А. В. Терещенко (каналы, водохранилища, ерики, плотины, искусственные водоемы)



Рис. 7. Плотина и водохранилище на Солодовском ерике.
А – на плане А.В. Терещенко (1843 г.); В – на спутниковом снимке Google

ками булыжников и кирпича. А.В. Терещенко говорит, что «более всех заметна (плотина) при солодовском ерике, и она состоит из земляной насыпи» (Терещенко, 1909, с. 52).

Конкретное расположение плотин по этим описаниям восстановить трудно. Однако здесь может помочь план городища А.В. Терещенко. На его плане на Солодовских ериках нанесено две плотины. Одна, совсем небольшая, перекрывает один из рукавов Солодовского ерика. Другая, большая по размеру, перекрывает устье всего ерика. По размерам она как раз укладывается в 100 сажений, упомянутых Н.К. Тетеревниковым. На плане, размещенном в «Полном географическом описании нашего отечества» также самая крупная плотина указана как перекрывающая устье Солодовского ерика (Полное..., 1901, с. 525). Длина плотины (по Н.К. Тетеревникову) составляет 213 м, высота – около 3 м, ширина же 32 м. Эта плотина запирала весь Солодовский ерик с его рукавами, образуя крупное водохранилище (рис. 5).

О четвертой плотине А.В. Терещенко говорит вскользь: «Есть четвертая плотина, которая очень редко видна и находится с западной стороны Золотой Орды, недалеко от соленого озера, которое правильнее называть должно солонцеватым» (Терещенко, 1909, с. 53). Это сообщение ценно тем, что описываемая плотина – единственное известное гидротехническое сооружение к западу от Солончатого озера. На плане Ф. Баллода мы можем

увидеть сеть каналов, соединяющих Кальгуту и Солончатое озеро (рис. 1). Видимо, четвертая плотина как раз и обслуживала эту систему.

Еще около пяти более мелких плотин фиксируется на плане А.В. Терещенко. Почти все они перекрывают самый южный рукав Солодовского ерика (рис. 6). До наших дней сохранилась только одна из них. Она перекрывает устье явного искусственного водохранилища, которое находится северо-западнее села Царев и имеет подпрямоугольную форму (рис. 7). Реконструируемая длина плотины около 60 м.

Таким образом, удалось восстановить местонахождение четырех крупных плотин. Все они занимают ключевые позиции как вне, так и внутри города. Две крупных плотины с запада и востока от города (на реках Кальгуте и Царевке) создавали внешние водохранилища, две же плотины на ерике Солодовка создавали водохранилища внутренние. Плотины на крупных речках достигали в длину более 200 м, в высоту более 10 м, и, возможно, состояли из земляных насыпей с забутовкой из шлаков и обломков кирпичей. Плотины на солодовских ериках имели более скромные размеры и служили, видимо, больше для регулировки водосброса, нежели для создания крупных водохранилищ. Исключение составляет пятая плотина, которая запирала воду в искусственно созданном водоеме подпрямоугольной формы (рис. 7).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллод Ф. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) // ТА. – 1998. – № 1. – С. 14–31.
2. Глухов А.А. Колобовское поселение: новые данные и интерпретация памятника // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. – Казань, 2011. – С. 245–249.
3. Леопольдов А. Ф. Актубинские развалины // ЖМВД. 1837. № 4. С. 123–132.

4. Леопольдов А.Ф. О развалинах Сарая // Материалы для статистики Российской Империи. – СПб., 1839. – С. 97–103.
5. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В.П. Семенова. Т. 6. – СПб., 1901. – 599 с.
6. Савельев Н.И. Водоснабжение Царевского городища // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. – Казань, 2012. – С. 276–302.
7. Спицын А.А. Отчет о поездке летом 1893 года на Жареный бугор // ОАК, 1893. С. 77–94.
8. Терещенко А.В. Исследование местности Сарая // Материалы по истории Саратовской Епархии. Вып. 3. – Саратов, 1909. – С. 14–44.
9. Терещенко А.В. Замечания о плане развалин Золотой Орды, находящихся по левому берегу Ахтубы, на пространстве 20 верст, в Царевском уезде, Саратовской губернии // Материалы по истории Саратовской Епархии. Вып. 3. – Саратов, 1909. С. 44–59.
10. Тетеревников Н.К. О древних развалинах, находящихся на берегу Ахтубы в Саратовской губернии // ЖМГИ. – 1843. – № 2. – С. 107–111.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет об археологических работах на городище Сарай-Берке (Царевское городище) и разведках памятников золотоордынского времени по р. Ахтубе в 1963 г. // Архив ВОКМ, № 15, 1963.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет о раскопках 1962 г. на городище Сарай-Берке – столице Золотой Орды // Архив ВОКМ, № 12, 1962.
13. Шиловский И. Рапорт протоирея города Царева, Иосифа Шиловского, доставленный Его Преосвященству Иакову, Епископу Саратовскому 1837 года, фев. 9 дня // Материалы по истории Саратовской Епархии. Вып. 3. – Саратов, 1909. С. 3–14.

Информация об авторе:

Савельев Никита Игоревич, лаборант, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); savelnik2010@gmail.com

**THE WEIRS IN THE WATERWORK
OF THE TSAREVSKOYE SETTLEMENT**

N.I. Savelyev

The location and design of weirs as part of water supply system on the Tsarev settlement and its neighborhood are considered in the article. The descriptions of the 19th – early 20th cc. and archaeological data made it possible to establish the fact that the weirs had been constructed of earth with a backfill made of stones, bricks and slag. They served to regulate water discharge and to construct reservoirs. On the basis of 19th-century topographic maps and satellite images, it has been possible to figure out the locations and purpose of four major weirs, which had occupied key positions both outside and inside the town. Two reservoirs were constructed to the west and east of the town by means of large weirs (over 200 m long and 10 m tall). Two lesser weirs used to form internal water reservoirs.

Keywords: archaeology, the Lower Volga river region, the Golden Horde period, the Tsarev settlement, weir, reservoir, shallow channel of river delta (yerik).

REFERENCES

1. Ballod, F. V. 1998. In *Tatarskaia arkhologiia (Tatar Archaeology)* (1), 14–31.
2. Glukhov, A. A. 2011. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 4. Kazan, 245–249 (in Russian).
3. Leopoldov, A. F. 1837. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* 4, 123–132 (in Russian).
4. Leopoldov, A. F. 1839. In *Materialy dlia statistiki Rossiiskoi Imperii, izdavaemye, s vysochaishago soizvoleniia, pri statisticheskom otdelenii Soveta Ministerstva vnutrennikh del (Materials for Statistics of the Russian Empire, edited with the Royal permission by the Statistics Department of the Council of the Ministry of Interiors)*. Saint Petersburg: Typography of the Interior ministry, 97–103 (in Russian).
5. Semyonov-Tyan-Shansky, V. P. (ed.). 1901. *Polnoe geograficheskoe opisaniie nashogo otechestva (Complete Geographical Description of Our Motherland)* 6. *Srednee i Nizhnee Povolzh'e i Zavolzh'e (Simbirskaia, Samarskaia, Saratovskaia i Astrakhanskaia gubernii) (Middle and Lower Volga Basin and Trans-Volga: Simbirsk, Samara, Saratov and Astrakhan Provinces)*. Saint Petersburg: "A. F. Devrien" Publ. (in Russian).
6. Savel'ev, N. I. 2012. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 5. Kazan, 276–302 (in Russian).
7. Spitsyn, A. A. 1893. In *Otchety Imperatorskoi arkhologicheskoi komissii 1893 (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1893)*, 77–94 (in Russian).
8. Tereshchenko, A. V. 1909. In *Materialy po istorii Saratovskoi Eparkhii (Materials on the History of the Saratov Eparchy)* 3. Saratov, 14–44 (in Russian).
9. Tereshchenko, A. V. 1909. In *Materialy po istorii Saratovskoi Eparkhii (Materials on the History of the Saratov Eparchy)* 3. Saratov, 44–59 (in Russian).
10. Teterevnikov, N. K. 1843. In *Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv (Journal of the Ministry of State Property)* 2, 107–111 (in Russian).
11. Fyodorov-Davydov, G. A. 1963. *Nauchnyi otchet ob arkhologicheskikh rabotakh na gorodishche Sarai-Berke (Tsarevskoe gorodishche) i razvedkakh pamiatnikov zolotoordynskogo vremeni po r. Akhtube v 1963 g. (Scientific Report on Archaeological Investigations on the Saray-Berke (Tsarev) Hillfort and Archaeological Surveys on Golden Horde Sites near the Akhtuba River in 1963)*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies, no. 15 (in Russian).
12. Fyodorov-Davydov, G. A. 1962. *Nauchnyi otchet o raskopkakh 1962 g. na gorodishche Sarai-Berke – stolitse Zolotoi Ordy*. Archive of the Volgograd Regional Museum of Local Studies, no. 12 (in Russian).
13. Shilovskii, I. 1909. In *Materialy po istorii Saratovskoi Eparkhii (Materials on the History of the Saratov Eparchy)* 3. Saratov, 3–14 (in Russian).

About the Author:

Savel'ev Nikita I. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; savelnik2010@gmail.com

УДК 94 "04/14"

ЖИЛИЩА КУПЦОВ ИЗ АЗАКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2009–2010 ГОДОВ)

© 2013 г. С.А. Кравченко

Рассматривается уникальный для золотоордынских памятников тип жилых сооружений, обнаруженных при раскопках города Азак, – подвал купеческого дома. В Азаке известно всего около 20 таких помещений. Они отличаются от обычных углубленных жилищ большими размерами и внутренним устройством, среди находок в них встречаются редкие импортные вещи и торговый инвентарь. В статье приводится подробное описание двух жилищ с подвалами, исследованных в 2002 и 2009–2010 гг., проведен их сравнительный анализ. По результатам этого анализа удалось определить сферы торговли данных купеческих домов, а также отследить основные направления торговых путей и выявить их различия.

Ключевые слова: археология, Приазовье, Золотая Орда, город Азак, землянка, подвал купеческого дома, торговля, керамика, импорт.

Каждый сезон в Азаке практически на всех раскопах исследуются остатки жилищ. Среди них зафиксированы наземные постройки, полу-землянки, землянки, принадлежащие ремесленникам, торговцам, рядовым гражданам, а также общественные сооружения: фундамент церкви, баня и минарет одной из квартальных мечетей.

В связи с плотной современной городской застройкой исследование наземных жилищ в Азове затруднено, многие из них сильно повреждены перекопами или уничтожены. Наилучшую сохранность имеют земляночные сооружения.

Среднестатистическая жилая землянка в Азаке представляет собой небольшое помещение прямоугольной или квадратной формы, ориентированное стенками по сторонам света, заглубленное в материк на 1,5–2 метра от уровня дневной поверхности. Средняя площадь постройки занимает около 25–30 кв. м. Встречаются и

большие по меркам Азака землянки до 40 кв. м. Это однокомнатные помещения, иногда разделенные на две части (хозяйственную и жилую) сырцовой или деревянной перегородкой. Вдоль стен поставлены столбы, поддерживающие перекрытие. Вход в землянку чаще всего сделан в виде ступенчатого тамбура. Отопительная система в большинстве случаев это тандыр, установленный у противоположной от входа стенки. Внутри помещения вдоль стен часто фиксируются невысокие уступы (20–30 см), вырубленные в материке, которые использовались в качестве лежанок.

В данной работе хотелось бы особо остановиться на описании жилища, исследованного в 2010 г. по ул. Измайлова 60 (раскопки автора), кардинально отличающегося от обычной жилой землянки в Азаке. Такой тип помещений уже был выделен ранее и описан в научной литературе как подвалы купеческого дома (Масловский, 2008, с. 93–124; 2009, с. 297–299). Следует

отметить, что в других городах Золотой Орды подобный тип землянок не встречается (Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–47; Кравченко А.А., 1986, с. 20–38, Зиливинская, 2011, с. 91–131; Город Болгар, 2008, с. 113–117).

В Азаке на сегодняшний день исследовано около 20 таких помещений, но, к сожалению, ни одно из них не изучено целиком.

Подвалы купеческих домов отличаются от обычной жилой землянки очень большими размерами, и занимают площадь минимум 70 кв. м. Они имеют прямоугольную в плане форму. Ширина достигает 7–8 м, длина – не менее 10 м. Подвалы не были разделены на помещения, но в случаях, если ширина была больше указанной, то внутри устанавливались дополнительные несущие стены. Обшивка стен была деревянной, доски вертикально вставлялись в опорные горизонтальные балки, лежащие в траншеях на полу вдоль стен. Входы и лестницы не зафиксированы, в редких случаях встречаются пандусы. Полы чаще всего ничем не застлались, имели большое количество разноразмерных ямок и западин. В двух подвалах по ул. Толстого 41 (2003 г., Ж-44) и Измайлова 49А (2002 г., Ж-2), зафиксирована деревянная обшивка пола (Масловский, 2004а, с. 82; 2004б, с. 144). Отопительные сооружения либо отсутствуют, либо они небольших размеров и пространство вокруг них конструктивно не обособлено.

В отличие от домов рядовых горожан, в подвалах купеческих домов к стандартному набору находок (тарная, столовая, кухонная керамика, украшения и посуда из стекла, бытовые изделия из железа, бронзы, кости, меди) прибавляются специфические.

Это редкий керамический импорт и стекло, полудрагоценные камни, торговый инвентарь: весы, гири, торговые пломбы и печати, иностранные монеты. Встречаются также и «заморские» диковинки: раковины каури, кораллы, жемчуг, изделия из слоновой кости. Не всегда подобные находки обнаруживаются только в заполнении жилищ, иногда они встречаются в слое или в ямах, которые принадлежали к этой же усадьбе.

В данной работе представлено описание подвала жилища купца (Ж-4), исследованного в 2010 г. по ул. Измайлова 60, в г. Азове (рис. 1). Участок раскопок находился в южной части города. Эта часть Азака была удалена от центра, не имела такой плотной застройки, как в центре. Крупные усадьбы зажиточных горожан перемежались здесь с пустырями. Также в этом районе зафиксирован небольшой могильник.

Площадь подвала по ул. Измайлова 60 занимала более 100 кв. м. Землянка уходила тремя углами за пределы раскопа, имела прямоугольную в плане форму. В отличие от других подвалов, была ориентирована длинной осью с севера на юг. Ширина жилища = 8 м, длина точно не установлена, но максимально исследованная часть продольной стены = 14 м. Вход располагался в западной стене и был обследован частично. Большая его часть уходила под бетонные плиты теплотрассы. Он имел прямоугольную форму (ширина = 2,5 м, длина не более 2 м), спускался в виде пандуса до края стены до высоты около 20–30 см от дна. Следует отметить, что выделенный тамбур в данном типе жилищ исследован впервые. Глубина землянки от уровня дневной поверхности XIV в. соста-

вила около 2,5 м. Вдоль стенок подвала прослежены узкие траншеи для укладки деревянных опорных балок. Ширина траншей = 30–40 см, глубина = 10–15 см. Следов дерева в них не сохранилось. Полностью исследован только юго-восточный угол жилища, в котором зафиксирована ниша для укладки концов балок.

Дно жилища неровное с множеством западин и ямок, оставшихся, по-видимому, от установленных в подвале тарных сосудов, бочек, ларей и др. В полу также были зачищены два продолговатых очага с прокаленными стенками. Один из них имел грибовидную форму, в средней части симметрично друг другу были положены два сырцовых, прокаленных кирпича со следами вертикального заглаживания пальцами. Глубина очага 16 см, заполнение – древесные угли. Второй очаг был выкопан в материке на глубину около 25 см, имел удлиненную прямоугольную форму, стенки были прокалены на толщину в 3–5 см. Непосредственно на полу было прослежено еще несколько маленьких очажков. В северо-западной части зачищен небольшой завал камней, среди которых были обнаружены фрагменты керамики и железный стержень.

В юго-восточной и северо-западной части жилища были зачищены две большие вымостки, состоящие из рваного камня и обломков кирпичей. Они зафиксированы выше уровня дна примерно на 0,2–0,5 м. Одна вымостка располагалась у входа, ориентирована длинной осью с СЗ на ЮВ. Вторая – в южном углу, также ориентирована с СЗ на ЮВ. Систематических кладок или хотя бы их фрагментов среди камней не отмечено. Еще выше (более 1 м над уровнем пола), над каменными

завалами, напротив входа-пандуса, в СЗ части жилища находилась сильно утрамбованная земляная площадка. По-видимому, эти вымостки и площадка появились уже после окончания функционирования жилища, и непосредственно с ним не связаны. Можно предположить, что складывались они из остатков наземных конструкций заброшенного жилища.

Заполнение котлована землянки состоит из трех основных горизонтов, насыщенных археологическими находками: нижний – темно-серый гумусированный суглинок с вкраплениями мелких комочков глины, угольков. Над ним – плотный темно-бурый суглинок с одиночными камнями, фрагментами сырцовых и обожженных кирпичей. Верхняя часть жилища заполнена темно-серым гумусированным суглинком.

В засыпи жилища найдено большое количество находок (более 4000 ед. без учета костей животных, см. табл. 1). Основную массу составила керамика, среди которой местной принадлежит 60%.

Среди неполивной керамики преобладает нелощеная местного производства (30%). Лощеной керамики меньше (20%), но она превышает по количеству общую сумму неполивной импортной керамики. По сравнению с массой лощеной и нелощеной керамики количество местных амфор невелико (4%). На ручке одной из них имеется фрагмент граффити (рис. 2: 3). Поливная керамика местного производства (8,6%) также преобладает над импортной. Большинство ее принадлежит монохромным сосудам, горшкам и чашам с орнаментом в технике «сграффито».

Импорты представлены 31 группой керамики, встречающейся в Азаке (Масловский, 2006, с. 308–462), и составляют 31% от общего числа находок.

Больше всего обнаружено фрагментов трапезундских амфор (8 гр.), (7,8%) на одной из ручек имеется сетчатое клеймо (рис. 2: 1), на другом – граффити (рис. 2: 2). Также многочисленны неполивные сосуды, произведенные в округе Азака (19 гр.) (7,8%). Особо следует отметить очень высокий процент керамики Платоно-Петровского поселения (19А гр.) (2%), среди общего количества фрагментов из округа Азака это составляет 25%. Также выделим редкие в материалах Азака единичные находки керамики с поселений Ново-Маргаритовка (19Б гр.), Ново-Николаевка (19Г гр.) и Пешково.

В равных количествах обнаружена керамика из Нижнего Поволжья (4 гр.) (2,9%) и Маджара (6,7 гр.) (2,9%). В небольших количествах собраны фрагменты неполивных сосудов неизвестных центров (1,2%), Хорезма (22 гр.) (0,6%), Юго-Восточного Крыма (3 гр.) (0,6%), Болгара (38 гр.) (0,5%). Неполивная керамика производства Юго-Западного Крыма (9 гр.), Грузии (10 гр.), Причерноморья (11 гр.) очень малочисленна (до 10 шт.).

Среди неполивных импортов особо выделим мелко фрагментированный развал штампованного кувшина с росписью бирюзовой и ультрамариновой глазуриями (рис. 2: 4), фрагменты круговых хорезмийских сероглиняных кувшинов с наlepным и врезным орнаментом (рис. 2: 5, 6). Единичными фрагментами представлены находки сфероконуса, стенок пифосов (Крит и неизвестный центр).

Поливная импортная керамика уступает местной по количеству (5,6%). Но она очень разнообразна и представлена 12 центрами производства. Наибольшее количество принадлежит кашинной керамике Нижнего Поволжья (24 гр.) (2,6%). Из них следует отметить несколько профильных фрагментов чаш и гюльабданов с монохромной и полихромной росписью. Встречены единичные фрагменты кашинных чаш, скорее всего иранского производства, с глухой белой глазурью, на которых роспись не зафиксирована («минаи» или люстр) и зеленой глухой поливой «под-саладон». Менее многочисленна полива производства Юго-Восточного Крыма (3 гр.) (2,2%). Поливная керамика византийского круга невыразительна (0,5%), здесь преобладают фрагменты светлоглиняных кухонных горшков из провинции Византии (16 гр.) (0,3%). Константинопольские сосуды встречены в небольшом количестве (4 ед.) и в мелких фрагментах (рис. 2: 7). Особо следует отметить малочисленные и редкие импорты: 2 фрагмента стенок итальянских чаш, донце красноглиняной люстровой чаши (Испания) (рис. 2, 8), 7 фрагментов от разных саладоновых и фарфоровых сосудов (Китай) (рис. 2: 9, 10). Встречен также фрагмент венчика небольшой чаши с подглазурной росписью марганцем, произведенной в Ширване (рис. 2: 11).

Кроме керамики в жилище обнаружены обломки строительного мусора: плинфы и турлука, обмазки досок, несколько фрагментов ганча и кашинных изразцов. Собрано большое количество стенок тандыров (218 ед.), большинство из них принадлежало одному тандыру.

Среди некерамических находок

Процентное соотношение керамики в жилищах
по ул. Измайлова 60 (2010 г.) и ул. Мира 35А в 2009 г.

№ группы	Центр производства, отделы и виды керамики	2010 г. Жилище 4 по ул. Измайлова 60	2009 г. Жилище 1 по ул. Мира 35А
	Азак:	60%	50%
1,2	нелощёная	30%	25,5%
1	лощёная	20%	15%
1	амфоры	4%	7,2%
2	поливная	8,6%	3%
	Неполивные импорты:	31%	47%
8	Трапезунд	7,9%	27%
12	Трилия	–	+
28	Крит	–	0,2%
37	Н. Поволжье (хумы)	–	0,3%
19	Округа Азака	7,8%	5%
19А	Платоно-Петровка	2,0%	0,4%
4	Нижняя Волга	2,9%	1%
6	Маджар	2,9%	4%
42	Неизвестный центр	0,3%	–
прочие	Неизвестные центры	0,9%	0,5%
22	Хорезм	0,6%	0,5%
3	ЮВ Крым	0,6%	1,4%
38	Болгар	0,5%	–
9	ЮЗ Крым	0,2%	0,3%
10	Грузия	0,2%	0,3%
11	Причерноморье	–	0,02%
23	Мавверанахр	0,02%	0,02%
	Поливные импорты:	5,6%	4,9%
24	Н. Поволжье (кашин)	2,6%	0,05%
24	Иран	0,05%	–
3	ЮВ Крым	2,2%	4%
14	Провинция Византии	0,02%	0,25%
15	Константинополь	0,1%	+
16	Провинция Византии	0,3%	0,6%
27	Китай	0,1%	–
30	Италия	0,05%	–
31	Испания	0,02%	+
41	Неизвестный центр	–	0,02%

найлены фрагменты стеклянных сосудов, из которых выделим профильные фрагменты чаши из глухого бледно-голубого стекла (рис. 2: 12) и стенку флакона из полупрозрачного тёмно-

фиолетового стекла с белыми накладными нитями.

Находки из кости представлены астрагалами со свинцовой заливкой (рис. 3: 1), сверлением (рис. 3: 2) и за-

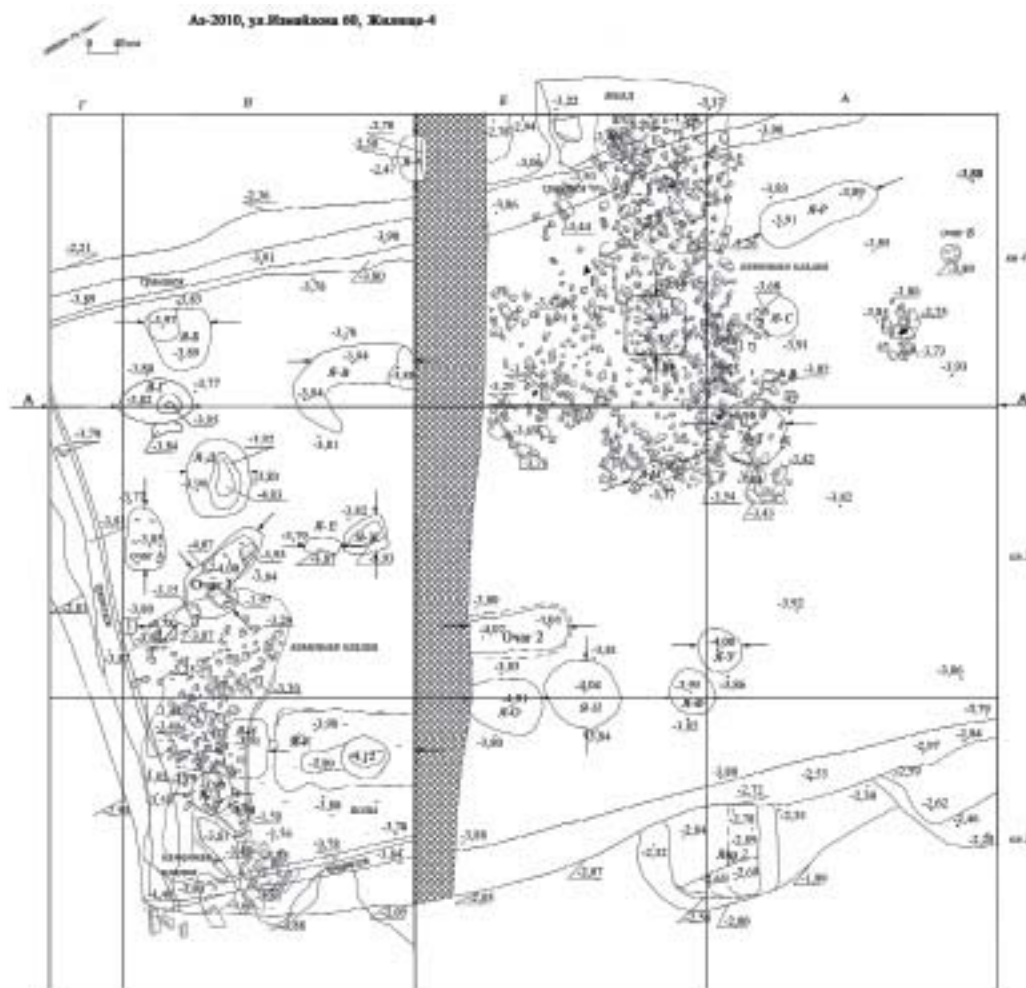


Рис. 1. Азов-2010, план жилища 4, по ул. Измайлова 60

тыльником рукояти ножа (рис. 3: 3). Найдено также небольшое количество изделий из металла (рис. 3: 4–7).

В подвале жилища обнаружено 12 монет, две из которых иностранные: хулагуидская и трапезундская. Судя по нумизматическим данным и набору керамических находок, жилище 4 по ул. Измайлова функционировало до 1360-х годов, а затем было заброшено.

Таким образом, мы видим, что хозяином подвала купеческого дома по ул. Измайлова 60 (Ж-4) был зажиточ-

ный купец, основными направлениями торговли которого была округа Азака, а также столица и другие крупные города Золотой Орды. Владелец данного жилища обладал очень высоким материальным достатком, что видно из самой конструкции жилища, дорогостоящих находок из его заполнения. Об этом также свидетельствует высокий процент поливной посуды.

Помимо находок в заполнении жилища 4, хотелось бы отметить важные находки из слоя: две одинаковые по форме, но различающиеся по раз-

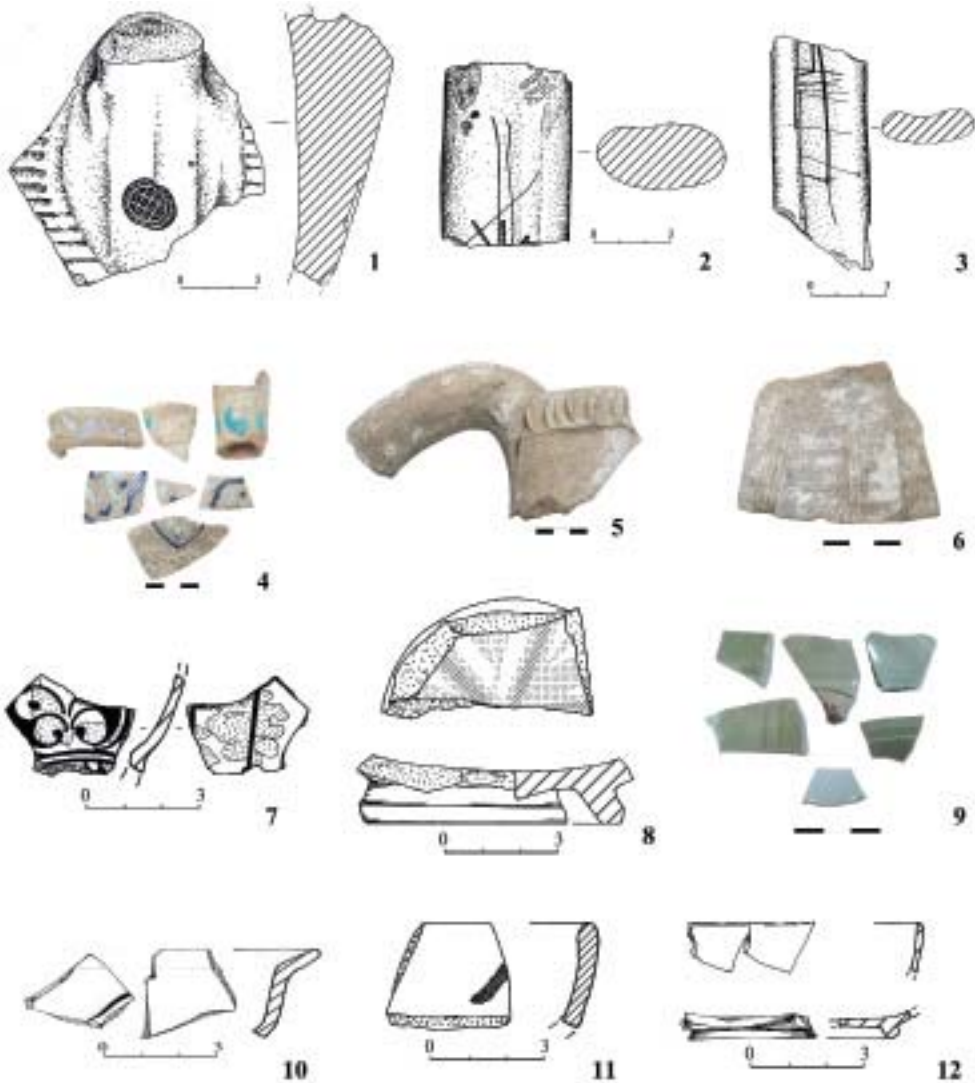


Рис. 2. Азов-2010, ул. Измайлова 60, жилище 4

1 – ручка амфоры с клеймом (Трапезунд); 2 – ручка амфоры с граффити (Трапезунд); 3 – ручка амфоры с граффити (Азак); 4 – развал штампованного кувшина с росписью глазурями; 5 – венчик сероглиняного кувшина с наlepным орнаментом (Хорезм); 6 – стенка сероглиняного кувшина с врезным орнаментом (Хорезм); 7 – фрагмент поливной чаши (Константинополь); 8 – донце чаши с росписью люстром (Испания); 9 – фрагменты селадоновых и фарфоровых чаш (Китай); 10 – венчик селадоновой чаши (Китай); 11 – венчик чаши с росписью марганцем (Ширван (?)); 12 – венчик и дно чаши из глухого бледно-голубого стекла

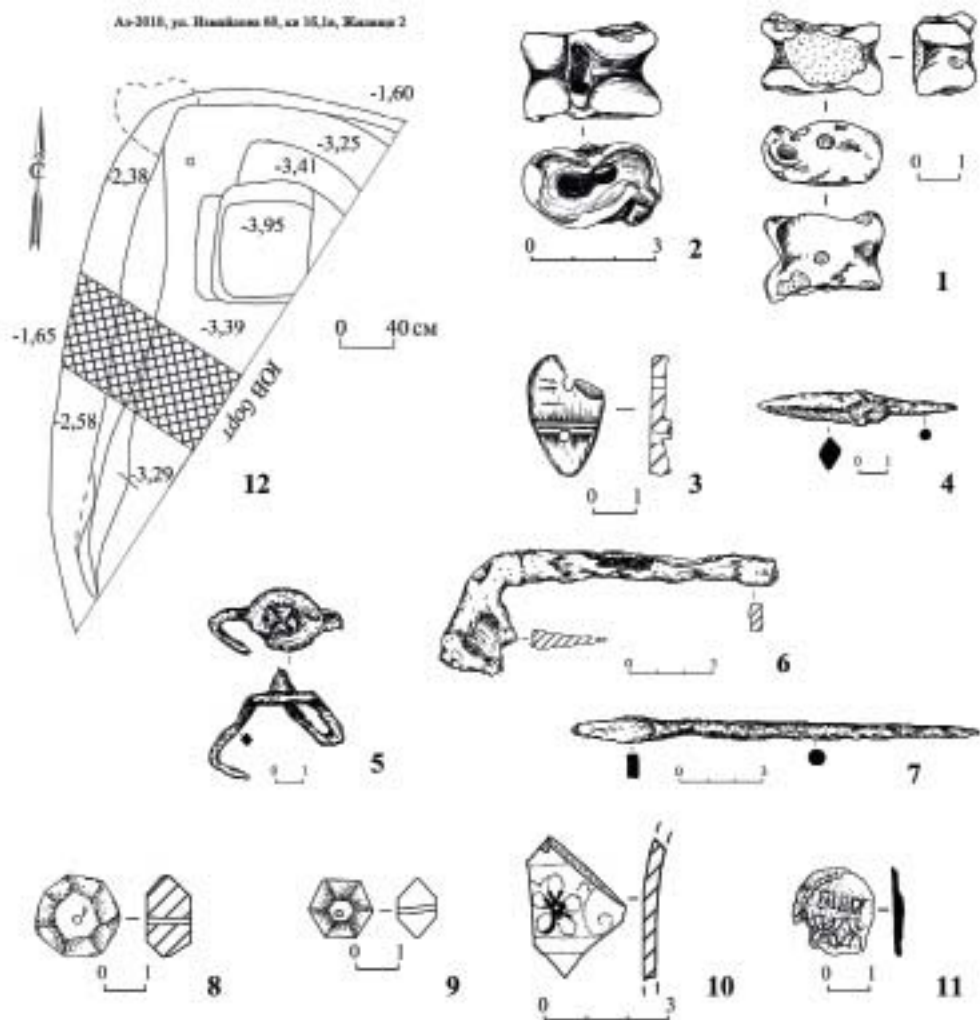


Рис. 3. Азов-2010, ул. Измайлова 60, жилище 4

- 1 – астрагал со свинцовой заливкой; 2 – астрагал со сверлением и прорезью;
- 3 – костяной затыльник рукояти ножа; 4 – железный наконечник стрелы;
- 5 – железный ледоходный шип; 6 – железное изделие; 7 – железное сверло

Ул. Измайлова 60, находки из слоя

- 8, 9 – сердоликовые бусы (кв. 1А, пл. 3), (кв. 1В, отвал);
- 10 – горло фарфорового кувшина с надглазурной росписью эмальями (кв. 1Б, пл. 2); 11 – свинцовая торговая пломба (кв. 1В, пл. 4)

12 – ул. Измайлова 60, жилище 2 (план)

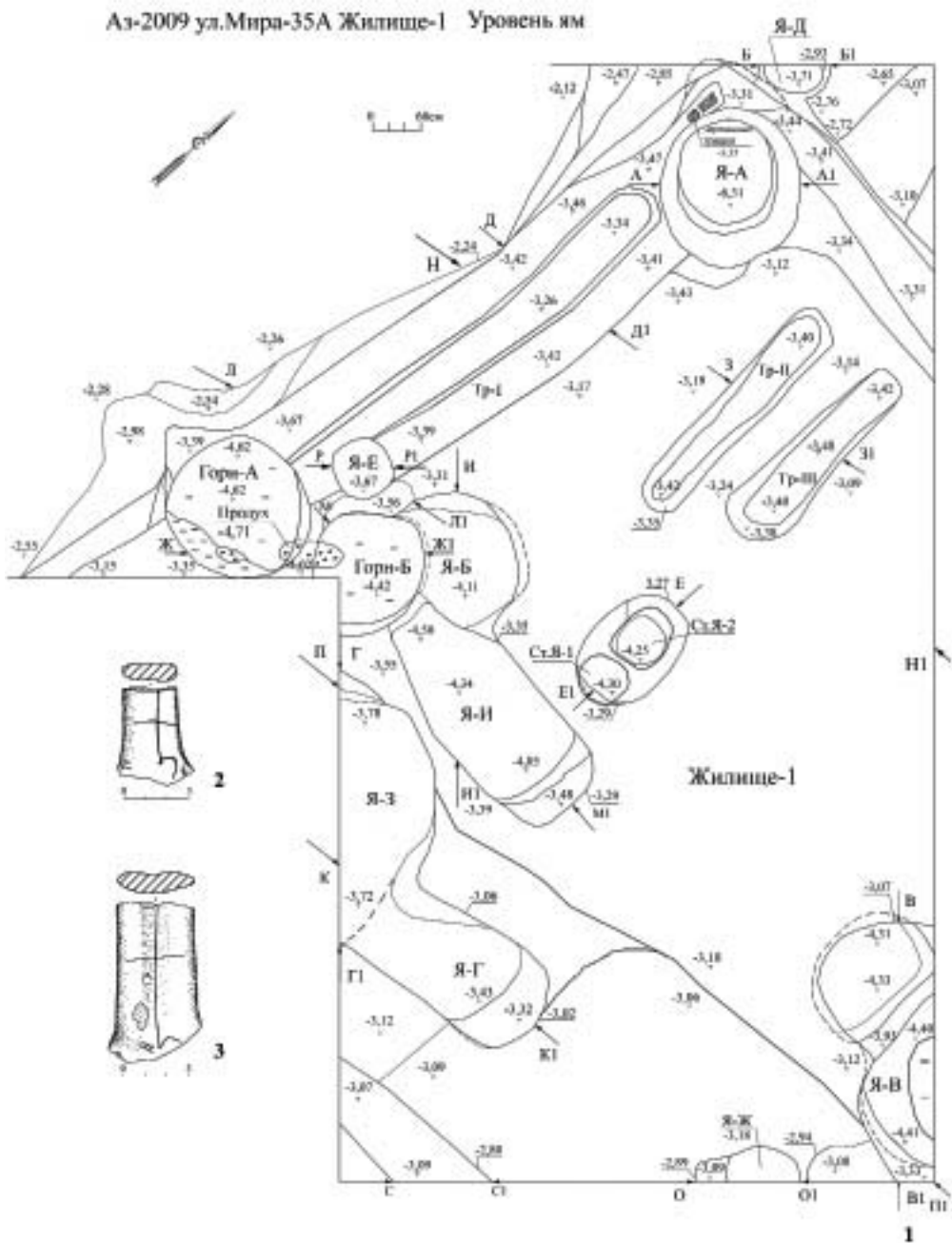


Рис. 4. Азов-2009, ул. Мира 35А

1 – план жилища 1 по ул. Мира 35 А; 2, 3 – ручки сосудов с фрагментами граффити в виде креста с завитками на концах

мерам сердоликовые бусины (рис. 3: 8, 9), вероятно, от одного ожерелья (1А/3; 1В/отвал), фрагмент горла фарфорового кувшинчика с надглазурной росписью эмалями (1Б/2) (рис. 3: 10) и свинцовую торговую пломбу с изображением двух ХХ (кв. 1В, пл. 4) (рис. 3: 11). Пломба могла быть связана и с другим жилищем (№ 2) (рис. 3: 12), находившимся по соседству, в 4 м от восточной стены жилища 4, так как найдена непосредственно над его заполнением. Но она могла также попасть в слой над засыпью котлована жилища 2 при сооружении подвала жилища 4, так как по набору керамики и нумизматическим данным этот подвал более ранний, он закончил существование еще до эпохи Джанибека (до 1340-х гг.). В целом, судя по набору керамических находок, слой датируется 1360 гг. Жилище 2, скорее всего, тоже являлось подвалом-хранилищем, масштабы которого нам выявить не удалось, так как в пределы строительного котлована входил только его северо-западный угол (рис. 4). Конструктивные особенности исследованной части соответствовали общим признакам такого типа жилищ. На полу вдоль стены также прослежены траншеи и угловая ниша под деревянные каркасные балки.

В качестве сравнения хотелось бы привести краткую характеристику жилищ на раскопе по ул. Мира 35А (2002, 2009 гг.), материалы которых требуют отдельной публикации.

Жилище по ул. Мира 35А раскапывалось частями: в 2002 г. под руководством А.Н. Масловского исследовано фрагментарно и обозначено как жилище 3 (Масловский 2004а, с. 78), и в 2009 г. под руководством Э.Б. Широченко, обозначенное как жилище

1 (Широченко, Масловский, 2011, с. 173; Широченко, 2013, с. 131–142) (рис. 4: 1). В 2009 г. исследована большая его часть и собрана основная часть археологического материала. В сравнении с подвалом по ул. Измайлова 60 жилище 1 по ул. Мира 35А имело более сложную конструкцию, но главные объединяющие факторы позволяют отнести их к одному типу помещений. Оба жилища имеют большие размеры, но по ул. Мира они гораздо более внушительные. Площадь этого подвала занимает 270 кв. м. (20,0 x 13,5 м), то есть это одно из самых крупных сооружений, исследованных на сегодняшний день в Азаке. В обоих жилищах вдоль стен фиксировались траншеи и ниши для укладки деревянных балок, причем по ул. Мира 35А сохранился древесный тлен.

В отличие от подвала по ул. Измайлова 60, в данном жилище входа не обнаружено. На дне зафиксировано множество ям, гораздо более глубоких, чем в подвале на Измайлова 60, и насыщенных находками. Среди них исследованы столбовые ямы разных размеров (до 45 см в диаметре). У западной стены подвала было расчищено 2 печи производственного назначения. По-видимому, хозяин жилища 1 использовал часть своего огромного помещения для хозяйственно-ремесленных нужд. По выводам автора раскопок, который опирался на нумизматические и керамические данные, жилище закончило существование в самом конце XIV в. После 1395 г. оно было заброшено, но его котлован продолжал использоваться другими людьми, о чем свидетельствуют сохранившиеся каменные вымостки и очажок.

В заполнении жилища, включая его внутренние комплексы, в 2009 г. было собрано 3500 единиц археологических находок (без учета костей животных). Немного преобладает местная керамика (50%). Нелощеная составляет 25,5%, лощеная – 15%, амфоры – 7,2%, полива – 3%.

Среди импортов (всего 47%) абсолютное большинство принадлежит трапезундским амфорам (27%), керамика Юго-Восточного Крыма (поливная и неполивная) составляет 5,4%, округа Азака – 5%, Маджар – 4%, Нижняя Волга – 1%. Доля остальной импортной керамики составляет менее 1 процента на каждый центр производства (см. табл. 1). Следует отметить, что в заполнении данного жилища встречены развалы редких в Азаке керамических сосудов из Константинополя, Средней Азии, Испании, Грузии.

Следует также отметить, что данное подвальное помещение граничило с жилищем 1,2 (Широченко, 2013, с. 131), погибшим в 1360-х годах. Оба они и еще несколько закрытых комплексов принадлежали одной семье (Масловский, 2009, с. 298).

Ж-1,2 исследовалось в 2002 г. (Масловский, 2003, с. 6–11) и имело самые сложные и наиболее сохранившиеся конструкции из всех изученных подвалов купеческих домов Азака. В нем сохранился даже фрагмент деревянной балки с пазами для вставки вер-

тикальных досок. Жилище погибло в 1360-х годах в результате погрома. В нем сохранились упавшие внутрь перекрытия верхнего этажа, а также партия товара, которую, по-видимому, подготовили к продаже, но не успели вывезти. Данная купеческая семья занималась вывозом какого-то товара, расфасованного в амфоры местного производства. У них имелся собственный знак в виде креста с завитками на концах (рис. 4: 2, 3), который зафиксирован в виде граффити на нескольких сосудах из разных комплексов, принадлежащих той же самой усадьбе. К сожалению, анализ этого жилища пока провести не представляется возможным, так как не закончено изучение его многочисленного материала.

Таким образом, можно сказать, что приоритетными направлениями купеческой семьи по ул. Мира 35А была морская торговля с Причерноморьем и Средиземноморьем. Менее интенсивно велась сухопутная торговля в восточном направлении и внутри золотоордынского государства.

Итак, рассмотренный тип жилищ – подвалы купеческих домов – является уникальным явлением для золотоордынских городов. Их материалы позволяют получить представление о жилищах золотоордынских купцов, а самое главное, выявить, какой сферой торговли они занимались и каковы были ее основные направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Город Болгар. Культура, искусство, торговля. – М., 2008. – 276 с.
2. *Зиливинская Э.Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. – 253 с.
3. *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород-на-Днестре (конец XIII – XIV вв.). – Киев, 1986. – 124 с.
4. *Масловский А.Н.* Отчет о спасательных археологических раскопках в Азове в 2002 году // Архив АМЗ. – Азов, 2003.

5. Масловский А.Н. Раскопки в г. Азове в 2002 году // ИАИАИАНД. – Азов, 2004а. – Вып. 19. – С. 76-90.
6. Масловский А.Н. Раскопки в Азове в 2003 году // ИАИАИАНД. – Азов, 2004б. – Вып. 20. – С. 142-155.
7. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // ИАИАИАНД. – Азов, 2006. – Вып. 21. – С. 308–473.
8. Масловский А.Н. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // СЕЭС. – Донецк, 2008. – Т. 6. – С. 93–124.
9. Масловский А.Н. Об одном типе земляночных сооружений золотоордынского Азака // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Научная книга, 2009. – Вып. 13.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994. – 228 с.
11. Широченко Э.Б., Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году // ИАИАИАНД. – Азов, 2011. – Вып. 25. – С. 164-189.
12. Широченко Э.Б. Отчет о спасательных археологических раскопках городища и могильнике Азака в г. Азове Ростовской области в 2009 году // Архив АМЗ. – Азов, 2013.

Информация об авторе:

Кравченко Светлана Александровна, старший научный сотрудник, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); kravchenkoviolin@rambler.ru

DWELLINGS OF THE MERCHANTS AT AZAK (ACCORDING TO EXCAVATIONS IN THE 2009-2010)

S.A. Kravchenko

A type of residential structures, which is unique for the Golden Horde period sites, the basement of a merchant's house, discovered during the excavations of the city of Azaq, is considered in the article. There are only 20 facilities of the kind known in Azaq. They differ from the ordinary semi-subterranean dwellings by their larger space; besides, rare imported and stock-in-trade items have been discovered there. A detailed description of two dwellings with basements, which were investigated in 2002 and 2009-2010, is provided in the article, and their comparative analysis is offered. The results of the analysis have made it possible to define the trade sphere of these merchants' houses, monitor major directions of trade routes and identify their differences.

Keywords: archaeology, the Azov Sea region, the Golden Horde, Azaq city, semi-subterranean dwelling, the basement in a merchant's house, trade, pottery, imports.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (ed.), Poluboiarinova, M. D. (comp.). 2008. *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, trgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Zilivinskaia, E. D. 2011. *Ocherki kul'tovogo i grazhdanskogo zodchestva Zolotoi Ordy (Sketches on the Golden Horde Ritual and Civil Architecture)*. Astrakhan: Astrakhan State University (in Russian).

3. Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.) (Medieval Belgorod on Dniester (Late 13th — 14th Centuries))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
4. Maslovskii, A. N. 2003. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh v Azove v 2002 godu (Report on Rescue Archaeological Excavations in Azov in 2002)*. Azov. Archive of the Azov Museum-Reserve (in Russian).
5. Maslovskii, A. N. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 19. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 76-90 (in Russian).
6. Maslovskii, A. N. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 20. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 142-155 (in Russian).
7. Maslovskii, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 21. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 308-473 (in Russian).
8. Maslovskii, A. N. 2008. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. Donetsk, 93-124 (in Russian).
9. Maslovskii, A. N. 2009. In *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy (Archaeological Sites of Eastern Europe)* 13. Voronezh: “Nauchnaia kniga” Publ. (in Russian).
10. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow (in Russian).
11. Shirochenko, E. B., Maslovskii, A. N. 2011. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 25. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 164-189 (in Russian).
12. Shirochenko, E. B. 2013. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh raskopkakh gorodishcha i mogil'nye Azaka v g. Azove Rostovskoi oblasti v 2009 godu (Report on Rescue Archaeological Excavations of the Azak Hillfort and Burial Ground in Azov Town, Rostov Oblast, in 2009)*. Azov. Archive of the Azov Museum-Reserve (in Russian).

About the Author:

Kravchenko Svetlana A. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; kravchenkoviolin@rambler.ru

УДК 94 "04/14":314.7

ВОСТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ АЗАКА И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2013 г. А.Н. Масловский

В статье приводится информация о появлении около середины XIV века в материальной культуре города Азака восточных элементов – новых типов жилищ и типов керамики, характерных для золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Особое внимание обращается на появление новых типов жилищ с системой отопления в форме канов. Они составляют около 10% среди всех исследованных в Азаке жилых комплексов. Это в основном наземные жилища, землянки с канами встречаются редко. Делается предположение о переселении в Азак в этот период довольно большой группы жителей нижеволжских городов Золотой Орды. О причинах этого переселения пока что можно говорить только гипотетически.

Ключевые слова: археология, Приазовье, город Азак, Нижнее Поволжье, золотоордынский период, жилища, отопительная система, каны, керамический импорт.

Сама постановка вопроса о миграциях городского населения в Золотой Орде, на первый взгляд, может показаться странной. Большинство из золотоордынских городов возникло именно в результате массовых миграций, т.е. изучение истории городов Золотой Орды – это во многом именно изучение этих миграций. При этом внимание исследователей, естественно, привлекают переселения периода возникновения городов. В данной работе хочется затронуть вопрос о возможностях выявления и изучения миграций, которые происходили спустя десятилетия после сложения городской культуры Золотой Орды. В исследованиях уже высказывалось предположение о переселении больших групп горожан с территории Нижнего Поволжья в Приднестровье (Руссев, 1999, с. 46–58; Руссев, 2012, с. 179). При этом причиной такого переселения названы последствия пандемии чумы 1346–1348 гг., а его результатом

стал новый импульс развития золотоордынских городов Приднестровья.

При изучении Азака внимание привлекает хорошо заметные изменения материальной культуры горожан, которые произошли около середины XIV в. Прежде всего, следует обратить внимание на появление новых типов жилищ с канами.

Жилища с лежанками, отапливаемые при помощи горизонтальных дымоходов, – канами, одна из самых характерных черт домостроительства в золотоордынских городах Нижнего Поволжья (Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–59). Встречаются они в крупных городах других районов. При этом заметны региональные особенности. Например, в Болгаре печи, отапливающие каны, расположены в отдельных помещениях (Аксенова, 1973; Полубояринова, 1987).

За несколько десятилетий раскопок в Азаке исследовано более полутора сот жилищ различных типов. К

сожалению, до настоящего времени опубликована лишь небольшая часть жилых комплексов из раскопок Азака. (Кузьмин, Масловский, 1993, с. 87–90, рис. 28–29; Белинский, Масловский, 1998, с. 182–183, рис. 2: 1; Гудименко, 1998, с. 286, рис. 1; Масловский, 2008, с. 92–95, рис. 1–3, 18–19; Грязных, 2012; Кравченко, Широченко, Гончарова, 2012, с. 183–213).

Жилища с такими обогревательными сооружениями составляют не более 10% всех исследованных в Азаке жилых комплексов. Учитывая плохую сохранность наземных жилищ в Азаке, связанную, в том числе, с их конструктивными особенностями (земляные полы, тонкие турлучные стены и др.) и то обстоятельство, что такой крупный конструктивный элемент, как кань, сохраняется лучше, процент жилищ с канями в реальности был еще меньше. Для раскопа с наибольшим числом исследованных жилищ (ул. Толстого 41 (2000–2003 гг.) доля жилищ с канями составила 4%. Малая распространенность канов, вероятно, характерна для всех западных регионов Золотой Орды (Кравченко, 1998, с. 37).

Большинство жилищ с канями из раскопок Азака относится к числу наземных (рис. 1). Ни одно из наземных жилищ с канями не сохранилось целиком. Более того, совершенно недостаточно информации о конструкции стен этих жилищ. Как правило, кроме самих канов и отопительного сооружения, связанного с ним, никаких конструктивных элементов не сохраняется. Поэтому классификацию таких жилищ приходится строить, опираясь на конструктивные особенности самих канов, которые в наземных жилищах достаточно однообраз-

ны. Все кань – прямоугольной формы с двумя дымоходными каналами (рис. 1) (Кузьмин, Масловский, 1994, с. 90, рис. 29). Их размеры колеблются, в среднем, в пределах 2–3 м в длину и 1,2–1,5 м в ширину. Дымоходные каналы или вырезаны в материке, или конструкция сложена из сырцового кирпича на грязевом растворе. Формат сырцового кирпича не стандартизирован. Ширина дымоходных каналов составляет 0,1–0,2 м. Высота кана, за единичными исключениями, до 0,1 м (а высота одного кирпича). Лишь в единичных случаях удалось проследить, что сверху дымоходные каналы перекрывались жженым кирпичом. Основания вертикальных дымоходов прослеживаются очень плохо. Для отопления кана использовались как тандыры, так и простые земляные очаги. При этом в жилищах, помимо тандыра, отапливающего кан, могли находиться и другие отапливающие устройства.

Земляночные жилища с канями редки и более разнотипны. По сути, каждое из них представляет отдельный тип. В 2009 г. на ул. К. Либкнехта 13 было исследовано жилище № 2, где расчищены два разновременных кана (рис. 2) (Грязных, 2012, с. 365–372, рис. 3–6). Если более ранний кан 1 с дымоходами, вырезанными в полу, достаточно типичен для Азака, то второй кан уникален. Кань устроены в суфе (3,2 x 1,6 м) высотой более 0,6 м. Отапливающий тандыр был встроен в саму суфу.

Жилище, исследованное на ул. Ленинградской 100 в 2010 г. (рис. 3: 1), интересно, прежде всего, тем, что здесь прослежен редкий для Азака случай перепланировки жилища (Кравченко, Широченко, Гончарова,

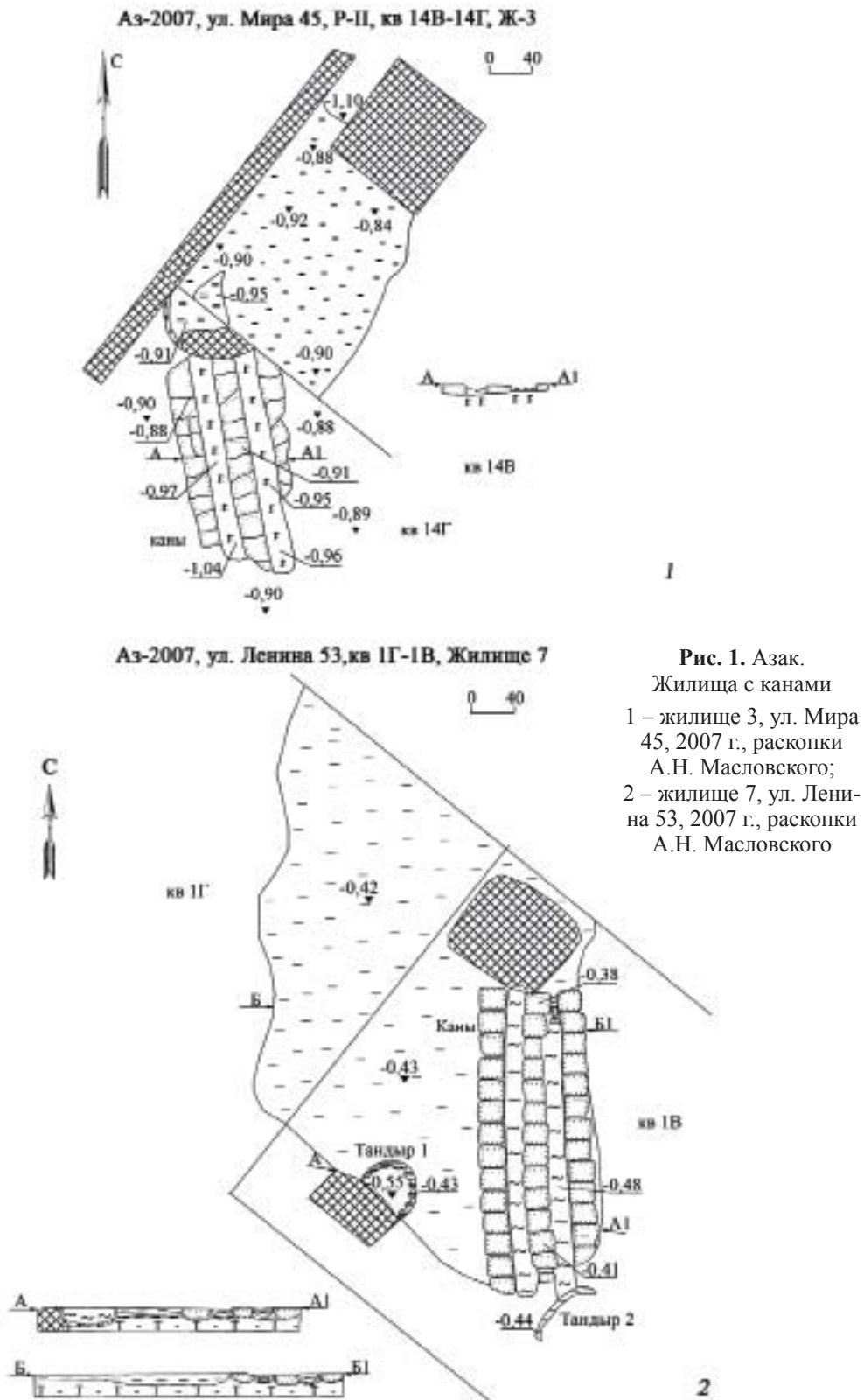


Рис. 1. Азак.
Жилища с каналами
1 – жилище 3, ул. Мира
45, 2007 г., раскопки
А.Н. Масловского;
2 – жилище 7, ул. Лени-
на 53, 2007 г., раскопки
А.Н. Масловского

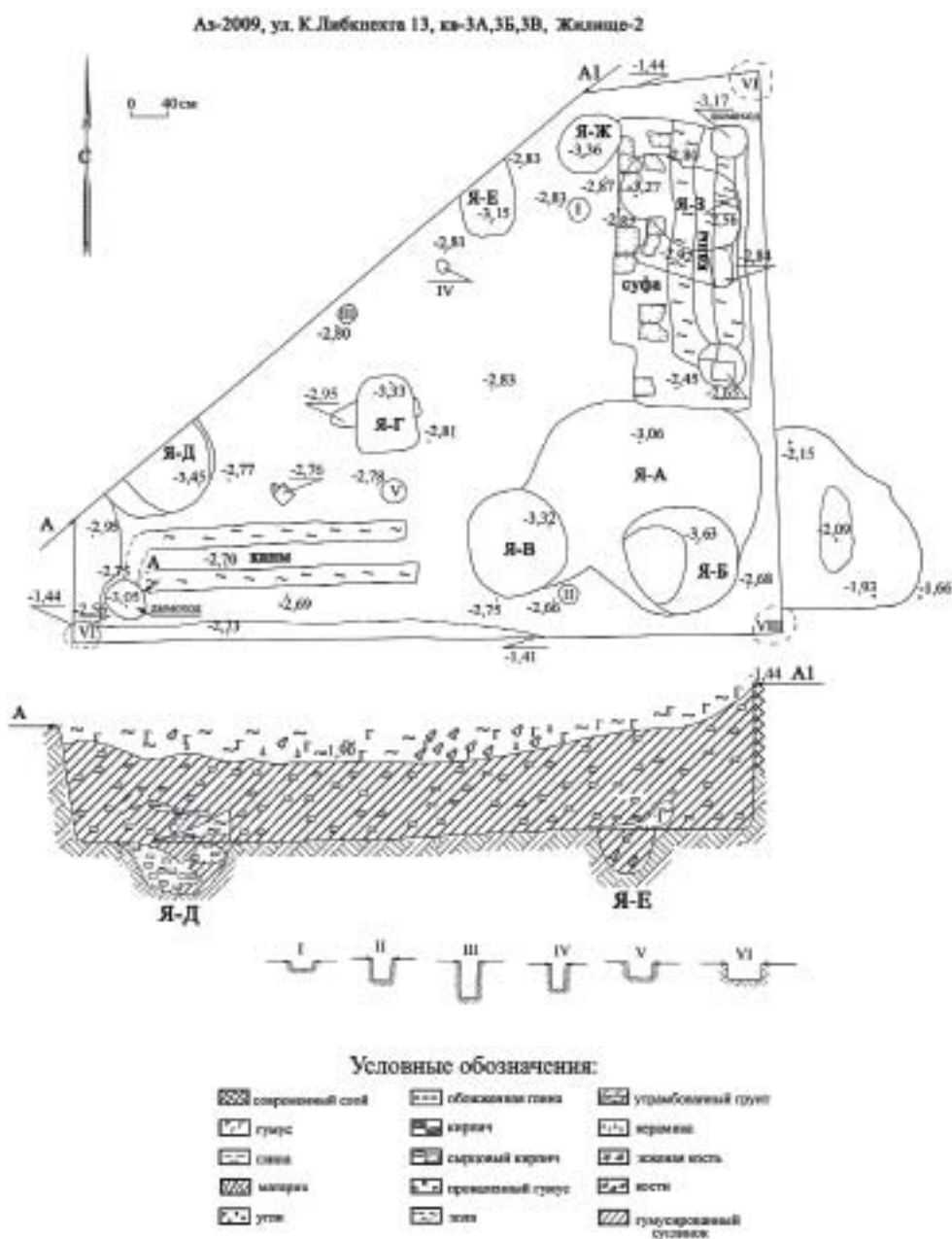


Рис. 2. Азак. Жилище 2, ул. К. Либкнехта 13, 2009 г., раскопки Э.Б. Широченко

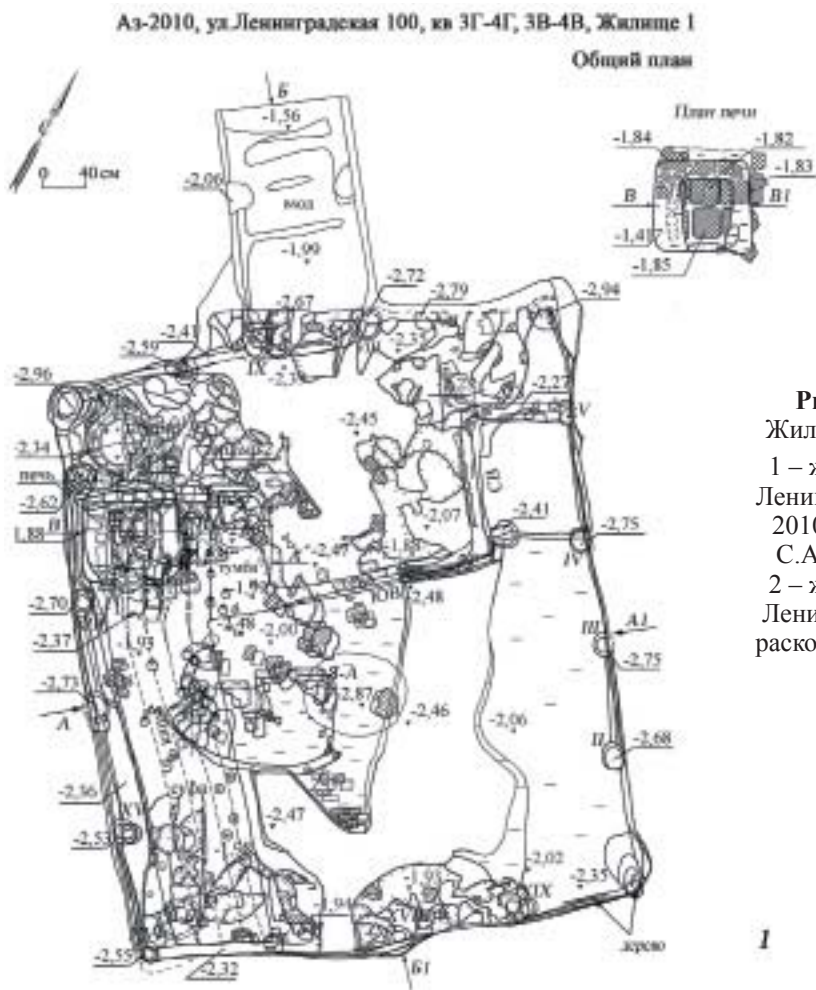


Рис. 3. Азак.
Жилища с канами
1 – жилище 1, ул.
Ленинградская 100,
2010 г., раскопки
С.А. Кравченко;
2 – жилище 1, ул.
Ленина 72, 2011 г.,
раскопки А.Н. Мас-
ловского



2010, с. 197–203, рис. 15–16), что, возможно, указывает на смену владельцев дома. Первоначально, как и большинство жилищ Азака, оно не имело канов. Затем пространство землянки было разделено на две комнаты. В хозяйственном помещении находился тандыр. В жилой комнате к дощатой обшивке стены была пристроена суфа высотой до 0,5 м со встроенным тандыром. После этого происходило еще два ремонта. Во время последнего из них дымоходы кана были забиты глиной, а поверх суфы из сырцового кирпича сложена прямоугольная печь. Подобная перепланировка с превращением канов в обычную суфу в материалах Азака больше не отмечена. Прямоугольная печь является большой редкостью для Азака.

Пожалуй, наибольший интерес представляет жилище № 1 на раскопе по ул. Ленина 72 (рис. 3: 2), практически по всем своим характеристикам не имеющее аналогий в пределах Азака. Такими особенностями являются: 1) наличие более двух обособленных помещений в пределах землянки; 2) наличие отдельного помещения для тошны с полом, выстеленным кирпичом и каменной крышкой над тошной; 3) пол жилой комнаты выстелен кирпичом; 4) кан необычно длинен (более 5 м) и проходит через две комнаты.

Рассмотрим вопрос о датировке жилищ с канами. Для большинства наземных жилищ надежные данные отсутствуют. Наличие в землянках большого числа монет (Грязных, 2012, с. 365, 372) не говорит о времени начала распространения данного типа жилищ, поскольку указывает только на время их гибели. Отчасти могут помочь данные стратиграфии. В не-

скольких случаях кана перекрывали комплексы первой половины XIV в. (жилище № 1, Станция Юных Натуралистов, 1987 г., раскопки В.И. Перевозчикова; жилище № 1, ул. Ленина 75Б, 2009 г., раскопки Э.Б. Широченко; жилище № 1, ул. Дзержинского 33, 2012 г., раскопки С.М. Гончаровой и др.). Еще более существенным представляется тот факт, что ни одно жилище, заброшенное в первой половине XIV в., канов не имело. Все данные указывают на распространение данного типа жилищ не ранее конца первой половины – середины XIV в. На это уже обращалось внимание в научной литературе (Грязных, 2012, с. 373). Но даже и во второй половине XIV в. жилища с канами не составляют большинства.

Итак, жилища с канами получают некоторое распространение спустя многие десятилетия после возникновения города. Причем тогда, когда период наивысшего расцвета Азака уже миновал.

В 1340-х годах было заброшено огромное количество жилых и хозяйственных комплексов. Состав находок из них резко отличен от более поздних комплексов: 1) в 1350-х годах резко сокращается количество трапезундских амфор, а также византийской поливной керамики; 2) увеличивается количество местной поливы, которая своими корнями, вероятно, восходит к столичному ремеслу; получают распространение новые техники (роспись ангобом) и стилистика орнаментации; 3) распространение получают некоторые разновидности керамики, которые или вовсе не были отмечены ранее или встречались спорадически. Наиболее показательно распространение кашинной керамики с роспи-

сью эмалями «минаи» (рис. 4: 1; 5: 1), практически все находки которой датируются монетами 1351–1368 гг. (Кравченко, 2012, с. 78). Подобная же ситуация наблюдается в отношении поливной керамики производства различных центров Средней Азии (рис. 5: 3), Ширвана (рис. 4: 3), светлоглиняных штампованных кувшинов с росписью глазурями (рис. 4: 2), хумов. Доля кашинной керамики в целом увеличилась незначительно. Но именно к периоду 1351–1368 гг. относится большинство находок археологически целых поливных чаш.

Отдельно следует упомянуть находку кашинной мухоловки (рис. 5: 2). Подобный сосуд является уникальным. Логично предположить, что он был изготовлен на заказ в нижеволжском городе и попал в Азак вместе с хозяином. Данное предположение подкрепляется тем фактом, что он был найден на усадьбе, где находился упомянутый выше жилой дом с длинными канами и кирпичным полом в жилой комнате (рис. 3: 2). Вместе с ней был найден светлоглиняный штампованный кувшин с росписью глазурями.

Все выше перечисленные группы керамики, наиболее вероятно, в Азак поступали из городов Нижнего Поволжья. Возможно, что с середины XIV в. получают распространение и некоторые другие категории находок, но пока для их выделения не хватает информации.

Итак, в середине XIV в. в Азаке получают распространение жилища с канами и некоторые разновидности керамики. При той точности датировки, которая доступна нам в настоящее время, эти явления выглядят сопряженными, приходится на узкий отрезок времени и выглядят как одно-

моментное событие. Оно к тому же совпадает с перепланировкой города. В частности жилища на раскопах по ул. Ленина 75Б и Дзержинского 33 перекрывают заброшенные в это время городские улицы.

Все это, на мой взгляд, указывает на появление среди горожан новой группы населения. В качестве региона, откуда происходило переселение, наиболее вероятным представляется столичный регион Нижнего Поволжья. Такое предположение относительно Азака уже высказывалось (Грязных, 2012, с. 373). Именно здесь каны являются почти неизменным атрибутом жилых построек (Федоров-Давыдов, 1994, с. 45–59; Зиливинская, 2008, с. 17–92). Здесь отмечено наибольшее количество их конструктивных вариантов и типов жилищ, в которых они сооружались. Появление же новых групп керамических импортов можно объяснить тем, что они попали в Азак вместе с домашним скарбом переселенцев.

Наиболее показательным примером является жилище, исследованное на ул. Ленина 72. Целый ряд особенностей (кирпичный пол жилой комнаты, каменная крышка тошнау и др.) имеют четкие аналогии в городах Нижнего Поволжья. Таким же специфическим элементом является сочетание низкой подквадратной суфы и кана в жилище 1 на раскопе по ул. К. Либкнехта 13. (Грязных, 2012, с. 362–364, рис. 1–2), отмеченное на Царевском городище (Глухов, 2010, с. 23).

В период, предшествовавший этому переселению, произошли два отмеченных в источниках события. В 1343 г. в результате конфликта властей Золотой Орды и итальянских купцов на несколько лет почти полно-

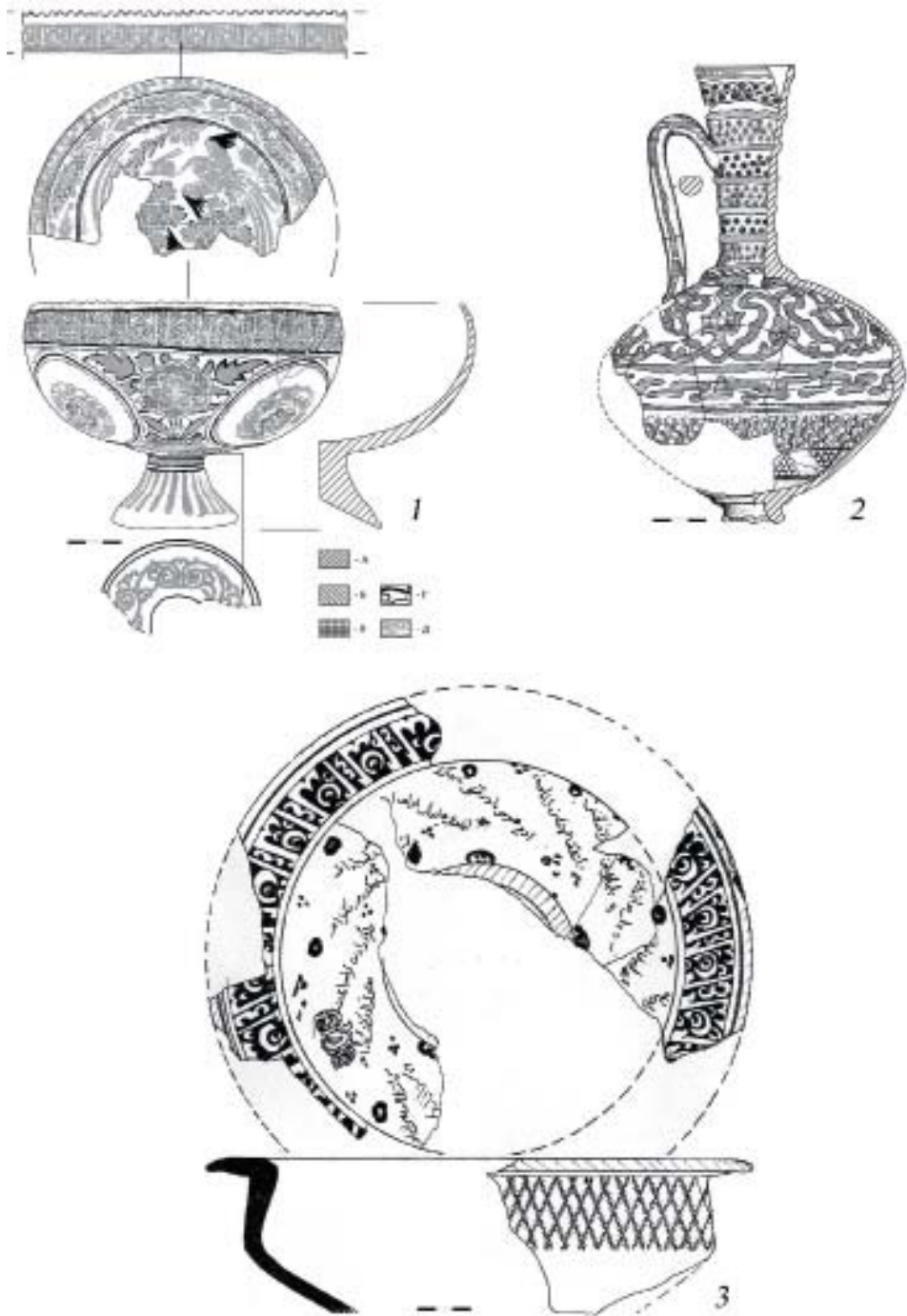


Рис. 4. Азак. Керамические импорты

1 – кубок «минаи» (сп. Р. Люксембург 15, 1992 г., яма 12, раскопки И.В. Белинского);
2 – штампованный светлоглиняный кувшин с росписью ангобом (ул. Ленина 72, 2011 г., яма 8, раскопки А.Н. Масловского); 3 – азербайджанская поливная чаша со стихами (ул. Толстого 41, 2000 г., яма 5, раскопки А.Н. Масловского)



Рис. 5. Азак. Керамические импорты

- 1 – кубок «минаи» (сп. Р. Люксембург 15, 1992 г., яма 12, раскопки И.В. Белинского);
 2 – кашинная мухоловка (ул. Ленина 72, 2011 г., яма 8, раскопки А.Н. Масловского);
 3 – среднеазиатская поливная чаша (ул. Лермонтова 6, Р-II, раскопки А.Н. Масловского)

стью прерываются морские торговые связи Азака. В 1346/7 г. город опустошает чума. Одно из этих событий, вероятно, и вызвало переселение в Азак группы горожан с Нижнего Поволжья.

Было ли оно результатом политики центральных властей Золотой Орды, как, например, в случае с Судакон в 1327 г., или это результат частной инициативы каких-то этнокультурных общин, сказать сейчас затруднитель-

но. Относительно жилища 1 с раскопа по ул. Ленинградская 100 было высказано предположение о среднеазиатском происхождении хозяев дома (Кравченко, Широченко, Гончарова, 2012, с. 203). Не отрицая в принципе вероятность наличия среднеазиатских корней у данной семьи, отметим маловероятность того, что переселение в Азак происходило напрямую из Средней Азии.

Разнотипность новых для Азака типов жилищ указывает на неоднородность группы переселенцев, а тот факт, что жилища с канами рассредоточены по всей территории городища, говорит о том, что переселенцы занимали пустующие участки, а не образовывали анклавов. По всей вероятности, новые

элементы материальной культуры, принесенные переселенцами, в очень малой степени были восприняты старожильческим населением.

Анализ материалов Азака позволяет говорить о перспективности изучения миграций населения между городами Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (по материалам раскопок 1967–1971 гг. // СА. – 1973. – № 4. – С. 218–226.
2. Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // ИАИАИАНД. Вып. 15. – Азов, 1998. – С. 179–251.
3. Глухов А.А. Отчет об археологических раскопках на Царевском городище в Ленинском районе и проведение археологических разведок в Котельниковском, Октябрьском, Светлоярском и Городищенском районах Волгоградской области, произведенных археологическим отрядом «Гюлистан» Волжского гуманитарного института (филиала) ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» на территории Волгоградской области в 2009 году. Т. 1. – Волжский, 2010.
4. Грязных С.А. Конструктивные особенности двух жилищ XIV в. на раскопе в г. Азове по ул. К. Либкнехта, 13 // ИАИАИАНД. Вып. 26. – Азов, 2012. – С. 362–373.
5. Гудименко И.В. Археологические свидетельства погрома Азака Тамерланом в 1395 году // ИАИАИАНД. Вып. 15. – Азов, 1998.
6. Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища // СЕЭС. Т. 6. – Донецк, 2008. – С. 17–92.
7. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). – Киев, 1986. – 124 с.
8. Кравченко С.А. Керамика «минаи» из Азака // СЕЭС. Т. 11. – Донецк, 2012.
9. Кравченко С.А., Широченко Э.Б., Гончарова С.М. Раскопки в г. Азове в 2010 году // ИАИАИАНД. Вып. 26. – Азов, 2012. – с. 178–214.
10. Кузьмин А.Ю., Масловский А.Н. Некоторые итоги исследования жилого квартала на углу пр. 3. Космодемьянской и ул. Крымской в 1991–1993 гг. // ИАИАИАНД. Вып. 13. – Азов, 1994.
11. Масловский А.Н. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // СЕЭС. Т. 6. – Донецк, 2008. – С. 93–124.
12. Полубояринова М.Д. Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре // КСИА. – 1987. – Вып. 190. – С. 57–63.
13. Руссев Н.Д. На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. – Кишинев, 1999. – 238 с.
14. Руссев Н.Д. Городская культура на западном пограничье степной Евразии XIII–XIV вв. (особенности развития) // История и культура средневековых народов степной Евразии. – Барнаул, 2012. – С. 177–181.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994. – 228 с.

Информация об авторе:

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, зав. отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

**EASTERN ELEMENTS IN MATERIAL CULTURE OF AZAK
AND PROBLEM CONCERNING MIGRATIONS OF THE POPULATION
OF THE GOLDEN HORDE TOWNS**

A.N. Maslovsky

The data on the emergence of new Oriental material culture elements in the city of Azaq, such as new housing and pottery types, characteristic of the mid-14th-century Golden Horde cities of the Lower Volga region, are provided in the article. Particular attention is paid to the appearance of new types of dwellings with the kang-based system of heating. They make up about 10 per cent of all residential complexes studied in Azaq: mostly ground dwellings, as semi-subterranean dwellings with kangas are rarely met. It has been suggested that in the mid-14th century a considerable group of residents of the Golden Horde Lower Volga towns had migrated to Azaq. The reasons for this relocation can be discussed only hypothetically.

Keywords: archaeology, the Azov Sea region, Azaq city, the Lower Volga river region, the Golden Horde period, dwellings, heating system, kangas, ceramics imports.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 218–226 (in Russian).
2. Belinskii, I. V., Maslovskii, A. N. 1998. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 15. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 179–251.
3. Glukhov, A. A. 2010. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Tsarevskom gorodishche v Leninskom raione i provedenie arkheologicheskikh razvedok v Kotel'nikovskom, Oktiabr'skom, Svetloiarovskom i Gorodishchenskom raionakh Volgogradskoi oblasti, proizvedennykh arkheologicheskim otriadom «Giulistan» Volzhskogo gumanitarnogo instituta (filiala) GOU VPO «Volgogradskii gosudarstvennyi universitet» na territorii Volgogradskoi oblasti v 2009 godu (Report on Archaeological Excavations on the Tsarev Hillfort, Leninsk District, and Archaeological Surveys in Kotelnikovo, Oktyabrsky, Svetly Yar and Gorodishche Districts, Volgograd Oblast, Conducted by "Gyulistan" Archaeological Team, Volzhsky Institute for Humanities (Branch of the Volgograd State University) on the Territory of the Volgograd Oblast in 2009)*. Vol. 1. Volzhsky (in Russian).
4. Griaznykh, S. A. 2012. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 26. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 362–373 (in Russian).
5. Gudimenko, I. V. 1998. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 15. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in Russian).

6. Zilivinskaia, E. D. 2008. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. T. 6. Donetsk, 17–92 (in Russian).
7. Kravchenko, A. A. 1986. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.) (Medieval Belgorod on Dniester (Late 13th — 14th Centuries))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
8. Kravchenko, S. A. 2012. Keramika «minai» iz Azaka. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 11. *Zolotoordynskoe vremia (The Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 73–96 (in Russian).
9. Kravchenko, S. A., Shirochenko, E. B., Goncharova, S. M. 2012. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 26. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 178–214 (in Russian).
10. Kuz'min, A. Yu., Maslovskii, A. N. 1994. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 13. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve (in Russian).
11. Maslovskii, A. N. 2008. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. *Zolotoordynskoe vremia (The Golden Horde Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 93–124 (in Russian).
12. Poluboiarinova, M. D. 1987. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 190, 57–63 (in Russian).
13. Russev, N. D. 1999. *Na grani mirov i epokh. Goroda nizov'ev Dunaia i Dnestra v kontse XIII—XIV vv. (On the Edge of Civilizations and Epochs. Cities in the Lower Reaches of the Danube and the Dniester in Late 13th—14th Centuries)*. Kishinev: High Anthropological School University (in Russian).
14. Russev, N. D. 2012. In Tishkin, A. A. (ed.). *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii (History and Culture of Medieval Peoples of Steppe Eurasia)*. Barnaul: Altai State University, 177–181 (in Russian).
15. Fyodorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

About the Author:

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation maslovskiazak@mail.ru

УДК 725.94

МАЗЛУМХАН-СУЛУ – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ХОРЕЗМА ЭПОХИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2013 г. О.-Ш. Кдырниязов, М.-Ш. Кдырниязов

В статье рассматривается мавзолей Мазлумхан-Сулу, построенный в 20–30-е гг. XIV в., и его место в истории архитектурных сооружений Хорезма эпохи Золотой Орды. Мавзолей расположен на территории городища Миздахкан в Каракалпакстане. Он считается типичным культовым многокупольным сооружением, но его особенностью является разделение на две части – надземную и подземную. Здание имеет крестообразную в плане конструкцию, перекрытую тремя куполами. Генезис данного архитектурного типа, вероятно, связан с древнейшими шатровыми погребальными сооружениями, известными по древностям кочевников Южного Приаралья, курганам Тагискена и мавзолею Баланды 2. Богатый архитектурный декор Мазлумхан-Сулу состоит из изразцов-перемычек «бантиков» и системы конструктивных сталактитов – так называемой «мукарна». Мавзолей имеет исторические параллели в архитектурных памятниках Западного Казахстана и Поволжья эпохи Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Хорезм, средневековье, Золотая Орда, памятники культовой архитектуры, мавзолей Мазлумхан-Сулу, конструктивные особенности, декор, бантики-перемычки, сталактиты-мукарна.

Среди памятников XIII–XIV вв. Хорезма особый интерес представляет городище Миздахкан, расположенное в 4 км к юго-западу от г. Ходжейли Республики Каракалпакстан. На территории городища находятся средневековая крепость Гяур-кала (Западный холм) и мавзолей Мазлумхан-Сулу (Восточный холм) с архитектурными памятниками и огромным городским некрополем, датирующимся с III в. до н.э. до XIV вв. На Восточном холме есть еще несколько построек. К ним относятся «квадратный» мавзолей Халифа Ережеп (11 x 11 м), расположенный в 120–130 м к югу от Мазлумхан-Сулу и датированный А.Ю. Якубовским XII–XIV вв. (Якубовский, 1930, с. 577–578), мазар Шамун-Наби XIV–XIX вв. и бугор Джумарт-Кассаб XII–XIV вв. (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 10). Среди культовых сооружений выделяется мавзолей Мазлумхан-Су-

лу, построенный в начале XIV в. и имеющий своеобразную планировку.

Уникальность этого сооружения состоит в том, что это типично культовое многокупольное сооружение наполовину встроено в землю. Над землей возвышаются купола и аркообразный вход. Отличительная ее особенность – отсутствие характерного для мавзолеев Ургенча (Гурганджа – столицы Хорезмшахов-Ануштекинидов) высокого П-образного портала.

Это монументальное сооружение крестообразной формы, которое состоит из ряда квадратных залов и помещений разного размера. Лестница, идущая вниз через сводчатый коридор, ведет к центральному залу (размер 7,4 x 7,4 м). Западная стена зала открыта аркой в малый купольный зал (размер 4,8 x 4,8 м). К этим двум залам с севера примыкают две малые сводчатые комнаты без окон, перекрытые свода-

ми типа «балхи». Верхние интерьеры больших и малых залов впечатляют своей облицовкой. Нижнее кубовидное пространство переходит к восьмигранному куполу, выполненному системами конструктивных сталактитов – мукарны, выполненных в виде резных терракотовых ячеек (рис. 3). Восьмигранный купол зала изнутри облицован плитками прямоугольной формы (25 x 5 x 5,5 x 3,4 см) с голубой поливой. В куполе восемь (по числу граней) прямоугольных окон, расположенных в наземной части (рис. 1). Среди архитектурных декоров обращают на себя внимание изразцы-перемычки «бантики» размером 5 x 8,4 x 4,2 x 7,2 см. На изразцах нанесены геометрические и растительные орнаменты, насчитывающие 28 видов (Филимонов, 1967, с. 71, илл. 3).

Способы с применением перемычек «бантиков» в Средней Азии известны с XI–XII вв. (Пугаченкова, 1958, с. 239). Притом они преимущественно неполивные, а в Мазлумхан-Сулу покрыты бирюзовой глазурью. Эти кирпичи в основном играли роль перемычек между шлифованными кирпичами. В XIV в. они орнаментировались с лицевой стороны. Такие изразцы здесь функционируют в качестве облицовки и создают богатый эффект на розовато-желтом фоне. На изразцы нанесены геометрические и растительные орнаменты, однако преобладают растительные. Все они выполнены путем вырезки и хорошо уплотненной керамической массы и покрыты бирюзовой глазурью. Фигурные рисунки обрамлены рамочками голубого цвета. Подобные изразцы появляются в XIV в., а в XIII или в XV вв. они не применялись. Подобные изразцы с поливой найдены в

ходе раскопок дома № 10 «Восточного квартала I» золотоордынского поселения Миздахкана и в районе «Ворот караван-сарая» в Куния-Ургенче (Федоров-Давыдов, 1958, с. 520; Кдырниязов, 2003, с. 11).

Как уже отмечалось, способ облицовки с применением перемычек – «бантиков» в Средней Азии применялся с XI–XII вв. Подобным путем оформлены, например, мечеть Талхатан Баба и караван-сарай Дая-Хатын (Пугаченкова, 1958, с. 252–253). Но «бантики» здесь неполивные. Изразцы, подобные примененным в Мазлумхан-Сулу, найдены в Хиве в районе мавзолея Ширгази-Хана В.А. Булатовой (Гражданкина, 1958, с. 47), а также в архитектурных сооружениях XIV в. в Самарканде (Шахи-Зинда) и в Поволжье (Валеев, 1975, с. 151). Однако в каждом случае есть свои особенности. Так, в хорезмских изразцах-перемычках постоянно фигурируют изображения трехлепестковых и растительных побегов. Большинство изразцов изготовлено на рыхловатой кашинной основе и отличается хорошим качеством. В шахизиндинских изразцах-перемычках отсутствует четкость изображения фигур и рамок (Гражданкина, 1958, с. 49).

В северной и восточной частях главного зала до 80-х годов XX в. сохранились два надгробия ступенчатой формы, облицованные майоликой с голубой и подглазурной росписью.

В целом мавзолей Мазлумхан-Сулу отличается высоким уровнем строительного мастерства и является типичным памятником золотоордынского Хорезма – образцом общественно-культурных построек городской культуры XIII–XIV вв. Это сооружение является одним из уникальных па-



Рис. 1. Мавзолей Мазлумхан-Сулу (внешний вид)



Рис. 2. Мавзолей Мазлумхан-Сулу. Интерьер центрального зала



Рис. 3. Мавзолей
Мазлумхан-Сулу.
Внутренний интерьер,
сталактиты-мукарны



Рис. 4. Изразцы-перемычки «бантики»

мятников золотоордынского зодчества Хорезма. Его уникальность заключается в том, что такая постройка нигде не повторяется. Простое оформление наружной стороны компенсируется высоким уровнем архитектуры и декора подземной части. Высокий уровень архитектурно-конструктивного решения и художественного оформления придают мавзолею чрезвычайно большое значение. В связи с этим в археологической науке возникла полемика по поводу назначения памятника. По мнению архитектора В.М. Филимонова, памятник Мазлумхан-Сулу – наземная постройка, гражданское здание (дворец), впоследствии превратившийся в мавзолей (Филимонов, 1967, с. 67). В.Н. Ягодин на основе археолого-топографических раскопок доказал, что мавзолей Мазлумхан-Сулу – подземная постройка и изначально служила «местом отправления культа каких-то местных святых» (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 11). Возможно, прототипом данного сооружения послужила гражданская постройка дворцового типа, принадлежавшая представителям имущего сословия или местным наместникам, правителям города. Недаром народная молва приписывает эту постройку местным (золотоордынским) правителям. Данная народная легенда не беспочвенна и имеет достаточно реальные основания.

Поиски архитектурных решений в XIII–XIV вв. в Хорезме привели к созданию принципиально нового типа мавзолеев – двух- и трехкупольных сооружений. Многокупольный мавзолей, судя по сохранившимся памятникам, возник в Хорезме в эпоху Золотой Орды. Преобладающая часть мавзолеев Хорезма представляет собой большие многокамерные и

многокупольные сооружения. Таковы мавзолеи Мазлумхан-Сулу (20–30-е годы XIV в.), Тюрабек-ханым (30–40-е годы XIV в.), Шейх Мухтар Вали (начало XIV в.), Шамун Наби (XIII–XIV вв.) и др. Маленькие хуждры, расположенные по сторонам от центральной объемной комнаты, также имели купольные перекрытия. Иногда архитектурный комплекс составлялся из нескольких частей: усыпальницы проповедника – мавзолея, тилеухана (чиллаханы), погребальной ограды и шейхханы (Миздахкан: Шамун-наби и ханоко – мечеть Миздахкана).

Изучение мавзолеев позволяет установить, что домонгольские и сооружения золотоордынского времени относятся к группам с шатровым верхом, портално-купольным однокамерным постройкам. Шатровый тип – многочисленная группа сооружений домонгольского периода, характерный признак которых – наличие конического или пирамидального купола. Развитие мавзолеев с шатровым перекрытием продолжалось в Средней Азии именно в северных областях (Хорезм). Это связано с многовековой традицией погребального обычая и постройками местных народностей (Массон, Пугаченкова, 1950, с. 86–87). Наиболее древние мавзолеи шатрового типа были открыты и обследованы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией на границе Хорезма с кочевой степью. В дельте Сырдарьи сооружены курганы Тагискена (IX–VIII вв. до н.э.) и мавзолей Баланды-2 (IV в. до н.э.) с цилиндрической погребальной камерой и пирамидальным шатром (Толстов, 1962, с. 88). По гипотезе Г.А. Пугаченковой, шатровые мавзолеи ведут свое начало от древних погребальных сооружений,

распространенных в среднеазиатской полукочевой среде, у присырдарьинских тюрок-сельджуков. Хорезм исторически и географически оказался на пути огузо-сельджукской миграции. Здесь уместно напомнить, что мавзолеи Текеша (последняя четверть XII – начало XIII вв.) и Иль-Арслана, Фахр ад-дина Рази (вторая и третья четверти XII в.) – однокамерные, портално-купольные центрические сооружения с шатровым куполом на призматическом корпусе. Степное, тюркское влияние на архитектуру Средней Азии прослеживается и появлением декоративного портала. Существует даже термин «сельджукский портал», т.е. портал со сталактитовым нишевым сводом, который в XI–XII вв. распространился из Хорасана вплоть до Малой Азии и Багдада (Засыпкин, 1948, с. 40; Армарчук, 1998, с. 205). Портально-купольная с шатровым покрытием постройка в XIII–XIV вв., хотя и формально, перекликается с памятниками Хорезма (Халифа Ережеп),

мавзолеем Шемахакалы (Устюрт) и мавзолеями Джочи хана, Байтака, Кок-Кесене в Казахстане (Мендикулов, 1987, с. 46–52).

Несомненно, мавзолей Мазлумхан-Сулу, как и другие архитектурные постройки восточного холма, являясь многофункциональным сооружением культово-общественного характера, своим архитектурно-планировочным расположением дополняет городской организм, состоящий из отдельных слагаемых частей города.

В золотоордынский период в Южном Приаралье, кроме описанных культовых построек, существовали мавзолей Наринджан-баба (первая половина XIV в.), Пахлаван Махмуда (1247–1325 гг.), Саид Алауаддина (1303 г.) в Хиве (Маньковская, Булатова, 1978, с. 79, 149–150, 166–173). Однако мавзолей Мазлумхан-Сулу своей необычной планировкой и простым декором отличается от других памятников Хорезма эпохи Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Изучение памятников Куня-Ургенча. Старые и новые гипотезы // Приаралье в древности и средневековье. – М., 1998. – С. 198–210.
2. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1975. – 216 с.
3. Гражданкина Н.С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана // Архитектурное наследие Узбекистана. – Ташкент, 1960. – С. 150–157.
4. Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. – М., 1948. – 157 с.
5. Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма XIII–XIV вв. – Нукус, 1989. – 173 с.
6. Кдырниязов М.-Ш. Капители-колонны из Миздахкана // SAN'AT (ART. Искусство). – Ташкент, 2003. – № 2. – С. 10–11.
7. Маньковская Л.Ю., Булатова В.А. Памятники зодчества Хорезма. – Ташкент, 1978. – 190 с.
8. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Кумбез Манаса. – М., 1950. – 143 с.
9. Мендикулов М. Памятники народного зодчества западного Казахстана. – Алма-Ата, 1987. – 156 с.

10. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. Т. VI. – М., 1958. – 408 с.

11. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – 333 с.

12. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки квартала XV–XVII вв. на городище Ташкала // Тр. ХАЭЭ. Т. 2. – М., 1958. – С. 505–528.

13. Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан-Сулу // Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. I. – Ташкент, 1967. – С. 62–83.

14. Ягодин В.Н, Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. – Ташкент: Фан, 1970. – 254 с.

15. Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки Коллегии востоковедов. Т. V. – Л., 1930. – С. 551–581.

Информация об авторах:

Кдырнийзов Мухаммед-Шарип, доктор исторических наук, профессор, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус, Узбекистан); m_sharif@mail.ru

Кдырнийзов Омар-Шарип, магистр, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус, Узбекистан); m_sharif@mail.ru

MAZLUMKHAN-SULU – A UNIQUE MONUMENT OF KHOREZM EPOCH OF GOLDEN HORDE

O.-Sh. Kdyrniyazov, M.-Sh. Kdyrniyazov

The Mazlumkhan-Sulu mausoleum, erected in the 1320-30s, and its place in the history of Khwarezm architectural monuments of the Golden Horde epoch, is considered in the article. The mausoleum is located in the territory of the Mizdakhkan fortified site in Karakalpakstan. It is considered to be typical cult multi-domed structure, but its special feature is the division into two parts – above ground and underground. The building is cruciform in plan design, covered with three domes. The genesis of this architectural type is probably connected with ancient marquee-type burial structures, known in connection with the antiquities of the nomads of the South Aral Lake area, Tagisken burial mounds, and the Balandy 2 mausoleum. Rich architectural décor of Mazlumkhan-Sulu consists of tile bow-shaped crosspieces and a system of constructive stalactites – the so called “muqarnas”. The mausoleum has historical parallels in the architectural monuments of Western Kazakhstan and the Volga river region of the Golden Horde epoch.

Keywords: archaeology, Khwarezm, the Middle Ages, the Golden Horde, monuments of cult architecture, Mazlumkhan-Sulu mausoleum, design features, décor, bow-shaped crosspieces, muqarnas stalactite vaults.

REFERENCES

1. Armarchuk, E. A. 1998. In Nerazik, E. E. (ed.). *Priaral'e v drevnosti i srednevekov'e (Aral Sea Area in Antiquity and Middle Ages)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., 198–210 (in Russian).

2. Valeev, F. Kh. 1975. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ia (Ancient and Medieval Art of the Middle Volga Area)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

3. Grazhdankina, N. S. 1960. In Pougatchenkova, G. A. (ed.). *Arkhitekturnoe nasledie Uzbekistana (Architectural Heritage of Uzbekistan)*. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 150–157 (in Russian).
4. Zasyppin, B. N. 1948. *Arkhitektura Srednei Azii (Architecture of Central Asia)*. Moscow (in Russian).
5. Kdirniyazob, M.-Sh. 1989. *Material'naia kul'tura gorodov Khorezma XIII—XIV vv. (Material Culture in the Cities of Khwarazm in 13th—14th Centuries)*. Nukus: “Qaraqalpakstan” Publ. (in Russian).
6. Kdirniyazob, M.-Sh. 2003. In *San'at = Iskusstvo = Art 2*. Tashkent, 10–11 (in Russian).
7. Man'kovskaia, L. Yu., Bulatova, V. A. 1978. *Pamiatniki zodchestva Khorezma (Monuments of the Khwarazm Architecture)*. Tashkent: “Gafur Gulyam” Publ. (in Russian).
8. Masson, M. E., Pugachenkova, G. A. 1950. *Kumbez Manasa (The Kumbez in Manas)*. Moscow (in Russian).
9. Mendikulov, M. 1987. *Pamiatniki narodnogo zodchestva zapadnogo Kazakhstana (Folk Architecture Monuments in Western Kazakhstan)*. Alma-Ata (in Russian).
10. Pugachenkova, G. A. 1958. In *Trudy Iuzhno-Turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii (Papers of the Complex Archaeological Expedition in Southern Turkmenistan)* VI. Moscow (in Russian).
11. Tolstov, S. P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Iaksarta (In the Antique Deltae of Oxus and Jaxartes)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
12. Fyodorov-Davydov, G. A. 1958. In *Trudy Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 2. Moscow: “Nauka” Publ., 505–528 (in Russian).
13. Filimonov, V. M. 1967. In *Materialy i issledovaniia po istorii restavratsii arkhitekturnykh pamiatnikov Uzbekistana (Materials and Studies on the History of Restoration of Architectural Monuments in Uzbekistan)* I. Tashkent, 62–83 (in Russian).
14. Iagodin, V. N., Khodzhaiov, T. K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana (Necropolis of Ancient Mizdakhkan Town)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
15. Iakubovskii, A. Yu. 1930. In *Zapiski kollegii vostokovedov (Notes of the Orientalists' Collegium)* V. Leningrad, 551–581 (in Russian).

About the Authors:

Kdyrniyazov Mukhammed-Sharip. Doctor of Historical Sciences. Karakalpakstan State University named after Berdakh. Abdirob St., 1, Nukus, 742000, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan; m_sharif@mail.ru

Kdyrniyazov Omar-Sharip. Karakalpakstan State University named after Berdakh. Abdirob St., 1, Nukus, 742000, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan; m_sharif@mail.ru

УДК 737

О НЕКОТОРЫХ РЕДКИХ МОНЕТАХ ХОРЕЗМСКОГО КЛАДА XIII в.

© 2013 г. П.Н. Петров, О.А. Батраков

В статье проанализированы два серебряных дирхама Хорезма 670/1271 года с необычной тамгой. Монеты происходят из клада, с территории Туркменистана, точное место находки неизвестно. На рассматриваемых двух монетах обнаружена тамга нового, ранее не встречавшегося вида. Типологически она относится к тамгам дома Чагатая. Сопоставление даты монет с данными о событиях в Хорезме 1270-х гг. позволило установить, что тамга принадлежала Чагатаиду Никпею. находка также подтверждает, что Кайду, глава государства Чагатаидов, с самого начала своего правления сохранил право владельцев улуса Чагатаидов участвовать в распределении доходов с Хорезма.

Ключевые слова: Хорезм, золотоордынский период, XIII век, нумизматика, клад, тамга, Джучиды, Чагатаиды.

Научный творческий путь Германа Алексеевича Федорова-Давыдова начался в Хорезмийской археологической экспедиции, и пристальное внимание исследователя к этому региону отразилось в многочисленных его трудах, в том числе и нумизматических. Это не случайность. Сам по себе регион Хорезма был крайне важен для владельцев улуса Джучидов, а затем и для ханов Золотой Орды, как с экономической, политической, так и с точки зрения военной стратегии. В этой исторической области с древних времен чеканилась монета, причем, регулярно. Все эти обстоятельства обуславливают актуальность и значимость всестороннего изучения исторической судьбы Хорезма. Новые сведения, доходящие до нас о находках монет в этом регионе, проливают свет на темные страницы его истории.

В 2012 г. авторам настоящей статьи из Туркменистана были присланы изображения тридцати серебряных дирхамов XIII в., найденных на территории исторической области Хорезм в

виде единого комплекса. Точное место находки неизвестно. Состояние монет было таково, что не позволяло атрибутировать большинство из них ввиду сильной загрязненности поверхности. Но было ясно, что это клад дирхамов Хорезма второй половины XIII в. По нашей просьбе после очистки монеты были сфотографированы хозяином еще раз и их изображения, а также метрологические параметры были нам присланы повторно.

Компактный хронологический состав изученных монет клада (от монет с именем Мӧнгке-каана без года до 673/1274–75 гг.), одинаковость характера загрязнения их поверхности и следы нахождения монет некогда в непосредственной близости от очага горения, свидетельствуют в пользу того, что изучаемые нами дирхамы происходят из одного клада. Младшая монета клада датирована 673/1274–75 г., причем, дирхамов 674 г.х. не зафиксировано. Вероятнее всего, этот комплекс превратился в сокровище не позднее 673 – самого начала 674 г.х.

Это вторая известная авторам находка столь раннего клада джучидских серебряных дирхамов на территории Хорезма. Первый клад был зафиксирован в районе Дев-кескенкала (Петров, 2010, с. 121–149).

Владельцем монет было особо отмечено, что они очень хрупкие и при очистке поверхности края некоторых из них начали крошиться. Кроме этих 30 экземпляров (один из которых был склеен из трех кусочков), в составе клада присутствовало много обломков таких же дирхамов. Клад был описан авторами в статье и материал ожидает выхода в свет в «Эпиграфике Востока», вып. XXX. Поэтому настоящее сообщение посвящено не рассмотрению состава клада, а лишь одному необычному хорезмийскому дирхаму.

Его необычность заключается в особой тамге, которая размещена в поле вместе с выпускными данными. Экземпляр, описанный нами в статье для «Эпиграфики Востока», имеет номер 30. Спустя год после получения изображений монет клада хозяин монет в Туркмении сообщил, что ему удалось очистить большинство обломков монет и составить из некоторых из них значительные по площади фрагменты нескольких дирхамов. Среди них оказалась и особо интересовавшая нас монета – 2-й экз. с необычной тамгой.

Что же это за монета? На экземпляре № 30 год сохранился не полностью, однако тамга видна великолепно.

№ 30. Хваризм. 67х г.х. Анонимный чекан. Тамга. 1 экз.

См. фототабл. 1/30.

Л.с. Тройной ободок (внешний – не виден, и внутренний – линейные, средний – точечный).

В поле: الملك لله / الواحد / الفهار

Под легендой и справа – 4 точки в линию.

О.с. Тройной ободок (внешний и внутренний – линейные, средний – точечный).

В поле:

... سنة / خوارزم / ب في / тамга

Год записан в виде хронограммы: ...ع (= ...خ = 67х).

На составленном из обломков экземпляре № 31 (см. фототабл. 1/31), наоборот, не полностью сохранилось изображение тамги, но зато полностью и четко виден год хронограммой – خ = 670 г.х.

Ранее уже отмечалось, что наличие тамги хана Менгу-Тимура на хорезмийских анонимных дирхамах, выбивавшейся с 665 г.х., фиксирует факт его прихода к власти. До сих пор были известны как дирхамы Хорезма с тамгой Менгу-Тимура в 669 г.х., так и дирхамы с тамгой хана Кайду (Петров, 2003, с. 106–107). Зафиксирована в 683 г.х. на продукции этого монетного двора тамга владельца Чагатаидского улуса – Дувы (Петров, 2011, с. 219, № 58). Но у нас не было информации о чеканке в Хорезме монеты с не джучидскими знаками собственности в промежутке между 669 и 683 г.х. В этом кладе на монетах №№ 30 и 31 обнаружена тамга не встречавшегося до настоящего времени нового вида, что, без сомнения, восполняет существовавший пробел в информации об эмитентах монетного двора Хваризм. Попытаемся персонализировать этот знак.

Во-первых, необходимо отметить, что эта тамга типологически относится к тамгам дома Чагатая. Длинная центральная ножка с навершием из двух закругленных лепестков делает ее похожей на тамгу самого Чагатая



[67х] г.х. | 30



670 г.х. | 31



Фототаблица 1

(длинная центральная ножка с тремя закругленными лепестками) и тамгу Чагатаида Дувы, наверхие тамги которой представляет собой два закругленных лепестка. Отличием вновь обнаруженной тамги от тамги Чагатая является не только измененное наверхие (два лепестка вместо трех), но и отросток, исходящий справа из вертикальной длинной ножки. Все это явно свидетельствует о том, что перед нами личная тамга-отпятныш представителя дома Чагатаидов. То есть, родовую принадлежность этой тамги можно считать установленной. Этот вновь обнаруженный знак собственности на хорезмийском серебряном дирхаме позволяет уточнить наши представления о проводимой внутренней экономической политике в государстве Кайду по отношению к представителям дома Чагатая в первые годы существования Чагатайдского государства.

Имея в своем распоряжении только дирхам с неполным годом 67х,

нами было предположено, что дирхам № 30 был выпущен в период с 670 по 673 гг.х. Но такая развилка дат вносит существенную неопределенность при персонализации этого знака собственности, поскольку именно в этот период и происходила смена владельцев улуса Чагатаидов. Обратимся к вопросам истории владений Чагатаидским улусом в интересующий нас период.

В первые пятнадцать лет правления хана Кайду чагатаидские тамги можно встретить только на дирхамах двух монетных дворов – Алмалыка и Хваризма. По алмалыкским монетам обнаруживается, что Чагатаид Барак (владелец улуса) использовал наследственную тамгу Чагатая. Барак умер от болезни вскоре после битвы с Ильханом Абагой, то есть, если не в 669/1270, то в 670–671/1271 г. (Рашид ад-Дин, 1960, с. 100). По мнению Т.И. Султанова, это произошло в 1271 г. (Султанов, 2006, с. 152). Эту же дату сообщает и Джамал ал-Карши: «Барак

умер в начале 670/1271 года» (Джамал ал-Карши, 2005, с. 125). В отношении годов правлений последующих правителей Чагатаидского улуса в источниках и у историографов нет единства мнений. Вслед за Бараком Чагатаидский улус возглавил Чагатаид Никпей сын Сарабана, двоюродный брат Барака, правивший три(?) года. Видимо, он умер примерно в 672–674/1274–1276 гг. По данным Н.А. Аристов, Никпей восстал против Кайду, но был побежден и убит (Аристов, 2001, с. 333). По Джамалу ал-Карши Никпей занял трон в середине 679/1280 г. (очевидная описка, правильно: в середине 670 г.х.). Следующий владелец – Бука-Тимур (иногда это имя читают как Тука-Тимур) возглавил улус Чагатая в 671/1272–1273 году, убив Никпея в ночной схватке (Джамал ал-Карши, 2005, с. 125–126). «Бука-Тимур умер в 680/1281–1282 году» (Джамал ал-Карши, 2005, с. 126). По данным же нумизматики Бука-Тимур в Алмалыке в 681 г.х. использовал наследную тамгу Чагатая. Видимо, время его смерти

– самое начало 681/1282 г. Итак, Бука-Тимур унаследовал улус Чагатая в управление вместе с тамгой Барака, как наследной тамгой общего предка Мутугэна ибн Чагатая и действительно процарствовал с 671/1272–73 до начала 681/1282–1283 гг.

Следовательно, обнаруженная нами на монетах Хорезма 670/1271–72 г. тамга не могла относиться ни к Бараку, ни к Бука-Тимуру (Тука-Тимуру).

Из всей этой информации и наших рассуждений можно заключить, что на хорезмийском дирхаме с годом 670 г.х. тамга действительно принадлежит Никпею, и что Угедеид Кайду с самого начала своего правления сохранил право участвовать в распределении доходов с Хорезма (возможно, с Хорезмского монетного двора – реализация права *сикка*) владельцам улуса Чагатаидов. Можно подозревать, что право на долю доходов с Хорезма было пожаловано Чагатаю еще Чингиз-ханом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек, 2001. – 576 с.
2. Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах (Введение, пер. с арабо-персидского, коммент., текст, факсимиле Ш.Х. Вохидова, Б.Б. Аминова; отв. ред. А.К. Муминов) // История Казахстана в персидских источниках. – Алматы, 2005. – Т. I. – (200+ССХI) с.
3. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. – Казань, 2010. – С. 121–149.
4. Петров П.Н. Находки дирхамов конца XIII в. из Дев-кескен-кала // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. – Казань, 2011. – С. 218–237.
5. Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. – Нижний Новгород, 2003. – 143 с.
6. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. – М.; Л., 1960. – 253 с.
7. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006. – 445 с.

Информация об авторах:

Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ppn@zmail.ru
Батраков Олег Александрович, нумизмат (Ульяновск, Россия)

**CONCERNING SOME RARE COINS
OF THE KHOREZM HIDDEN TREASURE**

P.N. Petrov, O.A. Batrakov

Two silver dirhams of Khwarezm, dated to 670 AH/1271AD, with an unusual tamga are analyzed in the article. The coins come from a hoard located in the territory of Turkmenistan, the exact place of discovery being unknown. On both coins under consideration, a new, previously unknown type of tamga has been discovered. Typologically, it belongs to the tamgas of the house of Chagatai. A comparison of the dates of the coins with the information about the 1270s events in Khwarezm made it possible to determine that the tamga belonged to Negubei of the house of Chagatai. The finding also confirms that Kaidu (Qaidu), the khan of the Chagataid state, retained the right of the Chagatai Ulus owners to participate in the distribution of income from Khwarezm from the beginning of his reign.

Keywords: Khwarezm, the Golden Horde period, the 13th century, numismatics, hoard, tamga, the Juchids, the Chagataids.

REFERENCES

1. Aristov, N. A. 2001. *Usuni i kyrgyzy ili kara-kyrgyzy. Ocherki istorii i byta naseleniia zapadnogo Tian'-Shania i issledovaniia po ego istoricheskoi geografii (Wusun and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on History and Everyday Life of the Western Tian-Shan Population and Studies on Its Historical Geography)*. Bishkek (in Russian).
2. Jamal al-Qarshi. 2005. *Al-Mulkhakat bi-s-surakh ("Addition to the 'Surakh' Dictionary")*. Series: *Istoriia Kazakhstana v persidskikh istochnikakh (History of Kazakhstan in Persian Writings)* I. Almaty (in Kazakh).
3. Petrov, P. N. 2010. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 3. Kazan, 121–149 (in Russian).
4. Petrov, P. N. 2011. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 4. Kazan, 218–237 (in Russian).
5. Petrov, P. N. 2003. *Ocherki po numizmatike mongol'skikh gosudarstv XIII–XIV vekov (Essays on the Numismatics of Mongol States in 13th–14th Centuries)*. Nizhny Novgorod (in Russian).
6. Rashid-al-Din. 1960. *Sbornik letopisei (Compendium of Chronicles)* 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
7. Sultanov, T. I. 2006. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' (Genghis Khan and Genghisids: Fate and Power)*. Moscow: "AST" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Petrov Pavel N. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ppn@zmail.ru

Batrakov Oleg A. Numismatist (Ulyanovsk, Russian Federation)

УДК 902

КИРПИЧЕОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ С ГОРОДИЩА ЖАЙЫК

© 2013 г. М.Д. Калменов

В статье приводится описание кирпичеобжигательной печи, которая была обнаружена в ходе археологических исследований на средневековом городище Жайык (Западно-Казахстанская область) в 2012 г. Аналогичный объект на городище был обнаружен в 2002 г. Близкие по конструкции печи в X–XV вв. известны на обширных территориях Юго-Восточной Европы и Средней Азии. В XIII–XV вв. они имели широкое распространение на территории Золотой Орды. Анализ их устройства в сочетании с письменными источниками и этнографическими данными позволяет в общих чертах реконструировать процесс эксплуатации таких печей. Находки печей на Жайыке наводят на мысль о том, что в XIII–XIV вв. на территории городища существовало развитое производство строительных материалов.

Ключевые слова: археология, Западный Казахстан, г.Уральск, золотоордынский период, городище Жайык, кирпичеобжигательная печь, арка, продух, топочная камера.

Средневековое городище Жайык располагается на территории г. Уральска Западно-Казахстанской области в 12 км от трассы Уральск – Атырау на морской аккумулятивной равнине нижнехвалинского возраста, на поверхности коренного берега, образованного крупным пойменным протоком р. Чаган, который формирует притеррасную пойму. Террасы здесь полностью размыты и прослеживаются на склоне долины далеко в стороне как выше, так и ниже по течению Урала. Далее, к руслу Урала, последовательно располагаются центральная, а затем прирусловая поймы (Байпаков и др., 2002; Байпаков и др., 2005; Сдыков, 2009; Сдыков, 2011). С юга и юго-востока территорию городища ограничивает склон террасы р. Урал, а с других сторон – естественные овраги. Следов каких-либо искусственных ограждений по периметру не обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 7–8 га. Сейчас это

отдельно стоящие бугры высотой от 0,3 до 0,6 м различной планировки и размеров. В 2 км западнее городища на вершине Свистун-горы располагается городской некрополь, где выделяются остатки погребальных построек, превратившихся в округлые в плане бугры высотой до 0,2–0,3 м, поверхность которых задернована и усыпана обломками жженого кирпича, поливными изразцами, некогда украшавшими стены и купола мемориальных построек.

Анализ письменных источников о планировке средневековых поселений позволил сделать предположение, что площадь городища Жайык может оказаться значительно большей и не ограничиваться пределами фиксации остатков фундаментов жилых и хозяйственных построек.

В полевом сезоне 2012 г. были продолжены археологические работы на городище. Площадь раскопа 1 была разделена на три сектора по линии север – юг. На глубине 35–40 см от



Рис. 1. Объект после удаления верхнего горизонта



Рис. 2. Остатки продухи кирпичеобжигательной печи

современной поверхности в секторе 3 были прослежены остатки сооружения из красного кирпича (рис. 1). Для выяснения более полного представления о памятнике в дальнейшем сектор 3 был расширен на восток.

Восточная часть памятника была засыпана аллювиальным песком. Контуры объекта: прямоугольное в плане сооружение, ориентированное по линии СВ–ЮЗ. По характерным особенностям грунта (сильнообожженная глина, обилие кирпичной крошки) не составляло особого труда определить его функциональное назначение: это – кирпичеобжигательная печь, которая является вторым подобным памятником на городище Жайык. Аналогичный объект был исследован в 2002 г. (Байпаков и др., 2005, с. 89–91).

В результате расчистки было установлено, что сохранилась лишь топочная (огневая) камера. Ее размеры: длина – 476 см, ширина – 360 см, высота – 120–150 см. Для постройки печи была выбрана верхняя надпойменная терраса реки, в которой был вырыт котлован в песке до уровня слоистой красно-коричневой глины, послужившей и уровнем первого, основного пола топочной камеры. Стены объекта были выложены из кирпича размерами 22 x 23 x 5 см и 28 x 28 x 5 см. Таким образом, топочная камера представляет собой котлован в материке, облицованный обожженным кирпичом.

Поперек печи размещено восемь перегородок, имеющих в средней части проем, перекрытый аркой – главный топочный канал. Высота перегородок 120 см; они перекрыты горизонтальной кирпичной площадкой, образующей над каждой секцией каналов прямоугольное отверстие –

продух (рис. 2). Сохранилась только нижняя, топочная, камера, а от верхней, обжигательной, найдены лишь упавшие кирпичи кладки. Стенки и перегородки сложены из кирпичей на глиняном растворе. Внутренняя поверхность стенок местами ошлакована от действия сильного огня. Очевидно, печь клалась из сырцов, которые обжигались в процессе ее эксплуатации. Кирпичи в продухах лежат в вертикальном положении, высота кладки колеблется от 4 до 5 кирпичей. Промежуток между продухами составляет 25–32 см. В северо-восточной стене печи сохранилось 7 продухов, в юго-западной стене сохранилось 6 продухов. Размеры кирпичей на продухах: 30 x 25 x 6 см и 30 x 30 x 6 см.

Северо-восточная стена печи сохранилась в длину 476 см при высоте 120–150 см. Юго-восточная – в длину 337 см при высоте 105–135 см. Соблюдая меры безопасности во избежание обрушения памятника, южная и северо-восточная сектора печи не были расчищены до материка. Из всех арок полностью сохранилась первая арка во входной части печи. К сожалению, во время расчистки она тоже обрушилась, впоследствии обрушенная арка была восстановлена (рис. 3). Высота первой арки над уровнем основного пола – 145 см, ширина пролета – 250 см (рис. 4). Пространство между изогнутой частью арки и стеной котлована заполнено кирпичом, выложенным горизонтально от замка почти до основания. Арка с внутренней и внешней стороны покрыта толстым слоем штукатурки. Внутреннее обследование топки показало, что печь подвергалась многократному ремонту, что заметно по многослойной обмазке.



Рис. 3. Кирпичеобжигательная печь после расчистки (направление на ЮВ)

В ходе раскопок было выявлено, что многослойное заполнение над полом обжигательной камеры состоит из трех слоев разной толщины и состава. Первый слой от основного пола состоит из чистой древесной золы светло-коричневого цвета толщиной до 8 см. Второй слой представлен по всей площади обжиговой камеры слоем грубой песочно-глиняной обмазки, толщиной 6–7 см, обогащенной древесно-пепельной массой, которая при обжиге в топочной камере, из-за высокой температуры превратилась в массу темно-зеленого цвета. Третий слой, самый верхний, представляет собой зольное заполнение в центральной части по направлению оси топочной камеры; состоит он в основном из древесных углей, местами встречаются кальцинированные кости крупнорога-

того скота. Толщина слоя колеблется от 7 см по краям до 12–14 см в центре. Выше до уровня верха топочной камеры лежит однородный слой завала, состоящий из смеси обломков жженого кирпича и земли. При расчистке завала внутри топочной камеры каких-либо находок не обнаружено.

Анализ устройства этих печей в сочетании с немногочисленными позднесредневековыми письменными источниками, а также этнографическими материалами о кустарном обжиге кирпича в XIX в. позволяет понять основные черты процесса эксплуатации таких печей.

Прежде всего, очевидно, что при длинном топочном канале и относительно высоких перемышках должно было применяться длиннопламенное топливо, т.е. обычные дрова. Кстати, древесное топливо вплоть до начала

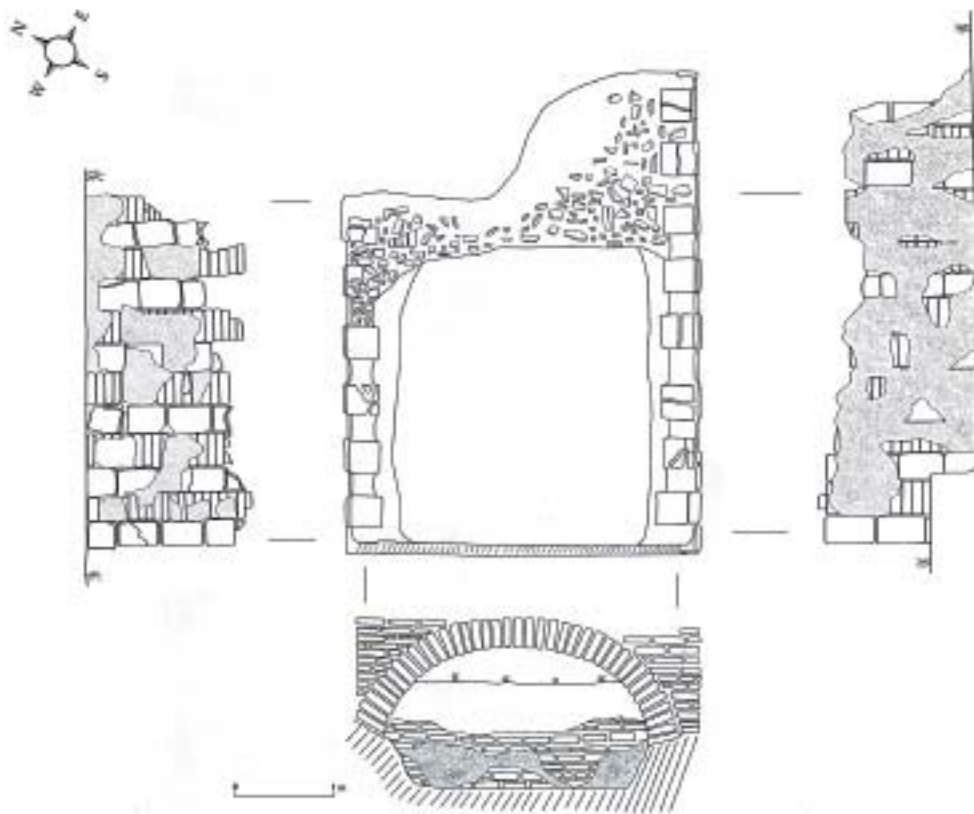


Рис. 4. План и профиль сооружения

XX в. продолжало считаться лучшим для этих целей (Раппопорт, 1994, с. 21). Жар (т.е. горячие газы) распространялся по главному топочному каналу и по поперечным каналам между перемычками, создавая необходимую для обжига температуру. Возможно, подом печи служили верхние плоскости самих перемычек. Пространства между перемычками имели ширину не более 20 см, следовательно, если сырцовые кирпичи клали на ребро поперек этих каналов, то они не должны были проваливаться. Тем не менее, по-видимому, нижний ряд обжигаемых кирпичей еще подклинивали, чтобы они лучше держались и не проваливались в каналы между перемычками. Этот нижний ряд кирпичей создавал решетку, на которую

укладывали подлежащую обжигу продукцию. (Кузнецова, 1976, с. 71). Вероятно, для лучшего обжига ряды обжигаемых сырцов клались на ребро, причем кирпичи одного ряда размещались перпендикулярно кирпичам соседнего или же «в елку».

Обжиг представлял собой достаточно сложный процесс, при котором в печи сначала создавали не очень высокую температуру, а затем поднимали ее до 800–950°. После того как обжиг завершался, ждали, пока печь остынет, на что уходило не менее недели. Весь цикл работы печи – от загрузки до выгрузки продукции – в XIX в. продолжался около двух-трех недель. Во время работы печи горячие газы должны выходить в верхнее отверстие. Отверстие это должно было

быть достаточно большим, чтобы через него можно было вести загрузку и выгрузку продукции. Очень возможно, что печь вообще не имела сводчатого верха, а стенки ее поднимались на высоту, соответствующую высоте рядов загруженной продукции, т.е. не более 3 м над уровнем верхней площадки перемычек. Даже в XIX в. при кустарном производстве предпочитали строить печи с открытым верхом, без свода (Раппопорт, 1994, с. 21). В таком случае кирпичи двух-трех верхних рядов укладывали плашмя вплотную, так что они служили как бы крышей над остальной продукцией. Поверх этих кирпичей обычно насыпали тонкий слой песка или шлака. Для защиты от дождя над печью ставили деревянный навес.

Реконструкция, хотя бы в самых общих чертах, процесса функционирования кирпичеобжигательных печей позволяет сделать примерный расчет их производительности. Как известно, при установке кирпичей на ребро между ними остаются свободные места, чтобы горячие газы могли охватить сырец со всех сторон, поэтому в одном ряду в печи можно было разместить примерно 400–500 штук. По высоте в кирпичеобжигательных печах XIX в. рекомендовалось укладывать не более 25 рядов сырца, а большей частью значительно меньше, всего по 16–18 рядов. Тонкие кирпичи XII в. гораздо легче поддавались деформации, и несомненно, что эти кирпичи нельзя было укладывать в несколько рядов, как брусковые. Если принять, что печь загружали плинфой на высоту 10 рядов, то окажется, что можно было одновременно обжигать до 4–5 тыс. штук кирпичей. Сезон работы кирпичеобжигательных печей мог

продолжаться несколько дольше, чем сезон формовки сырцов – до 150 рабочих дней. Учитывая, что цикл работы печи был примерно 2,5 недели, можно полагать, что каждая печь использовалась 8–10 раз за сезон и могла дать, таким образом, до 50 тыс. кирпичей. Количество кирпичей, необходимых для возведения достаточно крупного здания, несколько меньше 1 миллиона штук. А так как при обжиге получалось много брака, то примерным количеством можно считать 1 200 000 штук (Коноров, 1956).

Сравнение жайыкских кирпичеобжигательных печей с печами соседних территорий дает основание заключить, что выявленные типы печей имели широкое территориальное распространение. В 2009 г. в округе городища Жалпактал была обнаружена аналогичная кирпичеобжигательная печь. (Марыксин, Джубанов, 2009). Известна печь, по-видимому, X в. в Мадара, Болгария (Раппопорт, 1994, с. 19). Она врезана в землю, прямоугольная с поперечными перемычками, сквозь которые проходят два параллельных перекрытых арками топочных канала. «Под» обжигательной камеры здесь сложен из горизонтально расположенных кирпичей.

Близкие по конструкции печи имели распространение и на территории, входившей в состав Золотой Орды. Так, печь для обжига кирпича, функционировавшая на рубеже XIII–XIV вв., была раскопана в древнем Сарайчике (Пацевич, 1957, с. 111). Здесь поперечные стенки были расположены настолько близко одна к другой, что их верхняя поверхность могла служить подом обжигательной камеры. Прямоугольная печь XIV в. размером 3,0 x 2,5 м вскрыта в Болгаре (Хованская,

1954, с. 366). Она, по-видимому, имела под из горизонтально лежавших кирпичей, опиравшихся на поперечные стенки. Две печи, представляющие собой единый производственный комплекс и относящиеся к рубежу XIII–XIV вв., обнаружены в средневековом Белгороде (Кравченко, 1979, с. 115). Они встроены в остатки античных жилых построек. Стенки их сложены из сырцов на глиняном растворе, а пространство между стенками и каменными стенами древних построек забито для теплоизоляции земель. По предположению исследователей, печи служили для обжига кирпичей, черепицы, труб и прочих строительных материалов. Более крупная прямоугольная печь (4,5 x 3,0 м), с шестью поперечными стенками, раскопана в Старом Орхее (Полевой, 1969, с. 87). Сквозь поперечные стенки вдоль печи здесь также проходил перекрытый широкими арками топочный канал. Как была устроена верхняя камера (обжигательная), сведений нет. Печь служила для обжига кирпичей и относится к XIV в.

Печи, предназначенные для обжига кирпичей, в значительном количестве изучены на территории Средней Азии. Здесь известны печи, относящиеся к XI–XII и XIII–XV вв. (Пругер, 1969, с. 230–239). Эти печи прямоугольные, с пятью-семью поперечными стенками внутри и проходящим сквозь них одним топочным каналом, перекрытым арками. Размер печей обычно около 3 м. Подом обжигательной камеры служили верхние горизонтальные плоскости поперечных стенок.

Таким образом, почти идентичные по конструкции печи для обжига

кирпича применялись в X–XV вв. на чрезвычайно обширной территории Юго-Восточной Европы и Средней Азии. Исследователи уже отмечали, что по происхождению данный тип связан с позднеантичными традициями. При этом выясняется, что расположение печей на плоской площадке или на склоне не является принципиальным отличием, а связано с местными условиями. Если была возможность врезать печь в глинистый склон, это, конечно, повышало ее теплотехнические качества и удешевляло строительство. Но если такого склона поблизости не было, печь строили на плоскости, значительно увеличивая толщину наружных стенок или же забучивая пространство вокруг стенок камнями и засыпая землей. Не является принципиальным отличием и форма печи – прямоугольная или круглая, поскольку известны одинаковые по устройству печи как той, так и другой формы, а иногда даже промежуточные, приближающиеся к прямоугольнику со скругленными углами. Более существенное различие – наличие или отсутствие специального пода с круглыми продухами. В тех печах, которые, несомненно, специально строились для обжига кирпичей, а не амфор или другой посуды, подом служили верхние поверхности стенок или же горизонтально лежавшие на этих стенках кирпичи. Печи с круглыми продухами, проходящими сквозь сводчатый под, большей частью предназначались для обжига сосудов, а не кирпичей. Очень возможно, что такое деление не было безусловным, и кирпичи обжигали в печах различного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. – Уральск, 2002. – С. 168–184.
2. *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Средневековое городище Жайык. – Алматы, 2005. – 220 с.
3. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 245 с.
4. *Коноров А.В.* К истории кирпича в России в XI–XX вв. // Тр. Ин-та истории естествознания и техники. – М., 1956. – Т. 7. – С. 178–224.
5. *Кравченко А.А.* Производственные комплексы Белгорода XIII–XIV вв. // Античная Тира и средневековый Белгород. – Киев, 1979. – С. 115–135.
6. *Кузнецова М.Ю.* Раскопки печи для обжига кирпича в пос. Селище // Археологические открытия 1975 года. – М., 1976. – С. 71.
7. *Марыксин Д.В., Джубанов А.А.* Отчет о раскопках курганного комплекса Жалпактал 1 и городища Жалпакгал в 2009 году. Рукопись.
8. *Пацевич Г.И.* Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. – 1957. – Вып. 69. – С. 111–114.
9. *Полевой Л.Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. – Кишинев, 1969. – 211 с.
10. *Пругер Е.Б.* Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // Тр. ЮТАКЭ. – 1969. – Т. 14. – С. 230–239.
11. *Раппопорт П. А.* Строительное производство древней Руси X–XIII вв. – СПб.: Наука, 1994. – 158 с.
12. *Сдыков М.Н.* Жайык қалашығы // Городище Жайык. – Уральск, 2009. – 65 с.
13. *Сдыков М.Н.* Средневековые города Западного Казахстана // Золотоордынское наследие. Материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды». – Казань, 2011. – С. 181–186.
14. *Хованская О.С.* Гончарное дело города Болгара // МИА. – 1954. – № 42. – С. 340–368.
15. *Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П.* Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 г. // Изв. Молдав. филиала АН СССР. – 1958. – № 4 (70). – С. 45–53.

Информация об авторе:

Калменов Мурат Дабылович, научный сотрудник, Центр истории и археологии Западно-Казахстанской области Республики Казахстан (г. Уральск, Республика Казахстан); kalmenoff@mail.ru

**THE FURNACE FOR ROASTING BRICK
FROM THE SETTLEMENT ZHAYIK****M.D. Kalmenov**

The article contains a description of the brick-burning kiln, which was discovered during the 2012 excavations on the medieval Zhayik fortified site (Western Kazakhstan oblast). A similar object had been discovered on the site in 2002. Kilns of similar design were known on the vast territories of Southeastern Europe and Central Asia in the 10th–15th cc. In the 13th–15th centuries, they were widely spread in the territory of the Golden Horde. The analysis of their design, combined with written sources and ethnographic data, allows

reconstructing the operation process of such kilns in general lines. The finds of kilns on the Zhaiyk settlement make it possible to suggest that in the 13th–14th centuries there existed a developed construction materials production in the territory of the settlement.

Key words: archaeology, Western Kazakhstan, Uralsk city, the Golden Horde period, the Zhaiyk fortified site, brick-burning kiln, arch, air vent, furnace chamber.

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2002. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Problems of History and Archaeology of the Western Kazakhstan)* 1. Ural'sk, 168–184 (in Russian).
2. Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Akhatov, G. A. 2005. *Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk (Medieval Fortified Site of Zhaiyk)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
3. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
4. Konorov, A. V. 1956. In *Trudy Instituta istorii estestvoznaniia i tekhniki (Proceedings of the Institute for History of Natural Sciences and Technique)* 7. Moscow, 178–224 (in Russian).
5. Kravchenko, A. A. 1979. In Karyshkovsky, P. O. (ed.). *Antichnaia Tira i srednevekovyi Belgorod (Classical Tyras and Medieval Belgorod)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ., 115–135 (in Russian).
6. Kuznetsova, M. Yu. 1976. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 goda (Archaeological Discoveries in 1975)*. Moscow, 71 (in Russian).
7. Maryksin, D. V., Dzhubanov, A. A. 2009. Otchet o raskopkakh kurgannogo kompleksa Zhalpaktal 1 i gorodishcha Zhalpaktal v 2009 godu (Report on Excavations of the Zhalpaktal 1 Barrow Complex and the Zhalpaktal Hillfort in 2009). Manuscript (in Russian).
8. Patsevich, G. I. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 69, 111–114 (in Russian).
9. Polevoy, L. L. 1969. *Gorodskoe goncharstvo Pruto-Dnestrov'ia v XIV veke (The Urban Pottery-Making in the Prut and Dniester Area in the 14th Century)*. Kishinev: Academy of Sciences of the Moldavian SSR (in Russian).
10. Pruger, E. B. 1969. In *Trudy Iuzhno-Turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii (Papers of the Complex Archaeological Expedition in Southern Turkmenistan)* 14, 230–239 (in Russian).
11. Rappoport, P. A. 1994. *Stroitel'noe proizvodstvo drevnei Rusi X–XIII vv. (Construction in Ancient Rus' in 10th–13th Centuries)*. Saint Petersburg: “Nauka” Publ. (in Russian).
12. Sdykov, M. N. 2009. *Gorodishche Zhaiyk (Zhaiyk Hillfort)*. Ural'sk (in Kazakh).
13. Sdykov, M. N. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)*. Kazan: “Fän” Publ., 181–186 (in Russian).
14. Khovanskaia, O. S. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 42, 340–368 (in Russian).
15. Chebotarenko, G. F., Bârnea, P. P. 1958. In *Izvestiia Moldavskogo Filiala Akademii Nauk SSSR (Transactions of the Moldavian Branch of the Academy of Sciences of the USSR)* (4 (70)), 45–53 (in Russian).

About the Author:

Kalmenov Murat D. Center for History and Archaeology of West Kazakhstan Region, Republic of Kazakhstan. Dostyk-Druzhby Ave., 184, Uralsk, 090000, West Kazakhstan Region, Republic of Kazakhstan; kalmenoff@mail.ru

УДК 903.02

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ КЕРАМИКА ПУЛЬЖАЯ

© 2013 г. С.Т. Саипов

Статья посвящена анализу керамического комплекса золотоордынского времени из раскопок 2004–2005 и 2012 гг. на средневековом поселении Пульжай (Республика Каракалпакстан). Поселение располагалось в северной периферийной зоне государства Хорезм на плато Устюрт. Первый этап его существования относится к домонгольскому времени (IX–XI вв.), второй – к золотоордынскому. Приводится описание различных типов керамики золотоордынского периода и аналогии им. Почти три четверти керамического комплекса составляет неполивная керамика. Встречается поливная керамика, а также импортные образцы красноглиняной лощеной керамики, люстры и селадон. Автор делает вывод о развитии керамики Пульжая, так же, как и материальной культуры в целом, под влиянием Хорезма в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: археология, Хорезм, плато Устюрт, средневековье, городище Пульжай, золотоордынская керамика.

Археологический комплекс средневекового Хорезма городище Пульжай расположено на краю восточного чинка плато Устюрт Кунградского района Республики Каракалпакстан. Комплекс состоит из сигнальной башни, остатков зданий таможни, крепости домонгольского времени (IX–XI вв.), большого неукрепленного поселения и городского некрополя XIII–XIV вв. Археологический памятник Пульжай был открыт в 1946 г. сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР под руководством С.П.Толстова. В 60-х годах XX в. на памятнике проводит свои изыскания В.Н.Ягодин, сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Каракалпакского филиала Академии наук Узбекистана (ныне Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук). В 2003 г. городище Пульжай посещают члены международной экспедиции (Ширинов, Алимов, Баратов и др., 2006, с. 197). Однако все исследователи, за исклю-

чением В.Н. Ягодина, ограничились сбором подъемного материала, раскопных работ не проводили. В целом исследователи, писавшие о городище Пульжай, вели визуальные наблюдения, ограничившись сведениями о топографическом облике памятника. В 2004 г. археологическим отрядом кафедры Истории и археологии Каракалпакского государственного университета им. Бердаха на этом памятнике начаты стационарные исследования (Кдырниязов, Искендерова, Турганов, 2006, с. 127–130). К настоящему времени на территории памятника археологами ККГУ заложено шесть раскопов. В ходе этих работ собран большой материал, который позволяет уточнять планиграфию археологического комплекса Пульжай и изучать состав материальной культуры населения. Подробный анализ керамического материала и индивидуальные артефакты, полученные при раскопках, позволяет решить вопросы генезиса и торгово-экономических и культурных связей этого уникального

памятника периферийной зоны хорезмийской цивилизации.

В настоящем сообщении предпринята попытка суммарной характеристики комплекса керамики Пульжая, собранной археологической экспедицией ККГУ в последние годы. Следует отметить, что территория неукрепленной части городища Пульжай неоднократно подвергалась воздействию разрушительных сил природы, в частности, в ходе регрессий и трансгрессий речных потоков памятник неоднократно затоплялся (изменение древних русел в сторону Арала и обратно в сторону Сарыкамыша далее в Каспий), в результате чего верхняя часть сооружений и материальные остатки памятника частично уничтожены (Кдырниязов М., Саипов, Кдырниязов О., 2012, с. 19). Однако методы морфологического и сопоставительного изучения керамических артефактов позволяют довольно детально охарактеризовать интересующую нас категорию находок из Пульжая.

В ходе археологических раскопок крепости Пульжай в 2004–2005, 2012 гг. получено более 388 экз. фрагментов керамики. Из них 280 экз. или 72,1% материала приходится на непористую керамику. Кроме того, встречаются поливная керамика и привозные образцы красноглиняной лощеной керамики, люстры и селадон. Однако последние образцы из Ирана и Китая представлены пока единичными экземплярами. Комплекс керамики местного производства дает нам возможность рассмотреть ассортимент изделий, бытовавших в городах северной периферии Хорезма. Среди них преобладают фрагменты хумов, горшков, кувшинов, светильников – «шамдонов» и дигирия.

Хумы и хумчи представлены археологически целыми формами и фрагментами. Они имели яйцевидное тулово с отогнутыми наружу горизонтально-покатыми венчиками и вздутыми плечиками и стенами верхней части. Горловина слабо выражена, венчик прикреплен почти на плечиках. Венчики в сечении имеют треугольную и прямоугольную форму, внешние края которых завершаются уплощением. Под венчиком имеется украшение – налепной валик с пальцевыми защипами (рис. 1: 1–3). Максимальная высота достигает до 68 см, диаметр по краю венчика до 32 см. Аналогии хумам этого типа встречаются на памятниках Хорезма XIII–XIV вв. (Кдырниязов, 1989, с. 89; Доспанов, 1992, с. 93, рис. 1).

Горшки Пульжая представлены сосудами шаровидной формы, венчик с невысокой закраиной, край венчика чуть отогнут наружу. В тесто добавлена мелкая дресва. Черепок краснобледноватого оттенка, поверхность покрыта черным ангобом. Технологические характеристики, как и для всех видов крупного размера керамических сосудов, являются общими. Данные сосуды изготовлены комбинированным способом, часть формовки выполнена на гончарном круге, редко с доводкой от руки. Под венчиком идет одинарная или спаренная волнистая линия. Диаметр горловины – 24 см, толщина стенок 0,4–0,8 см (рис. 1: 4). Сосуды подобного типа характерны для IX–XI вв. и встречаются в синхронных памятниках Восточного Устюрта, таких, как Киятжол-2 (Древняя и средневековая культура, 1978, с. 248, рис. 80: 2–4), а также центральных районов Хорезма (Доспанов, 1992, с. 85: рис. 1: 1–2). К этой

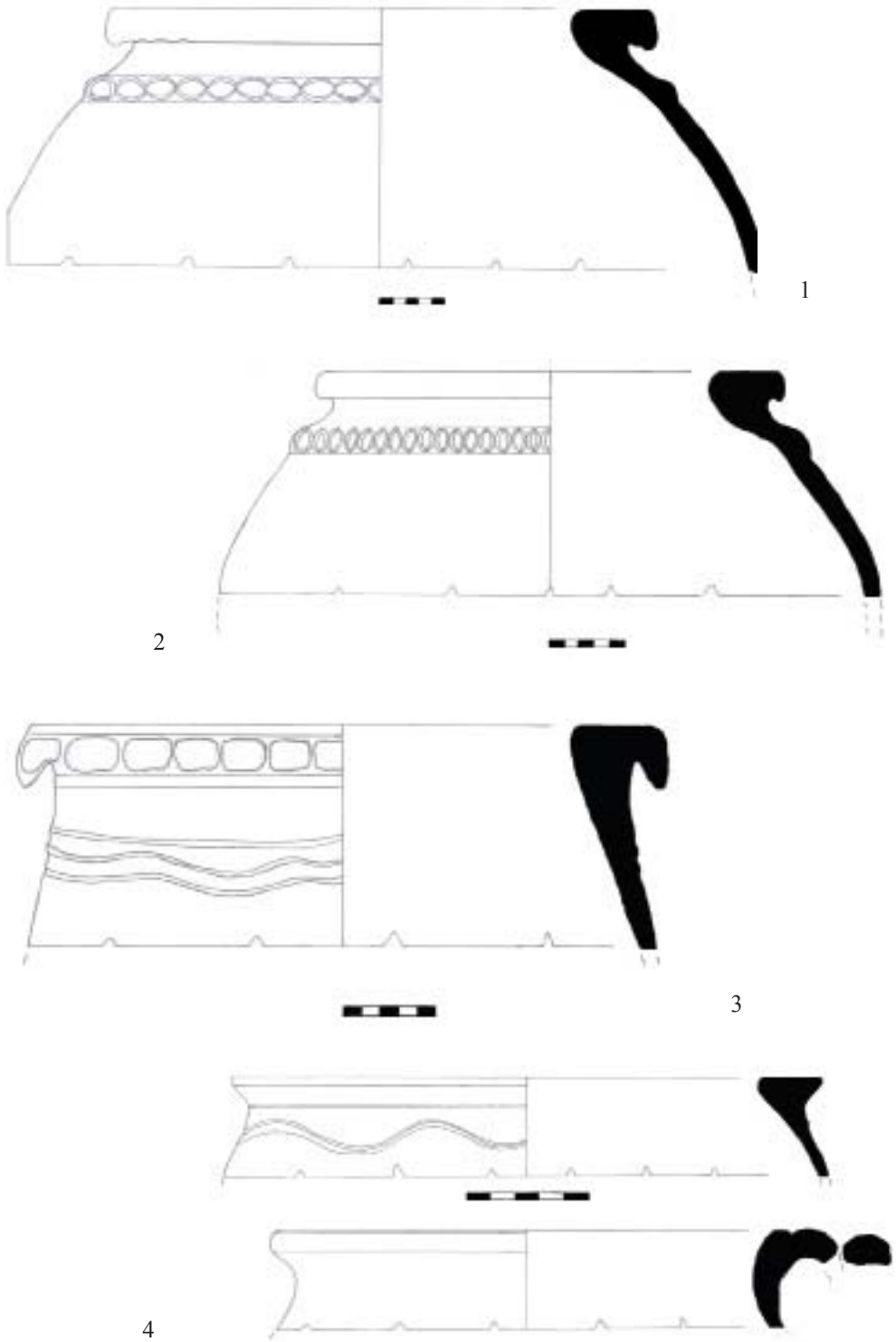


Рис. 1

же категории относятся фрагменты горшков, изготовленные из тщательно отмученной глины с небольшим добавлением примесей. Аналогичные горшки являются частой находкой на памятниках Устюрта, Хорезма и Южной Туркмении (Лунина, 1962, с. 380, рис. 89).

В комплексе керамики Пульжая собрано значительное количество образцов узкогорлых кувшинов, украшенных по плечикам прочерченным узором в виде вертикальных полос («верх – вниз») и концентрических кругов с выемчатыми фестонами по краю венчика горла. Отдельным типом этого вида кувшинов являются узкогорлые сосуды с коническим носиком – «кумганы» (рис. 2: 1).

Аналогичные формы и их орнаменты находят в материалах Куня-Уаза (XII–XIII вв.) (Вактурская, 1959, с. 205, рис. 21: 3–4) и Миздахкана (XIII–XIV вв.) (Кдырниязов М., Кдырниязов О., 2010, с. 137, рис. 2: 3–4). Кувшины со штампованным орнаментом составляют особую группу. Тесто у них плотное, в изломе светло-серое, редко темно-серое. Формировались сосуды со штампованным орнаментом по частям. Оттиснутые полушаровидные половинки сосудов и изготовленная на гончарном круге горловина, а также нижняя часть (кольцевой поддон – ножка) склеивали глиняной смесью. Овальная в сечении ручка крепилась одним концом ниже венчика к середине горла, другой – к середине тулова. Верхняя часть таких кувшинов орнаментировалась способом в технике контррельефа, т.е. орнамент получали с помощью штампа – калыба в форме «чаши». Верхняя часть кувшинов этого типа украшена растительным орнаментом (рис. 2: 2).

Аналогии таких форм находят на памятниках Южной Туркмении, Хорезма. Появление этого типа керамики на памятниках Хорезма Н.Н. Вактурская связывает с XIII–XIV вв. (Вактурская, 1959, с. 306).

Кроме вышеописанных изделий, неполивная керамика представлена еще фрагментами тагоры, таза и мисок.

Среди красноглиняных неполивных изделий встречаются кувшины с высокой горловиной. Кувшины имеют крупные фрагменты верхней части, практически целые, и дают представление о типе. Они по типологии золотоордынской керамики Нижнего Поволжья относятся к амфоровидным кувшинам. Для них характерны плоское донце, стройное яйцевидное тулово, крепящееся к венчику плечико, уплощенно-овальные ручки (рис. 2: 3). Имеют наибольший диаметр тулова в пределах 22,4–24 см, высота 38 см. Они хорошо представлены в материалах караван-сараев Устюрта: Белеули, Чурук, Ажигельди (Маньолов, 1982, с. 113, рис. 6, 33; рис. 7, 14). Подобные типы амфоровидных кувшинов по форме, орнаментации и расцветке лощения находят близкие аналогии среди неполивной керамики Нижнего Поволжья (Михальченко, 1973, с. 121–122). В коллекции красноглиняных изделий с лощением встречаются немногочисленные экземпляры чаш (24 экз.), также имеющие лощеный орнамент. В большинстве случаев они, как и хорезмские чернолощенные изделия, украшены геометрическим узором (концентрические круги, радиальные линии и в виде «сетки»). Образцы этих изделий, кроме комплекса Пульжай, найдены на других памятниках Устюр-

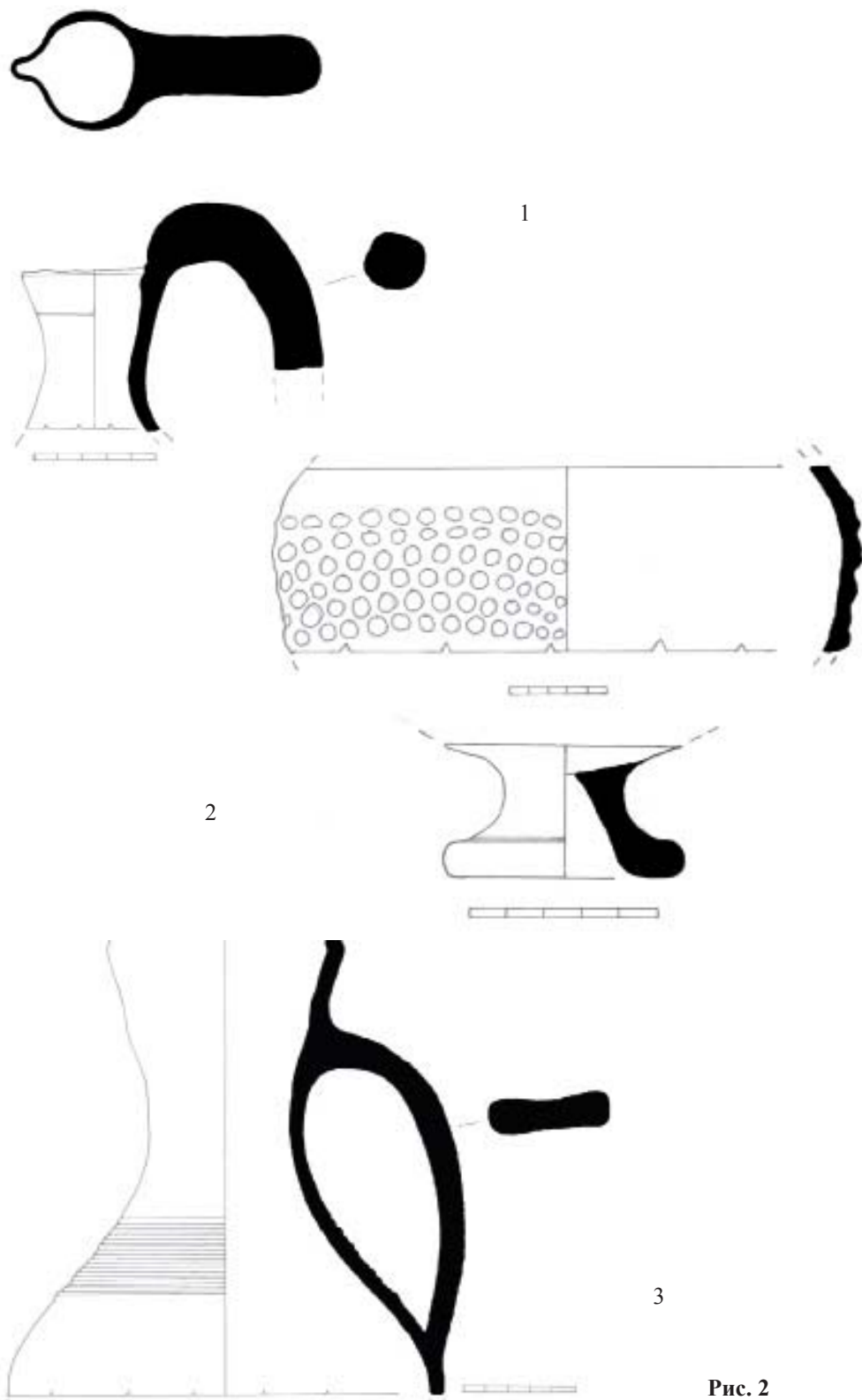


Рис. 2

та и в Миздахкане (Асметова, 2012, с. 7–9). Однако надо отметить, что красноглиняная неполированная керамика с лощеным орнаментом Пульжая, так и других памятников Устюрта, по морфологическим признакам генетически приближается к подобным изделиям городов Поволжья золотоордынского времени. Это объясняется тесными торговыми связями Хорезма с Восточной Европой.

Коллекция красноглиняных неполированных изделий Пульжая дополняется образцами светильников – чирагов. Среди них отметим чираги трубчатой формы. Судя по аналогиям, такие светильники имели длинный корпус; в верхней части приспособлен низкий округлый резервуар – чашечка с чуть загнутым вовнутрь венчиком, с одной стороны которой сделан носик – слив для фитиля. В нижней части сделана поддонная часть конической формы на плоской основе, общая высота составляют 28,5 см, диаметр поддонной части – 11,2 см (рис. 3). Такие чираги часто встречаются в материалах Джампык кала, Миздахкан и датируются XIII–XIV вв.

Судя по всему, материальная культура городов, расположенных в восточном чинке Устюрта, развивалась под влиянием Хорезма. Среди посуды, изготовленной в гончарных мастерских Хорезма, находится большое количество поливной и кашинной керамики. Большая часть красноглиняной поливной керамики Пульжая покрыта зеленой или желтовато-белой поливой. Подглазурная роспись выполнена коричневой, желтой, зеленой и черной краской, в виде скрученных пятен, подтеков, лепестков и гравировки (рис. 4: 1–3).



Рис. 3

Кашинная керамика представлена образцами сосудов с двусторонней бирюзовой поливой, с подглазурной черной росписью, изделиями, покрытыми с одной стороны кобальтом, с другой бирюзовой, бесцветной поливой с подглазурным растительным орнаментом, красками других оттенков (рис. 4: 4, 5). Аналогичные кашинные изделия встречаются в керамических коллекциях Куня-Ургенча, Шемахакала (Вактурская, 1952, с. 182, 183, рис. 91, 2), Миздахкана (Кдырниязов, 2006, с. 73–74). Много их и среди находок золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (Коваль, 2005, с. 75–86).

Привозная керамика представлена небольшим количеством фрагментов селадона, люстр, минаи и красноглиняной тарной керамики (краснолощенные амфоровидные кувшины из Нижнего Поволжья). Перечисленные образцы импортной керамики явля-

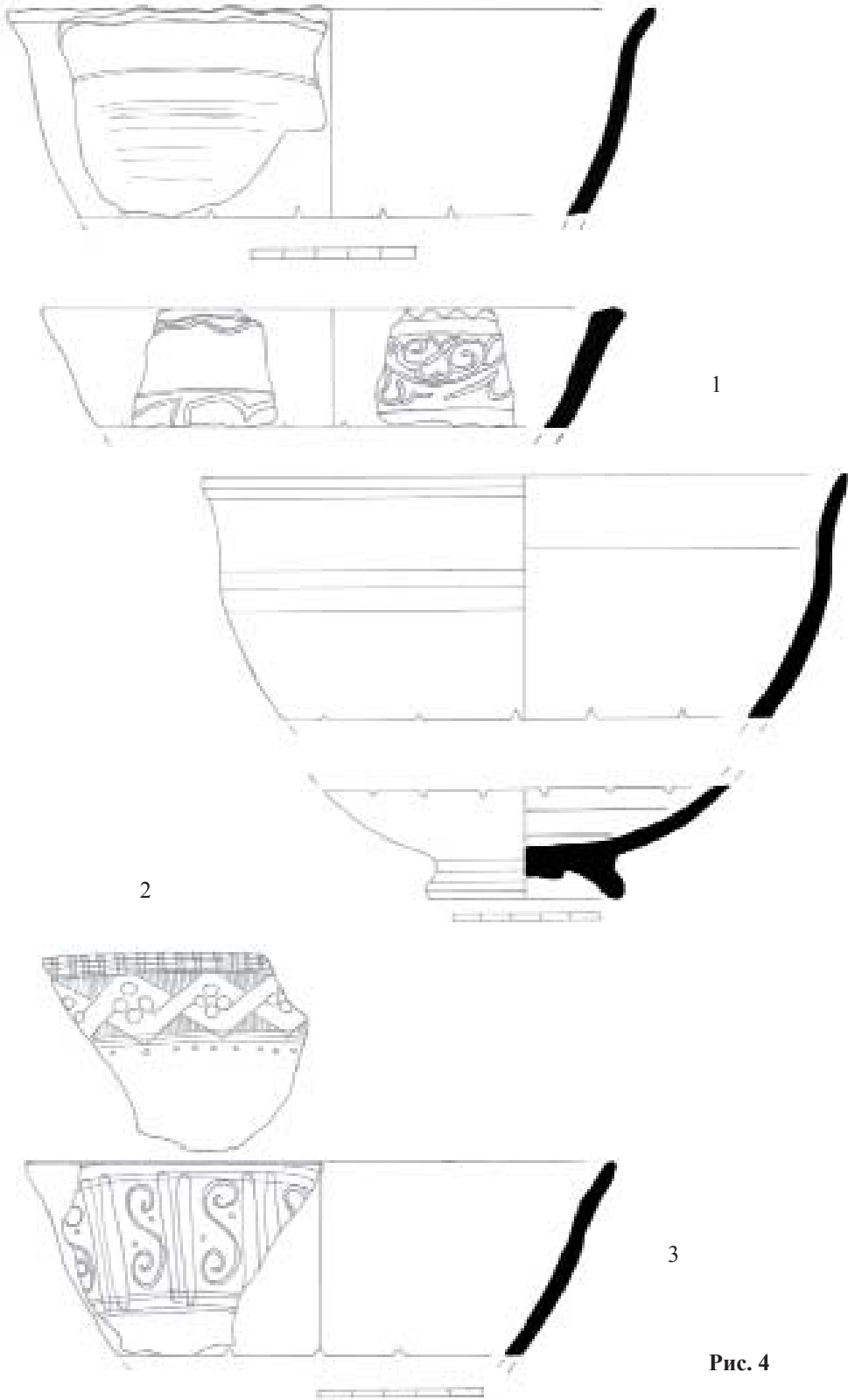


Рис. 4

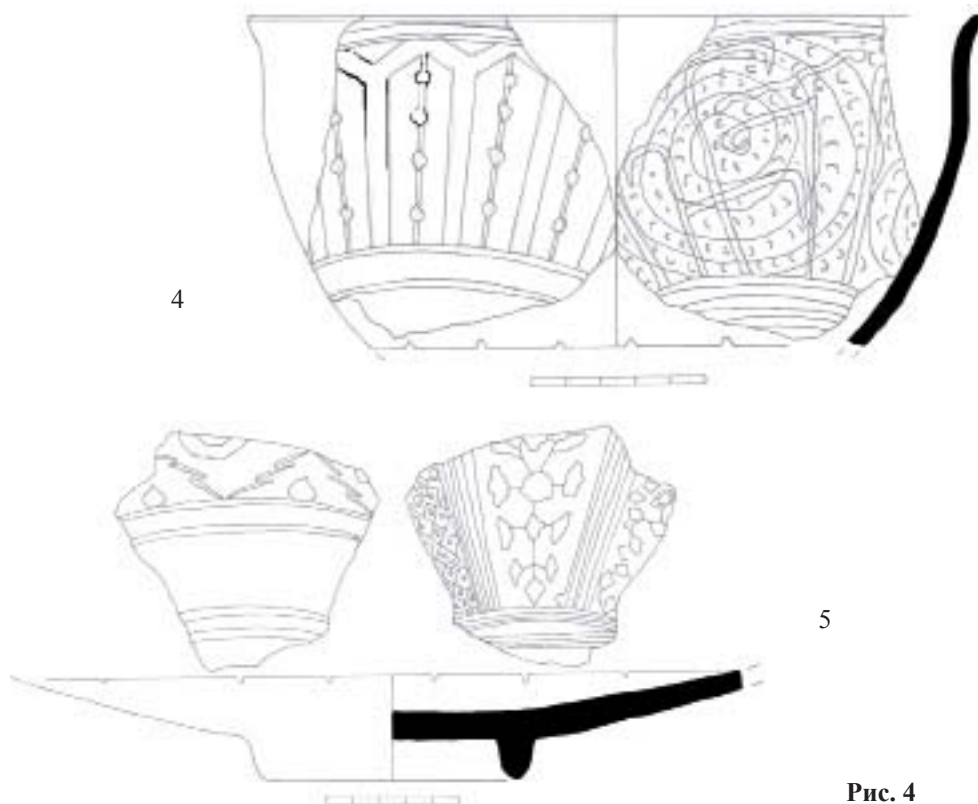


Рис. 4

ются свидетельством торговых связей Пульжая с Ближним, Дальним Востоком и Восточной Европой.

Судя по керамическим материалам, возникновение археологическо-

го комплекса Пульжай относится к IX–XI вв. В XIII–XIV вв. памятник вторично обживается. Расцвет города приходится, видимо, на золотоордынское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асметова Н.* Красноглиняная керамика средневековых памятников Устюрта // Ўзбекистон тарихининг долзарб муоммалари ёш тадқиқотчилар талқинида. – Самарканд, 2012.
2. *Вактурская Н.Н.* О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха–кала // Тр. ХАЭЭ. – 1952. – Т. 1.
3. *Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XIV вв.) // Тр. ХАЭЭ. – 1959. – Т. IV.
4. *Грицина А.А.* Из находок на территории Четарык в Замине // История материальной культуры Узбекистана. Вып.29. – Самарканд, 1998.
5. *Доспанов О.Т.* Жампык кала – орта асир естелиги. – Нокис: Каракалпакстан, 1992.
6. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. – Ташкент, 1978.

7. *Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш.* Кочевнический компонент и демография золотоордынского города Хорезма (XIII–XIV вв.) // Изв. НАН Республики Казахстан. – 2010. – № 1(274).

8. *Кдырниязов М.-Ш., Саипов С.Т., Кдырниязов О.-Ш.* Отчет о археологической работе на городище Пульжай за 2012 г. Архив научного отдела ККГУ. – Нукус, 2012.

9. *Кдырниязов М.-Ш.* Кашинная керамика Хорезма // История и материальная культура Каракалпакстана. – Нукус, 2006.

10. *Кдырниязов М.-Ш.* Материальная культура городов Хорезма XIII–XIV вв. – Нукус: Каракалпакстан, 1989.

11. *Кдырниязов М.-Ш., Искендерова А., Турганов Б.* Археологические работы на городище Пульжай // Археологические работы в Узбекистане. 2004–2005 годы. Вып. 5. – Ташкент, 2006.

12. *Коваль В.Ю.* Кашинная керамика в Золотой Орде // РА. – 2005. – № 2.

13. *Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Тр. ЮТАКЭ. – 1962. – Т. XI.

14. *Маньлов Ю.П.* Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. – Ташкент: Фан, 1982.

15. *Михальченко С.Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. – 1973. – № 3.

16. *Пидаев Ш.Р.* Кухонная посуда Термеза XII – начала XIII вв. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 28. – Самарканд, 1997.

17. *Пидаев Ш.Р.* Осветительные приборы средневекового Термеза // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 34. – Самарканд, 2004.

18. *Хожаниязов Г.Х.* Археологические работы в городище Миздахкан в 1989 году // Вестник КК ФАН Уз ССР. – 1990. – № 4.

19. *Ширинов Т.Ш., Алимов К., Баратов С., Бороффка Н., Вюннеманн Б., Кривоногов В.С., Райнхарт Хр., Рахимов К., Сапаров Н., Сорель Ф.* Полевые работы по проекту INTAS Aral No 00-1030: «Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского моря» // Археологические работы в Узбекистане 2004–2005 гг. Вып. 5. – Ташкент, 2006.

Информация об авторе:

Саипов Садулла Турсынбаевич, ассистент, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха (г. Нукус, Узбекистан); sadullasaipov@mail.ru

PULZHAY'S CERAMICS OF GOLDEN HORDE

S.T. Saipov

The article is devoted to the analysis of the ceramics assemblage of the Golden Horde period from the 2004–2005 and 2012 excavations on the Pulzhai (Puljai) medieval settlement (Republic of Karakalpakstan). The settlement was located in the northern peripheral area of the Khwarezm State on the Ustyurt plateau. The initial stage of its existence refers to the pre-Mongolian time (the 9th through to the 11th centuries), and the second to the Golden Horde period. Various types of the Golden Horde period ceramics and their analogies are described. Unglazed ceramics comprises early three-quarters of the pottery assemblage. Glazed pottery is also encountered, as well as imported samples of red-clay glazed pottery, luster and

celadon. The author makes a conclusion about the development of Pulzhai ceramics, and material culture as a whole, under the influence of Khwarezm in the 13–14th centuries.

Keywords: archaeology, Khwarezm, Usturt plateau, the Middle Ages, the Pulzhai (Puljai) fortified site, Golden Horde ceramics.

REFERENCES

1. Asmetova, N. 2012. In Pardaev, M. X. (ed.). *O'zbekiston tarixining dolzarb muammolari yosh tadqiqotchilar talqinida (Current Problems of the History of Uzbekistan from the Young Scientists' Point of View)*. Samarkand: Institute for Archaeology of the Republic of Uzbekistan named after Ya. G'ulomov (in Russian).
2. Vakturskaia, N. N. 1952. In *Trudy Khorezmskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition)* 1 (in Russian).
3. Vakturskaia, N. N. 1959. In *Trudy Khorezmskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of Khwarazm Archaeological and Ethnographic Expedition)* IV (in Russian).
4. Gritsina, A. A. 1998. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 29. Samarkand: Institute for Archaeology of the Republic of Uzbekistan named after Ya. G'ulomov (in Russian).
5. Dospanov, O. T. 1992. *Zhampyk kala – orta asir esteligi (Zhampyk kala as a Medieval Monument)*. Nukus: “Qaraqalpakstan” Publ. (in Karkalpak).
6. Kamalov, S. K. (ed.). 1978. *Drevniaia i srednevekovaia kul'tura iugo-vostochnogo Ustiurta (Ancient and Medieval Culture of South-Eastern Part of the Ustyurt Plateau)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).
7. Kdirniazob, M.-Sh., Kdirniazob, O.-Sh. 2010. In *Izvestiia NAN Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* (1 (274)), 133-140 (in Russian).
8. Kdirniazob, M.-Sh., Saipov, S. T., Kdirniazob, O.-Sh. 2012. *Otchet o arkhologicheskoi rabote na gorodishche Pul'zhai za 2012 g. (Report on Archaeological Investigations on the Pulzhai Hillfort in 2012)*. Archive of the Scientific Department, Karakalpak State University. Nukus (in Russian).
9. Kdirniazob, M.-Sh. 2006. In *Istoriia i material'naia kul'tura Karakalpakstana (History and Material Culture of Karakalpakstan)*. Nukus, 73-86 (in Russian).
10. Kdirniazob, M.-Sh. 1989. *Material'naia kul'tura gorodov Khorezma XIII—XIV vv. (Material Culture in the Cities of Khwarazm in 13th—14th Centuries)*. Nukus: “Qaraqalpakstan” Publ. (in Russian).
11. Kdirniazob, M.-Sh., Iskenderova, A., Turganov, B. 2006. In *Arkheologicheskie raboty v Uzbekistane. 2004–2005 gody* 5. Tashkent (in Russian).
12. Koval', V. Yu. 2005. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 75-86 (in Russian).
13. Lunina, S. B. 1962. In *Trudy Iuzhno-Turkmenistanskoi arkhologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii (Papers of the Complex Archaeological Expedition in Southern Turkmenistan)* XI. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen Republic, 217-417 (in Russian).
14. Manylov, Yu. P. 1982. In *Arkheologiia Priaral'ia (Aral Sea Region Archaeology)* 1. Tashkent: Fan, 170-181 (in Russian).

15. Mikhal'chenko, S. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 118-132 (in Russian).
16. Pidaev, Sh. R. 1997. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of the Material Culture of Uzbekistan)* 28. Samarkand: Institute for Archaeology of the Republic of Uzbekistan named after Ya. G'ulomov (in Russian).
17. Pidaev, Sh. R. 2004. In *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of the Material Culture of Uzbekistan)* 34. Samarkand: Institute for Archaeology of the Republic of Uzbekistan named after Ya. G'ulomov (in Russian).
18. Khozhaniiazov, G. Kh. 1990. In *Vestnik Karakalpakskogo filiala Akademii nauk Uzbekskoi SSR (Bulletin of the Karakalpak Branch, Academy of Sciences of the Uzbek SSR)* 4 (in Russian).
19. Shirinov, T. Sh., Alimov, K., Baratov, S., Boroffka, N., Wünnemann, B., Krivonogov, V. S., Rheinhardt, Chr., Rakhimov, K., Saparov, N., Sorel, F. 2006. In *Arkheologicheskie raboty v Uzbekistane 2004–2005 gg. (Archaeological Research in Uzbekistan, 2004-2005)* 5. Tashkent (in Russian).

About the Authors:

Saipov Sadulla T. Karakalpakstan State University named after Berdakh. Abdirob St., 1, Nukus, 742000, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan; sadullasaipov@mail.ru

УДК 631.412

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПОЧВ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДА ГАЙ¹

© 2013 г. Л.Н. Плеханова, В.В. Ткачев

В статье охарактеризованы физико-химические свойства культурных напластований поселения Ишкининское (Оренбургская область) эпохи средней бронзы (II тыс. до н.э.). Представлены результаты исследования антропогенно-преобразованных почв, включающих в себя горизонт «культурный слой». Установлено, что не только на поселении, но и вокруг него были сформированы антропогенно-преобразованные погребенные почвы – палеоурбаноземы с разной степенью преобразования первичных свойств. Также в почвенном профиле появились новые горизонты, встроенные в систему горизонтов естественных почв. Описано разнообразие природно-антропогенных подпочв, известных как культурные слои. Прослежен процесс формирования палеоурбаноземов на природных погребенных почвах под воздействием человека на площади древних поселений.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, эпоха средней бронзы, поселение Ишкининское, культурные слои, антропогенно-преобразованные погребенные почвы, палеоурбаноземы.

Введение. В степной зоне Урала доля почв, преобразованных человеком с древности, в речных долинах составляет около 1% (Плеханова, Демкин, 2005, с. 1110). Вместе с тем, деградация современных пастбищ в местах наличия палеоурбаноземов идет быстрее в 3–6 раз (Плеханова, 2010, с. 41), что заставляет обратить особое внимание на свойства палеоурбаноземов, их интеграцию в современный ландшафт в разных природных зонах.

Основные задачи почвенно-археологических исследований заключаются в познании закономерностей эволюции почв различных биогеографических областей юга России, в установлении направленности и скорости изменчивости почвенных

свойств и процессов в связи с вековой динамикой климата в голоцене на основе исследований разновозрастных погребенных палеопочв памятников древней истории (курганы, поселения) с III тыс. до н.э. до XIX в. н.э., в оценке степени влияния человека на почвенный покров и ландшафты в различные исторические эпохи.

Особенностью отечественных исследований является внимание к вопросам реконструкции погребального обряда древних народов при изучении курганов, тогда как за рубежом основное внимание уделяется изучению поселений (Демкин, Демкина, 2003, с. 33). Поселенческие памятники исследованы мало, и могут быть использованы для решения общих вопросов генезиса почв. Именно поселенческие

¹ Исследования проводились при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), в том числе проектом № 12-06-00272.

памятники могут быть использованы при рассмотрении распределения артефактов, интеграции культурного слоя в природную среду, роста природно-антропогенных наносов, и при индикации антропогенных воздействий на окружающую среду.

К настоящему времени накоплен опыт исследований антропогенно-преобразованных почв-палеоурбаноземов Зауралья с различной степенью трансформации, где особый интерес вызывает горизонт «культурный слой» различной мощности, являющийся новым горизонтом, встроенным в систему горизонтов естественных почв. Исследования многослойных разновозрастных археологических памятников имеют как широкую географию, так и различные методические подходы (Демкина, Хомутова, Каширская и др., 2010, с. 213–220; Плеханова, Демкин, 2008, с. 357–365; Плеханова, 2010, с. 29–35).

Район, объекты и методы исследований. Положение территории Гайского района Оренбургской обл. определяет континентальность как основную черту современного климата. Существенное влияние оказывают антициклоны (в особенности Азиатский). Сумма средних суточных температур выше 10°C составляет 1950–2300°. За год выпадает 200–250 мм осадков, за вегетационный период 100–150 мм. Гидротермический коэффициент 0.7–0.8.

Объектом исследования послужили почвы многослойного разновозрастного памятника – поселения Ишкининское, расположенного в степной зоне Оренбургской обл. на административной территории Гайского р-на вблизи пос. Ишкиновка на расстоянии 650 м, азимут 270°. Ко-

ординаты поселения: север 51°27'42" восток 58°17'03,6", рядом с ущельем Аул-Ган. С рудника видна гора Беркутовая. Раскоп имеет вид вытянутого прямоугольника с длиной свыше 15 м и шириной 9 м. Автор раскопа, держатель открытого листа к.и.н. В.В. Ткачев. Площадь проективного покрытия растительности составляет 70%, высота 20 см, ассоциации полынно-типчаковые. Дернина не обособлена ни на самом поселении, ни в фоновом разрезе, вся площадка использовалась в различные периоды в основном как пастбище.

Почва сформировалась на суглинистых и тяжелосуглинистых карбонатсодержащих отложениях. Грунтовые воды располагаются на глубине более 3 м. В пределах поселения сформировались антропогенно-преобразованные почвы, представленные палеоурбаноземами.

В настоящее время участок используется под пастбище с умеренным выпасом. Растительные ассоциации разнотравно-типчаковые, разнотравно-луговые с растительностью рудеральной и синантропной групп, кроме того, вдоль современной дороги (к востоку от раскопа) встречаются бурьянистые сообщества с доминированием лебеды и конопли. Площадь проективного покрытия в зарослях доходит до 80–90%, высота растений к востоку от раскопа 50–70 см, к югу 15–25 см.

В исследовании применялись сравнительно-хронологический, сравнительно-географический и почвенно-археологический методы. Морфологические описания и определение химических свойств почв проводилось по общепринятым методикам (Аринушкина, 1970, 490 с.;

Мякина, Аринушкина, 1979, 63 с.). Величина магнитной восприимчивости измерялась каппаметром КТ-5.

Результаты и обсуждение.

Современные подходы в изучении культурных слоев (далее КС). Рассмотрение разновозрастных КС дает возможность проследить жизнь общества и природные процессы в их динамике, изменение слоя под влиянием зональных климатических условий, оценить время восстановления почвами своих прежних свойств и функций, преобразованных деятельностью человека, то есть оценить регенеративные свойства почв как компонента экосистем. В настоящее время сложилось представление, что КС необходимо рассматривать как результат производственной деятельности человека, результат процесса преобразования почв вследствие этой деятельности и наложения на него естественных процессов (Сычева, 1994, с. 28–29).

В последние годы обсуждаются вопросы осадконакопления в речных долинах, синлитогенного и постлитогенного почвообразования. В поймах процессы почвообразования и осадконакопления чередуются или совмещаются, запечатлевая этапы развития ландшафта в виде погребенных почв и осадконакоплений. Применяя к расшифровке памяти пойменных почв почвенно-геологические подходы (Плеханова, Иванов, Чичагова, 2001, с. 135–136; Плеханова, 2010, с. 31), можно фиксировать различное число этапов развития.

Формирование культурных слоев большой мощности по скорости накопления антропогенных «осадков» сравнимо с геологическими процессами при формировании наносов аллювиально-делювиального происхожде-

ния. Велики мощности культурного слоя в современных городах, где он формировался длительно, концентрируя в себе отходы жизнедеятельности; жилищные конструкции увеличивали мощность культурного слоя не только саморазрушаясь, но и выполняя пылесобирательную функцию.

Общие особенности культурных слоев. Для КС характерна неоднородность, подщелачивание, обогащение гумусом и фосфором. Измерение магнитной восприимчивости почв считаем перспективным экспресс-методом диагностики эволюционных изменений почв, в том числе и на культурных слоях археологических объектов. КС как древних поселений, так и современных городов неоднороден как морфологически, так и в пространственном распределении по площади поселения.

Морфологические и химические свойства палеоурбаноземов и современных фоновых почв.

Особенности палеоурбаноземов поселения Ишкининское. Вся площадь поселения Ишкининское интенсивно использовалась. Культурный слой сплошной, многогоризонтный (до 8 подгоризонтов, в разрезе Ишк-01), с общей мощностью около 1 метра, местами доходящий до 1,5 м, золистый, легкосуглинистый, распашке не подвергался. Разрезы с 1 по 11 характеризуют антропогенно-преобразованные почвы, включающие в себя горизонт «культурный слой» (далее – КС) различной мощности. На раскопе расчищено два колодца, два очага и развалы двух конструкций с большим содержанием органических включений. Кроме обычных для подобных поселений золистого, углистого и прокаленного КС, отметим сохранность

многослойности культурных слоев, в особенности, наличие и сохранность органического КС. Морфологическая характеристика наиболее многослойного участка поселения представлена в табл. 1. Отметим наличие на поселении плотного светло-серого КС.

Верхние 70 см разреза представляют собой природно-антропогенный нанос, включающий среднесуглинистый гумусированный культурный слой с остатками органический древесных конструкций и включениями кости. Особенностью разреза является выделение большого числа подгоризонтов культурного слоя, в том числе «пегматитового» зольника, возможно, являющегося примером чистого зольника, и ярких органических прослоев хорошей сохранности. Сформировался палеоурбанозем с встроенными в систему естественных горизонтов горизонтами искусственного происхождения. На 6 образцах произведен споро-пыльцевой анализ, результаты которого будут представлены в докладе.

После того, как население эпохи бронзы оставило поселение, территория неоднократно использовалась людьми. Непосредственно культурный слой, представленный преимущественно легкосуглинистым зольником (с переходами к супеси, либо к среднему суглинку), в пределах поселения выходит на современную поверхность почвы, где подвергся неоднократным циклам залосоления-осолодения.

Природно-антропогенный нанос охватывает верхние 30–45 см профиля. Особенностью разреза 4 (квадрат Б2, восточная стенка западной экспозиции) является двукратное формирование солонцового горизонта в толще современного горизонта КС(АВ_{SL}) орг. (5–45 см). Отметим неоднород-

ное растрескивание стенки при подсыхании, толщу можно подразделить на три подгоризонта, по степени выраженности остаточно-солонцовых столбчатых отдельностей. На глубине 10–15 см расположение трещин через 5 см, второй тип растрескивания на глубине 30–40 см, с шириной отдельностей 7–9 см. Вскипание горизонта от 10% НСL местами, в целом среднее-нормальное; внутри отдельностей при разломах выражается слабее, чем в иных точках горизонта, как и на гранях отдельностей. Граница горизонта является линией сплошного вскипания (выше линии вскипания участками). Сформировался палеоурбанозем остаточно-солонцеватый с двумя циклами засоления-рассоления в профиле. Вероятно, данный КС отражает этапы почвообразования на заброшенном поселении.

В разрезе 5 мы встречаем сформированные по культурному слою осолоделый и солонцовый горизонты. Солонец тонкостолбчатый с отдельностями шириной 3–5–7 см, длиной до 10–12 см, верх окатан, имеет горизонтальную непрочно-призматическую делимость. Отдельности непрочные, при легком надавливании рукой разрушаются. Корнями пронизан сильно. Вероятно, солонцовый процесс имел место в некотором прошлом.

Внутрипочвенные застойные водные явления отмечены в квадратах Б–В–2, где на поверхности фиксируется микропонижение. Поверхностным горизонтом становится А1А2 – яркий, белесый, пылящий с тонкой пластинчатостью, ниже лежит АВ_{SL} слабо уплотненный, вероятно, на начальном этапе осолонцевания, либо на конечном рассолонцевания. В правом углу квадрата В2, где разрез

Таблица 1

Морфологическая характеристика Разреза Ишкинино-1
(квадрат Д2 раскопа, западная стенка восточной экспозиции)

Горизонт, глубина, см	Морфологическое описание
A1 0-5 (10)	Сухой, светло-серый, <u>легкосуглинистый</u> , <u>тонкопластинчатый</u> с горизонтальной ориентацией; пылит. Корнями пронизан сильно. Переход в нижележащий горизонт ясный, граница слабоволнистая.
КС 8 _{орг} 5(10)-18(22)	Сухой, светло-коричневый с буроватостью, <u>горизонтально-слоистый</u> , <u>легкосуглинистый</u> , с белесыми горизонтальными высветленными прослоями, которые чередуются с чуть более коричневыми тонкими прослоями шириной до 0,3-0,5 см. Порами пронизан сильно, размеры пор средние, горизонт легкий. Включения – камни 1*1,5 см. Представляет собой горизонт развала жилищных конструкций или перекрытий, предположительной саманных. Горизонт вскипает от 10% HCL, вскипание слабое, с одним слоем пузырьков. Переход в нижележащий горизонт заметный по исчезновению коричневого оттенка, обусловленного исчезновением органических включений, граница перехода слабоволнистая.
КС 7 18(22)-30(32), с костью	Сухой, светло-серый, <u>легкосуглинистый</u> , мелкокомковатый, корнями пронизан сильно. Поры тонкие, обильные. Вскипание от 10% HCL бурное многослойное. Встречаются карбонатные кутаны по корневым ходам, размерами до 1 мм, обилие 1 балл. Имеются <u>включения кости</u> разных размеров, в том числе крупных (ребра), обилие 3-4 балла. Переход ясный по изменению цвета и наличию органики в нижележащем горизонте. Граница перехода слабоволнистая.
КС 6 _{орг-ярк} 30(32)-35(40)	Сухой, коричнево-бурый, в профиле является наиболее ярким. Фактически представляет собой прослой хорошо сохраненной древесины, являясь остатком перекрытия деревянной конструкции; ширина варьирует от 7 до 15 см, имеются норы. В зоне древесной коры, лежащей горизонтально, отмечены два сильнокарбонатных прослоя, представляющие собой идентичный гор. ВС материал, карбонатно-пропиточный, вскипающий бурно, имеющий белесовато-светло-зеленый оттенок. Вероятно является промазкой в жилищной конструкции, в любом случае является деталью конструкции. Вероятно, расплылся, попав между слоями древесной коры, которая и сейчас является уплотненным барьером. Переход в нижележащий горизонт ясный, граница сильноволнистая.
КС 5 35(40)-50, вариаб.	Сухой, светло-серый, <u>легкосуглинистый</u> , упрепсован в тонкие «кирпичики» размерами 0,5*0,2 см, в профиле резко выделяется своеобразной «пестротой», <u>напоминающей картинку пегматита</u> . Тонкое сложение обусловлено неравномерной слоистой высадкой карбонатов кальция 0,3*0,2 см. От вышележащего отделяется некоторой светло-серой прослойкой этого же материала, но не столь яркого пестрого сложения. Вскипание бурное. Имеются норы. Переход в нижележащий ясный, граница сильноволнистая, местами образует языки.

КС 4 50-60	Сухой, светло-серый, <u>легкосуглинистый, комковатый</u> – впервые в профиле структурный – легко давится рукой, <u>обильно тонкопористый</u> . Содержит тонкие хаотичные прослои древесной органики. Вскипание от 10% HCL нормальное, имеются новообразования CaCO ₃ в виде точек, а также высадки по очень тонким корневым ходам. Мощность слоя варьирует от 30-50 см в левой части бровки (глубина 40-60(70) см), до 10 см в правой (глубина 50-60 см). Переход в нижележащий горизонт в данном квадрате является ясным, поскольку ниже находится развал очага; граница перехода волнистая.
КС 3 60-67	Сухой, темно-серый с древесными углями
КС 2 60-65 прокал	Сухой, белесовато-светло-ржавый, <u>легкосуглинистый непрочно-комковатый</u> , пылит; лежит локально. Вскипание от 10% HCL бурное, не исключена вторичная внутрипочвенная высадка карбонатов.
КС 1 65(70)-75	Сухой, светло-серый (серовато-коричневатый), <u>легкосуглинистый, остаточного-зернисто-комковатый</u> с нечеткими мягкими гранями, легко давится рукой. Поры средние, редко встречаются крупные. Вскипание от 10% HCL нормальное, переход заметный, местами до ясного.
ВС 70(75)-80↓	Сухой, белесоватый со слабым желтовато-зеленоватым оттенком, <u>тяжелосуглинистый, остаточного-зернистый</u> с четкими гранями. Вскипание от 10% HCL очень бурное. Ограничен глубиной раскопа.

Таблица 2

Гранулометрический состав почв археологического поселения Ишкининское

Горизонт, глубина отбора образца, см	Содержание фракций (мм) в %.						
	1-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	<0,001	<0,01мм
Разрез Ишк-01-09							
A1A2 0-5	27,73	24,31	23,84	8,36	8,32	7,44	24,12
КС /8 5/10-20	31,49	19,79	23,96	5,36	6,92	12,48	24,76
КС /7 18/22-30	21,99	24,45	22,60	8,28	11,44	11,24	30,96
КС /6 орг30-30	19,46	26,50	29,24	4,36	7,68	12,76	24,80
КС /5 зол 40-50	17,17	21,25	35,06	8,88	7,32	10,32	26,52
КС /4 50-60	14,94	33,14	24,40	8,68	9,80	9,04	27,52
КС /3 угл 60-70	16,92	25,36	30,12	9,64	11,28	6,68	27,60
КС /2 прк 60-65	25,65	35,63	21,96	6,00	4,04	6,72	16,76
КС /1 65/70-75	16,50	29,62	28,32	5,56	9,76	10,24	25,56
ВС 70/75-80↓	5,56	9,40	28,00	11,52	24,20	21,32	57,04
Разрез Ишк-05-09							
A1A2 0-7	23,52	13,08	36,04	7,40	10,84	9,12	27,36
ABsl 10-15	20,69	23,47	30,96	4,84	8,64	11,40	24,88
КС орг 20-30	25,41	24,95	27,24	5,12	5,16	12,12	22,40
КС кмк 40-50	24,56	25,76	29,36	3,16	8,72	8,44	20,32
КС сер пл 45-60	20,94	31,38	25,48	5,00	8,48	8,72	22,20
Разрез Ишк-12-09, фон							
КС 0-7	8,49	17,07	33,84	8,72	17,52	14,36	40,60
КС 15-20	7,32	18,76	32,28	6,00	17,28	18,36	41,64
КС 30-35	8,77	17,59	29,68	6,80	17,28	19,88	43,96

КС 45-55	5,69	9,07	26,28	9,24	19,00	30,72	58,96
АВ 65-75	2,07	7,73	25,16	7,56	19,96	37,52	65,04
ВС 85-90	0,46	9,54	28,24	1,92	18,16	41,68	61,76

Таблица 3

Химический состав почв археологического поселения Ишкининское

Горизонт, глубина отбора, см	рН водн	Гумус	CaCO ₃	CaSO ₄	P ₂ O ₅ По Мачи- гину	Обменные катионы				ЕКО
						Ca ⁺⁺	Mg ⁺⁺	Na ⁺	K ⁺	
						%		%		
Разрез Ишк-01										
А1А2 0-5	7,3	14,913	4,385	0,050	21,6	67,9	18,4	0,6	13,0	45,06
КС /8 5/10-20	7,24	21,085	4,635	0,374	14,4	77,3	18,4	0,6	3,6	70,51
КС /7 18/22-30	7,58	9,999	6,952	0,419	36,0	73,4	21,0	0,7	4,9	57,60
КС /6 орг 30	5,82	35,894	6,952	0,580	20,0	62,0	32,5	0,7	4,8	109,84
КС /5 зол 40-50	6,46	7,344	6,702	1,249	16,8	61,4	28,8	1,3	8,5	99,02
КС /4 50-60	6,90	7,775	6,952	0,419	26,4	56,5	30,2	1,4	11,9	71,74
КС /3 угл 60-70	6,89	15,016	2,636	0,566	22,4	52,4	33,1	1,9	12,6	83,98
КС /2 прк 60-65	7,07	1,810	10,179	0,720	15,2	57,5	24,7	1,7	16,1	73,20
КС /1 70-75	6,97	5,844	8,793	0,499	22,4	55,3	28,2	1,8	14,8	67,49
ВС 70/75-80↓	7,14	1,483	12,496	0,448	16,0	62,6	22,2	1,6	13,7	46,83
Разрез Ишк-05										
А1А2 0-7	7,80	13,516	9,724	0,029	27,2	75,4	10,6	0,6	13,5	49,23
АВsl 10-15	7,37	23,429	0,454	0,124	56,0	81,0	14,2	0,8	3,9	68,24
КС орг 20-30	5,70	21,309	4,158	1,214	45,6	73,9	22,9	0,4	2,8	72,55
КС кмк 40-50	7,10	17,257	7,180	0,669	58,4	73,3	21,0	0,4	5,3	72,44
КС сеп 45-60	7,04	5,637	9,724	0,816	28,0	67,7	22,2	0,7	9,5	67,25
Разрез Ишк-12, фон										
КС 0-7	7,35	11,896	3,476	0,021	24,8	57,0	30,4	0,5	12,2	45,12
КС 15-20	7,45	8,948	4,158	0,029	28,0	46,0	37,8	0,5	15,7	45,48
КС 30-35	7,56	9,051	3,476	0,029	20,8	40,8	40,0	0,6	18,6	46,78
КС 45-55	7,27	7,775	3,226	0,036	16,8	39,2	35,8	0,4	24,7	46,69
АВ 65-75	7,53	4,155	2,772	0,043	9,8	40,3	31,2	0,3	28,2	41,70
ВС 85-90	7,86	0,948	2,317	0,029	5,0	53,3	22,8	0,3	23,7	39,98

Ишк-02 светло-серый горизонт прошел над очагом – над внутрипочвенным водоупором, сам горизонт в своей современной морфологии является частично следствием внутрипочвенных застойных явлений. Гранулометрический состав и химические свойства представлены в табл. 2–3.

На глубине 40–65 см в разрезе 4 (квадрат Б2, западная стенка) сохранилась нижняя часть погребенной почвы мощностью около 20 см, представленная горизонтом [A/B], языки-трещины которого являются реликтом эпохи с резко континентальным климатом, имевшей место до строительства поселения, т.е. более 3500 лет назад.

Разрез 12 находится в 30 м от поселения и является нестрогой фоновой почвой для поселения, поскольку почва здесь также испытывала антропогенное воздействие и шло формирование природно-антропогенного наноса, содержащего слабее выраженный, и более плотный, чем на поселении, культурный слой мощностью до 40 см. Глубже лежит среднесуглинистый горизонт [A/B], представля-

ющий собой остаток погребенной почвы, включенный в процессы почвообразования. С 80 см лежит переходный к почвообразующей породе тяжелосуглинистый горизонт $BC_{Fe, Mn}$, имеющий карбонатные новообразования в виде конкреций до 1 см диаметром, карбонатные корки по граням отдельностей, а также железо-марганцевые новообразования в виде точек, либо пропиток и корочек по граням отдельностей. Дернина не обособлена ни на самом поселении, ни в фоновом разрезе, вся площадка использовалась в различные периоды.

Заключение. Во всех случаях в пределах поселения сформировались антропогенно-преобразованные почвы, представленные палеоурбаноземами с различной степенью трансформации, с новыми горизонтами, встроенными в систему горизонтов естественных почв. При накоплении данных о физико-химических свойствах культурных слоев возможно описать разнообразие природно-антропогенных отложений, в настоящее время классифицируемых как КС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аринушкина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 490 с.
2. *Демкин В.А., Демкина Т.С.* Археологическое почвоведение на пороге третьего тысячелетия // Проблемы эволюции почв. Матер. IV Всеросс. конф. – Пушкино, 2003. – С. 29–34.
3. *Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Стретович И.В., Демкин В.А.* Микробиологические исследования палеопочв археологических памятников степной зоны // Почвоведение. – 2010. – № 2. – С. 213–220.
4. *Плеханова Л.Н.* Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья // Природа. – 2010. – № 3. – С. 37–43.
5. *Плеханова Л.Н.* Некоторые результаты работ по созданию Красной Книги почв Челябинской области // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 8(189). Экология. Природопользование. Вып. 4. – С. 29–35.
6. *Плеханова Л.Н., Демкин В.А.* Древние нарушения почвенного покрова речных долин степного Зауралья // Почвоведение. – 2005. – № 9. – С. 1102–1111.

7. Плеханова Л.Н., Демкин В.А. Палеопочвы комплекса Солончанка IX и климат степного Зауралья в IV в. н.э. // Экология. – 2008. – № 5. – С. 357–365.

8. Плеханова Л.Н., Иванов И.В., Чичагова О.А. Эволюция почв и осадконакопление в поймах рек степной зоны // Тез. докл. IV Всерос. конф. «Проблемы эволюции почв» (9–12 апреля 2001 г., г. Пушкино). – М., 2001. – С. 135–136.

9. Мякина Н.Б., Аринушкина Е.В. Методическое пособие для чтения результатов химических анализов почв. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 63 с.

10. Сычева С.А. Почвенно-геоморфологические аспекты формирования культурного слоя древних поселений // Почвоведение. – 1994. – № 3. – С. 28–33.

Информация об авторах:

Плеханова Людмила Николаевна, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения Российской академии наук (г. Пушкино, Россия); dianthus1@rambler.ru

Ткачев Виталий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета (г. Орск, Россия); vit-tkachev@yandex.ru

PHYSICAL-CHEMICAL PROPERTIES OF SOILS AT THE MULTILAYERED BRONZE AGE SETTLEMENT IN THE SURROUNDINGS OF GUY T TOWN

L.N. Plekhanova, V.V. Tkachev

Physical and chemical properties of the cultural layers on the Ishkinovka ancient settlement (Orenburg oblast) dated to the Middle Bronze Age (2nd millennium BC) are characterized in the article. The results of the study of anthropogenically transformed soils, which includes the “cultural layer” horizon, are provided. It has been established that both on the settlement site and around it there were formed anthropogenically transformed fossil soils, or fossil urban soils, with different degree of initial properties transformation. Besides, new soil horizons had been generated in the natural soil profile. A description of a variety of natural-anthropogenic sub-soils, known as cultural layers, is offered. The process of fossil urban soils formation upon natural fossil soils under human influence in the area of ancient settlements is traced.

Keywords: archaeology, the Southern Urals, the Middle Bronze Age, the Ishkinovka site, cultural levels, anthropogenically transformed fossil soils, fossil urban soils.

REFERENCES

1. Arinushkina, E. V. 1970. *Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochv (Guidebook for the Chemical Analysis of Soils)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
2. Demkin, V. A., Demkina, T. S. 2003. In *Problemy evoliutsii pochv (Issues of Evolution of Soils)*. Pushchino, 29–34 (in Russian).
3. Demkina, T. S., Khomutova, T. E., Kashirskaia, N. N., Stretovich, I. V., Demkin, V. A. 2010. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (2), 213–220 (in Russian).
4. Plekhanova, L. N. 2010. In *Priroda (Nature)* (3), 37–43 (in Russian).

5. Plekhanova, L. N. 2010. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Chelyabinsk State University)* (8 (189)) = *Ekologiya. Prirodopol'zovanie (Ecology and Environmental Management)* 4, 29–35 (in Russian).
6. Plekhanova, L. N., Demkin, V. A. 2005. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (9), 1102–1111 (in Russian).
7. Plekhanova, L. N., Demkin, V. A. 2008. In *Ekologiya (Ecology)* (5), 357–365 (in Russian).
8. Plekhanova, L. N., Ivanov, I. V., Chichagova, O. A. 2001. In *Problemy evoliutsii pochv (Issues of Evolution of Soils)*. Pushchino: s. ed., 135–136 (in Russian).
9. Miakina, N. B., Arinushkina, E. V. 1979. *Metodicheskoe posobie dlia chteniia rezul'tatov khimicheskikh analizov pochv (Guidance Manual to Read Results of Soil Chemical Analyses)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
10. Sycheva, S. A. 1994. In *Pochvovedenie (Eurasian Soil Science)* (3), 28–33 (in Russian).

About the Authors:

Plekhanova Lyudmila N. Candidate of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; dianthus1@rambler.ru

Tkachev Vitaliy V. Candidate of Historical Sciences. Orsk Humanitarian Technological Institute (branch) of the Orenburg State University. Mira Ave., 15a, Orsk, 462403, Orenburg Oblast, Russian Federation; vit-tkachev@yandex.ru

УДК 69(091):94

ХИМИЧЕСКИЕ И МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДИАГНОСТИЧЕСКИХ СЛОЕВ В ЗАПОЛНЕНИИ КОТЛОВАНОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСТРОЕК¹

© 2013 г. А.В. Борисов

В статье представлена концепция диагностических слоев в заполнении котлованов средневековых построек. Под термином «диагностические слои» предлагается понимать слои с определенными морфологическими, химическими и микробиологическими свойствами, формирующиеся в заполнении котлованов в результате определенных процессов. В данной работе проведена систематизация различных диагностических слоев, приводится описание их состава, свойств и условий формирования. Исследование проводилось на объектах средневековых селищ Дмитровское-2 и Кружок Московской области. Предлагаемая концепция может стать основой для ретроспективного анализа в направлении: свойства слоя – механизм его формирования – исходный материал – участие этого материала в функционировании постройки.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, средневековье, поселение, постройка, котлован, диагностический слой, химические свойства, микробиологические свойства, естественнонаучные методы.

Котлованами построек обычно называют крупные материковые ямы, в заполнении которых фиксируются разнородные слои почвенно-грунтового материала с включениями собственно остатков постройки, керамики, костей, камня и других артефактов. Формирование заполнения котлована происходит в результате сложного комплекса процессов антропогенной и естественной природы, что обуславливает известное многообразие вариантов заполнения. В каждом конкретном случае в заполнении котлована обнаруживаются слои, которые не встречаются на других объектах. Определенные сложности вызывает и сам процесс выявления и фиксации слоев. В результате возникает ситуация, при которой ис-

следователь, не имея надежной аналоговой базы, либо устраняется от реконструкции и интерпретации процесса заполнения котлованов, либо делает это произвольно, основываясь на собственном опыте, а чаще – на интуиции.

Однако данная тема является довольно важной для понимания целого пласта культурно-исторических реалий, связанных с бытовой и производственной деятельностью средневекового населения. Подтверждением тому является заметно возросший интерес к интерпретации заполнения котлованов и серия публикаций на эту тему (Коваль, 2007, с. 65; Персов, Солдатенкова, 2008, с. 61; Борисов, 2010а, с. 125–135; Борисов, 2010б, с. 99–107; Грибов, 2012, с. 155–166).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 12-06-00272-а, «Естественнонаучные основы типологии заполнения котлованов средневековых построек»).

Данная работа посвящена систематизации слоев, встречающихся в заполнении котлованов построек. Высказанные в данной работе предположения основаны на наблюдениях автора и изучении свойств заполнения котлованов построек на средневековых селищах Дмитровское-2 и Кружок, охранные раскопки которых проводились в 2006–2009 гг. в Красногорском районе Московской обл. под руководством к.и.н. М.В. Цыбина. В целом данную работу можно рассматривать как развитие предложенного Н.Н. Грибовым подхода по выделению «характерных структур» в заполнении котлованов построек (Грибов, 2012, с. 155). Но, в отличие от вышеуказанной работы, предлагается более дробное разделение, основанное не только на морфологических характеристиках слоев, но также на их химических и микробиологических свойствах с реконструкцией процесса формирования.

В основу подхода положена концепция *диагностических слоев*. Этим термином предлагается называть те слои в заполнении, которые периодически встречаются в различных котлованах и характеризуются сходными морфологическими параметрами, сходными химическими и микробиологическими свойствами, образовались из одного и того же материала в результате сходных процессов. Зная свойства диагностических слоев, можно реконструировать механизм его формирования, исходный материал и участие этого материала в функционировании постройки.

Выделяются две группы диагностических слоев: материковые и антропогенно-материковые. Материковые слои состоят исключительно из

материала почвенного или материкового происхождения, в то время как в формировании антропогенно-материковых слоев участвует материал собственно постройки (стен, пола, кровли и т.д.) с определенной долей почвенно-грунтового материала. Рассмотрим возможные варианты диагностических слоев в пределах каждой группы.

Антропогенно-материковые диагностические слои. *Наполн на дне (бытовой)* (рис. 1, слой 10; рис. 3, слой 8; рис. 4, слой 7) довольно мощный (несколько сантиметров), в отдельных случаях до 10 см и более; имеющий одинаковую или близкую мощность на всем протяжении; залегающий, как правило, непосредственно на дне котлована на материке; более темный; плотный; отличный по гранулометрическому составу от остального заполнения котлована (более суглинистый на супесчаных грунтах или более легкий на грунтах тяжелого гранулометрического состава); богатый органикой (содержание органического углерода до 10–15%), в некоторых случаях с выраженными коричневыми тонами в окраске от полуразложившейся органической массы; с максимально высокими показателями микробиологической активности; обогащен подвижными фосфатами, с повышенным содержанием таких микроэлементов, как P, S, Fe, Hg, Zn (табл. 1); в некоторых случаях с повышенными значениями кератинолитической и уреазной активности² (табл. 2); часто наблюда-

² Методика определения уреазной активности описана в статье: Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С. Химические и микробиологические свойства культурных слоев по-

Таблица 1. Содержание макро- и микроэлементов в заполнении котлованов построек

	Сельские Домгрозоское-2, Постройка 5					Сельские Домгрозоское-2, Постройка 3 (раском 4)					Материк	Культурный слой			
	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5	Слой 6	Слой 7	Слой 8	Слой 9	Слой 10			Слой 11	Слой 12	Слой 9
MgO	0,63231	0,688671	0,783017	0,612592	0,809774	0,694969	0,729216	0,539577	0,5020586	0,5020586	0,5020586	0,5020586	0,5020586	0,440732	0,461158
P2O5	1,017079	1,034069	0,858614	0,472705	1,763112	1,113879	1,291073	1,032444	0,2247284	0,2247284	0,2247284	0,2247284	0,2247284	0,352063	0,355005
S	0,199126	0,206043	0,163761	0,085453	0,34998	0,217321	0,239912	0,177075	0,1104424	0,1104424	0,1104424	0,1104424	0,1104424	0,050055	0,073627
Cr	0,008193	0,008185	0,008235	0,008748	0,00815	0,008165	0,008195	0,008239	0,008235	0,008235	0,008235	0,008235	0,008235	0,008101	0,008326
MnO	0,112856	0,124785	0,091095	0,069291	0,188225	0,121577	0,144052	0,072641	0,0109019	0,0109019	0,0109019	0,0109019	0,0109019	0,038037	0,099956
Fe2O3	2,933207	3,358917	2,799866	3,527862	3,976428	3,345258	3,512895	3,494667	2,7404687	2,7404687	2,7404687	2,7404687	2,7404687	1,926935	2,887787
Ca	0,003667	0,000866	0,002382	0,003332	0,002301	0,001263	0,002741	0,004337	0,0068888	0,0068888	0,0068888	0,0068888	0,0068888	0,006039	0,003681
Zn	0,006926	0,009508	0,006445	0,006159	0,013807	0,008776	0,005021	0,004207	0,005245	0,005245	0,005245	0,005245	0,005245	0,000264	0,004395
Pb	0,003311	0,003517	0,002975	0,002158	0,002188	0,0045	0,002247	0,001861	0,002536	0,002536	0,002536	0,002536	0,002536	0,001464	0,002484
Hg	6,61E-06	7,53E-06	5,8E-06	5,68E-06	9,1E-06	7,19E-06	5,2E-06	6,5E-06	4,54E-06	4,54E-06	4,54E-06	4,54E-06	4,54E-06	0,000003	0,000006
Sr	4,54E-05	0	0	7,57E-05	3,01E-05	0	0	5,58E-05	0,000111	0,000111	0,000111	0,000111	0,000111	0,000186	0,000047

	Сельские Домгрозоское-2, Постройка 1					Сельские Домгрозоское-2, Постройка 3 (раском 4)					период на дне	
	Слой 2	Слой 4	Слой 5	Слой 6	Слой 8	Слой 1	Слой 2	Слой 4	Слой 5	Слой 8		
MgO	0,538231	0,572449	0,423777	0,504187	1,590563	0,604739	0,619387	0,739286	0,5780004	0,28975	0,502059	0,502059
P2O5	0,539416	0,92707	0,755663	0,952621	2,34237	0,780067	0,956218	1,499108	1,1634943	0,192792	0,224728	0,224728
S	0,092724	0,095502	0,123444	0,166873	0,467995	0,150856	0,162794	0,310568	0,2177855	0,04779	0,110442	0,110442
Cr	0,008433	0,008273	0,008029	0,008037	0,008171	0,010032	0,008241	0,008169	0,0082657	0,008203	0,008479	0,008479
MnO	0,055796	0,141564	0,056922	0,045631	0,225945	0,148582	0,091921	0,133759	0,0982288	0,011994	0,010902	0,010902
Fe2O3	3,54255	3,834047	2,367119	2,795719	5,496818	3,230427	2,841833	4,145432	3,8431666	2,023342	2,740469	2,740469
Ca	0,002196	0,002462	0,003495	0,001136	0,003322	0,004351	0,002926	0,004545	0,0028628	0,004715	0,006889	0,006889
Zn	0,006166	0,005826	0,004142	0,005218	0,006997	0,007686	0,006945	0,009582	0,0083267	0,008965	0,005245	0,005245
Pb	0,001815	0,002325	0,002146	0,002272	0,003399	0,003631	0,002741	0,003331	0,002493	0,004203	0,001862	0,001862
Hg	5,6E-06	6,08E-06	5,67E-06	7,13E-06	4,94E-06	7,71E-06	6,08E-06	6,78E-06	6,038E-06	7,04E-06	0,000005	0,000005
Sr	0	0	0	0	2,12E-05	0,000128	0	0,000194	0,0001873	0	0,000503	0,000503

	Сельские Домгрозоское-2, Постройка 3 (раском 2)				
	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 6	Слой 8
MgO	0,567200	0,670600	0,718000	0,545800	0,536533
P2O5	0,396500	1,102400	0,482000	0,428431	0,428431
S	0,040700	0,139300	0,169100	0,190533	0,200459
MnO	0,185200	0,184200	0,032800	0,115500	0,123372
Fe2O3	2,293700	2,630800	2,444300	1,963500	2,102029
Ca	0,001400	0,002300	0,006100	0,001200	3,451283
Hg	0,000006	0,000011	0,000015	0,000008	0,004738
Sr	0,000003	0,000200	0,000500	0,000030	0,003744

	Сельские Домгрозоское-2, Постройка 3 (раском 2)				
	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 6	Слой 8
MgO	0,567200	0,670600	0,718000	0,545800	0,536533
P2O5	0,396500	1,102400	0,482000	0,428431	0,428431
S	0,040700	0,139300	0,169100	0,190533	0,200459
MnO	0,185200	0,184200	0,032800	0,115500	0,123372
Fe2O3	2,293700	2,630800	2,444300	1,963500	2,102029
Ca	0,001400	0,002300	0,006100	0,001200	3,451283
Hg	0,000006	0,000011	0,000015	0,000008	0,004738
Sr	0,000003	0,000200	0,000500	0,000030	0,003744

Таблица 2

Уреазная активность грунтов в заполнении котлованов построек

Образец	Уреазная активность (условных единиц)
1. Культурный слой (раскоп 4)	3,75
2. Современная почва	5
3. Постройка 1. Слой 6	0
4. Постройка 1. Слой 8	0
5. Постройка 1. Слой 14	0
6. Постройка 2. Грунт на дне	0
7. Постройка 3 (раскоп 4). Натопт на дне	0
8. Постройка 3 (раскоп 2). Натопт на дне	0
9. Постройка 3 (раскоп 4). Слой 4	0,1
10. Постройка 3 (раскоп 4). Слой 2	0
11. Постройка 3 (раскоп 4). Слой 5	0
12. Постройка 4. Натопт на дне	0
13. Постройка 6. Натопт на дне	0,5
14. Хозяйственная яма 1	0,5
15. Хозяйственная яма 2	0,1
16. Хозяйственная яма 3	0,25
17. Хозяйственная яма 7	0,3
18. Хозяйственная яма 8	0,2
19. Хозяйственная яма 10. Слой 0-30 см	0,1
20. Хозяйственная яма 13. Слой 15-25 см	0,2
21. Хозяйственная яма 15. Слой 20-40 см	0
22. Постройка 5. Слой 9	0
23. Постройка 5. Слой 8	0,2
24. Постройка 5. Слой 12	0,3
25. Постройка 5. Слой 7	0
26. Постройка 5. Слой 6	0
27. Постройка 5. Слой 4	0
28. Постройка 5. Слой 3	0

ются включения мелких углей; может содержать керамику и развалы сосудов, бытовой мусор, крупные камни, органический тлен; зачастую имеет характерную микрослоистость с чередованием светлых и темных слоев, характеризующихся различным со-

селений кобанской культуры (XIII–IX вв. до н.э.) в окрестностях г. Кисловодска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. – № 4 (23). – С. 142–154.

держанием органики и минеральной массы.

Наличие бытового натопта свидетельствует о регулярном хозяйственном использовании заглубленной части постройки, вовлечении этой части сооружения в повседневный хозяйственный цикл. Предполагаемое использование связано с хранением продуктов, при высокой уреазной и кератинолитической активности возможно временное содержания скота.

Наблюдается в котлованах глубиной от 1 м.

Натопт на дне (технический) (рис. 2, слой 12) – более тонкий (в среднем 1–2 см); имеющий одинаковую или близкую мощность на всем протяжении; залегающий непосредственно на дне котлована на материке; более темный; отличный по гранулометрическому составу от остального заполнения котлована; незначительно обогащен органикой (содержание органического углерода на уровне фоновых значений); показатели микробиологической активности на уровне фона; содержание фосфатов на уровне фона; содержание микроэлементов на уровне фона; в отдельных случаях возможно резкое увеличение содержания техногенных микроэлементов, таких как Sn, Pb, Cu, Zn, Hg (табл. 1). Возможно включение углей, иногда в значительных количествах; практически не содержит керамику и бытовой мусор; могут присутствовать камни, часто крупные, в отдельных случаях формирующие развалы; иногда встречаются большие массивы жирной глины; органический тлен, как правило, не фиксируется; микрослоистость может присутствовать, но слои при этом имеют близкое содержание органической и минеральной составляющей, а чередование более светлых и темных слоев имеет литогенный характер и связано с режимом естественного осадконакопления.

Наличие технического натопта свидетельствует об эпизодическом использовании заглубленной части постройки в технических целях. Предполагаемое использование связано с хранением неорганических материалов, обслуживанием отопительного сооружения периодического исполь-

зования, и т.д. Наблюдается в котлованах глубиной от 1 м.

Натопт на дне слабо выраженный – очень тонкий, часто полностью отсутствует или встречается фрагментарно. Малая мощность не позволяет провести отбор образцов на химические и микробиологические анализы. Без керамики, бытового мусора, камней. Как правило, отмечается в котлованах глубиной не более 0,5–0,7 м, часто – 0,2–0,3 м. Наличие слабо выраженного натопта указывает на полную закрытость котлована и отсутствие какого-либо хозяйственного или технического использования заглубленной части постройки. В этом случае предполагаемое назначение изолированной заглубленной части постройки связано с техническими тепло- и влагоизоляционными функциями.

Пол котлована – деревянный настил на дне котлована, выполненный из досок или плах. Доски могут укладываться непосредственно на дно котлована или материковую подсыпку, устраиваемую для выравнивания дна, либо настил устраивается на лагах. Определение деревянного пола не вызывает затруднений, так как этот слой сохраняется довольно хорошо практически во всех случаях. Если на дне котлована был устроен деревянный пол, то, как правило, на его поверхности не откладывается бытовой мусор, соответственно, невозможно оценить его химические, физические и микробиологические свойства.

Перекрытие однослойное (рис. 3, слой 4) – слой маркируется большим содержанием органики разной степени разложения: белесый при полном разложении древесины, бурый – при частичном разложении, черно-бурый

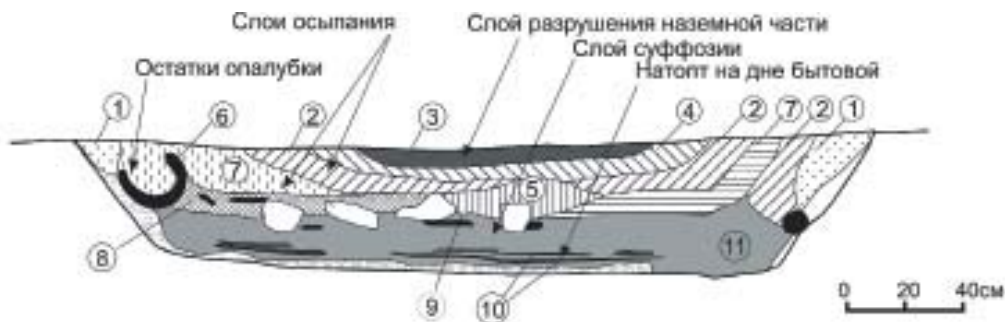


Рис. 1. Селище Кружок. Котлован постройки 4

Условные обозначения: 1 – палево-желто-серый песок, 2 – серовато-желтая супесь, 3 – гумусированный суглинок с древесным тленом, 4 – серая супесь, 5 – светло-серый песок, 6 – углистая прослойка, 7 – неоднородный желтовато серый песок, 8 – палево-серая супесь с мелкими угольками, 9 – прослойки древесного тлена, 10 – тонкие прослойки темно-серого суглинка, 11 – палево-серая супесь

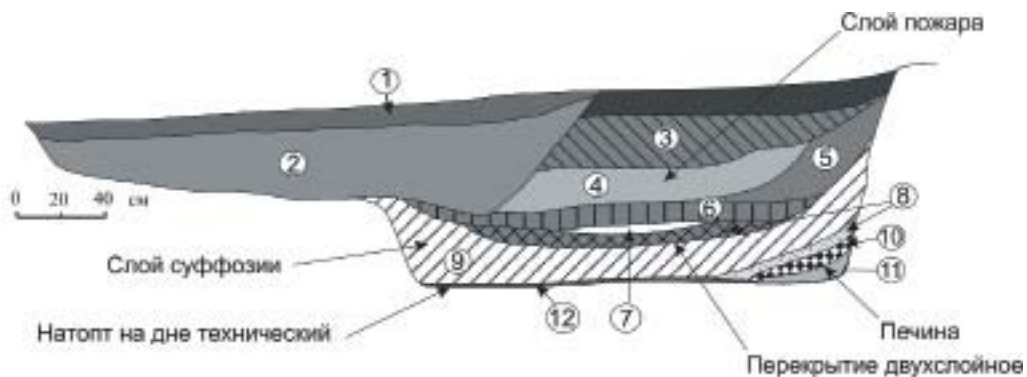


Рис. 2. Селище Дмитровское-2. Постройка 5

Условные обозначения: 1 – темно-серый суглинок, 2 – неоднородный тесно-серый суглинок с включениями обожженной глины, угля и камней, 3 – неоднородный серо-бурый суглинок с фрагментами желто-бурой обожженной глины, 4 – охристо-бурый обожженный суглинок, 5 – серо-зеленый суглинок, 6 – серо-бурый суглинок с включениями глины, 7 – неоднородная зеленовато-серая супесь, 8 – однородный тесно-серый суглинок, 9 – зеленовато-серая супесь, 10 – бурый прокаленный суглинок, 11 – зеленовато-серый суглинок, 12 – черный суглинок

с остатками древесины – при слабом разложении. Мощность от 1–2 см до 10–15 см. Чаще всего имеет форму вогнутой линзы, при этом мощность максимальна в центральной части котлована и уменьшается к бортам. Может не образовывать сплошного слоя, а встречаться в виде нескольких фрагментов с наклоном в направлении к центру котлована.

Слой перекрытия отделяет подземную часть постройки от наземной и может использоваться в качестве пола последней. Выполнялся из деревянных плах или толстых досок. Теплоизолирующие характеристики достигаются в результате увеличения толщины досок. В некоторых постройках полностью или частично отсутствует по причине разбора на



Рис. 3. Селище Кружок. Яма 2

Условные обозначения: 1 – палево-серая супесь, 2 – темно-серая супесь с угольками и керамикой, 3 – неоднородный светло-серый песок, 4 – древесный тлен с остатками древесины, 5 – палево-желтый песок, 6 – неоднородная слоистая серо-палево-желтая супесь, 7 – светлый палево-желтый песок, 8 – серо-палево-желтый суглинок, 9 – неоднородная светло-серая и палево-желтая супесь, 10 – слой пракования материка: серо-буро-желтый песок, 11 – серая супесь

стройматериалы по завершении использования постройки.

Перекрытие двухслойное (рис. 4, слой 3; рис. 7, слой 4) – также маркируется большим содержанием органики разной степени разложения, поверх которой залегает темный органоминеральный слой мощностью от 3–5 до 10–20 см или слой однородной глины. Форма и места обнаружения в котловане аналогичны описанному выше. Органоминеральный слой в слое перекрытия отличается по гранулометрическому составу от остального заполнения котлована (более суглинистый или более легкий); содержание органического углерода высокое, до 10–15%; с высокими показателями микробиологической активности; характеризуется максимально высоким содержанием фосфатов. Часто хорошо заметно обогащение слоя такими микроэлементами, как P, S, Fe, Hg, Zn, Mg и др. (табл. 1). В слое обильно встречаются очень мелкие угли, кости, мелкие фрагменты керамики, бытовой мусор; часто встречаются крупные камни. Очень плотный, спрессованный. Отличается высокими

значениями микробной биомассы и урезной активности.

Часто поверх слоя древесного тлена вместо темного органоминерального гумусированного материала залегает слой однородного тяжелого суглинка или глины, которыми был обмазан слой перекрытия. В этом случае в слое практически не содержится керамики и бытового мусора.

При двухслойном перекрытии его деревянную основу составляет необработанный лес – кругляк диаметром до 15 см или более тонкие жерди. Также отделяет подземную часть постройки от надземной и может использоваться в качестве пола внутреннего пространства помещения. Будучи более дешевым по сравнению с простым перекрытием, чаще остается нетронутым и не разбирается на стройматериалы. В меньшей степени подвержено горению и остается даже после пожара.

Слой разрушения наземной части постройки (рис. 1, слой 3) – представляет собой органический тлен с незначительной долей минеральной составляющей и состоит из продук-

тов медленного разрушения наземной части постройки. Встречается редко, так как для его сохранения в профиле требуются весьма специфические условия. Как правило, материал этого слоя оказывается в средней части западины, образующейся при разрушении постройки, и теряет свою природу в результате прокрашивания гумусом и проработки почвообразованием. При благоприятных условиях для сохранности представляет собой крупную линзу бурого органического тлена с многочисленными включениями камней, обожженной глины, керамики, бытового мусора и т.д. Обогащен P, S, Fe, Hg, Zn, Fe, Mg.

Остатки опалубки – (рис. 1, рис. 5) выделены в отдельный слой условно, так как не образуют собственно слоя как протяженного массива с превышением горизонтальных размеров над вертикальными. Выделение остатков опалубки продиктовано исключительной важностью этого конструктивного элемента в связи с его влиянием на характер залегания слоев материкового грунта в заполнении котлована.

Крупные массивы обожженной глины – (рис. 6, слой 3; рис. 2, слой 10) чрезвычайно важный и наиболее сложный диагностический слой. Можно выделить, по меньшей мере, 3 источника происхождения этого материала в котловане постройки: отопительное сооружение малого объема (до нескольких сотен литров), отопительное сооружение большого объема (до кубометра и более), обожженный глинистый материал обмазки стен, потолка, пола и т.д. В интерпретации природы диагностического слоя обожженной глины чрезвычайно важными становятся результаты есте-

ственнаучного изучения всех слоев котлована. В первую очередь здесь, наряду с археологическими материальными остатками, немаловажную роль может играть химический состав слоя, соответствующего полу постройки. Длительное проживание человека всегда приводит к значительному возрастанию содержания микроэлементов в грунте, в первую очередь, фосфора и серы, а также необратимым изменениям микробиологических параметров почвы. Сопоставление этих данных с объемом и положением массива печины позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать назначение постройки в целом.

Слой пожара – (рис. 2, слой 4) продукты полного или частичного пирогенного преобразования органических и минеральных элементов постройки. Представляет собой слой углей различной мощности с включениями прокаленной почвы, глины, камней и др. Наблюдаются два случая обнаружения слоя пожара. Если во время пожара перекрытие сгорело, слой пожара располагается непосредственно на дне котлована. Если же сгорела только наземная часть постройки, а перекрытие сохранилось и существовало еще некоторое время, пока шло заполнение котлована в результате естественных природных процессов, слой пожара может располагаться на любой высоте от уровня дна котлована, но всегда выше слоя перекрытия. Отличается минимальными показателями биологической активности, заметно обогащен P, S, Fe, Hg, Zn, Fe, Mg.

Слой сгоревшего зерна в колосьях – образуется при сгорании овинов, в ко-



Рис. 4. Селище Дмитровское-2. Котлован постройки 3 (раскоп 2)

Условные обозначения: 1 – серо-бурая супесь, 2 – темно-серая супесь с углем и фрагментами обожженной глины, 3 – бурая супесь с камнем, 4 – темно-серая супесь, 5 – серо-зеленый суглинок 6 – серо-зеленая супесь, 7 – темно-серый гумусированный суглинок, 8 – желто-бурый песок, 9 – желтая супесь

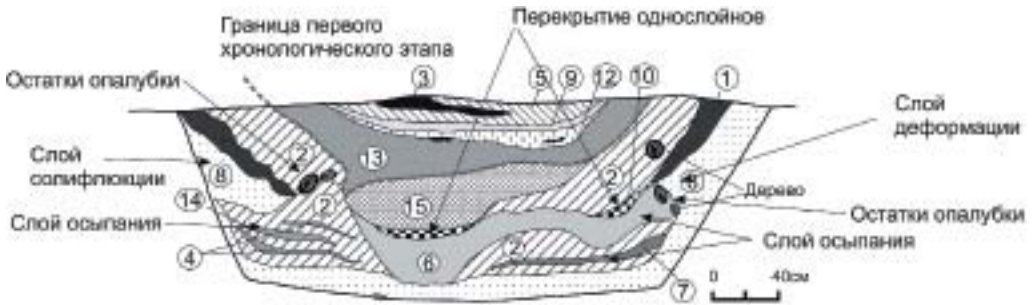


Рис. 5. Селище Кружок. Котлован постройки 5

Условные обозначения: 1 – темно-серая гумусированная однородная супесь, 2 – слоистый перемес песка и серой супеси, 3 – прослойка обожженной глины, 4 – буровато-серая супесь, 5 – серая, 6 – однородная серая супесь с включениями угля, 7 – линза желтого песка, 8 – песок серо-желтого цвета, 9 – белесоватый плотный суглинок с включениями угля, 10 – серо-желтая слоистая супесь с древесным тленом, 11 – песок палево-желтого цвета, 12 – серый плотный суглинок с углями и керамикой, 13 – неоднородный серый суглинок с включениями угля, 14 – серо-палевая супесь со слабо выраженной слоистостью, 15 – серо-желтый песок

торых находились на просушке снопы хлеба. В постройках иного назначения, как правило, не обнаруживается.

Материковые диагностические слои. В образовании материковых диагностических слоев участвует лишь почвенно-грунтовой материал. Для всех материковых слоев характерно низкое содержание фосфатов, органического углерода, микроэлементов (на

уровне значений современной почвы или ниже) (табл. 1); низкие значения или практически полное отсутствие микробиологической активности. Информационный потенциал материковых слоев связан с самим фактом их обнаружения в котловане, формой и мощностью. Именно эти показатели дают весьма ценные сведения о процессе и условиях заполнения котлова-

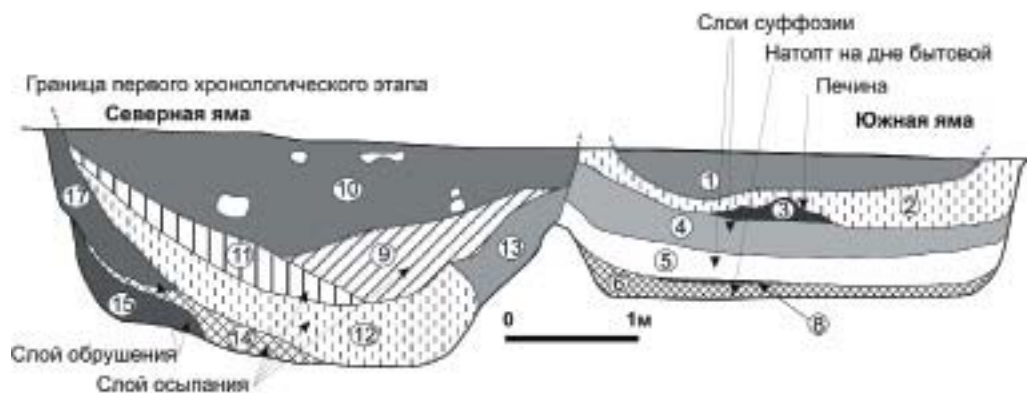


Рис. 6. Селище Дмитровское-2. Котлован постройки 1

Условные обозначения: 1 – светло-серый суглинок, 2 – неоднородный опесчаненный легкий суглинок с включениями камней и материка, 3 – печина, 4 – зеленовато-желто-серый слоистый суглинок, 5 – зеленовато-серый суглинок с черными прослойками, 6 – черная прослойка органического тлена, 8 – слой углей, 9 – буровато-серый суглинок 10 – серый гумусированный легкий суглинок, 11 – желто-палевый песок, 12 – неоднородный зеленовато-бурый суглинок, 13 – серовато-желтая супесь, 15 – красно-бурый песок, 17 – неоднородная зеленовато-бурая супесь

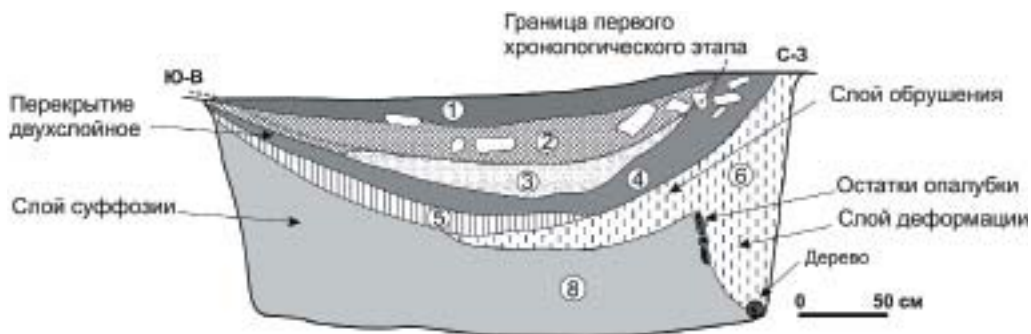


Рис. 7. Селище Дмитровское-2. Котлован постройки 3 (раскоп 4)

Условные обозначения: 1 – однородный темно-серый суглинок, 2 – неоднородный светло-серый суглинок с фрагментами керамики и костей, 3 – желто-коричневый песок с гравием, 4 – темно-бурый плотный суглинок с фрагментами керамики и костей, 5 – рыхлый зеленовато-серый опесчаненный суглинок с мелким щебнем, 6 – серо-зеленая материковая супесь, 8 – неоднородная зеленовато-бурая супесь

на грунтом, что, в свою очередь, позволяет реконструировать весь период от момента прекращения использования сооружения.

Слой обрушения – (рис. 7, слой 6; рис. 6, слой 15, 17) образуется при возникновении линий напряжения и последующего смещения и отрыва крупного массива грунта. При об-

рушении на дне ямы оказываются крупные массивы грунта из средней и верхней части профиля стенки. Характерной чертой слоя обрушения является наличие фрагментов грунта естественного сложения. Обрушению в большей мере подвержены суглинистые связные грунты. Присутствие в котловане слоя обрушения может сви-

детельствовать об отсутствии опалубки или об ее быстром разрушении.

Слой осыпания – (рис. 5, слой 4; рис. 6, слой 11, 12) образуется при близком к поверхности стенки расположении линий напряжения. В слое осыпания уже не сохраняется исходная структура грунта, и в ряде случаев бывает хорошо заметна характерная слоистость, причина которой заключается в различной интенсивности осыпания в разные периоды. Слои бывают разделены тонкими слабо выраженными прослойками более темного цвета. Это пылеватые отложения, формирование которых происходит в периоды, когда грунт не осыпается. Интенсивность осыпания максимальна в слабо связных грунтах легкого гранулометрического состава.

Суффозионный слой – (рис. 1, слой 11; рис. 6, слой 4, 5) под этим термином применительно к заполнению котлована понимается результат перемещения глубинных массивов грунта в переувлажненном состоянии. В самом общем плане этот слой можно охарактеризовать как результат глубинного течения грунта в состоянии полной влагоемкости под давлением вышележащего слоя и механических нагрузок на него. В таком состоянии грунт проникает в котлован сквозь трещины и щели, всегда образующиеся в укрепленных стенках. Стекая на дно котлована, грунт формирует горизонтальные слои и линзообразные массивы. Далее грунт расслаивается, крупные фракции оседают, а илистые частицы остаются во взвеси. По мере высыхания грунта вдоль верхней границы слоя образуется тонкая прослойка илистого грунта, часто более темного цвета. В котлованах такого рода слои наблюдаются, в первую оче-

редь, в нижней и средней части. Суффозия протекает в грунтах различного гранулометрического состава, но максимальна в легких песках и супесях. Характерный признак суффозионного слоя – горизонтальная или близкая к горизонтальной верхняя поверхность.

Солифлюкционный слой – (рис. 3, слой 9; рис. 5, слой 8) формируется при медленном сползании грунтовых масс вниз по склону. Интенсивность солифлюкционных процессов наибольшая в грунтах тяжелого гранулометрического состава (глины и тяжелые суглинки). Солифлюкционные процессы особенно активны при оттаивании почвы, когда верхний оттаявший слой скользит по нижележащему мерзлостному слою. В котлованах это проявляется в виде выпячивания и сползания верхней части стенки внутрь котлована. Материал солифлюкционной природы, как правило, бывает гумусированным, так как в его происхождении участвуют гумусовые горизонты почвы и предматериковые слои, в той или иной мере прокрашенные гумусом.

Намытый слой (присутствует в верхней части котлованов практически всех построек) – этим термином предлагается называть результат перемещения грунтового материала с поверхностным стоком на участках с любым уклоном местности. В результате весь материал намытого слоя оказывается гомогенным, темным, прокрашенным гумусом.

Засыпной слой. Под этим термином предлагается понимать все случаи целенаправленного искусственного засыпания котлована почвенно-грунтовым материалом или бытовыми и производственными отходами, мусором, навозом и т.д.

Ввиду большого разнообразия возможных источников материала и одновременного участия в засыпке материалов различной природы более дробная классификация не представляется возможной. В случае засыпания котлована мусором и отходами реконструкция природы засыпного слоя не вызывает трудностей. Отличительной чертой такого засыпного слоя является его выраженная неоднородность и присутствие фрагментов грунта с различными морфологическими характеристиками. Среди наиболее близких аналогов засыпного слоя можно назвать заполнение старых раскопов.

Это основные диагностические слои, которые могут быть обнаружены в заполнении котлованов построек. Различные причины и сценарии разрушения и археологизации постройки с заглубленной частью приводят к формированию различных наборов диагностических горизонтов. Дальнейшие исследования в этом направлении дадут возможность разработать методический подход, позволяющий по наличию определенного набора диагностических горизонтов реконструировать особенности архитектуры, назначения и функционирования постройки; ее исходные размеры, причины разрушения и процесс археологизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисов А.В.* Природные процессы в формировании заполнений котлованов средневековых построек // РА. – 2010а. – № 2. – С. 119–129.
2. *Борисов А.В.* Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – 2010б. – Вып. 6. – С. 99–106.
3. *Грибов Н.Н.* Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – 2012. – Вып. 8. – С. 155–166.
4. *Коваль В.Ю.* Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – 2007. – Вып. 3. – С. 58–71.
5. *Персов Н.Е., Солдатенкова В.В.* Некоторые стратиграфические особенности заполнения средневековых подвалов (по материалам тверского Затьмачья) // Поселение как исторический источник. – М., 2008. – С. 60–61.

Информация об авторе:

Борисов Александр Владимирович, кандидат биологических наук, заведующий лабораторией археологического почвоведения, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пушкино, Россия); a.v.borisovv@gmail.com

CHEMICAL AND MICROBIOLOGICAL PROPERTIES OF DIAGNOSTIC LAYERS WITHIN THE FILLING OF MEDIEVAL FOUNDATION PITS

A.V. Borisov

The concept of diagnostically significant layers within the filling of medieval buildings foundation pits has been suggested in the article. The term “diagnostically significant layers” has been proposed to define the layers with specific morphological, chemical and microbiological properties that had been forming in the filling of pits as a result of certain processes. This paper presents a systematization of Different diagnostic layers have been systematized in the article, and their composition, properties and conditions of formation are described. The study was conducted on the Dmitrovskoye-2 and Kruzhok medieval sites (Moscow oblast). The proposed concept can serve as the basis for retrospective analysis aimed at the following trends: layer properties –mechanism of its formation; initial material – its participation in building functional operation.

Keywords: archaeology, Eastern Europe, the Middle Ages, settlement, construction, pit, diagnostic layer, chemical properties, microbiological properties, natural science methods.

REFERENCES

1. Borisov, A. V. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 119–129 (in Russian).
2. Borisov, A. V. 2010. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 6, 99–106.
3. Gribov, N. N. 2012. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 8, 155–166.
4. Koval', V. Yu. 2007. In *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)* 3, 58–71.
5. Persov, N. E., Soldatenkova, V. V. 2008. In Guliaev, V. I. (ed.), Lopatina, O. A. (comp.). *Poselenie kak istoricheskii istochnik (teoreticheskie i metodicheskie podkhody k izucheniiu poselenii v sovremennoi arkheologii) (The Settlement as a Historical Source (theoretical and Methodological Approaches to the Study of Settlements in Contemporary Archaeology))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 60–61 (in Russian).

About the Author:

Borisov Aleksandr V. Candidate of Biological Sciences. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; a.v.borisovv@gmail.com

Supported by the Russian Foundation for Fundamental Research. Project 12-06-00272-a “Natural science bases of the typology of foundation pits filling in medieval buildings.”

Хроника

УДК 902

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БОЛГАРЕ

© 2013 г. А.Г. Ситдигов

22 мая 2013 года в г. Болгаре состоялось открытие Международного центра археологических исследований при Академии наук Республики Татарстан. Данное важное событие произошло в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск», действующего с 2010 года. Целью проекта является обеспечение охраны и дальнейших исследований этих выдающихся памятников истории и культуры мирового значения. Главной задачей Центра является организация научных исследований Болгарской археологической экспедиции на высоком международном уровне и создание максимальных удобств для работы российских и зарубежных специалистов. В здании Центра оборудованы лаборатории различного профиля для реставрации и дальнейшего изучения материалов.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Татарстан, средневековые города, памятники мирового значения, Болгар, Свияжск, археологические исследования.

Правительствами Республики Татарстан и Российской Федерации в 2010 г. был утвержден Комплексный проект по возрождению древнего Болгара и острова-града Свияжск – выдающихся памятников истории и культуры мирового значения. Они входят в список особо ценных памятников, отражающих богатейшую историю многонационального Российского государства. Программа предусматривает комплекс мер по сохранению и изучению Болгара и Свияжска, а также предусматривает создание на их территории современной музейной и туристической инфраструктуры.

История археологических исследований на Болгарском городище, начатая В.Г. Тизенгаузеном, насчитывает уже более 150 лет. Этапными стали решения IV археологического съезда, прошедшего в 1877 г. в Казани, о создании при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии и ак-

тивизации археологических раскопок на территории Болгарского городища. Однако плановые, систематические раскопки памятника были начаты лишь в 1938 г. под руководством (до 1973 г.) выдающегося археолога-булгароведа А.П. Смирнова. В 2013 году Болгарской археологической экспедиции исполнилось 75 лет!

Археологические исследования стали важной частью комплексного проекта по возрождению древнего Болгара и Свияжска. В дело реализации данного проекта привлекалось около 150 специалистов из различных научно-исследовательских центров России и зарубежья. Ежегодно на раскопках принимают участие до 800 рабочих-землекопов из многих организаций республики и других регионов страны. Археологические раскопки на Болгарском городище в 2010–2013 гг. дали огромный материал по истории формирования



и развития материальной и духовной культуры народов Восточной Европы. Они позволили открыть много нового в истории Болгара. Новую страницу в изучении культуры жителей города открыли исследования находок методами естественных наук, направленными на реконструкцию палеоэкологии, технологических особенностей изготовления ремесленных изделий, антропогенетики населения Болгара.

В первые же годы реализации проекта стало актуальным создание необходимых условий для ведения научных работ.

Республиканским Фондом возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан в 2011 г. было принято решение о строительстве специального научного центра для обеспечения археологических исследований. При поддержке Председателя правления и заместителя председателя совета директоров ОАО «Газпром» А.Б. Миллера и Генерального директора ООО «Газпромтрансгаз Казань» Р.А. Кантюкова в 2012 г. было начато строительство в Болгаре Международного центра археологических исследований. Понятно, что изучение Болгара имеет огромный научный и практический интерес, способствует более тесной координации исследователей различных специальностей из многих городов России и зарубежных стран. Сегодня, благодаря слаженной работе Академии наук Республики Татарстан и Российской Академии наук, их институтов и подразделений, Казанского (Приволжского) федерального университета, удалось решить многие научные и организационные вопросы по обеспечению эффективного изучения и сохранения культурного наследия народов Татарстана.

Особую роль в этом должен сыграть Международный центр археологических исследований, который призван

обеспечивать высокий уровень научно-исследовательских работ Болгарской археологической экспедиции, включая работы по реставрации археологических находок и музейных предметов; создать максимум удобств для проживания специалистов и преподавателей, в том числе из российских и зарубежных научных центров (комфортабельные жилые комнаты, столовая, зона отдыха и т.д.).

Общая площадь здания составляет 704 кв. м. В нем имеется 11 двух- и трехместных номеров общей вместимостью 31 чел. Каждая комната оснащена компьютером с выходом в интернет, санитарным узлом с душевой кабиной. Кухня позволяет накормить до 130 человек в день; имеется столовая с посадочными местами на 36 человек.

В лабораторной части здания оборудованы кабинеты для реставрации предметов из металла, камеральной обработки находок, информационно-графической обработки полевого материала, а также конференц-зал и хранилище археологических находок. Все помещения оснащены современным специальным оборудованием, необходимым для осуществления исследовательских и реставрационных работ. В лабораториях обрабатывается весь поступающий из раскопок археологический материал в виде находок и образцов для последующих анализов естественнонаучными методами. Здесь же производится первичная консервация и частичная реставрация находок, полученных в ходе исследований, и подготовка их для передачи в музейный фонд.

23 августа 2013 года Центр посетил Председатель правления и заместитель председателя совета директоров ОАО «Газпром» А.Б. Миллер. Он дал высокую оценку строительным работам и условиям, которые созданы для работы ученых, отметил, что данный объект





является уникальным на территории современной России и позволяет вести изучение и сохранение культурного наследия на самом высоком международном уровне.

Информация об авторе:

Ситди́ков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

INTERNATIONAL ARCHAEOLOGICAL RESEARCH CENTER AT BOLGAR

A.G. Sitdikov

The opening of the International Center for Archaeological Research with the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan was held in Bolgar on 22 May, 2013. This important event took place in the framework of the integrated project “Cultural heritage of Tatarstan: the ancient town of Bolgar and the island-fortress of Sviyazhsk,” in force since 2010. The aim of the project is to ensure the conservation and further research of these remarkable monuments of history and culture of world importance. The main objective of the Center is to ensure the international organization level of scientific research by the Bolgar archaeological expedition and to create maximum work facilities for Russian and foreign experts. The building of the Center is equipped with laboratories in various fields for restoration and further study of materials.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Tatarstan, medieval cities, monuments of world importance, Bolgar, Sviyazhsk, archaeological research.

About the Author:

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

УДК 902:908

МУЗЕЙ БОЛГАРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

© 2013 г. Д.Г. Бугров, А.Г. Ситди́ков

В мае 2013 года в городе Болгар был открыт Музей болгарской цивилизации, входящий в структуру Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Экспозиция музея представляет подлинные историко-культурные памятники болгаро-татарского населения Поволжья, дает посетителю ответы на вопросы о происхождении болгар, об этнических, политических и культурных составляющих болгарской цивилизации, об исторических судьбах средневекового населения Волжской Булгарии и о роли ее культурного наследия в современном мире. Основная экспозиция состоит из трёх частей: «История Болгарской цивилизации», «Древний Болгар: жизнь города» и «Открытие древнего Болгара». Внутренняя структура первой части организована по хронологическому принципу, начиная от державы хунну и Великого переселения народов до средневековых татарских государств. Вторая часть представляет различные стороны материальной и духовной культуры средневекового Болгара в период его расцвета (XIII–XIV вв.). Третья часть посвящена истории изучения Болгара и его окружи начиная с XVII–XVIII вв. до современных комплексных исследований.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Татарстан, средневековье, город Болгар, история болгарской цивилизации, музейное дело.

В мае 2013 года в городе Болгар был открыт Музей болгарской цивилизации, входящий в структуру Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Музей является оригинальным и необычным для Татарстана проектом, призванным представить средствами музейной экспозиции как подлинные памятники истории и культуры болгаро-татарского населения Поволжья, так и научно-теоретические воззрения на место болгарского наследия в мировом культурном пространстве. В самом общем плане представляемая экспозиция призвана ответить на следующие вопросы, наиболее часто возникающие у музейного посетителя:

– каково происхождение болгар (в формулировке рядового посетителя: «откуда взялись болгары?»);

– каковы этнические, политические и культурные составляющие болгарской цивилизации («волжские болгары и болгары нынешней Болгарии – это одно и то же?», «почему одни болгары мусульмане, другие – христиане?» и т.д.);

– каковы исторические судьбы средневековых болгар («куда делись болгары?», «нынешние татары – это болгары?»);

– кем, как и когда изучались, сохранялись и реставрировались памятники древнего Болгара («откуда вы все это знаете?», «это действительно древние постройки? и как это могло сохранить?»).

Здание музея вписано в откос высокого берега реки (рис. 1), откуда открывается вид на волжские просторы. Архитектура музея перекликается с архитектурой сохранившихся зданий

средневекового Болгара и образно отражает историю Волжской Болгарии. Три основных объёма здания (главный корпус и две башни-ротонды) символизируют три крупнейших болгарских города: Болгар, Сувар и Биляр. Музей болгарской цивилизации предваряет знакомство посетителя с Болгарским городищем, формирует у них общее представление об истории, культуре и архитектуре Болгара, помогает туристам погрузиться в атмосферу эпохи.

Основная экспозиция музея расположена на третьем и четвёртом этажах здания. Сообразно поставленным задачам и внутренней структуре здания, экспозиция состоит из трёх основных частей: «История Болгарской цивилизации», «Древний Болгар: жизнь города» и «Открытие древнего Болгара», связанных общими историческими сюжетами, экспозиционными приёмами, а часто – однотипными экспонатами.

В первой части экспозиции даётся широкая картина становления и развития тюрко-болгарской цивилизации на всей территории Евразии и на протяжении более чем 1500 лет, с момента появления предков средневековых болгар на исторической арене и вплоть до раннего Нового времени, когда начинается сложение татарского этноса.

Открывает первую часть экспозиции раздел «Истоки тюркской цивилизации» (рис. 2), посвященный первым государственным образованиям кочевников Евразии – державе хунну и государству гуннов – в значительной мере определившим направление и содержание такого глобального исторического явления, как Великое переселение народов. Оба эти объединения кардинально повлияли на развитие событий в эту



Рис. 1. Здание Музея болгарской цивилизации. Вид с набережной



Рис. 2. Экспозиция Музея болгарской цивилизации.
Раздел «Истоки тюркской цивилизации»

эпоху, как на Западе, так и на Востоке, поэтому раздел состоит из двух частей: «Держава хунну» и «Великое переселение народов». В рамках темы «Великое переселение народов» акцент сделан на вопросах истории гуннов на Западе, что обусловлено целым рядом причин. Во-первых, приход гуннов открыл длинную череду вторжений восточных, главным образом тюркоязычных народов в степную и лесостепную полосу Восточной и Центральной Европы. Во-вторых, в числе племен, участвовавших в гуннском движении и после распада

державы гуннов осевших в степях Причерноморья и Предкавказья, были прямые предки болгар. Наконец, в-третьих, отголоски гуннского нашествия в Европу в большей мере, чем события хуннской истории на Востоке, затронули территорию современного Татарстана, наложив определенный отпечаток на этнический субстрат, на котором формировалась позже волжско-болгарская народность. Отдельное место внутри данной темы занимает экспозиционный комплекс «Гунны глазами европейцев», призванный отразить формирование

на примере гуннов и, прежде всего, их вождя Атиллы, сложного и противоречивого «образа кочевника», ставшего частью европейской мифологии. Тексты Аммиана Марцеллина и Прииска Панийского и подборка изображений – от позднеантичных монет и мелкой пластики до живописи XIX века и современных карикатур – иллюстрируют изменение восприятия гуннов и Атиллы европейцами от «дичайших из варваров» Аммиана Марцеллина и «бича Божьего» христиан раннего средневековья до «конунга Атли» эддических песен и «благородного Этцеля» нибелунгского цикла, вдохновлявших художников эпохи романтизма и модерна, и далее – до плакатного жупела времен Первой и Второй мировых войн и персонажа современной поп-культуры.

В следующей теме – «Тюркские каганаты» – рассматриваются вопросы, связанные с историческими и этнополитическими потомками хунну и гуннов – тюрками, создавшими крупнейшее в раннем средневековье евразийское государство, которое сыграло важную роль в объединении тюркоязычных народов Центральной Азии, Южной Сибири и Восточной Европы. Именно в период каганатов сложились традиции тюркской государственности, появилась тюркская письменность, были выработаны общие религиозные представления (тенгрианство).

Раздел «Рождение болгарской цивилизации» объединяет темы, посвященные истории Великой Болгарии и Хазарского каганата, созданию Первого Болгарского царства на Дунае, а также появлению ранних болгар в Поволжье в VIII–IX вв. (рис. 3).

Ключевое место в первой части экспозиции занимает раздел «Болгарская цивилизация в Поволжье» (рис. 4), посвященный процессам формирования государства, складывания единой материальной и духовной культуры волж-

ских болгар из различных в языковом и культурном плане групп населения. Начало этих процессов отражено в экспозиции темами «Становление государства» и «Ранний город Болгар» (рис. 5), результат представлен темой «Волжская Болгария – Страна городов». Отдельный тематический блок составляют материалы, показывающие роль ислама и мусульманской учености в этих процессах, а также сложное взаимодействие различных народов и культур, которое привело к становлению особой тюрко-мусульманской цивилизации со специфической культурой толерантности и восприимчивости к новым мировым тенденциям при сохранении традиционных историко-культурных ценностей. Смысловыми центрами этого блока являются экспозиционные комплексы «Ибн-Фадлан и принятие болгарам ислама» и «Великий болгарский поэт Кул-Гали».

Раздел «Тюрко-татарский мир Улуса Джучи (Золотой Орды)» рассказывает о возникновении, расширении и распаде крупнейшей средневековой державы – Монгольской империи, об образовании на ее месте чингизидских государств, о роли, сыгранной в становлении и развитии одного из них – Улуса Джучи – волжскими и дунайскими болгарам. Акцент в этом разделе сделан на единстве и многообразии культуры Золотой Орды, обусловленном политическими и религиозными факторами. Иллюстрируют это, в первую очередь, археологические и нумизматические находки XIII–XIV вв. с Болгарского городища, происходящие из различных городских центров Улуса Джучи.

Завершающей темой первой части экспозиции является тема «Средневековые татарские государства». Она раскрывает вопросы формирования новых государственных образований, имевших свои самоназвания – Большая и Ногайская Орда, Сибирское, Казанское,

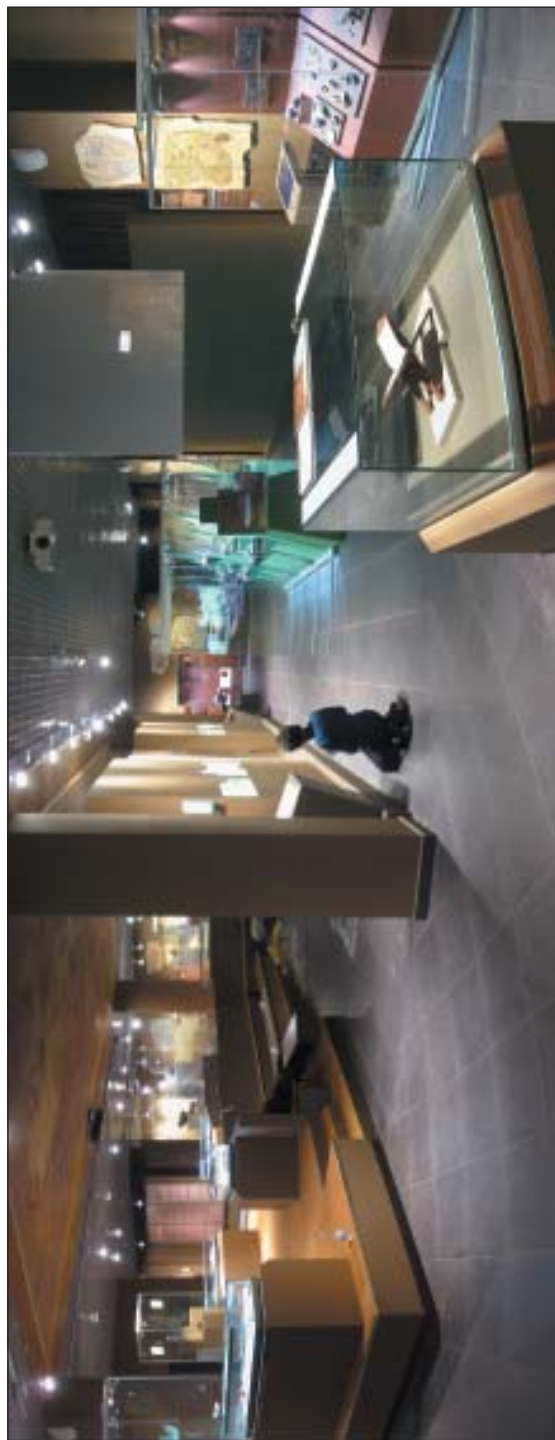


Рис. 3, 4.
Экспозиция
Музея болгар-
ской цивилиза-
ции «История
болгарской
цивилизации»



Рис. 5
Экспозиция
Музея болгар-
ской цивилиза-
ции «История
болгарской
цивилизации»



Рис. 6. Экспо-
зиция Музея
болгарской
цивилизации
«Древний
Болгар: жизнь
города»



Рис. 7. Экспозиция Музея болгарской цивилизации «Древний Болгар: жизнь города»



Рис. 8. Экспозиция Музея болгарской цивилизации «Открытие древнего Болгара»

Астраханское, Крымское и Касимовское ханства. Тюрко-татарские общности XV–XVI вв. имели определенные локальные различия в культуре, что было связано со спецификой местной этнокультурной традиции, хозяйственными особенностями, влиянием соседей и т.д., но сохраняли и единство, сложившееся ещё в рамках Золотой Орды.

Вторая часть экспозиции Музея болгарской цивилизации – «Древний Болгар: жизнь города» – посвящена монографическому показу одного из крупнейших средневековых городских центров Европы и в целом традиционна для Болгарского музея-заповедника. Болгар периода своего расцвета (XIII–XIV вв.) представлен в разных своих ипостасях:

- военно-административный центр, являвшийся в середине XIII в. первой столицей Улуса Джучи,

- памятник урбанизации, монументальная и рядовая архитектура и инфраструктура которого обеспечивали общественные и личные нужды многонационального населения,

- культурный и религиозный центр Болгарского улуса,

- важнейший торгово-экономический узел средневековой Евразии (рис. 6; 7).

Связующим звеном между двумя первыми частями (как тематически, так и пространственно) является третья часть экспозиции – «Открытие древнего Болгара» (рис. 8). Она представляет собой очерк истории изучения и сохранения историко-культурных памятников Болгара и его окружи от первой фиксации болгарских развалин в документах и картах XVII–XVIII вв. до современного комплексного исследования городища и от указа Петра I о сбережении Болгарских руин до систематической реставрации архитектурных памятников Болгара в 1960–80-е гг. и деятельности Республиканского Фонда возро-

ждения памятников истории и культуры РТ. Расположенная на обоих этажах, эта часть экспозиции логически делится на два раздела, первый из которых освещает дореволюционный период, второй – советское время и современный этап изучения и сохранения Болгара. Особое место в этой части экспозиции занимает история археологических исследований Болгарского городища, начиная с 1938 г., связанных с деятельностью Куйбышевской и Болгарской археологических экспедиций, история создания Болгарского музея-заповедника и работы по сохранению и реставрации памятников истории и культуры.

В целом экспозиция Музея болгарской цивилизации занимает около 2 тыс. кв. м (30% общей площади здания). В ней представлены более 1600 подлинных музейных предметов из фондов Болгарского музея-заповедника (в том числе и полученные в ходе раскопок последних лет), копии предметов из музейных коллекций Татарстана (Иске-Казанский музей-заповедник, Музей археологии РТ), России (Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей, Музей Московского Кремля и др.), зарубежных (музей Метрополитэн) и частных собраний. Важнейшую роль играет художественно-техническая составляющая экспозиции – экспозиционное оборудование, декоративные элементы, живописные панно и карты, выполненные коллективом казанских художников и техников под руководством главных проектировщиков – И.Н. Артамонова и А.П. Леухина. Для представления нематериального культурного наследия, справочной информации, письменных, иконографических и картографических материалов и проч. в экспозиции Музея болгарской цивилизации широко задействованы мультимедийные средства, с помощью которых создается электронная версия музея, дополняющая реальную экспозицию.

Информация об авторах:

Ситди́ков Айрат Габитович, кандидат исторических наук, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. НЦАИ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Бугров Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); shikhan66@mail.ru

MUSEUM OF BOLGAR CIVILIZATION**D.G. Bugrov, A.G. Sitdikov**

In May, 2013, a Museum of Bulgar Civilization, a division of the Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve, was inaugurated in the city of Bolgar. The museum exposition presents authentic historical and cultural monuments of the Bulgar-Tatar population of the Volga river region, answers visitors' questions about the origin of the Bulgars, about ethnic, political and cultural aspects of the Bulgar civilization, about historical destinies of the medieval population of Volga Bulgaria, and the role of its cultural heritage in the modern world. The basic exposition consists of three parts: "History of Bulgar civilization", "Ancient Bolgar: the life of the city" and "Discovery of ancient Bolgar." The internal structure of the first part is organized along chronological lines, starting from the Xiongnu Empire and the Great Migration Period to the emergence of medieval Tatar states. The second part represents various aspects of material and spiritual culture of medieval Bolgar in the period of its prosperity (13th–14th centuries). The third part is devoted to the history of the study of Bolgar and its environs starting from the 17–18th centuries up to modern integrated research.

Keywords: archaeology, the Middle Volga river region, Tatarstan, the Middle Ages, Bolgar city, history of Bulgar civilization, museology.

About the Authors:

Bugrov Dmitriy G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shikhan66@mail.ru

Sitdikov Ayrat G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

УДК 902:378.2

**ЗАЩИТА ДОКТОРСКИХ И КАНДИДАТСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ ПО
АРХЕОЛОГИИ В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ им. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ
В 2013 ГОДУ**

© 2013 г. Ф.Ш. Хузин

В статье представлен обзор диссертаций по специальности «археология», защита которых состоялась в Институте истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан в 2013 году. Среди них три диссертации на соискание степени доктора исторических наук и кандидатских (И.Л. Измайлов, Ю.А. Зеленев, А.Г. Ситди́ков) и семь – на степень кандидата исторических наук (М.Л. Пересков, М.М. Зубарева, И.В. Молчанов, Р.В. Матвеев, М.Д. Калменов, К.М. Киреева,

А.В. Лыганов). Была защищена также диссертация по специальности «отечественная история», которая представляет несомненный интерес для археологов-булгароведов (Ш.Р. Мингазов). Приводится краткое содержание представленных диссертаций и основной круг затронутых ими проблем, среди которых ведущее положение занимают вопросы этногенеза, истории и культуры населения Поволжья и соседних регионов в средние века, а также в предшествующие периоды – эпохи бронзы и раннего железного века.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Республика Татарстан, археологические исследования, бронзовый век, ранний железный век, средневековье.

Измайлов И.Л. Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества. Дис. ... док. ист. наук.

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань).

Официальные оппоненты: д.и.н., проф., чл.-корр. РАН, с.н.с. Института социальных коммуникаций Удмуртского гос. ун-та В.В. Напольских (г. Ижевск); д.и.н., проф., г.н.с. Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН Ю.С. Худяков (г. Новосибирск); д.и.н., проф., проректор Московского гос. ун-та технологий и управления им. К.Г. Разумовского Г.Н. Белорыбкин (г. Москва).

Защита состоялась 1 ноября 2013 г.

Сложные и во многом дискуссионные проблемы становления социальной, конфессиональной и этнополитической структуры Волжской Булгарии, степени участия ее населения в этногенезе современных народов являются ключевыми в средневековой истории Волго-Уральского региона. Междисциплинарный подход к изучению социальных и этнополитических процессов, происходивших в булгарском обществе, позволил диссертанту выявить их сущность и динамику поэтапного развития с конца IX в. до монголо-татарских завоеваний 1236 г.

В I–III главах диссертации дается критический обзор исследований и концептуальных подходов к изучению булгарской этнической общности, предлагается новая методика исследования, анализируются источники по этнокультурной истории народов Поволжья эпохи средневековья. В IV главе рассматривается начальный период становления булгарской государственности на Средней Волге, причем впервые в нашей историографии серьезное внимание уделено проблемам контактов и взаимовлияния народов Северной Европы с населением Среднего Поволжья, значительной роли русов в сложении дружинной культуры и военно-служилой знати в Булгарии. В V главе, посвященной анализу сословной и этнополитической структуры государства, описываются организация булгарской дружины и ее культуры, система символов и знаков власти, а также социально-политическая структура булгарского общества. В VI главе исследуется роль ислама в процессах государствообразования и формирования новой этнополитической общности. В последней главе раскрываются особенности взаимовлияния социальной, религиозной и этнической общности, возможности соотнесения их с археологическим материалом.

Зеленев Ю.А. Этнокультурная история Поволжья в XII–XV вв. Дис. ... док. ист. наук.

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева» (г. Саранск).

Официальные оппоненты: д.и.н., проф., проректор по научной работе Казанского гос. ун-та культуры и искусства Р.М. Валеев (г. Казань); д.и.н., проф., зав. кафедрой всеобщей истории и культурного наследия Башкирского гос. пед. ун-та им. М. Акмуллы В.А. Иванов (г. Уфа); д.и.н., проф., зав. отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН Л.Т. Яблонский (г. Москва).

Защита состоялась 29 ноября 2013 г.

Автор исследует глобальные изменения в этнополитической карте Среднего и Нижнего Поволжья XIII–XV вв., находящегося в составе монголо-татарского государства Улус Джучи. В первой главе дается анализ привлекаемых в исследовании исторических источников и обзор историографии по теме. Глава 2 посвящена этнокультурной характеристике золотоордынского города. Прослеживаются градостроительные традиции и принципы формирования планировки золотоордынского города. В оседлых земледельческих районах Среднего Поволжья автор выделяет два типа городов: старые домонгольские и новые, созданные в соответствии с монгольскими градостроительными традициями. По мнению автора, «градообразовательные традиции в Нижнем Поволжье имеют монгольские корни». В главе 3 «Этнокультурные особенности кочевого населения золотоордынского Поволжья» Ю.А. Зеленева исследует характер взаимоотношений кочевого и оседлого населения золотоордынского Поволжья и прослеживает процесс перехода их к оседлому образу жизни. Глава 4 «Этнокультурная история оседлого населения Поволжья в XIII–XV вв.» начинается с анализа этнополитической ситуации средневолж-

ского региона в предмонгольское время, затем следуют разделы, посвященные оседлому населению Нижнего Поволжья, волжским булгарам, мордве и другим народам лесостепного Поволжья XIII–XIV вв. По наблюдениям Ю.А. Зеленева, по мере удаления от городских центров низовий Волги этнокультурная окраска негородских поселений меняется: «среднеазиатский, кавказский и иранский компоненты уступают место финно-угорскому, болгарскому и русскому; при этом отчетливо просматривается единый пласт материальной культуры, общей для всего населения Золотой Орды». Судя по материалам автора диссертации, земли древних марийцев, чувашей и удмуртов, входивших в сферу влияния волжских булгар, испытывали одновременно осязаемое влияние славяно-русского населения, активно продвигающегося в юго-восточном направлении.

Ситдиков А.Г. Средневековая Казань: историко-археологическое исследование (XI – первая половина XVI в.). Дис. ... док. ист. наук.

Научный консультант: чл.-корр. АН РТ, д.и.н., проф., г.н.с. Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Ф.Ш. Хузин (г. Казань).

Ведущая организация: Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж» (г. Санкт-Петербург).

Официальные оппоненты: д.и.н., проф., зав. кафедрой археологии и истории первобытного общества, директор НИИ истории и культуры народов Приуралья Удмуртского гос. ун-та Р.Д. Голдина (г. Ижевск); д.и.н., проф. Казанского гос. ун-та культуры и искусства К.А. Руденко (г. Казань); д.и.н., проф. зав. кафедрой Отечественной истории, проректор по научной работе и внешним

связям Пермского гос. пед. ун-та А.М. Белавин (г. Пермь).

Защита состоялась 20 декабря 2013 г.

История Казани, особенно ранние этапы ее развития, относящиеся к эпохе средневековых тюрко-татарских государств Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, долгое время оставалась, в силу скудости источников, слабо изученной областью отечественной историографии. Широкомасштабные археологические раскопки, ведущиеся в исторической части города с 1994 г., целенаправленные исследования ученых различных специальностей кардинальным образом изменили положение в области источниковедения средневековой истории Казани и позволили решить ряд дискуссионных вопросов, связанных с датой ее основания, особенностями топографической структуры, динамикой социально-экономического и культурного развития населения города. Собственно, эти проблемы и являются предметом исследований автора диссертации.

В главе I предложен обзор историографии, определена степень достоверности и информативности привлекаемых в работе источников (письменных, картографических, археологических, нумизматических, эпиграфических, фольклорных и пр.), в том числе данных естественно-научных дисциплин. Глава II посвящена изучению динамики городской территории и анализу стратиграфии культурного слоя в разных топографических частях города (Кремль, посад и пригороды). В главе III анализируются новые археологические материалы, позволяющие уточнить локализацию и реконструкцию фортификационных сооружений Казани в разные этапы ее развития, при этом особое внимание уделено характеру укреплений перед взятием города войсками Ивана Грозного в 1552 г.

Результатом тщательного изучения солидного корпуса источников, в первую очередь, археологических, является глава IV, где рассматриваются особенности планировки и застройки городских улиц, систематизируются данные о жилищах, хозяйственных постройках рядовых горожан, памятниках монументальной архитектуры. Глава V включает анализ топографии и погребального обряда некрополей, в том числе мавзолея казанских ханов. Последние две главы диссертации посвящены реконструкции хозяйственной жизни городского населения (ремесленное производство, торговля, сельское хозяйство и промыслы), этнического состава и численности горожан, проблемам изучения духовной культуры средневекового населения, нашедших отражение в археологических материалах.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук.

Научный руководитель: д.и.н., проф. кафедры региональной истории Марийского гос. ун-та В.С. Патрушев (г. Йошкар-Ола).

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (г. Сыктывкар).

Официальные оппоненты: д.и.н., проф. Казанского гос. ун-та культуры и искусства К.А. Руденко (г. Казань); к.и.н. А.А. Красноперов (г. Ижевск).

Защита состоялась 14 июня 2013 г.

Финал раннего железного века в Пермском Приуралье связан с завершением функционирования гляденевской археологической культуры, памятники которой постепенно исчезают с появлением в Прикамье курганных могильников тураевского и харинского типов. Курганные могильники традиционно относили к ломоватовской культуре, связывая с пришлым населением и, та-

ким образом, делая разрыв между гляденевскими и раннеломоватовскими материалами. Этот переходный период, важный для понимания этно- и культурогенеза предков современных пермских народов все еще остается слабо изученным. Диссертация посвящена комплексному изучению материальной и духовной культуры населения Пермского Приуралья первой половины – середины I тыс. н.э. в целях реконструкции экономических и этнополитических процессов, происходивших в среде древнепермского населения в начале эпохи Великого переселения народов.

В первой главе диссертации приводятся историография вопроса и обзор источников. Источниковую базу исследования составляют материалы 482 памятников, 40 из которых (9 могильников, 8 костниц, 9 городищ, 16 селищ) подвергались раскопкам. Во второй главе анализируются топография и планиграфия поселений, фортификация городищ, устройство жилых и хозяйственных сооружений, погребальный обряд населения и культовые комплексы. В третьей главе производится типология археологического материала, приводится его хронология и периодизация. В четвертой главе анализируются вопросы культурной принадлежности памятников изучаемого периода и этнической принадлежности оставившего их населения. По мнению автора диссертации, «пришедшие в Прикамье инокультурные военизированные группы населения, принесшие с собой курганный погребальный обряд, новейшие предметы вооружения (тураевцы, кудашевцы), не были многочисленными и не внесли изменений в этнический состав местного населения». Точка зрения о притоке в Прикамье зауральского населения, оставившего курганные могильники

харинского типа, не нашли подтверждения в исследованиях диссертанта.

Зубарева М.М. Изразцы Казани XVI–XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук.

Научный руководитель: к.и.н., доц. кафедры археологии и этнологии Института истории К(П)ФУ С.И. Валиулина (г. Казань).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» (Йошкар-Ола).

Официальные оппоненты: д.и.н., проф., зав. сектором археологии ИА РАН Л.А. Беляев (г. Москва); к.и.н., с.н.с. НЦАИ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Н.Г. Набиуллин (г. Казань).

Защита состоялась 14 июня 2013 г.

Изразцы, относящиеся к числу массовых находок из раскопок Казани, до настоящего времени не были предметом специального изучения. Источниковой базой исследования М.М. Зубаревой послужили около 3 тысяч фрагментов и целых изразцов, обнаруженных в раскопках Казанского кремля (63%), посадской части города (37%) и датированных второй половиной XVI – XIX вв. После историографической главы в диссертации представлена систематизация казанских изразцов с использованием «принципов и видения» Л.А. Беляева, разработавшего типологию московских изразцов, но с учетом местных особенностей. Диссертант заключает, что в Казани обнаружены все характерные для России виды изразцов, но имеются экземпляры, изготовленные, скорее всего, западными мастерами. В казанских коллекциях ярко представлены все разновидности красных изразцов конца XVI – первой половины XVII в. Большого расцвета применение изразцов достигло в конце XVII – первой половине XVIII в. (около 38% всех находок). Находок, относящихся ко второй половине

XVIII в., гораздо меньше, в еще меньшем количестве представлены изразцы XIX в. В заключительной главе диссертации под названием «Изразцы Казани в общероссийской истории изразцового искусства» выявлены как характерные особенности казанских изразцов, так и общие для России тенденции в их развитии. Автор допускает возможность существования в Казани собственного производства изразцов с конца XVI в. Поставки готовых изделий производились из мастерских Москвы, Балахны и Соликамска, могло иметь место ученичество казанских гончаров изразцовому производству в указанных городах. Использование изразцов в быту отмечено не только в центральной части города, но и жителями слобод, в том числе и представителями татарского богатого купечества, в жилых домах и мечетях, что является свидетельством формирования единой городской культуры Казани во второй половине XVIII в.

Молчанов И.В. Орудийный комплекс рубежа средней и поздней бронзы Южного Зауралья (по материалам укрепленных поселений Аландское, Каменный Амбар, Устье I). Дис. ... канд. ист. наук.

Научные руководители: д.и.н., зав. сектором археологии эпохи раннего металла ФГБУН «Институт истории и археологии УрО РАН» Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); к.и.н., с.н.с. Института истории материальной культуры РАН Н.Н. Скакун (г. Санкт-Петербург).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет».

Официальные оппоненты: д.и.н., доц., ректор ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия» О.Д. Мочалов (г. Самара); к.и.н., с.н.с. Лаборатории естественнонаучных методов Инсти-

тута археологии РАН С.В. Кузьминых (г. Москва).

Защита состоялась 4 октября 2013 г.

В диссертации предпринята попытка реконструкции хозяйства населения синташтинской (XXI–XVIII вв. до н.э.) и петровской культур (XIX–XVII вв. до н.э.) и определения его места в процессе развития экономики эпохи бронзы. Источниковую базу исследования составили коллекции орудий труда (всего 2638 предметов) трех масштабно изученных поселений рубежа средней и поздней бронзы. В первой главе представлена историография проблемы хозяйства синташтинской культуры. Отмечается, что до сих пор все исследователи исходили из представления о комплексном характере хозяйства, сочетающем в себе металлургию, земледелие и скотоводство, оставляя за рамками рассмотрения другие отрасли, в частности домашние промыслы. Во второй главе «теория и методы исследования» приводятся теоретические положения, основанные на концепции «археологии поселений», дается детальное описание методов исследования. В третьей главе «Функционально-типологический анализ орудийных комплексов укрепленных поселений Южного Зауралья» изложены результаты трасологического изучения орудий труда. В заключительной главе «Виды хозяйственной деятельности населения Южного Зауралья рубежа средней и поздней стадии эпохи бронзы в сравнительно-хронологическом аспекте» рассматриваются характеристики хозяйства местных энеолитических культур и культур рубежа среднего и позднего периодов бронзового века.

В итоге предлагается реконструкция хозяйства синташтинской культуры как скотоводческого «с гармоническим соотношением крупного и мелкого рогатого скота, сочетавшегося с диффе-

ренцированными производствами: металлообрабатывающим, кожевенным и ткацким делом, гончарным производством, косто-, краско- и деревообработкой». Предполагается наличие горного дела и камнеобработки. Автор обращает внимание на отсутствие в коллекции находок земледельческих орудий.

Матвеев Р.В. **Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II – IV вв. н.э.** Дис. ... канд. ист. наук.

Научный руководитель: к.и.н., с.н.с. Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Д.Г. Бугров (г. Казань).

Научный консультант: к.и.н., с.н.с. Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ И.Л. Измаилов (г. Казань).

Ведущая организация: Федеральное государственное учреждение культуры «Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда».

Официальные оппоненты: д.и.н., зам. директора МарНИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Т.Б. Никитина (г. Йошкар-Ола); к.и.н. А.А. Красноперов (г. Ижевск).

Защита состоялась 11 октября 2013 г.

Диссертация посвящена изучению комплекса вооружения населения азелинской культуры конца II – IV вв. н.э. Источниковую базу исследования составили материалы 23 грунтовых могильников и одного селища: всего 926 единиц различных категорий оружия и защитного снаряжения из закрытых комплексов (92% от общего количества находок) и подъемного материала (8%).

В первой главе диссертации изложена история изучения вооружения населения Волго-Вятского междуречья первой половины I тыс. н.э., определен круг привлекаемых источников и

описана методика исследования в контексте развития отечественного оружейоведения. В главе 2 представлена типологическая классификация клинкового (мечи и ножи), древкового (наконечники копий) и метательного оружия (наконечники стрел), топоров, защитных средств (шлемы и кольчуги) с предварительной хронологической характеристикой типов. В третьей главе комплекс вооружения азелинцев рассматривается в культурно-историческом контексте. В целом, по заключению диссертанта, вооружение населения Волго-Вятского междуречья конца II – IV вв. представляло собой сложный и развитый комплекс средств нападения и защиты, соответствовавший уровню развития оружия Восточной Европы рассматриваемого времени. Истоки и генезис азелинских оружейных традиций связаны с сарматским, андреевско-писеральским, а также пьяноборским и дяковским населением. Прослеживаются и более ранние истоки, восходящие к ананьинским и городецким образцам.

Калменов М.Д. **Археологические памятники Устюрта и Мангистау на средневековых караванных путях (X–XIV вв.).** Дис. ... канд. ист. наук.

Научный руководитель: к.и.н., с.н.с. Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Н.Г. Набиуллин (г. Казань).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола).

Официальные оппоненты: д.и.н., в.н.с. Института этнологии и антропологии РАН Э.Д. Зиливинская (г. Москва); д.и.н., проф., проректор по научной работе Казанского гос. ун-та культуры и искусства Р.М. Валеев (г. Казань).

Защита состоялась 22 ноября 2013 г.

В качестве объекта исследования диссертанта выступают средневековые

поселения на караванных путях Устюрта и Мангистау (Мангышлак), рассматриваемые в аспекте определения их региональной специфики, роли и значения в системе международных культурно-экономических связей X–XIV вв. Первая глава посвящена истории изучения средневековых памятников Устюрта и Мангистау, обзору источников по теме. Во второй главе после природно-географической характеристики региона подробно описываются городища (Кызылкала, Кетиккала, Уали I, Ушкую и др.), караван-сарай (у колодцев Кусшы ата, Коптам, у родника Кускудук, Ажибаба I и др.), крепости-убежища и т.н. арены – стреловидные планировки. В третьей главе анализируется материальная культура поселений, в последней главе – вопросы, связанные с особенностями функционирования городов на караванных путях в регионе между Аральским и Каспийским морями, определением места и роли Устюрта и Мангистау в средневековой международной торговле. В рамках работы по изучению памятников Мангистауского региона автору удалось определить, по особенностям топографии укрепленных поселений, еще одну караванную ветку, ведущую к Тупкараганской бухте, откуда товары переправлялись по морскому пути в нижневолжские города.

Киреева К.М. Внешние и межрегиональные связи населения Верхнего Посурья и Примокшанья в XI–XIV вв. Дис. ... канд. ист. наук.

Научный руководитель: д.и.н., проф., проректор ФГБОУ ВПО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» Г.Н. Белорыбкин (г. Москва).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева» (г. Саранск).

Официальные оппоненты: д.и.н., проф., проректор по научной работе

Казанского гос. ун-та культуры и искусства Р.М. Валеев (г. Казань); к.и.н., с.н.с. Института археологии РАН О.В. Зеленцова (г. Москва).

Защита состоялась 22 ноября 2013 г.

Целью работы является изучение динамики воздействия внешних и межрегиональных связей на развитие экономики населения Верхнего Посурья и Примокшанья на протяжении XI–XIV вв. Источниковой базой послужили обширная коллекция привозных изделий, нумизматические материалы, собранные при археологических раскопках, а также сведения арабо-персидских, западноевропейских авторов и древнерусских летописцев.

Глава I содержит дореволюционную, советскую и современную историографию проблемы. Во второй главе анализируются материальные свидетельства внешних и межрегиональных связей населения изучаемого региона: предметы быта, ремесленный инструментарий и сырье для ремесел, земледельческие орудия, украшения, предметы одежды, элементы религиозного культа и др. В третьей, заключительной главе прослеживается динамика развития внешних и межрегиональных связей населения Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIV вв. Результаты территориального и хронологического анализа привозных предметов позволили автору определить географические направления торговых связей населения в домонгольское время, а именно тесные контакты с центральными землями Волжской Булгарии, Древней Русью, странами Востока, а в более поздние времена – с разными областями Золотой Орды.

Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья. Дис. ... канд. ист. наук.

Научный руководитель: к.и.н., с.н.с. Национального центра археологиче-

ских исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ А.А. Чижевский (г. Казань).

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск).

Официальные оппоненты: д.и.н., проф. кафедры археологии, древней и средневековой истории исторического факультета Башкирского гос. ун-та М.Ф. Обыденнов (г. Уфа); к.и.н., с.н.с. Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН С.В. Кузьминых (г. Москва).

Защита состоялась 29 ноября 2013 г.

Диссертант поставил своей целью реконструкцию хозяйственного уклада населения эпохи бронзы Волго-Камья на основе материалов, полученных в результате археологических исследований на памятниках срубной КИО, луговской и маклашеевской культур. В первой главе дан краткий очерк современного природно-географического состояния изучаемого региона и предпринята попытка реконструкции природной среды в эпоху поздней бронзы с привлечением данных палеоклиматологии и палинологии. Здесь же представлена историография проблемы.

Во второй главе рассматриваются производящие и присваивающие отрасли хозяйства эпохи поздней бронзы Волго-Камья. По мнению автора, основой производящего хозяйства в рассматриваемый период оставалось скотоводство; земледелие в регионе появляется во время существования луговской археологической культуры. Роль охоты, рыболовства и собирательства в хозяйстве была не существенна.

Третья глава посвящена изучению производственных отраслей хозяйства населения позднего бронзового века: металлургии и металлообработки меди и бронзы, керамического производства, ткачества, обработки камня, дерева, ко-

сти, кожи. Установлено, что металлургия меди и бронзы на первоначальном этапе развивается под воздействием срубного и андроновского металлургических очагов, а в дальнейшем испытывает заметное влияние общности культур валиковой керамики Евразии. В финале позднего бронзового века, судя по материалам памятников маклашеевской культуры, в регионе Волго-Камья появляется собственный очаг металлургии.

В заключение следует отметить также диссертацию, защищенную в нашем совете Д022.002.01 при Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ по специальности 07.00.02 – Отечественная история, которая представляет несомненный интерес и для археологов-булгароведов:

Мингазов Ш.Р. Великая Болгария и роль тюркоязычных болгарских племен в истории Европы. Дис. ... канд. ист. наук.

Научный руководитель: к.и.н., с.н.с. Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ И.Л.Измайлов (г. Казань).

Ведущая организация: ГУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ».

Официальные оппоненты: д.и.н., проф. ФГБОУ ВПО «Московский государственный педагогический университет» Е.С. Галкина (г. Москва), к.и.н., главный редактор издательства «Фэн» АН РТ Б.Л. Хамидуллин (г. Казань).

Защита состоялась 27 сентября 2013 г.

В диссертации рассматриваются процесс образования и становления Великой Болгарии, а также проблемы наследия тюркоязычных болгар в Центральной и Восточной Европе. Источниковую базу диссертации составляет широкий круг письменных источников раннесредневековых авторов, дополненных данными археологии, подробная

характеристика которых, наряду с отечественной и зарубежной историографией вопроса, включена в первую главу исследования. Вторая глава посвящена проблемам формирования державы хана Кубрата, описанию государственного строя, показу политико-правового своеобразия; здесь же рассматриваются вопросы, связанные с этническим составом населения и его верованиями. В заключительной главе исследуются причины распада Великой Болгарии и основные направления миграций бол-

гарских племен в Центральную и Восточную Европу. Основное внимание при этом уделено малоисследованной проблеме переселений болгар под предводительством ханов Алзеко и Кувера. Привлекает внимание попытка автора подтвердить сведения письменных источников археологическими материалами, в частности, могильников Северной Италии, в которых обнаружены погребения кочевников, которые западные исследователи приписывают болгарам.

Информация об авторе:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

DEFENCE OF THE DISSERTATIONS ON ARCHAEOLOGY FOR A DOCTOR'S AND CANDIDATE'S DEGREES AT INSTITUTE OF HISTORY NAMED AFTER SH. MARJANI OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2013

F.Sh. Khuzin

An overview of the theses in Archaeology defended in 2013 at the Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences, is presented in the article. Three theses were submitted for the conferment of Doctor's Degree (I.L. Izmailov, Yu.A. Zelenyev, A.G. Sitdikov), and seven – for the conferment of Candidate's Degree (M.L. Pereskokov, M.M. Zubareva, I.V. Molchanov, R.V. Matveyev, M.D. Kalmenov, K.M. Kireyeva, A.V. Lyganov). One thesis was defended specialized in Russian History, which is undoubtedly of interest to archaeologists engaged in Bulgar studies (Sh. R. Mingazov). A brief outline of the content of the submitted theses is offered; basic problems tackled in them are characterized. The latter are predominantly concentrated around issues of ethnogenesis, history and culture of the population of the Volga river region and adjacent territories during the Middle Ages and preceding periods: the Bronze Age and the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, the Volga river region, the Republic of Tatarstan, archaeological research, the Bronze Age, the Early Iron Age, the Middle Ages.

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member, Doctor of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

УДК 929:902

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ШИТОВ (1947–2013)

© 2013 г. Ю.А. Зеленева, О.В. Зеленцова

Статья посвящена памяти Виктора Николаевича Шитова (01.10.1947–31.10.2013), который на протяжении многих лет был интеллектуальным лидером археологов Республики Мордовия. Приводятся основные вехи его научной биографии. Первые самостоятельные исследования В.Н. Шитова связаны с Шокшинским могильником рязанско-окской культуры. С тех пор главной темой его исследований стала древнемордовская культура I тысячелетия н.э. В 1976 г. он стал научным сотрудником сектором археологии и этнографии Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Последний период его научной деятельности был связан с подготовкой и организацией издания многотомной «Археологии Мордовского края».

Ключевые слова: Поволжье, Республика Мордовия, В.Н. Шитов, археологические исследования, древнемордовская культура, могильники, вооружение.



После тяжелой и продолжительной болезни скончался Виктор Николаевич Шитов (01.10.1947–31.10.2013), который многие годы был для археологов Мордовии интеллектуальным лидером и без преувеличения научной совестью. Несмотря на то, что он не имел научных степеней и званий, его влияние на развитие археологии в Мордовии трудно преуменьшить. Про таких людей говорят – специалист от Бога. Именно таким археологом был Виктор Николаевич.

Призвание пришло рано, когда он еще учился в школе. Сложно сказать, почему школьник из отдаленного районного центра Мордовии – Большого

Игнатов, которое в те времена весной и осенью в полном смысле слова бывало отрезано от «большой земли», выбрал экзотическую для этих мест профессию. Скорее всего, повлияли какие-то вовремя прочитанные книги. Виктор Николаевич вспоминал, что еще школьником участвовал в раскопках Андреевского кургана, которыми руководил П.Д. Степанов. Еще сложнее понять, как вчерашний школьник смог овладеть основами профессии. Причем он быстро перерастал уровень своих учителей.

Обучаясь в Мордовском университете в 1966–1971 гг., он интересовался и занимался разными аспектами археологии, но главным направлением стали полевые исследования Шокшинского могильника. Раскопки проводились под руководством А.В. Циркина и не отличались хорошей методикой, что было отмечено и в Отделе полевых исследований Института археологии АН СССР. Студент Шитов считал своей обязанностью находиться на раскопках могильника и делать все для его нормального исследования. Есть все основания считать, что та часть могильника, которая раскопана в 60-х годах прошлого столетия, сохранила свою научную значи-

мость во многом благодаря самоотверженной работе В.Н. Шитова.

Впоследствии, уже став зрелым исследователем, он вернулся к этому памятнику, проведя тщательные раскопки, привел в порядок материалы ранних исследований. В настоящее время на Шокшинском могильнике исследовано более 1000 погребений. Полевые отчеты В.Н. Шитова являются работами, подготовленными к публикации с датировками и статистическими таблицами. Но, к сожалению, сам автор их не опубликовал, чем начали пользоваться недобросовестные «исследователи», которые просто перепечатывают материалы из его отчетов, выдавая созданную им статистику за свои подсчеты.

Раскапывая Шокшинский, Старокадомский могильники, изучая материалы других могильников, В.Н. Шитов создал подробную и качественную хронологию памятников I тысячелетия нашей эры. Им было обосновано утверждение о том, что Шокшинский могильник – это самый поздний из рязанско-окских могильников, что во многом раскрывает этнокультурные процессы в Среднем и Нижнем Поочье. Жаль, что все эти выкладки практически не были опубликованы.

Можно сказать, что Шокшинский могильник был для В.Н. Шитова основным жизненным приоритетом. После окончания Мордовского университета, когда встал вопрос о выборе направления на работу, он выбирает село Старую Качеевку Теньгушеского района Мордовии, т.е. место, максимально приближенное к Шокшинскому могильнику. Здесь он проработал год, открыв в окрестностях села множество памятников эпохи камня и бронзы. Результатом этих исследований стала сводка по неолиту и раннему металлу Примокшанья, которую он опубликовал в 1976 г. К тому времени ранние материалы в Мордовии практически не изучались и

данная работа вплоть до конца XX века оставалась основой знаний по этому периоду истории региона.

Работая сельским учителем, В.Н. Шитов поступает в заочную аспирантуру Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики. В 1972 году он перевелся на очное обучение. С тех пор и до 2007 года его жизнь была связана с этим научно-исследовательским учреждением. К 1976 году здесь им была написана диссертация по вооружению мордвы в I тысячелетии нашей эры. Диссертация получила положительный отзыв научного руководителя Г.А. Федорова-Давыдова и была рекомендована сектором археологии и этнографии МордНИИЯЛИЭ к защите, но автор на защиту выходить не стал. Сказалась высокая научная требовательность к результатам своих исследований. Виктор Николаевич посчитал, что он не обработал весь материал, говорил, что ему оказались недоступны материалы Моршанского музея, хотя это составляло очень небольшую часть от уже обработанных данных и их включение не изменило бы общей картины. К тому же, по его мнению, методика его работы мало чем отличалась от существовавших тогда оружейведческих исследований, что не приносило прорыва в изучение древнего оружия. В результате осталась рукопись с очень хорошей сводкой оружия мордвы I тыс. н.э., которое хорошо продатировано, и были сделаны выводы социального характера. На наш взгляд, публикация этой рукописи даже в настоящее время имела бы большое значение для археологии мордвы.

В.Н. Шитов обладал энциклопедическими знаниями по археологии и ранней истории Мордовии, которые базировались на отличном знании археологической литературы. Уже тогда он собрал богатую археологическую библиотеку. В Саранске она уступала только библиотеке Мордовского уни-

верситета. Всё это позволяло ему быть специалистом по любому археологическому периоду и выполнять работы на очень высоком уровне. Так, раскопав несколько курганов эпохи бронзы, он подготовил статьи, которые упорядочивали наши представления по этой тематике.

Последний период его творчества был связан с подготовкой и изданием томов «Археологии Мордовского края». Им была продумана структура издания и при его непосредственном участии отбирались материалы для этого обобщающего труда. При его жизни из печати вышел только первый том «Каменный век. Эпоха бронзы». В.Н. Шитов был одним из редакторов тома и написал очень важную, имеющую самостоятельное значение главу «История изучения археологических памятников Мордовского края», а так-

же разделы по абашеской культуре, срубной культурно-исторической общности и по памятникам аким-сергеевского типа, которые были открыты и выделены им еще в 70-е годы прошлого века. Во многом благодаря В.Н. Шитову первый том «Археологии Мордовского края» был подготовлен и издан на хорошем профессиональном уровне, а его отход от работы негативно сказался на издании последующих томов. За первый том «Археологии Мордовского края» В.Н. Шитов вместе с В.В. Ставицким получил Государственную премию Мордовии.

Археология Мордовии и в Мордовии развивается и стремится отвечать современным вызовам. Есть люди, которые работали с В.Н. Шитовым и многое восприняли от него в профессиональном и человеческом плане, но очень жаль, что его уже нет с нами.

Информация об авторах:

Зеленев Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); y_zeleneev@mail.ru

Зелентова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); olgazelentsova2010@yandex.ru

VICTOR NIKOLAEVICH SHITOV (1947–2013)

Yu.A. Zeleneev, O.V. Zelentsova

The article is dedicated to the memory of Victor Nikolaevich Shitov (October 1, 1947-October 31, 2013), who had been the intellectual leader of the archaeologists of the Republic of Mordovia for many years. The basic stages of his scientific biography are elucidated. The first independent studies conducted by V.N. Shitov were associated with the Shoksha burial ground referring to the Ryazan-Oka culture. Since then, the ancient Mordovian culture of the 1st millennium AD had been playing the dominant role in his studies. In 1976, V.N. Shitov became a research fellow of the sector of Archeology and Ethnography, the Mordovian Research Institute of language, literature, history and economics. The last period of his scientific activity was connected with the preparation and organizational work on the multi-volume edition “The archaeology of the Mordovian land.”

Keywords: the Volga river region, the Republic of Mordovia, V. N. Shitov, archaeological research, ancient Mordovian culture, burial grounds, weapons.

About the Authors:

Zeleneev Yuriy A. Doctor of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square St., 1, Yoshkar-Ola 424000, the Mari El Republic, Russian Federation; y_zeleneev@mail.ru

Zelentsova Olga V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; olgazelentsova2010@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМЗ – Азовский музей-заповедник
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ГБУК БГИАПМЗ – Государственное бюджетное учреждение культуры Биллярский Государственный историко-археологический и природный музей-заповедник
ГИМ – Государственный Исторический музей
ЕГУ – Елецкий государственный университет
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖМГИ – Журнал Министерства государственных имуществ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. – Известия
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
КазГУКИ – Казанский государственный университет культуры и искусств
КИО – культурно-историческая общность
ККГУ – Каракалпакский государственный университет
ККФАН Уз. ССР – Каракалпакский филиал Академии наук Узбекской ССР
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
КС – культурный слой
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет
МГУТУ – Московский государственный университет технологий и управления
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МОиН – Министерство образования и науки
МордНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
Н. Новгород – Нижний Новгород

- НАН – Национальная академия наук
 НИИГН – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 НС – Нумизматический сборник
 НТ – Научный Татарстан. Казань
 НЦАИ – Национальный центр археологических исследований им. А.Х. Халикова
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
 ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.; Пг.
 ПА – Поволжская археология. Казань
 р.п. – районный поселок
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук
 РМ – Республика Мордовия
 РТ – Республика Татарстан
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников
 СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья
 СОМК – Саратовский областной музей краеведения
 СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
 СЭ – Советская этнография. М.
 ТА – Татарская археология. Казань
 Тат. кн. изд-во – Татарское книжное издательство
 ТМНК – Труды международной нумизматической конференции. М.
 Тр. – Труды
 ТРЦ – торгово-ремесленные центры
 УрО – Уральское отделение
 Уч. зап. Саратов. гос. ун-та – Ученые записки Саратовского государственного университета
- ФГАОУ ВПО – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования
 ФГБОУ ВПО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
 ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
 Чел. ГУ – Челябинский государственный университет
 ЭВ – Эпиграфика Востока
 ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS (Издательская компания Elsevier, Нидерланды) основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.). При выборе статей редакцией журнала предпочтение будет отдано проблемным статьям и публикациям новых данных. **Предлагаемые статьи нигде ранее не должны быть опубликованы.**

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Авторы гарантируют отсутствие автоплагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Редакция журнала отдает предпочтение публикациям, имеющим ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Требования по оформлению статей

Статья принимается в электронном варианте. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить:

- УДК статьи;
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN);
- Аннотация (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- Текст статьи – общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более 8–10 иллюстраций); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;
- Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала

нала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.);

– Список литературы на английском языке (**References**);

– Иллюстрации в виде отдельных файлов в формате TIF, JPG с разрешением не меньше 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– Сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания:

Аннотация должна быть:

1) информативной (не содержать общих слов);

2) содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

Аннотация и ключевые слова на английском языке должны:

1) быть написанными качественным английским языком;

2) максимально точно передавать смысл русскоязычных аннотации и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

В целом, аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины.

Для раздела «**Заметки**» допустимый объем присланной работы не должен превышать 15 тыс. знаков.

Некрологи, материалы о конференциях и юбилеях, публикующиеся в разделе «**Хроника**», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Библиографические ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

При оформлении **пристатейного списка литературы** сначала приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Список литературы на английском языке (References) – это комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

1. Petrenko A.G. Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya [Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Volga region and the Fore-Urals]. Moscow, "Nauka" Publ., 1984, 174 p.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

2. Pletneva S.A. Ot kocheviy k gorodam [From nomadic migrations towards the towns] / *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]*. Moscow, "Nauka" Publ., 1967, no 142, 198 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // *Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1.* – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – С.63–133.

1. Asylgaraeva G.Sh. Morfologicheskie issledovaniya srednevekovykh arkheozoologicheskikh materialov iz arkheologicheskikh raskopok Kazanskogo kremlya [Morphological researches of medieval archaeozoological materials from archaeological excavations of the Kazan kremlin]. In: A.G. Petrenko, ed. *Arkheologiya i estestvennyye nauki Tatarstana [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]*. Kazan, Kazan University Publ., 2003, book 1, pp. 63–133.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования артефактов эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 227. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 174–181.

2. Galimova M.Sh., Churbanov A.A. Arkheomineralogicheskie issledovaniya artefaktov epokhi kamnya Volgo-Kamya [Archaeomineralogical investigations of the Stone Age in the Volga-Kama region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications by Institute of Archaeology]*. Moscow, "Yazyki slavyanskoy kul'tury" Publ., 2012, issue 227, pp. 171–181.

Описание материалов конференций:

1. *Динамика современных экосистем в голоцене:* Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Казань: Отечество, 2013. – 364 с.

1. *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene.* Materialy Tre'tey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene: Proceedings Third Russian Scientific Conference (with International Participation) / I.V. Askeev, D.V. Ivanov, ed.]. Kazan, "Otechestvo" Publ., 2013, 364 p.

2. *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – С.191–193.

2. Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. O korrektyrovke absolyutnoy khronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [Concerning correction of absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic Ages of the Northern Caspian Sea region]. In: *Trudy II (XVIII) VAS v Suzdale [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress at Suzdal]*. Moscow, Institute of Archaeology RAS, 2008, pp. 191–193.

Описание статьи из журнала:

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // *Поволжская археология.* – 2012. – № 1. – С. 216–237.

1. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhiivotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkheozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII trench of town Bolgar: some new methods of archaeological-zoological materials processing and appraisal]. In: *Povolzhskaya arkheologiya [Volga river region Archaeology]*, 2012, no. 1, pp. 216–237.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Образец оформления статьи

УДК 903.02

**НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ
ЭПОХИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА**

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Аннотация на русском языке.

Ключевые слова: на русском языке.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа (Тр. ГЭ). – Т. LIII. – СПб., 2010. – С. 180–195.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); earmarchuk@yandex.ru

Список сокращений

Список иллюстраций

**NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS
OF THE ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH**

E.A. Armarchuk

Summary (на английском языке).

Keywords: (на английском языке).

REFERENCES

1. Armarchuk E.A. Khristianskiy khram na gore Sakharnaya Golovka pod Adlerom: planirovka i stroitelnye osobennosti [Christian church on the mountain Sakharnaya Golovka near Adler: layout and construction features]. In: *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Tr. GE) [Byzantine architecture and ancient Rus IX–XII centuries. Proceedings of the State Hermitage]*. St. Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 180–195.

Information about the author:

Armarchuk Ekaterina A., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); earmarchuk@yandex.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.



Уважаемые коллеги!

В 2006 г. в России была возобновлена традиция проведения Всероссийских археологических съездов как крупнейших форумов для обсуждения проблем археологической науки. Съезды, состоявшиеся в 2000-х гг. в Новосибирске, Суздале, Старой Русе, собрали сотни участников и стали значительными событиями в научной жизни России.

Археологический съезд в современном археологическом сообществе – это возможность представить результаты важнейших научных проектов, инициировать дискуссию по наиболее актуальным междисциплинарным проблемам, придать новые импульсы консолидации археологов России и преодоления региональной разобщенности при исследовании крупных культурных общностей древности и средневековья.

Проведение IV (XX) Всероссийского археологического съезда планируется в Казани 20–25 октября 2014 г.

Работа съезда будет организована по следующим направлениям:

1. *Формирование и развитие культурных традиций в палеолите Евразии.*
2. *Культурные процессы в неолите Евразии.*
3. *Проблемы археологии бронзового века Евразии.*
4. *Культурные общности скифо-сарматского мира и античности.*
5. *Культурно-исторические процессы в Евразии в раннем железном веке и средневековье.*
6. *Археология средневековой Руси.*
7. *Археологическое изучение средневекового города.*
8. *Археологическое изучение Золотой Орды.*
9. *Археологические материалы как источники для изучения этнической истории.*
10. *Проблемы изучения первобытного искусства.*
11. *Палеоэкологические факторы в истории древних и средневековых обществ.*
12. *Мультидисциплинарные подходы в изучении древних и средневековых технологий и производств.*
13. *Сохранение археологического наследия в современной России.*
14. *Теоретические проблемы археологии и история археологических исследований.*
15. *Компьютерные технологии в археологии.*
16. *Современные методы полевых археологических исследований.*
17. *Археология в образовании и музейном строительстве.*

В рамках каждого направления будут работать отдельные секции, сформированные после сбора заявок от потенциальных участников съезда. Часть выступлений планируется представить в форме стендовых докладов.

Новой идеей готовящегося съезда станет возможность организовать на конкурсной основе работу **инициативной секции**. Предполагается утвердить три инициативные секции, работа которых будет организована параллельно с остальными секциями съезда. Дискуссия на инициативных секциях может придать новые импульсы обсуждению ключевых археологических проблем и высветить наиболее актуальные направления исследований в отечественной науке.